КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

1902 г.

МАЙ.

КІЕВЪ
Типографія Императорскаго университета св. Владиміра
Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6.
1902.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. АЛЕКСАНДРЪ МАТВѢЕВИЧЪ ЛАЗАРЕВСКІЙ. (Некрологъ). . . . . I—XIX
II. ПОХОРОНЫ А. М. ЛАЗАРЕВСКАГО (Впечатлѣнія очевидца). *Л. Б.* . . . . . XX—XXVIII
III. НА МОГИЛѢ А. М. ЛАЗАРЕВСКАГО. (Въ 20-й день по его кончинѣ). *С. П.* . . . . . XXIX—XXX
IV. ТРУДЫ А. М. ЛАЗАРЕВСКАГО. (Хронологическій указатель и ключъ къ нему). *С. П.* . . . . . XXXI—LII

Отдѣлъ I.

I. СОРОКЪ ЛѢТЪ. (Народная малороссійская легенда) *Н. И. Костомарова* . . . . . 173—207
II. „УЧИТЕЛЬ ДРУЖИЩЕ". (Школьныя воспоминанія). *Свящ. Г. П. Сорокина* . . . . . 208—229
III. СНОМЫНКИ. *Е. Ш.* . . . . . 230—243
IV. ИСТОРІЯ КІЕВСКОЙ ВТОРОЙ ГИМНАЗІИ. (Продолженіе). *Н. Тумасова* . . . . . 244—268
V. МАЛОРУССКІЕ НАРОДНЫЕ ПОВѢРЬЯ И РАЗСКАЗЫ О ПЯТНИЦѢ. *В. Милорадовича* . . . . . 269—281
VI. ТРЫ СЕСТРЫ, ЦАРЕВЫЧЪ, СТЕПЪ И МОРЕ. Народная сказка. Сообщ. *Ц. Г. Неймана* . . . . . 282—300
VII. КОБЗАРЬ МИХАЙЛО КРАВЧЕНКО И ЕГО ДУМЫ. *А. Г. Сластіонова* . . . . . 301—331

Отдѣлъ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ исторіи учрежденія Кіевскаго и другихъ Центральныхъ архивовъ (2 апр. 1852 г.). *О. Л.* б) Письмо царицы Екатерины къ кіевскому митрополиту Іоасафу Кроковскому. Сообщ. *Д. Вишневскій.* в) Рѣдкая книжка. *П. Б.*; г) Сельская сатира. Сообщ. *В. Доманицкій*; д) Маляръ-стихотворецъ. *П. Клебановскій*; в) По поводу статьи Ц. Г. Неймана о Бондаривнѣ. *Б. Познанскаго;* ж) Варіанты къ пѣснѣ о Бондаривнѣ; з) Мелочи изъ архивовъ Юго-западнаго края. Сообщ. А. Мѣрдеръ. . . 81—102
ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ. . . . . 102—120
II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Полтавская епархія въ ея прошломъ (до открытія епархіи въ 1803 г.) и настоящемъ. *О. Л.*; б.) Отчетъ Императорской Археологической Комиссіи за 1898 годъ. *Б.*; в) Кіевское Общество сельскаго хозяйства и сельско-хозяйственной промышленности за 25-лѣтіе съ 1876 по 1901 г. *Л. С. Л.*; г) Обзоръ журналовъ текущаго года; д) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ . . . . . 121—147
III. АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ . . . . . 148—156

Дозволено цензурою. Кіевъ, 5 апрѣля 1902 года.

Александръ Матвѣевичъ Лазаревскій.

(Некрологъ).

31 марта, въ 4½ часа пополудни, въ Кіевѣ умеръ извѣстный историкъ Малороссіи Александръ Матвѣевичъ Лазаревскій.

Для «Кіевской Старины» это—тяжелая, незамѣнимая утрата. Покойный былъ постояннымъ сотрудникомъ нашего журнала съ самаго основанія его въ 1882 году, и читатели «Кіевской Старины» привыкли видѣть, особенно за послѣднее десятилѣтіе, почти въ каждой книжкѣ журнала статьи, документы или изслѣдованія, подписанныя именемъ покойнаго, или чаще его неизмѣнными иниціалами А. Л.

Но Александръ Матвѣевичъ не только былъ усердным сотрудникомъ «Кіевской Старины»: онъ былъ «вѣрнымъ другомъ» ея, въ самомъ благородномъ значеніи этого слова. Онъ раздѣлялъ ея радости, онъ болѣлъ ея горестями. Рѣдко кто изъ читателей «Кіевской Старины» ожидалъ съ такимъ нетерпѣніемъ выхода новой книжки, какъ Александръ Матвѣевичъ, рѣдко кто раньше его прочитывалъ эту книжку съ такимъ вниманіемъ, такъ огорчался по поводу малѣйшаго въ ней недосмотра или промаха и съ такой радостью встрѣчалъ хорошія статьи. Во всемъ этомъ сказывалось одно: любовь къ своему дѣтищу—журналу. Въ изданіи «Кіевской Старины» А. М-чъ видѣлъ долгъ интеллигенціи предъ обществомъ

и всегда гордился той полкой въ своей библіотекѣ, на которой помѣщались 76 томовъ «Кіевской Старины».

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ понесенной утраты, мы можемъ лишь скорбѣть о томъ, что безжалостная судьба такъ неожиданно отняла у нашей родины одного изъ лучшихъ и талантливѣйшихъ сыновъ ея и работниковъ, но должны отложить до другого времени оцѣнку научныхъ и общественныхъ заслугъ покойнаго, равно какъ и вообще оцѣнку его оригинальной, даровитой и необыкновенно благородной личности. Такая оцѣнка—прежде всего долгъ нашей любви и благодарной признательности къ почившему, и мы надѣемся представить на страницахъ нашего журнала рядъ очерковъ и воспоминаній, посвященныхъ его памяти. Теперь же ограничиваемся тѣмъ, что помѣщаемъ некрологъ Ал. М-ча, описаніе его похоронъ и хронологическій перечень его печатныхъ трудовъ.

А. М. Лазаревскій родился 8 іюня, 1834 года, въ с. Гирявкѣ, конотопскаго уѣзда, черниговской губерніи. Отецъ его, Матвѣй Ильичъ, служилъ въ то время въ Конотопѣ. Мальчикъ жилъ въ деревнѣ съ матерью, которой былъ обязанъ своимъ начальнымъ развитіемъ. Она же первая стала обучать его и грамотѣ по складамъ. «Каждый день вооружался я «указкой» изъ нехворощаного вѣника и училъ склады»—разсказываетъ объ этомъ времени въ своихъ автобіографическихъ замѣткахъ Ал. М-чъ. «Ученіе поощрялось тѣмъ, что мать брала меня съ собою иногда на ярмарки—конотопскую и роменскую, на которыхъ покупались игрушки въ родѣ дрожекъ, запряженныхъ парою лошадей съ кучеромъ и баріномъ». Лазаревскіе вели замкнутый образъ жизни; въ гости ѣздили мало, близкихъ отношеній съ сосѣдями у нихъ не было. Александръ Матвѣевичъ росъ одинокимъ. «Сверстниковъ мальчиковъ у меня вовсе не было—говоритъ онъ,—исключая одного дворового, съ которымъ, впрочемъ, я подружился уже позже, лѣтъ въ десять. Младшій братъ Иванъ, будучи моложе меня двумя годами, былъ малъ, когда мнѣ было

6—7 лѣтъ, а старшій Яковъ въ это время уже учился въ конотопскомъ уѣздномъ училищѣ. Поэтому дѣтство мое проходило довольно скучно».

Въ 1842 году Ал. М-ча отвезли въ Харьковъ къ брату Ѳедору, и съ этого времени начинается его долгая, на диво скитальческая жизнь, продолжавшаяся собственно говоря до переселенія въ Кіевъ, въ 1880 г. До тѣхъ поръ ему не сидѣлось обыкновенно на одномъ мѣстѣ. Можетъ быть, эту черту въ немъ развили его юношескіе годы.

Братъ Ал. М-ча Ѳедоръ былъ въ 1840-хъ годахъ студентомъ Харьковскаго университета, и Ал. М-ча отвезли къ нему учиться, такъ какъ дома учить было некому. Онъ прожилъ въ Харьковѣ два года, ничего не дѣлая: братъ не обращалъ на него никакого вниманія, не занимался съ нимъ, и мальчикъ жилъ безъ всякаго надзора. Въ 1844 году А. М-чъ возвратился, наконецъ, домой и былъ отданъ въ первый классъ конотопскаго уѣзднаго училища, гдѣ пробылъ до февраля 1846 года, когда изъ 2-го класса былъ взятъ домой. Оказалось, что онъ былъ записанъ кандидатомъ въ кадеты Дворянскаго полка, и родители рѣшили отправить его заранѣе въ Петербургъ. Кстати туда ѣхалъ самый старшій братъ А. М-ча, Василій. Онъ окончилъ уже университетъ, скопилъ себѣ денегъ на кондиціяхъ и отправлялся искать счастья въ столицѣ.

24 февраля 1846 года братья выѣхали изъ Гирявки. Разница между ними была въ 17 лѣтъ, близости не было; двухнедѣльное путешествіе до Петербурга и теплыя заботы брата сблизили ихъ, и это въ значительной степени смягчало для А. М-ча горечь разлуки съ матерью и съ родиной. Впослѣдствіи А. М-чъ всегда съ сердечной теплотой и глубокой благодарностью вспоминалъ о братѣ Василіи Матвѣевичѣ, которому онъ, какъ и остальные братья, былъ многимъ обязанъ.

Въ Петербургъ братья пріѣхали въ началѣ марта 1846 года. Василій М-чъ, увлеченный новой жизнью въ столицѣ, новыми знакомствами, обращалъ на младшаго брата мало вниманія. Мальчикъ снова оставался, какъ и въ Харьковѣ, безъ присмотра, хо-

дилъ по городу, глазѣлъ на все и почти ничѣмъ не занимался. Кончилось это тѣмъ, что въ Дворянскій полкъ онъ экзамена не выдержалъ. Оставаться ему въ Петербургѣ не имѣло смысла; возвратиться же въ Малороссію для двѣнадцатилѣтняго мальчика было затруднительно.

Василій Матвѣевичъ попробовалъ было въ Петербургѣ заниматься литературнымъ трудомъ и этимъ добывать себѣ средства къ жизни. Когда это оказалось нелегко, онъ сталъ подумывать о поступленіи на службу. Братья Михаилъ и Ѳедоръ Матвѣевичи служили въ это время въ Оренбургѣ, въ Коммиссіи, вѣдавшей кочевавшихъ около Оренбурга киргизовъ, и стали звать его туда. Въ 1847 году Василій Матвѣевичъ переѣхалъ въ Оренбургъ и взялъ съ собою и Александра, такъ какъ его не на кого было оставить въ Петербургѣ.

Василій Матвѣевичъ пробылъ въ Оренбургѣ недолго, всего нѣсколько мѣсяцевъ. Зимою 1847 года генералъ Ладыженскій, вѣдавшій оренбургскихъ киргизовъ, отправился по службѣ въ Петербургъ и взялъ съ собою Василія Матвѣевича. Послѣдній познакомился во время этой поѣздки съ Далемъ, понравился ему и чрезъ его посредство поступилъ на службу къ министру внутреннихъ дѣлъ Перовскому. Александръ Матвѣевичъ же оставался въ Оренбургѣ у брата Ѳедора, ожидая случая переправиться въ Петербургъ, гдѣ онъ долженъ былъ жить у брата.

Прошло полгода; случая не представлялось, и мальчикъ продолжалъ оставаться безъ дѣла въ Оренбургѣ. Впрочемъ, пребываніе его здѣсь не осталось для него безслѣднымъ. «Въ это время (разсказываетъ онъ въ своей автобіографіи) я началъ уже почитывать книги, преимущественно старые журналы. Мнѣ попалась въ руки Исторія Малороссіи, кажется, Бантышъ-Каменскаго, прочитывая которую, я сталъ интересоваться исторіей той Малороссіи, названіе которой слыхалъ изъ устъ земляковъ какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Оренбургѣ, но хорошенько не понималъ, что это за Малороссія. Въ это же время сталъ ко мнѣ ходить учитель, одинъ изъ сосланныхъ въ оренбургскіе батальоны поляковъ, которыхъ вообще было тогда немало въ Оренбургѣ.....

Со многими вопросами по исторіи Малороссіи я обращался къ нему, но учитель какъ-то мало удовлетворялъ мое любопытство. Между тѣмъ Малороссія возбуждала мое любопытство и тѣми малороссійскими пѣснями, которыя пѣли въ Оренбургѣ земляки и изъ которыхъ многія были привезены туда Шевченкомъ, прожившимъ въ этомъ городѣ нѣсколько мѣсяцевъ до перевода его въ Орскую крѣпость».

Тогда, очевидно, зародилась у Александра Матвѣевича та любовь къ родинѣ, къ ея быту, прошлому, которая составляла характерную особенность его личности, и это чувство въ немъ не только не угасало съ годами, но, можно сказать, непрерывно росло и увеличивалось до самой его смерти.

Изъ Оренбурга А. М. Лазаревскій выбрался только лѣтомъ 1848 года и выбрался въ довольно оригинальной обстановкѣ. Въ Самару шелъ обозъ въ нѣсколько десятковъ подводъ и съ нимъ отправлялась въ Петербургъ дешевымъ способомъ семья какого-то майора. Семьѣ этой и поручили доставить въ столицу А. М. Лазаревскаго. Предстояло, такимъ образомъ, томительное, безконечное путешествіе. Впрочемъ, оно было скоро прервано. Въ Самару путешественники прибыли въ разгаръ свирѣпствовавшей тогда холеры, и Лазаревскій остался въ семьѣ Арсенія Ѳедоровича Бѣлокрысенка, университетскаго товарища его старшаго брата Василія. Прожилъ онъ здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ ничего не дѣлая, занимаясь только ловлей рыбы на Волгѣ. Осенью, наконецъ, случилась оказія въ Петербургъ, и А. М. предпринялъ довольно оригинальное путешествіе. Офицеръ оренбургскаго козачьяго войска Соколовъ велъ въ Петербургъ человѣкъ пятнадцать козаковъ-артиллеристовъ, которые ѣхали туда на обывательскихъ подводахъ. «Съ нимъ отправили и меня—разсказываетъ А. М-чъ. Путешествіе это было превеселое. Соколову было лѣтъ двадцать, и помню, что онъ всѣ свои впечатлѣнія, свое горе и свои радости часто повѣрялъ мнѣ, какъ товарищу. Съ подчиненными своими онъ обращался очень дружелюбно, и тѣ превозносили своего командира. Напиваясь нерѣдко до-пьяна, козаки горланили, сидя на обывательскихъ подводахъ:

Командиръ нашъ Соколовъ,
Онъ служитъ съ нами готовъ...

Купивъ у одного козака фуражку, я также преобразился въ козака, при чемъ просилъ, чтобы и мнѣ, какъ другимъ, отводилась на стоянкахъ квартира въ крестьянскихъ избахъ. Соколовъ этому желанію не противорѣчилъ, и я былъ предоволенъ, когда крестьянскія бабы выражали ко мнѣ особое сочувствіе, что вотъ молъ какого молодого козаченька везутъ уже на службу».

Въ Новой-Ладогѣ Лазаревскому пришлось проститься съ козаками, такъ какъ тамъ стояла ихъ батарея, и до Петербурга онъ путешествовалъ уже одинъ, по подорожной «недоросля изъ дворянъ». Ѣхать приходилось часто ночью, и юноша натерпѣлся немало страха.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, А. М—чъ снова сталъ болтаться безъ дѣла, такъ какъ братъ Василій не зналъ, что съ нимъ дѣлать, и боялся, что содержаніе его въ учебномъ заведеніи будетъ непосильно для отца въ матеріальномъ отношеніи. Александра М—ча помѣстили сначала у одного изъ гувернеровъ 2-й гимназіи, пока, наконецъ, не рѣшили отдать его въ гимназію. Въ то время ему шелъ уже 16-й годъ, подготовленъ онъ былъ крайне плохо, такъ какъ у гувернера 2-й гимназіи Прейса, гдѣ онъ въ послѣднее время жилъ, обращалось почти исключительное вниманіе на французскій языкъ; другіе же предметы оставались въ полномъ загонѣ. Началось усиленное приготовленіе къ экзамену, и въ февралѣ 1850 года Лазаревскій былъ наконецъ принятъ въ 3-й классъ 2-й Петербургской гимназіи. Въ гимназіи онъ оставался до 1855 года, причемъ всѣ предметы ему легко давались, кромѣ математики. Любовь къ Малороссіи, пробужденная еще въ Оренбургѣ, получила у А. М—ча въ старшихъ классахъ гимназіи болѣе опредѣленный характеръ: онъ сталъ интересоваться ея исторіей, бытомъ, и еще будучи гимназистомъ съ 1853 года сталъ печатать въ «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» замѣтки по исторіи своей родины. Съ тѣхъ поръ начинается его непрерывная литературная дѣятельность, какъ изслѣдователя малорусской старины. Въ освѣщеніи послѣдней онъ видѣлъ главное

призваніе своей жизни и куда впослѣдствіи судьба его ни забрасывала, въ какое положеніе ни ставила, онъ всегда находилъ время для своихъ любимыхъ занятій исторіей Малороссіи.

Въ Петерб. университетѣ, на историко-филологическомъ факультетѣ, А. М—чъ пробылъ 4 года; но университетъ, кажется, мало далъ ему. На лекціяхъ Н. Г. Устрялова по русской исторіи онъ, какъ самъ сознается, ни разу не былъ. Болѣе другихъ изъ профессоровъ онъ сблизился съ М. И. Сухомлиновымъ, съ которымъ дружественныя отношенія сохранялись у него до смерти послѣдняго. Подъ вліяніемъ М. И. Сухомлинова была написана А. М—чемъ работа о хронографахъ. М. И. Сухомлиновъ предлагалъ ему даже остаться при университетѣ, но онъ рѣшительно отклонилъ это, считая себя неспособнымъ къ профессурѣ.

Главныя занятія А. М—ча въ университетѣ были посвящены исторіи Малороссіи. Въ 1858 году онъ, еще будучи студентомъ, напечаталъ «Указатель для изученія малороссійскаго края». Это очень тщательно составленный хронологическій перечень матеріаловъ для изученія Малороссіи, показывающій въ авторѣ хорошее знакомство съ литературой предмета. Кружокъ малороссовъ и лицъ, сочувствовавшихъ малорусскому народу и его духовному развитію, сгруппировавшійся въ то время въ Петербургѣ, еще болѣе способствовалъ укрѣпленію въ А. М—чѣ интереса къ родинѣ. Къ этому времени подоспѣло возвращеніе въ Петербургъ Т. Г. Шевченка, бывавшаго чуть не ежедневно въ квартирѣ старшаго брата А. М—ча, гдѣ и онъ проживалъ. Когда стала издаваться «Основа», А. М—чъ примкнулъ къ ней и напечаталъ тамъ цѣлый рядъ статей. Онъ, между прочимъ, былъ при смерти Т. Г. Шевченка и описалъ его послѣдніе часы и его дѣтство, по разсказамъ сестры. По смерти Шевченка, А. М—чъ вмѣстѣ съ Честаховскимъ поѣхалъ провожать его тѣло въ Малороссію, на мѣсто его вѣчнаго упокоенія возлѣ г. Канева [1]) Народническое увлеченіе того времени захватило и А. М—ча. У семьи его есть

---

[1]) Отрывки изъ воспоминаній объ этомъ путешествіи напечатаны Ал. М—чемъ въ «Кіев. Ст.».

нѣсколько портретовъ Ал. М—ча въ малорусскомъ національномъ костюмѣ. Такъ одѣвалась тогда молодежь, желавшая ближе стать къ народу. Какъ разъ въ то время подоспѣла крестьянская реформа. Все лучшее отозвалось на нее, и Ал. М—чу захотѣлось послужить «великому дѣлу», какъ онъ всегда называлъ освобожденіе крестьянъ. Онъ бросилъ столицу и переѣхалъ къ себѣ на родину, въ Черниговскую губернію.

До сихъ поръ офиціальное его положеніе складывалось такимъ образомъ:

«По окончаніи полнаго курса наукъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ со степенью кандидата,—говоритъ его формулярный списокъ,—въ службу вступилъ въ С.-Петербургское губернское правленіе канцелярскимъ чиновникомъ 1859 г. сентября 15. Указомъ Правительствующаго Сената отъ 18 мая 1860 г. за № 120 утвержденъ въ чинѣ коллежскаго секретаря со старшинствомъ со дня вступленія въ службу. Приказомъ по вѣдомству м-ва народ. просв. за № 17 22 іюня 1860 г. перемѣщенъ чиновникомъ Археографической коммиссіи, состоящей при департаментѣ народнаго просвѣщенія». Кажется, въ это именно время Ал. М—чъ былъ библіотекаремъ у графа А. С. Уварова и составилъ описаніе его рукописей.

«Въ началѣ марта 1861 года,—разсказываетъ онъ въ своихъ «Отрывкахъ изъ черниговскихъ воспоминаній» [1])—неожиданно появились въ С.-Петербургѣ въ продажѣ Положенія 19 февраля 1861 года. Всѣ бросились читать этотъ—давно уже тогда ожидаемый актъ. Когда я прочелъ «Общее положеніе», въ которомъ излагались общія начала уничтоженія крѣпостного права, а затѣмъ и другія «Положенія», меня обуяла великая охота самому попасть въ число тѣхъ, которые призывались для «приведенія въ дѣйствіе» великаго закона; казалось, что всѣ молодыя силы отдалъ бы этому дѣлу,—такъ оно было свѣтло и радостно... Но, увы, главными исполнителями по приведенію въ дѣйствіе закона 19 февраля 1861 года являлись мировые посредники, которые вы-

[1]) Кіевская Старина, 1901 г. мартъ и апрѣль.

бирались изъ мѣстныхъ дворянъ, съ извѣстнымъ образовательнымъ и земельнымъ цензомъ; я же хотя и имѣлъ цензъ по черниговской губ., но не жилъ на мѣстѣ, недавно лишь окончилъ одинъ изъ столичныхъ университетовъ, далекій отъ родины. Разсчитывать попасть въ число избранныхъ я не могъ... Но кромѣ посредниковъ, въ имѣвшихъ образоваться крестьянскихъ учрежденіяхъ оказалась должность, на которую я имѣлъ уже болѣе доступное для меня право. Въ «Положеніяхъ» говорилось, что въ «Съѣздѣ» мировыхъ посредниковъ участвуетъ, кромѣ уѣзднаго предводителя дворянства, еще и «членъ отъ правительства»; функціи этой должности въ законѣ не опредѣлялись, но затѣмъ практика выработала изъ этой должности нѣкоторое подобіе теперешнему товарищу прокурора, участвующему въ «Съѣздахъ» мировыхъ судей. Намѣтивъ себѣ эту должность, я сталъ думать о способахъ къ ея полученію. И тутъ не было у меня почти никакихъ шансовъ»... Благодаря нѣкоторымъ знакомствамъ, Ал. М—чу удалось обратиться за поддержкой къ бывшему тогда тов. министра внутр. дѣлъ Н. А. Милютину. Послѣдній написалъ письмо о немъ къ новому черниговскому губернатору кн. С. П. Голицыну, сочувственно относившемуся къ крестьянскому дѣлу, и Ал. М—чъ 11 августа 1861 года былъ назначенъ «членомъ отъ правительства въ Черниговскую губернію».

Съ этихъ поръ вся его остальная судьба и жизнь проходитъ въ провинціи, на родинѣ въ Малороссіи, разработкѣ исторіи которой онъ посвятилъ свои лучшія силы и большую часть своей жизни. Одинъ годъ только служилъ Ал. М—чъ внѣ предѣловъ Малороссіи: это—когда въ 1879 году онъ былъ назначенъ товарищемъ предсѣдателя курскаго суда. Впрочемъ, въ Курскѣ Ал. М—чъ «томился» не долго: чрезъ годъ, какъ увидимъ ниже, или даже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего назначенія, онъ былъ уже въ Кіевѣ, куда давно стремился.

Членомъ отъ правительства въ Съѣздѣ мировыхъ посредниковъ А. М—чъ оставался до 1863 года, когда, съ введеніемъ въ Черниговской губерніи акцизной системы, перешелъ на службу въ акцизное вѣдомство и былъ назначенъ надзирателемъ акциз-

ныхъ сборовъ сначала 3-го, а въ 1864 г.—4 округа Черниговской губерніи. Въ 1865 году мы видимъ его уже секретаремъ черниговскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и секретаремъ черниговскаго губернскаго статистическаго комитета; въ 1866 году—правителемъ канцеляріи черниговскаго губернатора. Въ 1868 году Ал. М—чъ былъ назначенъ совѣтникомъ черниговскаго губ. правленія, но оставилъ службу, не вступая въ должность, и снова перешелъ въ акцизъ надзирателемъ 8 округа. Въ то время въ Полтавской губерніи вводились Судебные Уставы 1864 года, и Ал. М—чъ 7 ноября 1868 г. былъ назначенъ членомъ полтавскаго окружного суда. Не долго онъ, по обыкновенію, оставался и въ Полтавѣ. Въ 1872 году вышелъ въ отставку, принялъ частную должность члена оцѣнщика полтавскаго земельнаго банка и поселился въ конотопскомъ уѣздѣ. Въ это время онъ, кажется, началъ устраивать свой хуторъ Подлипное, въ 4 верстахъ отъ ст. Конотопъ, Кіево-Воронеж. жел. дороги. Подлипное всецѣло создано Ал. М—чемъ: имъ построенъ домъ, разведенъ большой довольно садъ, насажена сосновая роща, которой онъ обыкновенно любилъ хвалиться, говоря, что рощей этой онъ опровергъ предразсудокъ, будто на черноземной почвѣ конотопскаго уѣзда не могутъ расти хвойныя деревья. Въ Подлипномъ Ал. М—чъ проводилъ обыкновенно лѣто. Еще въ день своего заболѣванія, такъ внезапно сведшаго его въ могилу, онъ отправилъ туда, какъ то дѣлалъ каждую весну и осень,—деревья для новыхъ посадокъ. Устроивъ свой хуторъ, Ал. М—чъ сдѣлался, какъ его въ шутку называли, «конотопскимъ патріотомъ» и дѣйствительно, трудно найти другого человѣка, который бы такъ любилъ свой уѣздъ, какъ Ал. М—чъ. У него даже была особая именная печать съ гербомъ Конотопа и надписью: «Лазаревскій изъ Конотопа».

Поселившись въ конотопскомъ уѣздѣ, Ал. М-чъ занялъ въ 1873 г. должность мирового посредника григоровскаго участка, но и здѣсь усидѣлъ недолго. Подъ бокомъ открывался нѣжинскій судъ, и въ 1874 году онъ былъ назначенъ членомъ его. Въ Нѣжинѣ Лазаревскій оставался пять лѣтъ, пока въ 1879 году не получилъ

назначенія товарищемъ предсѣдателя курскаго, а въ 1880 году, съ открытіемъ судебныхъ учрежденій въ кіевской губерніи,—кіевскаго окружного суда. 4 декабря 1885 года онъ былъ назначенъ членомъ кіевской судебной Палаты. Въ этомъ званіи онъ и умеръ.

Офиціальной службой не ограничивалась дѣятельность Ал. М-ча. Съ введеніемъ земскихъ учрежденій, онъ былъ гласнымъ конотопскаго уѣзднаго земства, нѣсколько разъ былъ представителемъ своего уѣзда въ губернскомъ земскомъ собраніи, избирался почетнымъ мировымъ судьею. Относясь съ глубокимъ уваженіемъ къ земскимъ учрежденіямъ, онъ съ особеннымъ вниманіемъ относился къ дѣятельности земства въ черниговской губерніи и въ участіи, въ качествѣ гласнаго, въ конотопскомъ земствѣ онъ всегда видѣлъ свою нравственную и общественную обязанность. Помимо участія въ земскихъ собраніяхъ, которыя онъ пропускалъ только въ исключительныхъ случаяхъ, А. М-чъ принималъ на себя не одинъ разъ и спеціальныя порученія земскаго собранія. Въ 1890 году онъ составилъ, напр., Памятную книжку конотопскаго земства, которая подводила итогъ дѣятельности земскихъ учрежденій въ конотопскомъ уѣздѣ за 25-лѣтній періодъ ихъ существованія. Въ послѣдніе годы онъ, по порученію собранія, ревизовалъ дѣлопроизводство управы.

Трудно представить себѣ другого человѣка, который перемѣнилъ бы за свою жизнь столько мѣстъ службы, какъ покойный А. М. Лазаревскій. Объяснить это можно только тѣмъ, что ни одна служба не соотвѣтствовала его природной склонности. Ал. М-чъ былъ человѣкъ науки по преимуществу. Увлекшись еще въ молодости исторіей Малороссіи, онъ въ занятіяхъ ею находилъ свое удовольствіе, свой отдыхъ. Главныя его занятія начинаются съ переѣздомъ въ Черниговъ. Здѣсь въ то время находился архивъ генеральной канцеляріи, румянцевская опись Малороссіи, архивъ казенной палаты, заключавшій въ себѣ много матеріала по исторіи землевладѣнія. Съ ними и начинаетъ свое знакомство Ал. М-чъ, извлекая изъ архивной пыли все болѣе и болѣе важные документы. Онъ, между прочимъ, привелъ въ порядокъ Румянцевскую Опись, перенесъ ее изъ архива казенной палаты

въ Черниговскій статистическій Комитетъ, откуда она уже поступила потомъ въ Академію наукъ. Свои труды А. М. Лазаревскій печаталъ въ это время въ «Памятныхъ книжкахъ» Черниговской губерніи, въ «Запискахъ черниговскаго статистическаго Комитета», издававшихся подъ его редакціей, а также въ «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ». Въ 1-й книжкѣ «Записокъ черниговскаго статистическаго Комитета» за 1866-й годъ было напечатано изслѣдованіе Ал. М-ча «Малороссійскіе посполитые крестьяне»,—трудъ, не потерявшій всей своей важности до настоящаго времени и упрочившій за авторомъ славу серьезнаго изслѣдователя въ области внутренней исторіи Малороссіи. Въ концѣ 1860-хъ годовъ А. М. Лазаревскимъ было предпринято «Обозрѣніе Румянцевской Описи», оконченное потомъ Н. А. Константиновичемъ. «Обозрѣніе» это, несмотря на свои недостатки, зависѣвшіе отъ спѣшности работы, познакомило ученый міръ съ однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ по исторіи Малороссіи.

Переѣздъ въ Полтаву не измѣнилъ характера занятій Ал. М-ча. Сосредоточивъ главное свое вниманіе на исторіи администраціи, дворянскихъ родовъ, колонизаціи малорусскаго края, Ал. М-чъ нашелъ богатый матеріалъ въ архивахъ Полтавской казенной палаты, окружного Суда и дворянскаго депутатскаго Собранія. Эти матеріалы легли впослѣдствіи въ основу 3-го тома «Описанія Старой Малороссіи» и затѣмъ на основаніи ихъ Ал. М-чъ началъ составлять 4-й томъ, посвященный Полтавскому полку. Матеріалы, извлеченные имъ въ Полтавѣ, пріобрѣтаютъ тѣмъ большую цѣнность, что многіе изъ нихъ, между прочимъ и бывшая часть Румянцевской описи Малороссіи, обнимавшей юго-восточную часть теперешней полтавской губерніи, погибли во время пожара, истребившаго большую часть архива полтавской казенной палаты...

Послѣ отъѣзда изъ Полтавы до назначенія Ал. М-ча товарищемъ предсѣдателя кіевскаго окружного суда (1872—1880 гг.). наступаетъ нѣкоторое затишье въ научной дѣятельности его. Правда, къ этому времени относятся его «Очерки малороссійскихъ

фамилій» въ «Русскомъ Архивѣ» 1875 и 1876 г., его замѣчательная по собраннымъ матеріаламъ и ихъ научной критической оцѣнкѣ статья о Полуботкѣ (Рус. Арх. 1880), написанная въ отвѣтъ на ст. Костомарова, и нѣсколько другихъ статей, но въ общемъ періодъ этотъ былъ менѣе продуктивенъ въ литературной дѣятельности Ал. М-ча, чѣмъ предыдущій, въ особенности, чѣмъ послѣдующій, послѣ переѣзда въ Кіевъ. Съ одной стороны, заботы объ устройствѣ хутора въ с. Подлипномъ, съ другой—жизнь въ Нѣжинѣ и Курскѣ, очевидно, мѣшали этому.

Въ 1880 году А. М. Лазаревскій переѣзжаетъ на жительство въ Кіевъ, куда онъ давно стремился. Нужно сказать, что онъ держался всегда того убѣжденія, что Кіевъ и его высшія учебныя заведенія должны служить главнымъ мѣстомъ разработки малорусской исторіи, что здѣсь, въ кіевскихъ архивахъ, должны быть сосредоточены всѣ историческіе матеріалы: Кіевъ—всегда былъ историческимъ центромъ малорусской жизни.

Въ 1882 г. Ѳ. Г. Лебединцевъ основываетъ «Кіевскую Старину», и А. М. дѣлается ея постояннымъ сотрудникомъ и остается имъ до самой смерти. Здѣсь напечатана имъ наиболѣе значительная часть его работъ по внутренней исторіи Малороссіи, всецѣло построенная, по обыкновенію, на новыхъ архивныхъ матеріалахъ. Въ концѣ 1880-хъ годовъ Ал. М-чъ сталъ дѣлать сводку матеріаловъ, собранныхъ имъ въ теченіе долгихъ лѣтъ. Сводкѣ этой онъ придалъ характеръ «Описанія Старой Малороссіи» по полкамъ, сообщая данныя о территоріи полка, административномъ дѣленіи, біографическія свѣдѣнія объ отдѣльныхъ представителяхъ изъ старшины, наконецъ—данныя, относящіяся къ исторіи селъ и селянъ въ Старой Малороссіи. Первый томъ этого «Описанія», обнимающій собою Стародубскій полкъ, явился въ 1889 году, второй, посвященный Нѣжинскому полку,—въ 1893 году, третій—Прилуцкому полку—въ прошломъ 1901 г. Предъ смертью Ал. М-чъ, какъ уже не разъ выше упоминалось, работалъ надъ такимъ же «Описаніемъ» полка Полтавскаго. Первые два тома «Описанія старой Малороссіи» были увѣнчаны уваровской преміей и, по отзывамъ рецензентовъ, проф. Д. И. Ба-

галѣя и В. А. Мякотина, представляютъ собой цѣнный вкладъ въ изученіе историческаго прошлаго Малороссіи, заключая въ себѣ массу важнаго матеріала по разнымъ вопросамъ малорусской исторіи. Третій томъ, оставшійся пока еще безъ надлежащей оцѣнки, представляетъ собой въ этомъ отношеніи не меньшую, если не большую цѣнность. Прилуцкій полкъ—мѣсто родины Ал. М-ча, и онъ давно уже самымъ тщательнымъ образомъ собиралъ всѣ матеріалы для исторіи его территоріи. По его собственнымъ словамъ, матеріалъ въ третьемъ томѣ полнѣе и еще болѣе разнообразенъ, чѣмъ въ первыхъ двухъ.

Въ послѣдніе годы своей жизни Ал. М-чъ свое постоянное сотрудничество въ «Кіевской Старинѣ» раздѣлялъ съ участіемъ въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ Нестора лѣтописца», которое тоже въ концѣ концовъ получило систематическій характеръ.

Научный формуляръ Ал. М-ча былъ такой.

По окончаніи университета кандидатомъ историко-филологическаго факультета, Ал. М. Лазаревскій 19 апрѣля 1860 года былъ избранъ членомъ-корреспондентомъ Русскаго археологическаго Общества; 11 ноября 1861 года—членомъ черниговскаго статистическаго Комитета; 15 марта 1876—членомъ сотрудникомъ педагогическаго Общества; въ 1880 году—членомъ историческаго Общества лѣтописца Нестора; 31 мая 1886 года—членомъ Кіевской Временной Комиссіи для разбора древнихъ актовъ; 8 февраля 1889 года—членомъ церковно-археологическаго Общества при кіевской духовной Академіи; 14 марта 1893 г. Историческое Общество Нестора лѣтописца избрало Ал. М-ча своимъ почетнымъ членомъ. Кромѣ того, онъ состоялъ почетнымъ членомъ Черниговскаго статистическаго комитета и Черниговской архивной комиссіи.

Изъ всѣхъ этихъ обществъ и коммиссій онъ фактическое участіе принималъ только въ историческомъ Обществѣ лѣтописца Нестора. Участіе это выражалось первоначально въ формѣ періодическихъ жертвованій книгъ по исторіи, зачастую рѣдкихъ, значительно обогатившихъ библіотеку Общества, а затѣмъ въ печатаніи матеріаловъ, статей и въ чтеніи рефератовъ. Въ одно время, съ 18 сентября 1895 г. по 5 октября 1896 года, А. М-чъ былъ

предсѣдателемъ Общества. Это было время наибольшаго оживленія въ дѣятельности Общества въ 1890-хъ годахъ, когда имѣлось въ виду поставить задачей Общества изученіе преимущественно южнорусской исторіи и литературы. Благодаря стараніямъ Ал. М-ча Лазаревскаго, Н. А. Терещенко пожертвовалъ въ распоряженіе Общества 1000 рублей, и Ал. М-чъ задумалъ рядъ систематическихъ описаній по исторіи нашего юга. Пожертвованная тысяча рублей должна была быть фондомъ для вознагражденія лекторовъ и изданія прочитанныхъ ими лекцій и пополняться платой, очень притомъ дешевой, за слушаніе лекцій. Въ годъ предсѣдательства Ал. М-ча были прочитаны лекціи проф. П. Я. Армашевскимъ и В. Б. Антоновичемъ по исторіи и геологіи г. Кіева, которыя потомъ и были изданы отдѣльной книжкой. Къ сожалѣнію, на этомъ дѣло и стало. Въ силу предразсудка, что предсѣдателемъ Общества долженъ быть непремѣнно профессоръ, Ал. М-чъ черезъ годъ долженъ былъ уступить предсѣдательство профессору и былъ избранъ товарищемъ предсѣдателя. Въ этомъ званіи онъ и оставался до смерти. Начинанія Ал. М-ча заглохли, лекціи въ такомъ видѣ, какъ онъ предполагалъ, уже болѣе не возобновлялись.

Еще въ предсѣдательство проф. М. Ф. Владимирскаго-Буданова, въ 4 и 5 книгахъ «Чтеній Общества лѣтописца Нестора» Ал. М-чъ помѣстилъ важные матеріалы по исторіи землевладѣнія и съ того времени печаталъ что-нибудь чуть не въ каждой книгѣ «Чтеній». Наиболѣе важными трудами изъ напечатанныхъ здѣсь, несомнѣнно, были: рецензія на книгу Д. И. Эварницкаго: «Исторія запорожскихъ козаковъ», въ которой Ал. М-чъ подвергъ суровой критикѣ трудъ г. Эварницкаго и побудилъ автора къ пересмотру, исправленію и переработкѣ его въ новомъ изданіи: затѣмъ «Очерки полтавской Лубенщины», написанные по типу «Описанія старой Малороссіи» и заключающіе въ себѣ богатый матеріалъ для исторіи этого интереснаго уголка Малороссіи. Между сырыми матеріалами, напечатанными въ «Чтеніяхъ», отмѣтимъ «Переписныя книги» 1666 года, составленныя послѣ поѣздки гетмана Брюховецкаго въ Москву и напечатанныя Ал. М-чемъ по рукописи московскаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ.

Ал. М-чъ былъ, несомнѣнно, лучшимъ знатокомъ малорусской исторіи. Громадная память, громадная начитанность и знакомство съ литературой, касающейся малорусской исторіи, широкое и всестороннее знакомство съ архивнымъ матеріаломъ, составляли его характерныя особенности. Трудно было встрѣтить книгу, съ которой бы онъ былъ незнакомъ, историческій документъ, характеръ котораго былъ бы для него новъ.

За всю свою жизнь Ал. М-чъ собралъ довольно большой запасъ документовъ, относящихся къ разнымъ сторонамъ жизни Малороссіи, и рѣдкую по подбору книгъ библіотеку. Документы переплетены были въ большіе сборники, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ. Каждое воскресенье въ 10 часовъ утра Ал. М-чъ отправлялся въ Кіевѣ на Подолъ, на толкучій рынокъ, и здѣсь у букинистовъ или же просто на базарѣ у старьевщиковъ пересматривалъ книги, пополнялъ свою библіотеку или же покупалъ книги для своихъ пріятелей, интересующихся и занимающихся исторіей Малороссіи. Книги, брошюры, газетные и журнальные вырѣзки—все это переплеталось въ особые «Малорусскіе сборники». Такихъ сборниковъ составилъ Ал. М-чъ свыше 200. Всѣ они переплетены были въ своеобразные *ситцевые* переплеты. Этимъ способомъ Ал. М-чъ думалъ сохранить для потомства образцы ситцевъ, которые въ его время были въ обращеніи среди малорусскаго народа. Сборники Ал. М-ча представляютъ собой рѣдкое, по подбору матеріала, собраніе литературы по изученію малорусской жизни и исторіи. Всѣ они завѣщаны Ал. М-чемъ Кіевскому университету, гдѣ должны составить особый отдѣлъ библіотеки, безъ права выдачи изъ него книгъ на домъ.

Кромѣ библіотеки, Ал. М-чъ оставилъ небольшое собраніе старинныхъ портретовъ. Цѣнность этой коллекціи заключается въ томъ, что большинство портретовъ не копіи, а подлинники. Снимки съ нѣкоторыхъ изъ нихъ были помѣщены въ разное время въ «Кіевской Старинѣ».

Ал. М-чъ собиралъ вообще все, что такъ или иначе могло характеризовать Малороссію. Въ послѣднее время, послѣ своей

поѣздки въ Полтаву въ 1896 году [1]), онъ очень интересовался полтавскими гончарными издѣліями, коллекціи которыхъ ему присылала обыкновенно его крестница изъ Полтавы.

Смерть застала Ал. М-ча за работой и для всѣхъ явилась полной неожиданностью. За двѣ недѣли его видѣли живымъ, бодрымъ, по обыкновенію, остроумнымъ... Врачи, повидимому, не опредѣлили его болѣзни. Думали сначала, что это воспаленіе легкихъ, но затѣмъ пришлось отказаться отъ этого діагноза.

Отпѣваніе покойнаго А. М—ча происходило 2 апрѣля, въ ближайшей къ его квартирѣ Вознесенской церкви, на Львовской улицѣ. Сюда собралася численная толпа родственниковъ, друзей, сослуживцевъ и почитателей покойнаго. На гробъ были возложены вѣнки: отъ сотрудниковъ нашего журнала съ надписью: «Славному историку Малороссіи и вѣрному другу «Кіевской Старины» отъ друзей, почитателей и товарищей по редакціи», отъ Историческаго Общества Нестора Лѣтописца; отъ товарищей сослуживцевъ Кіевской Суд. Палаты; отъ украинскихъ женщинъ съ надписью: «Вична память за шыру працю для ридного краю дорогому А. М. Лазаревському видъ украинокъ»; отъ семьи Лучицкихъ; отъ неизвѣстнаго лица съ надписью: «Дорогому незабвенному А. М—чу. Блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ», и еще нѣсколько другихъ вѣнковъ отъ родныхъ и друзей. При выносѣ гроба изъ церкви, Л. А. Куперникъ произнесъ прочувствованную рѣчь, въ которой отмѣтилъ неизмѣнную вѣрность покойнаго лучшимъ завѣтамъ эпохи введенія судебной реформы 1864 г. и его горячую любовь къ родной Малороссіи. Около 12 часовъ печальное шествіе направилось мимо Судебной Палаты и Окр. Суда на вокзалъ, гдѣ друзья и почитатели А. М—ча навѣки простились съ его прахомъ, отправленнымъ затѣмъ для погребенія на его родину.

---

[1]) Кіев. Стар. 1897 г. т. 57.

Похороны А. М. Лазаревскаго.

(Впечатлѣнія очевидца).

Второго апрѣля, по прибытіи печальной процессіи на кіевскій вокзалъ, гробъ съ тѣломъ почившаго историка сейчасъ же былъ поставленъ въ товарный вагонъ, поданный къ платформѣ. Отслужили еще одну литію. Глубоко взволнованный, профессоръ И. В. Лучицкій сказалъ нѣсколько словъ, напомнивъ присутствующимъ о неизмѣримой тяжести понесенной утраты; волненіе и слезы не позволили ему кончить рѣчи.

Подошелъ казавшійся постарѣвшимъ на цѣлыхъ двадцать лѣтъ ближайшій другъ и сотрудникъ покойнаго, П. И. Житецкій и, обращаясь къ вдовѣ почившаго, дрожащимъ голосомъ проговорилъ:

— Кыньте жъ тамъ на ёго и одъ мéне грудочку земли...

Гробъ стали запаивать. Было совсѣмъ тихо; гудѣлъ только въ вагонѣ мѣхъ, раздувавшій огонь, на которомъ плавилось олово.

Казалось, что друзья и почитатели покойнаго Александра Матвѣевича сполна выразили ему чувства сердечной любви и признательности, провожая его въ путь къ мѣсту вѣчнаго упокоенія; но на этомъ пути его ожидали еще встрѣчи и проводы, столь же сердечныя и трогательныя, со стороны земцевъ родного ему Конотопа и селянъ Подлипнаго и Гирявки, и если чистая душа почившаго видѣла всѣ эти трогательныя сцены, которыя происходили тамъ, на его родинѣ, и слышала искреннія соболѣзнованія односельчанъ, то радовалась она радостью велúкою, видя, что и этотъ «найменшій братъ», о нуждахъ котораго такъ онъ заботился, платилъ ему сердечною любовью.

Въ тотъ же день, въ 11 ч. ночи, поѣздъ съ гробомъ былъ встрѣченъ на вокзалѣ въ Нѣжинѣ всѣмъ составомъ Нѣжинскаго окружного Суда, при чемъ была отслужена панихида и на гробъ возложенъ вѣнокъ съ надписью: «Нѣжинскій Окружный Судъ незабвенному дѣятелю перваго состава Суда».

Третьяго апрѣля, въ семь часовъ утра, на перронѣ конотопскаго вокзала, передъ только что открытымъ вагономъ съ гробомъ, толпились представители мѣстнаго земства, точно сейчасъ только понявшіе, какого сотрудника они потеряли.

Въ вагонъ вошелъ предсѣдатель конотопской земской управы П. Н. Кандиба, положилъ на гробъ еще одинъ роскошный вѣнокъ и отъ имени всего уѣзда благодарилъ своего старѣйшаго гласнаго, который такъ много сдѣлалъ для конотопцевъ. Затѣмъ гробъ подняли на рукахъ и поставили на платформѣ на двѣ принесенныя скамьи. Началась литія. Толпа сомкнулась. Вѣтеръ шевелилъ волосы на обнаженныхъ головахъ козаковъ и крестьянъ, изъ которыхъ каждый лично зналъ почившаго. Церковныя погребальныя пѣсни сливались въ весеннемъ утреннемъ воздухѣ съ «живканьемъ» сидѣвшихъ на нераспустившихся еще тополяхъ воробьевъ, и солнце ласкало своимъ свѣтомъ металлическую крышку гроба. Зазвучала «вѣчная память».

Послѣднюю строфу тенора и альты взяли вверхъ, особымъ напѣвомъ, и этотъ грустный, полный мысли и чувства мотивъ напомнилъ задумчивыя мелодіи малорусской пѣсни. Крестьяне подняли гробъ и понесли его на ожидавшія во дворѣ простыя, безъ всякаго убранства дроги, запряженныя тройкой лошадей. Хоругви заколыхались, и шелестъ ихъ испугалъ пристяжныхъ, которыхъ сейчасъ же отпрягли. Шествіе медленно двинулось черезъ городъ, который былъ такъ близокъ покойному и въ которомъ родились и умерли его дѣды и прадѣды. По временамъ останавливались возлѣ церквей для чтенія евангелія. Прошли по вокзальному шоссе, потомъ центральной частью города и свернули на роменскую улицу къ селу Подлипному. За желѣзнодорожнымъ переѣздомъ отслужили еще одну литію. Духовенство, пѣвчіе и представители земства вернулись обратно въ городъ. Многочисленные вѣнки были уложены на отдѣльную, покрытую

чернымъ сукномъ телѣгу. Къ дрогамъ, на которыхъ стоялъ гробъ, припрягли пристяжныхъ лошадей. Родные и знакомые сѣли въ экипажи.

Двинулись небольшою рысью. И снова казалось, что земныя почести кончены и что всѣ близкіе покойному люди уже сказали ему свое послѣднее «прости».

Дорога постепенно дѣлается все уже и, извиваясь, вводитъ въ с. Подлипное. Издали видны хоругви. На откосахъ, возлѣ дороги стоятъ «школяры» и «школярки», а ниже, на самой дорогѣ, столпились, окруживъ принесенныя изъ церкви «мары» (носилки), селяне, большинство— «половинщики» и «сусиды» Александра Матвѣевича. Почти у всѣхъ у нихъ такія же грустныя и растерянныя лица, какъ и у земцевъ, и они какъ-будто не вѣрятъ тому, что случилось. Любимецъ покойнаго, Савка Батюкъ, размахивая руками, суетится, распоряжается и, видимо, прилагаетъ все усердіе къ тому, чтобы внѣшній видъ процессіи былъ какъ можно торжественнѣе. Съ безнадежной грустью въ глазахъ уставился въ землю Семенъ Голинка. Микита Коровай поворачиваетъ голову то вправо, то влѣво, какъ-бы спрашивая:

— Та не вже-жъ у цій труни, шо везутъ,—нашъ панъ?..

Яковъ Коротя съ негодованіемъ говоритъ, что вчера въ селѣ прошелъ невѣрный слухъ, будто процессія пойдетъ другою дорогою, благодаря чему не всѣ желавшіе будутъ имѣть возможность проводить гробъ. Слышенъ чей-то старческій всхлипывающій голосъ; это говоритъ дидъ Павло Столяръ, руками котораго сдѣлана почти каждая вещь въ Подлипенскомъ домѣ Александра Матвѣевича. Павло много старше покойнаго. Голова у него трясется, волосы уже не сѣдые, а какіе-то пепельные, глаза слезятся и языкъ полупарализованъ; изъ его неразборчивыхъ рѣчей можно только понять, что онъ сѣтуетъ на судьбу, которая отняла у людей добраго пана и въ то-же время оставила жить его, уже ни къ чему неспособнаго дида.

— Не то шо люды, а уси диты на сели зналы покійнечка,— разсказываетъ какая-то баба.—Було, якъ йидуть зъ города, то куплять прянычкивъ або канхветивъ и кидаютъ дитямъ, а воны

ще якъ далеко загледять ихъ, то крычать: пане, пане, дайте «шахалю»...

Голоса мало-по-малу умолкаютъ. Дроги съ гробомъ все ближе и ближе и, наконецъ, остановились у самыхъ «маръ», на которыя его ставятъ. Священникъ быстро облачается и беретъ у діакона кадильницу.

Святый Боже, Святый крѣпкій,
Святый без-см-е-е-ртный...

заливаются дѣтскіе голоса въ чистомъ весеннемъ воздухѣ. И снова дѣлается невыразимо тяжко отъ сознанія, *кого* хоронятъ...

Рядомъ въ толпѣ кто-то шепчетъ:

— А казалы люды, шо на тимъ тыждни воны непременно прыйидуть. Уже зъ города загáдано було Ивану, шобъ на вакзалъ йихавъ.

— Отъ-же жъ и прыйихалы!—съ глубокой грустью отвѣчаетъ другой голосъ, и слышенъ вздохъ. Послѣ «вѣчной памяти» процессія снова выстраивается и начинаетъ медленно двигаться по с. Подлипному. Гробъ несутъ болѣе молодые. Впереди, сейчасъ же за священникомъ, идутъ съ обнаженными головами пожилые и старики съ многочисленными вѣнками въ рукахъ. Дидъ Павло Столяръ несетъ голубой вѣнокъ изъ васильковъ; двѣ длинныя ленты достаютъ почти до земли; на одной написано: Олександру Матвіевичу Лазаревському», а на другой: «Одъ украинокъ за щыру працю для ридного краю».

По пути, къ процессіи то и дѣло примыкаютъ люди. Такъ шли до подлипенскаго выгона. Здѣсь гробъ снова поставили на дроги, а вѣнки положили на телѣгу. Подлипенцы распрощались въ послѣдній разъ со своимъ дорогимъ паномъ, впрочемъ не всѣ: нѣсколько наиболѣе любившихъ его крестьянъ рѣшили итти десять верстъ, до самой Гирявки. Пошли братья Савка и Костюкъ Батюки, Семенъ Голинка, Яковъ Коротя, Денисъ Лыстровый и Павло Столяръ; послѣднихъ двухъ, какъ наиболѣе старыхъ и слабыхъ, уговорили сѣсть на свободныя мѣста въ экипажахъ. Поѣхали теперь по тому самому, обсаженному вербами «ще за Катерыны» шляху, по которому съ самаго дѣтства ѣздилъ такъ

часто покойный Александръ Матвѣевичъ. Мимо этихъ вѣковыхъ вербъ везли его еще когда-то мальчикомъ учиться въ Петербургъ. Ѣздилъ онъ потомъ часто по этому шляху уже взрослымъ, общественнымъ дѣятелемъ, изъ Подлипнаго въ Гирявку, къ матери, которую обожалъ, а теперь везли его бездыханнаго... И какъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ заливались жаворонки надъ головою юноши, такъ-же звонко пѣли они и теперь, трепеща крылышками надъ гробомъ человѣка, любившаго всѣмъ сердцемъ и эти вербы, и природу, и людей, и весь дорогой ему край. Мало-помалу Подлипное уплываетъ въ сторону. Долго видны только еще тополи усадьбы Александра Матвѣевича, тѣ самые тополи, изъ которыхъ почти каждый посаженъ его руками. Изрѣдка на шляху встрѣчаются небольшія стада овечекъ, выгнанныхъ на едва зазеленѣвшую травку. Лежащіе на разостланныхъ свиткахъ пастухи, при приближеніи гроба, встаютъ съ земли и, снимая шапки, набожно крестятся.

Вотъ завиднѣлись впереди деревья хуторовъ Путивца, а справа Сарановки. Скоро и Гирявка.

Вспомнилось мнѣ, какъ часто покойный Александръ Матвѣевичъ, будучи въ хорошемъ расположеніи духа, ѣзжалъ этой дорогой въ Гирявку въ своей повозочкѣ и, держа въ рукахъ возжи, въ полголоса напѣвалъ любимую пѣсню:

Тыхо, тыхо Дунай воду несе,
А ще тыхше дивка косу чеше...

Въ послѣдній разъ миновалъ онъ хуторъ Путивецъ. За хуторомъ шляхъ поворачиваетъ вправо и сейчасъ же открывается вся Гирявка. Виденъ на горѣ бѣленькій домъ Лащинскихъ, тоже не чужой покойному, а еще дальше на горѣ двѣ церкви, одна старая, а другая новая, побольше, еще не совсѣмъ отдѣланная, въ постройкѣ которой Александръ Матвѣевичъ принималъ такое близкое участіе.

Въ долинѣ слѣва качаютъ еще голыми вѣтвями деревья сада, гдѣ покойный бѣгалъ и игралъ еще ребенкомъ. А вотъ выглянула и зеленая крыша дома и потянулся высокій плетень («лиса»), окружающій усадьбу, въ которой ро-

дились и выросли Лазаревскіе. Дроги съ гробомъ пошли шагомъ. Вдали показались хоругви встрѣчной процессіи Гирявцевъ. И вспомнилось мнѣ, что лежащій подъ этой холодной металлической крышкой когда-то, должно быть, среди такого же весенняго пейзажа и сопутствуемый такими же сельскими встрѣчами и проводами, въѣзжалъ въ предѣлы родной Малороссіи, сопровождая гробъ съ прахомъ украинскаго поэта Т. Г. Шевченка.

При въѣздѣ въ село гробъ сейчасъ же окружила еще большая чѣмъ въ Подлипномъ толпа селянъ. Среди нихъ выдѣляется мѣстный учитель, съ головой, повязанной платкомъ; старый дьячекъ Прокопъ также прикрылся хусткой. Священника о. Андрея пришлось обождать,—онъ оканчивалъ обѣдню. Настроеніе становится особенно скорбнымъ: чувствуется, что здѣсь, въ Гирявкѣ, гробъ съ останками дорогого человѣка скроется уже *навсегда* въ родную для него землю. Минутъ черезъ восемь видно, какъ подымается въ гору въ экипажѣ о. Андрей. Онъ сильно постарѣлъ, но глаза его блестятъ, а голосъ раздается властно и твердо. Смотришь на этого старика и думаешь: хоронилъ онъ мать Александра Матвѣевича, первую его жену, брата Михаила Матвѣевича, а теперь пришлось ему погребать и его самого. А въ толпѣ то и дѣло слышишь:

— «Такого дру́гого пана у Гирявци не було́ и не буде вже...»

— А дьякъ тутъ?—спрашиваетъ о. Андрей, вылѣзая изъ экипажа, и получивъ отвѣтъ: «осьде!»—начинаетъ облачаться.

Послѣ краткой литіи «мары» съ гробомъ снова поднимаютъ дядьки́ и снова заливаются дѣтскіе голоса:

... «без-см-е-е-ртный помы-луй на-а-асъ!»

и снова непрерывный топотъ «чоби́тъ» и «черевыкивъ». Не качаются страусовыя перья на лошадиныхъ головахъ, не видно уродливыхъ треуголокъ факельщиковъ, не переваливается сбоку на бокъ бархатный балдахинъ катафалка, и пѣвчіе поютъ не по городскому—по-ученому, а во весь голосъ, точно «по-улычному». Блеститъ только, покачиваясь, гробъ надъ подстриженными въ кружокъ, обнаженными козацкими и крестьянскими головами... А

душу охватываетъ какое-то трогательное чувство при мысли, что всѣ эти «чоловикы» и «жинкы» не чужіе покойному, а его дѣти, съ глубокою скорбью отдающія послѣднюю почесть своему славному «батькови». Не суетный этикетъ, не праздное любопытство, не выгода ихъ сюда собрали.

Возлѣ усадьбы покойнаго «мáры» съ гробомъ ставятъ на землю. Топотъ ногъ мгновенно стихаетъ. Отчетливо раздается вибрирующій басъ о. Андрея:

«И Азъ воскрешу его въ послѣдній день»...

Хоръ дружно подхватываетъ въ тонъ послѣдней ноты священника:

Слава тебѣ Господи,
Сла-а-а-ва Тебѣ...

Идутъ черезъ «греблю». Все ближе и ближе къ церкви и цвинтарю. Передъ самымъ крыльцомъ школы еще одна остановка для чтенія евангелія: школу эту выхлопоталъ для своихъ дорогихъ селянъ Александръ Матвѣевичъ и выстроилъ ее изъ стараго дома своей матери. Къ церкви нужно подыматься по довольно крутому подъему. «Мары» скользятъ на плечахъ и несущимъ трудно итти, не мѣшая другъ другу.

— И ты, Хвóтій, несешъ?—спрашиваетъ кто-то изъ нихъ оглядываясь.

— Якъ же такы ридного батька да не понесты?—серьезнымъ шопотомъ отвѣчаетъ онъ.

Хвóтій, по фамиліи Петруша, одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ Александра Матвѣевича по постройкѣ новой церкви. Замѣтивъ сыновей покойнаго, Хвотій говоритъ о немъ:

— Якъ прыиздылы передъ Риздвомъ, то казалы: «ну, Хвотій, будемо робыть, а тамъ може и намъ хтось скаже спасыби». Та отъ якъ довелося имъ ще разъ прыйихать!..

Хвóтій еще совсѣмъ молодой человѣкъ, но умъ и сердце у него, какъ у пожившаго. Онъ больше другихъ понимаетъ все значеніе покойнаго для Гирявцевъ, и печаль его острѣе и глубже.

Наконецъ и цвинтарь. Шествіе круто поворачиваетъ и входитъ въ ворота, а затѣмъ и головы несущихъ, и гробъ мало-помалу скрываются въ дверяхъ церкви. Толпа ринулась вслѣдъ. Зашаркали и застучали ноги селянъ, желающихъ стать поближе къ «труни». Въ каменной церкви холоднѣе, чѣмъ на дворѣ, и пахнетъ новымъ деревомъ. Стѣны еще не окрашены.

Зажгли и роздали свѣчи и началась послѣдняя панихида. Резонансъ огромный, и каждое слово, каждый стихъ звучатъ особенно отчетливо.

Въ цвинтарѣ идетъ работа намъ могилой, которая еще не совсѣмъ закончена. Самая яма огромна, сажня два въ длину, и вырыта очень близко отъ церкви, лѣвѣе главныхъ дверей. Въ передней ея части возятся съ известкой и кирпичами два каменщика; они спѣшатъ кончить кладку свода для склепа. Сверху видны только ихъ спины и быстро двигающіеся локти. Надъ краемъ могилы суетится племянникъ Александра Матвѣевича, В. Д. Огіевскій. Лицо у него измученное, онъ нѣсколько ночей не спалъ и пріѣхалъ въ Гирявку еще до прибытія гроба съ тѣломъ, а за недѣлю передъ тѣмъ похоронилъ свою мать Глафиру Матвѣевну. Родные братъ и сестра, послѣдніе изъ славнаго поколѣнія Матвѣевичей, перешли въ другой міръ почти одновременно. Дивчата и бабы съ испуганными лицами толпятся по краямъ ямы и съ ужасомъ заглядываютъ вглубь ея.

Хвóтій стоитъ, облокотившись о рѣшетку, окружающую могилы отца и брата Александра Матвѣевича, и ковыряя ногтемъ ржавчину, говоритъ кому-то изъ односельчанъ:

— Ну, шобъ було имъ ще хочъ одынъ годъ пожыть!!.

Черезъ полчаса склепъ уже готовъ, а еще черезъ десять минутъ пѣніе слышно уже не въ церкви, а на дворѣ, и виденъ гробъ, который несутъ на рукахъ.

Пожилые козаки и крестьяне, съ вѣнками въ рукахъ, стали вдоль могилы, на холмѣ, образовавшемся изъ вырытой земли. Ленты трепещутъ и шелестятъ подъ вѣтромъ. Двѣ молодыци, охвативъ руками стволъ вишневаго дерева, растущаго надъ самой могилой, сосредоточенно глядятъ на приближающійся гробъ. Уже

подвели «рушныкы». Еще минута—и гробъ, плавно покачиваясь, опускается...

Вичная памъять,
Вичная памъять!..

произноситъ о. Андрей и, набравъ съ поданной ему лопаты нѣсколько комковъ земли, сыплетъ ее на гробъ; потомъ бросаютъ землю родные. Застучала о металлическую крышку и та «грудочка» земли, которую еще въ Кіевѣ просилъ бросить отъ него П. И. Житецкій.

Гробъ на каткахъ ввели въ склепъ и каменщики стали его задѣлывать.

Послѣ похоронъ въ усадьбѣ покойнаго собрались помянуть всѣ потрудившіеся для него въ послѣдній разъ козаки и крестьяне. Были тутъ Савка и Костюкъ Батюки, Семенъ Голинка, Денисъ Лыстровый, Хвотій Петруша, Іосипъ Муха, Грыцько Зозуля и многіе другіе. Тѣснымъ кругомъ усѣлись они вокругъ разостланной скатерти и «незлымъ тыхымъ словомъ» поминаютъ усопшаго. Безнадежно грустнымъ тономъ говоритъ Павло Столяръ:

— Було, що-году воны прыказують баби Химци, шобъ къ Велыкодню для бидного Павла була паска...

Его перебиваетъ Лексій Бугай:

— Оце, якъ йе на сели хочъ трошкы пьяный чоловикъ, та почуе, що Лазаревській ийде, то заразъ ховается куды выдно, бо стыдно пьяному було дывытыся имъ у вичи.

Л. Б.

На могилѣ А. М. Лазаревскаго.

(Въ 20-й день по его кончинѣ).

Существуетъ древнее повѣрье чуть-ли не у всѣхъ народовъ, что душа умершаго человѣка нѣсколько дней носится надъ тѣломъ его, надъ могилой его, какъ бы прощаясь съ нимъ на вѣки. Скорбящему сердцу успокоительно вѣрить такому доброму мнѣнію. Проникнутый имъ, я обращаюсь къ тебѣ, Александръ Матвѣевичъ, почившій тѣломъ, но присущій духомъ, незримый взору, но памятный сердцу, обращаюсь съ прощальнымъ и благодарнымъ словомъ.

Еще первая вѣсть о томъ, что ты опасно заболѣлъ, горестно отозвалась въ сердцахъ многихъ знающихъ тебя; а извѣстіе о быстрой кончинѣ глубоко взволновало насъ и спѣшно созвало насъ на встрѣчу твоему гробу. Что же именно собрало насъ и нынѣ вокругъ твоей могилы? Искренняя сердечная скорбь о твоей нежданной смерти и живое сознаніе, что мы потеряли въ тебѣ великаго трудолюбца по изученію минувшихъ судебъ роднаго края, потеряли усерднаго и полезнаго общественнаго дѣятеля, всегда вѣрнаго своему долгу, своему слову, и ко всѣмъ внимательнаго человѣка. Я въ настоящія минуты припоминаю только твое значеніе, *какъ историка нашей родины.*

19-тилѣтнимъ юношею, въ 1853 году, ты уже издалъ опытъ указателя источниковъ для изученія малороссійскаго края; потомъ ты значительно дополнилъ его, означивъ въ немъ книги и статьи болѣе чѣмъ за 200 лѣтъ. Этотъ трудъ обратилъ на тебя вниманіе печати и даже авторитетнаго московскаго профес-

сора О. М. Бодянскаго. И безъ сомнѣнія, онъ, о которомъ ты до конца жизни своей сохранялъ свѣтлую и признательную память, онъ имѣлъ на тебя окрыляющее вліяніе, и труды твои стали пріобрѣтать все большее и большее значеніе. Въ 1870-хъ годахъ ты уже являешься съ цѣлымъ рядомъ изслѣдованій о людяхъ старой Малороссіи: болѣе пятидесяти старѣйшихъ фамилій освѣщены тобою въ ихъ родословной судьбѣ, *съ строжайшей исторической правдою*; многіе только отъ тебя узнали интересныя подробности о своихъ предкахъ. Въ то же время ты продолжалъ изслѣдованіе о бытѣ малороссовъ въ прошедшіе вѣка—о приходскомъ духовенствѣ, о монахахъ, о старшинѣ, о школахъ, о шпиталяхъ, о старинныхъ архивахъ и о старинѣ нашего родного города. Потомъ ты очертилъ цѣлыя области Малороссіи,—полки: Стародубскій, Нѣжинскій, Лубенскій, Прилуцкій. Избранный въ предсѣдатели Историч. Общества Нестора-Лѣтописца, ты первый организовалъ при немъ публичныя чтенія и этой мѣрою старался сблизить науку съ обществомъ. И почти предъ смертью своею, изъ той же любви къ родинѣ и желанія облегчить работу будущихъ дѣятелей ея въ области исторіи, ты отдалъ Кіевскому университету составленное тобою единственное и обширное собраніе журнальныхъ и др. статей о родномъ краѣ и богатую коллекцію рукописей. И такимъ образомъ ты работалъ для родины *цѣлыхъ 49 лѣтъ*! Вотъ почему мы говоримъ, что великую утрату понесли мы въ тебѣ, и вотъ почему мы пришли поклониться твоимъ останкамъ, помолиться объ упокоеніи твоего духа и сказать тебѣ послѣднее прости!

3—19 апрѣля 1902 г. Конотопъ.

Говоря на могилѣ твоей животворное «*Христосъ воскресе*», полагаемъ на нее, вмѣсто краснаго яичка, списокъ трудовъ твоихъ, собранный въ хронологическомъ порядкѣ. Богъ вѣсть, будетъ ли когда-нибудь издано собраніе твоихъ сочиненій, но то несомнѣнно, что многіе будутъ обращаться къ нимъ за справками; въ облегченіе ихъ и въ память о тебѣ приносится сей скромный трудъ.

С. П.

Труды А. М. Лазаревскаго.

(Сообщенія, изслѣдованія, рецензіи).

(Въ хронологическомъ порядкѣ).

1853 г.

1) Указатель источниковъ для изученія Малороссійскаго края. Черниг. губ. Вѣдомости, № 45 (рецензія въ Журн. М. Н. Пр. 1854, ч. 81, отд. VII, стр. 56).

1855 г.

2) Обозрѣніе книгъ и статей періодическихъ изданій, относящихся къ исторіи и географіи Малоросс. края за 1854 годъ. Черн. губ. Вѣдом. 1855, №№ 3 и 9.

1856—1857—1859 г.

3) Украинская литературная лѣтопись за 1856 годъ. Черн. губ. Вѣдом. 1856 г., №№ 12, 19, 38, 49 и 51.

4) То же за 1857 годъ, ibidem, №№ 7 и 8, 47—49.

5) То же за 1858 г. ibid., 1859, №№ 14 и 15.

За 1856 и 1857 годы были и отд. оттиски, in 8°, 36 и 33 стр. Здѣсь представленъ обзоръ статей о малорос. гетманахъ, о М. П. Миклашевскомъ, о борьбѣ украинскихъ козаковъ, о Дняхъ и мѣсяцахъ Максимовича, о Древнемъ р. языкѣ Срезневскаго и Погодина и пр. и пр.

1857 г.

6) Библіографическія замѣтки по русской литературѣ—въ Сборникѣ, изданномъ студентами С.-Пб. университета: матеріалы для біографіи Н. И. Новикова, стр. 321; А. Ѳ. Воейковъ, 335; о службѣ Гоголя въ департаментѣ удѣловъ, 345; о французскихъ стихахъ В. Л. Пушкина, 346, и стихотвореніяхъ Іосифа Олова, 347.

7) Объ изданіи Н. Бѣлозерскимъ «Южно-русскихъ лѣтописей», Черн. губ. Вѣд. № 7.

8) Замѣтки объ украинской старинѣ: Духовницы: а) жены бунчуковаго товарища, б) отрывокъ изъ завѣщанія бунч. товарища 1740 г. Черн. г. Вѣд. № 19.

1858 г.

9) Указатель источниковъ для изученія Малороссійскаго края, вып. 1, С.-Пб. II и 121 стр. (посвященъ Ос. Макс. Бодянскому). Здѣсь книги и статьи указаны съ 1622 г. по 1857 включительно. (Рецензіи: Атеней, 1858 г. № 43; Извѣстія Имп. Акад. Наукъ, т. VII, с. 120; Черн. губ. Вѣдом. 1858, № 36; Дополненія В. Ефименка, Черн. г. Вѣд. 1860, №№ 9 и 20).

10) Анакреонтическія пѣсни Державина. Библіогр. Записки кн. 1, № 6, столб. 182—184.

1859 г.

11) Записка о русскомъ хронографѣ. Извѣстія Имп. Ак. Наукъ, по отд. р. яз. и слов. т. VIII, с. 384—390; приложеніе къ запискѣ: 4 отрывка изъ хронографа, заимствованные у византійцевъ, ibidem, т. IX, с. 115—128. Были и отд. оттиски, 8⁰, 10 л. 7 стр.

1860 г.

12) Хозяйство украинскаго пана XVIII в. (бунчуковаго товарища Забѣлы). Черн. Г. Вѣд. № 7.

13) Для исторіи Коропа 1669 г. Черн. Губ. Вѣдом. № 49.

14) Запорожье въ концѣ XVIII в. Современная записка. Архивъ Калачова, кн. 2, отд. V, с. 5—14.

1861 г.

15) Матеріалы для исторіи волжскихъ разбойниковъ. Архивъ Н. Калачова, кн. 2, отд. V, с. 28—81.

16) Черты изъ старо-украинскаго быта. Козакъ Мигаль. Черниговскій Листокъ, № 5.

17) Планъ Публичной Библіотеки въ С.-Пбургѣ, составленный въ 1766 году. Библіогр. Записки, № 3, с. 70.

18) Для біографіи А. Сумарокова. Библ. Записки № 4, стр. 97—99.

19) Послѣдній день жизни Т. Г. Шевченка. Сѣверн. Пчела № 48; Черн. Губ. Вѣд. № 12.

20) Говорилъ ли Полуботокъ Петру Великому рѣчь, приводимую Конисскимъ? Основа, № 8, с. 9—13.

21) Нѣсколько свѣдѣній для біографіи А. С. Пушкина и Грибоѣдова. Библіогр. Записки, № 19, с. 598—600.

1862 г.

22) Конотопская старина (Историческія свѣдѣнія, съ примѣчаніями и съ приложеніемъ 19-ти документовъ). Памятная книжка Черн. губерніи, с. 301—352.

23) Кролевецкіе сотники. Черн. Губ. Вѣдом. № 3.

24) Отрывокъ изъ Путевыхъ замѣтокъ старца Леонтія по Малороссіи (1700). Черн. Листокъ №№ 4—8.

25) Дѣтство Шевченка. Матеріалъ для біографіи его. Основа, № 3, стр. 1—10.

26) О южно-русскомъ словарѣ Шейковскаго. Основа № 3, стр. 57—61.

27) Статистическія свѣдѣнія объ украинскихъ народныхъ школахъ и госпиталяхъ въ XVIII вѣкѣ. Основа, № 5, стр. 82—89. Переп. въ Черн. Епарх. Извѣстіяхъ, № 17, стр. 546—555 и въ Вѣстникѣ Юго-зап. Россіи, № 3.

1863 г.

28) Ризница Новгородсѣверскаго Спасо-Преображенскаго монастыря въ концѣ XVII и началѣ XVIII в. Извѣстія Импер. Археол. Общества, т. V, вып. 1, стр. 49—54.

29) Разсказы изъ исторіи лѣвобережной Украины XVIII в. I. Почепскіе козаки и Меншиковъ. II. Украинскіе сотники. Черниг. Листокъ №№ 7, 8, 13 и 14.

30) О малороссійскомъ языкѣ. Черниг. Листокъ № 9 (на эту статью замѣтка А. Добротворскаго, Моск. Вѣдом. № 179).

1864 г.

31) Украинскіе юридическіе акты XVII вѣка. Черниг. Губерн. Вѣдомости, №№ 14—17, 22—24 и 31.

1866 г.

32) Малороссійскіе посполитые крестьяне (1648—1783 г.). Историко-юридическій очеркъ по архивнымъ источникамъ. Черниговъ 1866. Отд. оттискъ изъ Записокъ Черн. Губ. Стат. Комитета, вып. 1, стр. 1—152.

33) Обозрѣніе Румянцевской Описи Малороссіи (1765 г.), А. М. Лазаревскаго и Н. Константиновича. Черн. Губ. Вѣд. 1866 г., №№ 33, 35—37, 41, 42, 44—46. То же, тамъ же, 1867 г. №№ 4—8, 12—14, 16, 22, 24, 25, 28—33, 36, 40, 42, 43, 46 и 49. То же, тамъ же, 1873, №№ 4—19, 21—26, 39—51. То же, тамъ же, 1874, №№ 2—4, 6—8, 10—14, 19, 22—26, 30, 35—41 и 43. То же, тамъ же, №№ 4—19, 21, 26, 39—51. Отд. оттискъ. Черн. 8°, 857 стр.

34) Обозрѣніе Румянцевской Описи Малороссіи, выпускъ 2-й, полки Кіевскій и Нѣжинскій. Ч. 1866. 1 р. 50 к.

1867 г.

35) Описаніе Черниговскаго Намѣстничества 1781 г. Трудъ Д. Р. Пащенко и А. М. Лазаревскаго. Черн. Губ. Вѣд. №№ 44—48; То же, 1868, №№ 1, 4, 6, 7 и 9. Были отдѣльные оттиски 8° IV и 56 стр. То же въ Записк. Черн. Губ. Стат. Комит. кн. II, приложеніе.

1868 г.

36) Очеркъ старѣйшихъ дворянскихъ родовъ въ Черн. губерніи, Черниговъ. Отдѣльный оттискъ изъ Записокъ Черн. Губ. Стат. Комит. кн. 2, стр. 35—148. Сюда вошли: *Бакуринскіе, Бобыри, Богуши, Бороздны, Борсуки, Булаевскіе, Бутовичи, Валькевичи).*

1871 г.

37) Очеркъ изъ быта Малороссіи въ XVIII вѣкѣ: Приходское духовенство. Русск. Архивъ, с. 1884;—Монахи, ibid, с. 1893.

38) Выдержки изъ писемъ В. А. Каратыгина къ П. А. Катенину, Р. Арх. № 6, стр. 0241—0244.

39) Мнѣніе бывшаго императора Петра III (іюнь 1762), изъ рукоп. сборника графа А. С. Уварова. Р. Арх. № 12, с. 2055.

1872 г.

40) Списокъ водяныхъ мельницъ Черниговскаго полка. Записки Черн. Губ. Стат. Комит. выпускъ 5—6.

1873 г.

41) Очерки внутренней жизни Малороссіи въ 18 в.; Сотники. Рус. Арх. т. 1, № 3, стр. 341.

42) Два письма в. князя Павла Петровича къ графу П. А. Румянцеву-Задунайскому (1776 г.). Русск. Арх. № 4, с. 0461.

1874 г.

43) Предисловіе къ письмамъ пѣшеходца В. Г. Барскаго (1723—1746) Русск. Арх. № 9, с. 514.

1875 г.

44) Очерки малороссійскихъ фамилій. Матеріалы для исторіи общества въ XVII—XVIII в.:

Апостолы, Русск. Арх. т. 1, стр. 91.
Базилевскіе . . . . . 95.
Безбородки . . . . . 311.
Бороховичи . . . . . 314.
Галаганы . . . . . 318.
Гамалѣи . . . . . 439.
Герцики . . . . . 448.
Гоголи-Яновскіе . . . . . 451.
Горленки, Р. Арх. т. II, с. . . 248.
Грабянки . . . . . 259.
Дмитрашки-Раичи . . . . . 402.
Жученки-Жуковскіе . . . . 406.
Иваненки, Р. Арх. т. III. . . 297.
Искры (Остряницы) . . . . 300.

1876 г.

45) Два письма графа П. А. Румянцева (1771—1772 г.), Рус. Старина, № 1, с. 212.

46) Очерки малоросс. фамилій:

Капнисты, Русск. Арх. т. III, с. 437.

Кочубеи (Вас. Леонт. Кочубей), Мазепа и Матрена Кочубей; Мазепа и Кочубей, казнь Кочубея, Вас. Вас. Кочубей, Ѳедоръ Кочубей; самоуправство пановъ,—с. 438—455.

1880 г.

47) Павелъ Полуботокъ. Р. Арх. т. I, с. 137—209.

48) Скоропадскіе. Истор. Вѣстникъ, № 8, с. 710.

1882 г.

49) Люди старой Малороссіи:

Лизогубы, Кіевск. Старина № 1, с. 101—125.

Милорадовичи. . . . . № 3, с. 479—498.

Миклашевскіе . . . . № 8, с. 243—253.

Свѣчки. . . . . № 8, с. 253—258.

Были и отдѣльные оттиски, Кіевъ 8⁰, 62 стран.

50) Хмельницкій въ представленіи Кромвеля. Кіевская Старина, I, 212.

51) Властная гетманша. К. Стар. I, 213.

52) Забавная родословная (рисунокъ и стихи *Куксы*). Кіевская Старина. I, 223.

53) Старинные малороссійскіе портреты. Кіев. Стар. № 5, с. 337—342 и № 10, с. 173—175.

54) Гетманскіе клейноды (1758). К. Стар. № 5, с. 343.

55) Дополненіе «Разговора Великороссіи съ Малороссіей», Кіев. Стар. № 7, с. 137—148.

56) Документальныя свѣдѣнія о Саввѣ Тупталѣ и его родѣ, К. Стар, № 8, с. 382—384.

57) Рѣчь «о поправленіи состоянія Малороссіи». К. Стар. № 10, с. 119—125.

58) Сулимовскій фамильный архивъ. К. Стар. № 11, с. 292—295—предисловіе къ нему. Сулимовскій архивъ былъ изданъ потомъ

въ 1884 г. съ предисловіемъ А. М. Лазаревскаго, 8⁰, 1—XVI, 316 стр. съ 5 портретами и указателями (рецензія В. Б. Антоновича, Кіев. Стар. 1884, № 10, стр. 332—336).

1883.

59) Сабля Мазепы. Кіев. Стар. № 1, с. 213.

60) Лѣтописныя замѣтки (1651—1749), изъ Сулим. архива, Кіев. Стар. № 3, стр. 680—682.

61) Отчего духъ геройства въ Малороссіи исчезъ? (изъ Сулим. архива). К. Стар. № 4, с. 893.

62) Малороссійскіе чины и должности и оклады ихъ содержанія; два документа (1756—1786), Кіев. Стар. № 6, с. 381—385.

63) Иванъ Петровичъ Забѣла, знатный войсковой товарищъ (1665—1703), К. Стар. № 7, с. 506—538.

64) Гетманское представительство при русскомъ Дворѣ. К. Стар. № 9—10, с. 317.

65) Запорожская пѣсня, записанная нѣмцемъ отъ нѣмца. К. Стар. № 9—10, с. 322.

66) Галагановскій фамильный архивъ; предисловіе къ нему, К. Стар. № 11, с. 452—456.

67) Судьба наслѣдства полковника Искры. К. Стар. № 11, с. 519—520. *(Но это было уже раньше напечатано, съ варіантами*, въ Русск. Архивѣ 1869, вып. 9, стр. 1566, и въ Русской Старинѣ 1870, т. 2, изд. 3, с. 530).

1884.

68) Марковичи. К. Стар. № 1, 51—82.

69) Предисловіе и примѣчанія къ Дневнику Н. Ханенка. К. Стар. № 3, с. I—XV.

70) Запорожская реляція о побѣдѣ надъ турецкимъ флотомъ въ днѣпровскихъ гирлахъ. К. Стар. № 9, стр. 129—131.

71) Рецензія на книги: О родѣ дворянъ и графа Милорадовичей, 1871, и Сказаніе о родѣ дворянъ и гр. Милорадовичей. 1884. Кіев. Стар. № 10, с. 331—332.

1885.

72) Голубы. К. Стар. № 5, с. 1—6.

73) Крыжановскіе, тамъ же, с. 7—13.

74) Тамары, тамъ же, с. 14—20.

75) Образчикъ старинной малорусской эпитафіи (Н. И. Тризнѣ), К. Ст. № 5, с. 180—181.

76) Универсалъ гетмана Разумовскаго объ ограниченіи права перехода крестьянъ. К. Стар. № 7, стр. 477—482.

77) Письмо гетмана Скоропадскаго къ черниг. полковнику Полуботку о воспрещеніи сборовъ на ралець. К. Стар. № 10, с. 363.

1886.

78) Историческіе очерки селъ Конотопскаго уѣзда, юго-восточная часть. Черниговъ, 1886. 8°. 33 стр. (рецензія *О. Левицкаго*, К. Стар. 1887, кн. 10, стр. 368).

79) Судебная «инквизиція» въ бывшей гетманщинѣ. К. Стар. I, 195—198.

80) Еще извѣстіе о московскомъ походѣ Сагайдачнаго. К. Стар. I, 200—201 [1]).

81) Кулябки, К. Стар. № 1, с. 1—10.

82) Ломиковскіе, ibid. 10—16.

83) Афендики, ibid. № 7, с. 443—445.

84) Левенцы, ibid. 445—451.

85) Лѣсницкіе, ibid. 452—455.

86) Къ исторіи черниговской типографіи. К. Стар. № 7, с. 574; два документа къ ней же, № 11, с. 571—579.

1887.

87) Архивные отрывки для исторіи Полтавской епархіи. (Изъ Румянц. описи). Полтава.

88) Два акта для исторіи «руины» правобережной Украины, К. Стар. II, 368—370.

89) Универсалъ гетмана Скоропадскаго о переводѣ «книгъ правныхъ» на малорос. языкъ, К. Ст. IV, 788.

90) Рецензія на книгу: Андрей Степ. Милорадовичъ, губернаторъ Черниг. намѣстничества, К. Ст. V, 171.

---

[1]) Во 2-мъ № сообщено А. М. Л—мъ стихотвореніе В И. Лизогуба „Отчетъ гласнаго 1865 г.“, стр. 414—419.

91) Бороздны, К. Стар. VI—VII, 379.

92) Раковичи, ibid. VIII, 627.

93) Оболонскіе, ibid. 631.

94) Мануиловичи, ibid. 635.

95) Еще свѣдѣніе о дикомъ попѣ, К. Ст. XI, 577.

96) Отрывки изъ Нѣжинскихъ магистратскихъ книгъ 1657—1674. Черниговъ (ц. 75 к.).

1888.

97) Описаніе Старой Малороссіи, томъ I. Полкъ Стародубскій. Кіевъ. 8°, XVI, 470 и XXX стр. (рецензіи: Д. Багалѣя, Ж. М. Н. Пр. № 10; И. В. Лучицкаго, Кіевскія Университ. Извѣстія, № 12; Правда, 1889 т. IV, с. 15, А. Я. Конисскаго.

98) На комъ былъ женатъ Мазепа? К. Старина, томъ XXI, отд. 2, стр. 43—45.

99) Письмо воронежскаго сотника Холодовича къ намѣстнику черниг. каѳедры Саввѣ Шпаковскому, 1721, ibid.

100) Черниговъ восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ. К. Стар. т. XXII, с. 55—62 (перепеч. изъ Ч. Г. Вѣд. 1851 г., гдѣ было озаглавлено: «Черниговъ за 45 лѣтъ».

101) Панъ-повѣтовый маршалъ (П. И. Булюбашъ). К. Ст. т. XXIII, 149—161.

102) Жураковскіе, ibid 364—368. Носенки-Бѣлецкіе, 368. Трощинскіе, 371.

103) Рецензія на Историко-статистич. описаніе города Мглина, ibid. 13—14. (М. Токмакова).

1889.

104) Учитель графа П. А. Румянцева-Задунайскаго, Т. М. Сенютовичъ. К. Стар. т. XXIV.

105) Запорожцы посылаютъ изъ СПБ. въ Сѣчь за водкой. ibid. XXIV.

106) Посылка гетмана Апостола въ Москву за лѣкарствомъ. ibid. XXIV.

107) Запоздалая ревность Запорожья къ своему имени. ibid. XXIV.

108) Рецензія: Указатель неоффиц. части Подольскихъ, Волынскихъ и Полтавскихъ Епарх. Вѣдомостей за 25 лѣтъ, ibid. XXIV.

109) Рецензія: Краткое описаніе изслѣдованія рѣки Днѣпра, ibid. XXIV.

110) Гдѣ и какъ продавались изданія Черниговской Ильинской типографіи въ прошломъ вѣкѣ? Кіев. Стар., т. XXV.

111) Къ исторіи землевладѣнія въ Малороссіи, ibid. XXV.

112) Отрывки изъ лѣтописи Мгарскаго монастыря, съ предисловіемъ, ibid. XXV и отд. оттиски.

113) Четыре письма О. М. Бодянскаго (1855—58 г.) Кіев. Стар. т. XXVII.

114) Опись имѣній Бороздиъ (1638). К. Стар. т. XXVII, № 12, с. 622—628.

115) Запорожье въ концѣ XVIII в. Ibid. XXVII, с. 628.

116) Къ исторіи Мазепиной измѣны, ibid. XXVII, с. 645.

1890.

117′) Голосъ Малороссіи конца XVIII в. К. Стар. т. XXVIII, 455.

117″) Въ какой обстановкѣ гетманъ Разумовскій объѣзжалъ Малороссію въ 1752 г., Кіев. Стар. т. XXVIII, с. 117—119.

118) Гетманскіе проповѣдники, ibid. XXVIII.

119) Мысль императора Александра I объ учрежденіи въ Малороссіи козачьихъ полковъ, ibid. XXVIII.

120) Будто-бы домъ Богдана Хмельницкаго, ibid. XXVIII.

121′) Генеральный писарь Андрей Безбородко (1711—1780). Къ портрету его. Ibid. XXVIII, стр. 135—140.

121″) Михайло Бороховичъ, гадяцк. полк. ibid. XXVIII, 547—551.

122) Два документа для исторіи Разумовскихъ. Кіев. Стар. т. XXIX, с. 160—161.

123) Два письма А. И. Чепы, ibid. XXIX.

124) Мотыжинскій архивъ. Акты Переяславскаго полка XVII—XVIII в. подъ редакціею А. М. Лазаревскаго (дополненіе къ Сулим. архиву). К. 1890. Рецензія А. М.: К. Стар. № 9, с. 519—521.

125) Черниговская лѣтопись по новому списку (1587—1725) и Коломацкія челобитныя, съ предисловіемъ. Кіев. Стар. XXIX и отд. оттиски.

126) Записка 1801 г. о нуждахъ малороссійскаго дворянства. К. Стар. т. XXX.

127) Предположеніе объ открытіи французскаго пансіона для дѣтей въ Ромнѣ въ 1781 г. ibid. XXX.

128) Къ исторіи Кіевскаго паломничества, ibid. XXX, № 9, стр. 496.

129) Памятная книжка Конотопскаго земства. К. 1890, 8⁰, 149 стр.

130) Два письма Н. Д. Разумовской къ сыну Алексѣю Григорьевичу 1743—1748. К. Стар. XXXI.

131) Тепловка. Страница изъ исторіи стараго Батурина. К. Ст. XXXI. Отд. отт. 8⁰, 9 стр.

132′) Списки черниговскихъ дворянъ 1783 г. Матеріалъ для исторіи мѣстнаго дворянства по оффиціальнымъ даннымъ. Черниговъ, 1890. 8⁰, 186 стр.

132″) Акты по исторіи землевладѣнія въ Малороссіи 1630—1690 г. Чтен. въ Общ. Нест. Лѣт. IV, 87—125.

1891.

133) Изъ исторіи селъ и селянъ лѣвобережной Малороссіи. К. Стар. XXXII, с. 1—18 и XXXV, с. 216—231.

134) Содержаніе одного изъ Чепинскихъ сборниковъ, историческихъ бумагъ о Малороссіи. К. Стар. XXXII.

135) Четыре письма жены полкового обознаго Сахновской къ мужу (1743—1794), ibid. XXXII.

136) Невѣрное свѣдѣніе о Шевченкѣ, ibid. XXXII.

137) Максимъ Илляшенко, полковникъ лубенскій (1667—1687), ibid. XXXII.

138) Отрывки изъ семейнаго архива Полетикъ: Григорій Андреевичъ Полетика, свѣдѣніе о библіотекѣ его и догадка объ авторѣ «Исторіи руссовъ». К. Стар. XXXIII, № 4, с. 97—116. (Въ XI книгѣ Чтеній Общ. Нестора Лѣт.: Записки Полетики о началѣ Кіевской академіи).

139) Полковничьи чиншевики, ibid. XXXIII.

140) Мамаевъ дубъ, ibid. XXXIII.

141) Позднѣйшая память о Богданѣ Хмельницкомъ въ Субботовѣ, ibid. XXXVIII.

142) Рукописное Евангеліе будто бы Сагайдачнаго, ibid. XXXIII, № 4, с. 165—167.

143) Число крестьянскихъ дворовъ, находившихся во владѣніи козацкой старшины въ половинѣ XVIII вѣка. Кіев. Стар. XXXIV, 284—289.

144) Полтавщина въ XVII в., ibid. XXXIV, 357—374.

145) Распредѣлительная запись имѣній графа К. Гр. Разумовскаго между сыновьями, ibid, XXXIV.

146) Письмо Н. И. Костомарова къ А. М. Л. ibid XXXIV.

147) Рецензія: Каталогъ военно-учебнаго архива Главнаго Штаба, ibid. XXXIV.

148) Свѣдѣнія о дунайскихъ запорожцахъ (1826 г.) Кіев. Стар. т. XXXV.

149) Князь Потемкинъ и малорусскія пѣсни, ibid. XXXV, № 12, 482—484.

150) Съ апрѣльской книжки К. Стар 1891 г. начатъ печатаніемъ дневникъ Якова Марковича (1717—1767), который потомъ изданъ отдѣльно, въ двухъ частяхъ, въ 1893—1895 г., подъ редакціей А. М. Л., съ его предисловіемъ и примѣчаніями. 1,—XVI, 329 и 2—11, 342 стр.

1892 г.

151) Памяти А. В. Марковича, съ портретомъ его. Кіев. Стар. XXXVIII, № 9, с. 405—409

152) Къ исторіи землевладѣнія въ лѣвобережной Малороссіи, ibid. XXXVIII.

153) Свѣдѣніе объ участіи малороссійскихъ козаковъ въ усмиреніи Пугачевскаго бунта, ibid XXXIX.

154) Опись Конотопской сотни 1711 г. Черниговъ, 8°, 30 стр.

155) Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Черниговскаго полка.

1893 г.

156) Троцины. К. Ст. т. XLIII.

157) Къ исторіи культуры, ibid. XLIII.

158) Рецензіи: Кіево-Подольская Успенская церковь, и

159) Историческій очеркъ Милеевской Параскевіевской церкви, ibid. XLIII.

160) Описаніе старой Малороссіи. Полкъ Нѣжинскій. Кіевъ. 8°, IV, 521 и XXV стр. (Рецензія на эту книгу В. Мякотина въ Отчетѣ о XXXVII присужденіи наградъ графа Уварова).

1894 г.

161) Гробъ Шевченка въ Кіевѣ у Христорождественской церкви. К. Стар. XLIV.

162) Записка о послѣднихъ годахъ жизни графа А. К. Разумовскаго въ Малороссіи, его кончинѣ и похоронахъ. К. Стар. XLIV.

163) Генеральный обозный В. К. Борковскій (1640—1702), ibid. XLIV.

164) Рецензія: Семейная хроника. Записки А. В. Кучубея, ibid. XLIV.

165) Рецензія: Г. П. Данилевскій по личнымъ его письмамъ и литературной перепискѣ, ibid. XLIV.

166) Рецензія: Населенныя мѣста Подольской губерніи, ibid. XLIV.

167) Письмо жены Гадяцкаго полковника Григорія Грабянки къ Ив. Забѣлѣ, Кіев. Стар. т. XLV.

168) Историческія мелочи, ibid. XLV.

169) Изъ отношеній Печерской Лавры къ кіевской митрополіи и Одинъ изъ фактовъ утраты памятниковъ малор. старины. К. Ст. т. XLVI.

170) Рецензія: Т. Гр. Шевченко, біографическій очеркъ Яковенка, ibid. XLVI.

171) Рецензія: Хронологическій указатель указовъ за 240 лѣтъ, ibid. XLVI.

172) Рецензія: Описаніе ризницы и библіотеки Черниговскаго архіерейскаго дома, ibid. XLVI.

173) Рецензія: Каменскій Свято-Успенскій женскій монастырь, прот. Платонова, idid. XLVI.

174) Прежніе изыскатели малорусской старины: Як. Мих. Марковичъ, Кіев. Стар. XLVII, с. 348—387, и А. И. Мартосъ, 1895, LXVIII, 170—194.

175) Изъ прошлой жизни Печерской Лавры, ibid. т. XLVII.

176) Къ поминкамъ о Сковородѣ, ibid. XLVII.

177) Опущенная изъ печати страница изъ Лѣтописи Грабянки, ibid. XLVII.

178) Дневникъ гетмана Апостола, ibid. XLVII.

179) Рецензія: Историческія и статистическія записки о дворянскомъ сословіи Черниговской губерніи 1838 г., ibid. XLVII.

180) Словарь малорусской старины, составленный въ 1808 г. В. Ломиковскимъ, редакція и примѣчанія А. М. Л. Кіевъ, 8°, 32 стр.

1895.

181) Для чего и въ какой обстановкѣ пріѣзжалъ кн. Меншиковъ въ Малороссію въ 1720 г., Кіев. Стар. т. XLVIII.

182) Листъ печерскаго архимандрита Иннокентія Гизеля на сборъ милостыни, ibid. XLVIII.

183) Дополненіе къ свѣдѣніямъ объ Антонѣ Танскомъ, ibid. XLVIII.

184) Рецензія: Жизнь и труды М. П. Погодина (Н. Барсуковъ) кн. VIII; idib. т. XLVIII.

185) Какъ высохла наша степь, ibid. XLVIII.

186) Рецензія: Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. IX, ibid. XLIX.

187) Ал. Ив. Ханенко, некрологъ, ibid. т. L, стр. 367—368.

188) Перечень имѣній графа В. В. Завадовскаго, ibid. L.

189) Два письма Г. П. Галагана (1859), ibid. L.

190) Рецензія: Кіев. Епарх. Вѣдомости (1892—1894), ibid. т. L.

191) Ив. Ром. Мартосъ, ibid. LI, с. 48—71, № 10.

192) Отрывокъ изъ дневника В. Я. Ломиковскаго, ibid. LI.

193) Черниговскій Коллегіумъ въ началѣ XVIII в., ibid. LI.

194) Жегота Паули, некрологъ, ibid. LI.

195) Рецензія: Извѣстія Таврической ученой архивной комиссіи, ibid LI.

196) Рецензія: Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ, ibid. LI.

197) Рецензія: Украинскія народныя преданія, Кулиша, и Этнографич. матеріалы, Гринченка, ibid. LI. [1]).

1896 г.

198) Лубенщина и князья Вишневецкіе. Кіев. Стар. т. LII, с. 334—357 (было сообщеніе въ Общ. Нестора Лѣтописца).

199) Г. Ѳ. Квитка, какъ сотрудникъ «Современника», ibid. LII.

200) Рецензія: Христофоръ Сулима, еписк. Харьковскій, соч. прот. Лащенко, ibid. LII.

201) Частная переписка И. Р. Мартоса, ibid. LIII, 344—368.

---

[1]) Намъ неизвѣстно, гдѣ напечатано его сообщеніе о кладѣ, найденномъ въ августѣ 1895 г. въ с. Пилявѣ, Каневскаго уѣзда.

202) Договоръ прихожанъ съ причтомъ (1834 г.) ibid. LШ.

203) Къ свѣдѣніямъ о старой малор. школѣ, ibid. LШ, отд. 2 [1]).

204) Козачья служба въ гетманство Разумовскаго, ibid. LШ, отд. II.

205) Къ исторіи малор. духовенства, ibid. LШ. Отд. II.

206) Рецензія: П. Тутковскій: Юго-западный край и Ем. Левицкій: Галицко-русская библіографія, XIX стол. ibid. LШ.

207) Универсалъ гетмана Разумовскаго о прекращеніи старшинскихъ насилій, ibid. LIV.

208) По поводу ста лѣтъ отъ смерти графа П. А. Румянцева, ibid. т. LV, стр. 374—394, № 12.

209) Письмо св. Ѳеодосія Углицкаго (1691) ibid. LV.

210) Черта характера графа Румянцева, idid. LV.

211) Хозяйство графа П. А. Румянцева, ibid. LV.

212) Рецензія: Этнографическіе матеріалы, Гринченко, ibid. LV.

213) Рецензія: Rocznik kółka naukowego Tarnopolskiego, ibid. LV.

214) Рецензія: Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, ibid. LV.

215) Рецензія: Указатель неоффиц. отдѣла Кіев. Епарх. Вѣдомостей (1871—1895), ibid. LV.

216) Историческіе очерки Полтавской Лубенщины. Чтенія въ истор. обществѣ Нестора Лѣтописца, книги X и XI.

1897 г.

217) Александръ Михайловичъ Марковичъ, Кіев. Стар. LVI, стран. 275—310.

218) Памяти Н. М. Бѣлозерскаго, ibid. LVI, стр. 145—150.

219) Рубанъ Вас. Григорьевичъ, ibid. LVI, отд. II.

220) Кому принадлежитъ редакція сборника малорусс. пословицъ, изд. въ 1864 г., ibid. LVI, отд. II.

221) Чаша Богдана Хмельницкаго, ibid. LVI, отд. II.

222) Къ вопросу о Грабянкиной лѣтописи, ibid. LVI.

223) Какъ основалась Кіевская Старина? ibid. LVI.

224) Рецензія: Главнѣйшіе матеріалы изъ исторіи запорожскаго козачества, Д. Эварницкаго, ibid. LVI. (См. также Чтенія въ Общ. Нестора Лѣтописца, кн. X).

---

[1]) Авторъ книги, неизвѣстный А. М. Лазаревскому, очень извѣстенъ: *Федоръ Петровичъ Лубяновскій*, переводчикъ Телемака.

225) Поѣздка въ Полтаву, Кіев. Стар. т. LVII. стр. 67—77.

226) Харьковъ и Стародубъ въ 1808 г. ibid. LVII, отд. 2.

227) Два поддѣльныхъ историческихъ документа, ibid. LVII, отд. 2.

228) Рецензія: О малороссійскихъ переписныхъ книгахъ, Вит. Эйнгорна, ibid. LVII.

229) Письма Д. М. Велланскаго (1805—1834), Кіев. Стар. т. LIX, стр. 289—310.

230′) Рецензія: Ив. Серг. Аксаковъ въ его письмахъ, томъ 4 (Спб. 1896) ibid. т. LIX.

230″) Першій русско-американскій календарь, ibid. LIX, рецен.

230‴) Эварницкій: Исторія запор. козаковъ, ibid. LIX, рецензія.

1898 г.

231′) Гетманскіе дома въ Глуховѣ, Кіев. Стар. LX, с. 160—166.

231″) Письма Честаховскаго о похоронахъ Шевченка, ibid. LX, стр. 167—193.

232) Замѣтки о Мазепѣ, по поводу книги о немъ Ѳ. Уманца, ibid. LX, стр. 457—485, т. LXI, стр. 131—167, 395—411.

233) Универсалъ гетмана Гавріила Крутневича (1603) т. LX, отд. II.

234) Рецензія: Сборникъ историческихъ матеріаловъ по исторіи кубанскаго козачьяго войска, ibid. LX.

235) Рецензія: Сборникъ свѣдѣній о родѣ Максимовичей, ibid. LX.

236) Рецензія: Materiały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne, ibid. LX.

237) Любечскій архивъ графа Милородовича, приложеніе къ Кіев. Стар. 1896—1898 гг., т. LXI.

238) Кресты гетмана Сагайдачнаго. ibid. LXI, отд. 2.

239) Городецкій Музей Волынской губерніи, ibid. LXI, отд. 2.

240) Письмо Мазепы о заселеніи правобережнаго Приднѣпровья въ концѣ XVII в. ibid. LXI. отд. II.

241) Келья св. Димитрія Ростовскаго, ibid. LXI, отд. II.

242) Проектъ Кіевскаго музея древностей и искусствъ, ibid. LXI.

243) Рецензія: Номоканонъ при Большомъ Требникѣ, ibid. LXI.

244) Рецензія: Русская политика въ восточномъ вопросѣ, idid. LXI.

245) Рецензія: Отчетъ о 4-мъ присужденіи преміи Г. Ѳ. Карпова, idid. LXI.

246) Рецензія: Крѣпости и гарнизоны Южной Россіи въ 1718 г. ibid. LXI.

247) Суды въ старой Малороссіи, LXII, стр. 75—115.

248) Матеріалы для біографіи Г. П. Галагана, ibid. LXII, стр. 189—224.

249) Гдѣ теперь находится могила Кочубея и Искры? ibid. LXII. отд. 2.

250) Предки П. А. Кулиша, ibid. LXII, отд. 2.

251) Рецензія: Богданъ Хмельницкій, анонимная поэма 30-хъ годовъ, ibid. LXIII.

252) Отрывки изъ дневника гетманской канцеляріи за 1722—1723 г., Чтенія въ Обществѣ Нестора Лѣтописца, книга XII.

1899 г.

253) Изъ семейной хроники Берловъ, Кіевская Старина, LXIV, стр. 101—133.

254) Новопетровское укрѣпленіе, ibid. LXIV, стр. 291—295.

255) Къ исторіи Мазепинаго замысла, документъ 1710 года, ibid. LXIV, отд. 2.

256) Рецензія: Сборникъ матеріаловъ по исторіи Кубан. козач. войска, ibid. LXIV.

257) Рецензія: Воспоминанія и дневники Адр. Моис. Грибовскаго, ibid. LXIV.

258) Замѣтка о портретахъ Мазепы, ibid. LXIV, стр. 453—462.

259) Малорусская кабальная запись 1725 г., ibid. LXIV, отд. 2.

260) Пѣсня изъ крѣпостного быта про Галаганцивъ, съ предисловіемъ. Кіев. Стар. LXV, отд. 2.

261) Показаніе о службахъ лубенскаго полковника Андрея Петровскаго (1678—1712), ibid. LXV, отд. 2.

262′) Изъ семейныхъ отношеній начала XVIII в., ibid. LXV, отд. 2.

262″) Старинныя пригласительныя на свадьбу письма, ibid. LXV.

263) Дневникъ Як. Ив. Костенецкаго, ibid. LXV, отд. 2, стран. 137—140.

264) Малороссійскія переписныя книги 1666 года. Чтенія въ Общ. Нестора Лѣтописца, кн. XIII, отд. III, стр. 35—143.

265) Эпитафіонъ вознаіо Андрея Чечеля. Кіевская Старина, т. LXVII, отд. 2.

1900 г.

266) Старинные польско-русскіе календари. Чтенія въ Общ. Нестора Лѣтописца, кн. XIV, вып. 2, отд. 2, стр. 102—123.

267) Четыре письма А. Ф. Шафонскаго къ А. С. Сулимѣ. Чтенія въ общ. Нестора Лѣтописца, кн. XIV, вып. 2, отд. III, стр. 71—83.

268) Два письма Ѳ. В. Чижова къ Г. П. Галагану, Кіев. Стар. т. LXXI, отд. 2.

1900—1901 г.

269) Описаніе старой Малороссіи, т. III. Прилуцкій полкъ, Кіев. Стар. и отд. книгою 1902, in 8, XIV, 426 и XXIII стр. Посвященъ памяти *Осипа Максимовича Бодянскаго.*

1901 г.

270) Конотопская старина по устному преданію. Кіев. Старина. LXXII, отд. 2, стр. 1—3 (изъ записей С. Д. Носа).

271) Къ исторіи статутовыхъ судовъ въ лѣвобережной Малороссіи, ibid. LXXII, отд. 2, стр. 3—4.

272) Отрывки изъ Черниговскихъ воспоминаній, ibid. LXXII, № 3, с. 352 и № 5, стр. 282. Отд. оттискъ 8⁰ 34 стр.

273) Предисловіе къ письму Н. В. Шугурова, ibid. № 12, стр. 153—155.

274) Матеріалы для исторіи торговли пенькою Стародубья съ заграницею. Чт. въ общ. Нестора Лѣт. XV, вып. 1. отд. 3, стр. 3—4.

275) О собираніи матеріаловъ для исторіи освобожденія крестьянъ въ губерніяхъ Кіевскаго Учебнаго Округа. Чтен. въ Общ. Нестора Лѣтописца XV, вып. 2, отд. V, стр. 43.

1902 г.

276) Поминки предковъ (о родѣ Полетикъ), Кіевская Старина № 3, отд. 2, стр. 158—162.

277) Рецензія: Родословная книга Черниговскаго дворянства, изданіе графа Г. А. Милорадовича, 2 тома, 1901 г. Кіев. Старина, т. LXXVII, № 4, отд. 2, стр. 46—54.

278—281) Четыре замѣтки (безъ подписи) въ март. кн. Кіев. Старины: Погибшая библіотека, Архитекторъ Мостипановъ, Полуботокъ въ оковахъ и Купчая на домъ въ Кременчугѣ 1654 г.

282) Цеховые акты лѣвобережной Малороссіи (1622—1645 гг.). Чт. Общ. Нестора Лѣт., кн. XV, вып. 4, отд. 3.

283) Украинскіе козаки въ двадцатыхъ годахъ XVII в. Ibidem, отд. 5. [1])

КЛЮЧЪ

къ хронологическому указателю трудовъ

А. М. ЛАЗАРЕВСКАГО.

(Собственныя имена и главнѣйшіе предметы).

Аксаковъ Ив. С. № 196, 230.
Акты 31, 62, 86, 88, 89, 132,'' 207.
Александръ I, импер. 119.
А. М. 124.
Антоновичъ Вл. Б. 58.
Апостолъ Д. гетманъ 106, 178.
Апостолы 44.
Архивы: Галагановскій 66, Любечскій 237, Мотыжинскій 124, Полетикъ 138, Сулимовскій 58.
Афендики 83.
Багалѣй Д. И. 97.
Базилевскіе 44.
Бакуринскіе 36.
Барскій В. Г. 43.
Барсуковъ Н. П. 184.
Безбородки 44.
Безбородко Андрей 121.'
Берло 254.
Бобыри 36.
Богуши 36.
Бодянскій Ос. М. 9, 113, 269.
Борковскій 163.
Бороздны 36, 91, 114.
Бороховичи 44.
Бороховичъ Мих. 121.''
Борсуки 36.
Бугаевскіе 36.
Булюбашъ 101.
Бутовичи 36.
Бѣлозерскій Н. 7, 218.
Валькевичи 36.
Велланскій 229.
Вишневецкіе кн. 198.
Воейковъ А. Ѳ. 6.

---

[1]) Въ этомъ спискѣ не поименованы многочисленныя историч. замѣтки, помѣщенныя А. М. Лазаревскимъ въ „Кіев. Старинѣ“ безъ имени ихъ составителя. Въ послѣдніе годы каждый почти № журнала заключалъ въ себѣ отъ 4-хъ до 6—7 его замѣтокъ. *Ред.*

Галаганы 44.
Галаганъ Г. П. 189, 248, 268.
Гамалѣи 44.
Герцики 44.
Гетманщина 54, 64, 79, 118, 231, 252.
Глуховъ, г. 231.
Гоголь-Яновскіе 44.
Гоголь Н. В. 6
Голубы 72.
Горленки 44.
Госпитали 27.
Грабянка Гр. 167, 177, 222.
Грабянки 44.
Грибовскій А. М. 257.
Грибоѣдовъ А. С. 21.
Гринченко Б. 197, 212.
Гротъ Я. К. 214.
Данилевскій Гр. В. 165.
Дворянство 36, 126, 132′, 179, 277.
Державинъ Г. Р. 10.
Димитрій св., митроп. Ростовскій, 241.
Дмитрашки-Раичи 44.
Днѣпръ 109.
Добротворскій А. 30.
Духовенство 37, 95, 202, 205.
Евангеліе рукописное 142.
Ефименко П. С. 9.
Жегота Паули 194.
Жураковскіе 102.
Журналъ «Кіевская Старина» 223.
Жученки-Жуковскіе 44.
Забѣла Ив. П. 12, 63.
Завадовскій гр. П. В. 188.
Завѣщанія духовныя 8.
Запорожье 14, 65, 70, 105, 107, 115, 148, 224.
Землевладѣніе 111, 132″, 152.
Иваненки 44.
Илляшенко 137.
Иннокентій Гизель 182.
Искры 44, 67, 249.
Кабала 259.
Календари 230, 266.
Канцелярія гетманская 252.
Капнисты 46.
Каратыгинъ В. А. 38.
Карповъ Г. Ѳ. 245.
Квитка Гр. Ѳ. 199.
Кіевъ 128, 190, 215, 223.
Козаки 29, 153, 204, 234, 256, 283.
Коллегіумъ Черниговскій 193.
Конисскій А. Я. 97.
Конотопъ г. 22, 78, 129, 154, 270.
Константиновичъ Н. 33.
Коропъ, м. 13.
Костенецкій Я. И. 263.
Костомаровъ Н. И. 146.
Кочубеи 46, 249.
Кочубей А. В. 164.
Крестьяне 32, 76, 143, 275.
Кролевецъ, г. 23.
Кромвель 50.
Крутневичъ гетманъ 233.
Крыжановскіе 73.
Крѣпости 246, 254.
Куксы 52.
Кулишъ П. А. 197, 214, 250.
Кулябки 81.
Лавра Печерская 169, 175.
Лащенко 200.
Левенцы 84.
Левицкій Ор. И. 78.
Леонтій старецъ 24.
Лизогубы 49.

Ломиковскіе 82.
Ломиковскій В. 180, 192.
Лубенщина 198, 216.
Лучицкій И. В. 97.
Лѣсницкіе 85.
Лѣтописи 7, 112, 125, 177, 222.
Мазепа 46, 59, 98, 116, 232, 240, 255, 258.
Максимовичи 235.
Мануйловичи 94.
Марковичи 68.
Марковичъ А. В. 151.
Марковичъ А. М. 217.
Марковичъ Як. А. 150.
Марковичъ Як. Мих. 174.
Мартосъ А. И. 174.
Мартосъ И. Р. 191, 201.
Мглинъ г. 103.
Меншиковъ кн. А. Д. 29, 181.
Мигаль 16.
Миклашевскіе 49.
Милорадовичи 49, 71.
Милорадовичъ А. С. 90.
Милорадовичъ гр. Г. Ал. 71, 277.
Монастыри: Каменскій 173, Мгарскій 112, Новгородсѣверскій 28.
Монахи 37.
Музей Городецкій 239, Кіевскій 242.
Мякотинъ В. А. 160.
Новиковъ Н. И. 6.
Номоканонъ 243.
Носенки-Бѣлецкіе 102.
Нѣжинъ г. 96.
Оболонскіе 93.
Оловъ Іос. 6.
Павелъ Петровичъ, в. кн. 42.
Пансіонъ французскій 127.
Пащенко Д. 35.
Петровскій А. 261.
Петръ III, импер. 39.
Платоновъ, протоіер. 173.
Плетневъ П. А. 214.
Погодинъ М. П. 184, 186.
Полетика Г. А. 138, 276.
Полки: Кіевскій 34, Нѣжинскій 34, 160, Прилуцкій 269, Стародубскій 97, Черниговскій 40, 155.
Полтавская епархія 87.
Полтавщина 144, 225.
Полуботокъ Пав. 20, 47, 278-281.
Портреты 53, 258.
Потемкинъ кн. Г. А. 149.
Пугачевскій бунтъ 153.
Пушкинъ А. С. 21.
Пушкинъ В. Л. 6.
Пѣсни 65, 149, 260.
Разбойники волжскіе 15.
Разумовская Н. Д. 130.
Разумовскіе 76, 117, 122, 145, 162, 204, 207.
Раковичи 92.
Ралець 77.
Роменъ г. 127.
Рубанъ В. Гр. 219.
Румянцовская опись, 33, 34.
Румянцовъ гр. П. А. 42, 45, 208, 210, 211.
Сагайдачный, гетм. 80, 142, 238.
Сахновская 135.
Свѣчки 49.
Села 78, 133.
Сенютовичъ Т. М. 104.
Сковорода Гр. 176.
Скоропадскіе 48.

Скоропадскій, гетм. 77, 89.
Сотники 23, 29, 41, 99.
Стародубье 226, 274.
Старшина 62, 77, 143, 207.
Суды 247, 271.
Сулимы 58, 267.
Сулима Христофоръ 200.
Сумароковъ А. П, 18.
Тамары 74.
Танскій Антонъ 183.
Тепловка 131.
Типографія черниговская 86, 110.
Токмаковъ 103.
Тризны 75.
Трощины 156.
Трощинскіе 102.
Туптало Савва 56.
Тутковскій 206.
Уманецъ Ѳ. М. 232.
Ханенко А. И. 187.
Ханенко Н. 69.
Харьковъ, г. 226.
Хмельницкій Богданъ 50, 120, 141, 221, 251.
Холодовичъ 99.
Хронографъ 11.
Церковь Милеевская 159.
— Успенская Кіево-Подольская 158.
Цехи, 282.
Чепа А. И. 123, 134.
Черниговъ 35, 86, 100, 172, 193, 272.
Честаховскій Гр. Н. 231.
Чечель 265.
Чижовъ Ѳ. П. 268.
Шафонскій А. 267.
Шевченко Т. Гр. 19, 25, 136, 161, 170.
Шейковскій 26.
Школы 27, 203.
Шпаковскій 99.
Шугуровъ Н. В. 273.
Эварницкій Д. И. 224, 230.'''
Эйнгорнъ В. 227.
Яновскій 170.
св. Ѳеодосій Углицкій 209.

С. П.

СОРОКЪ ЛѢТЪ.

(Народная малороссійская легенда).

Почему беззаконные живутъ, достигаютъ старости, да и силами крѣпки? Дѣти ихъ съ ними предъ лицемъ ихъ и внуки ихъ предъ глазами ихъ. Домы ихъ безопасны отъ страха, и нѣтъ жезла Божія на нихъ... Проводятъ дни свои въ счастьи и мгновенно нисходятъ въ преисподнюю. А между тѣмъ они говорятъ Богу: отойди отъ насъ, не хотимъ мы знать путей Твоихъ! Что Вседержитель, чтобы намъ служить Ему? И что пользы прибѣгать къ Нему?... Но Бога ли учить мудрости, когда Онъ судитъ и горнихъ!

(Кн. Іова, гл. XXI, стихи: 7—9, 13—14, 22).

Въ краѣ, гдѣ великорусская и малорусская народности сходятся между собою рубежами, есть слобода, называемая Мандрики. Въ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія она принадлежала отставному гвардіи поручику Мотылину, проживавшему тамъ безвыѣздно съ женою.

Крестьяне въ тѣхъ краяхъ не были тогда слишкомъ обременены. Требованія степныхъ помѣщиковъ были умѣренны и не представляли владѣльцамъ необходимости выжимать сокъ изъ подданныхъ, а лѣнь, одолѣвавшая провинціаловъ, не дозволяла имъ вымышлять новыхъ средствъ къ житейскимъ удобствамъ. Мотылины были изъ неприхотливыхъ и некорыстолюбивыхъ вла-

дѣльцевъ. Барщины у нихъ не было вовсе, кромѣ двухъ недѣль сѣнокоса. Земля раздавалась крестьянамъ съ оброка и, хотя размѣръ оброка для каждаго крестьянина зависѣлъ отъ воли господина, но Мотылинъ не накладывалъ на крестьянъ своихъ большихъ оброковъ, и потому крестьяне въ слободѣ Мандрикахъ жили довольно зажиточно.

Однимъ изъ зажиточнѣйшихъ обитателей слободы Мандрики былъ Денисъ Савельичъ Шпакъ. Дворъ у него былъ просторенъ. Ко двору прилегалъ плодовитый садъ, а за садомъ былъ огородъ и гумно. Во дворѣ Шпака было двѣ хаты. Одна, передняя, носила названіе свѣтлицы и была внутри помощена досчатымъ поломъ; къ ней примыкалъ другой покой, меньше свѣтлицы, называемый комнатою. Рядъ иконъ подъ потолкомъ, увѣшанныхъ барвинкомъ и васильками, передъ иконами—двѣ лампадки и полдюжины маленькихъ подсвѣчниковъ для восковыхъ свѣчекъ, нѣсколько раскрашенныхъ гравюръ, прибитыхъ гвоздиками къ стѣнамъ, четыре немалыхъ окна съ растворчатыми рамами, зеленая муравленая печь и пестрый коверъ, застилавшій липовый столъ,—все это придавало свѣтлицѣ веселый видъ, а нѣсколько книгъ въ массивныхъ переплетахъ, лежавшихъ на лавкѣ въ углу подъ образами, обличали въ хозяинѣ грамотнаго человѣка. Ребромъ къ свѣтлицѣ стояла во дворѣ другая хата, носившая названіе черной, но она была цвѣта бѣлаго, такъ же, какъ свѣтлица, будучи и снаружи, и внутри обмазана растворомъ мѣла съ молокомъ: то была рабочая изба съ большою печью у входныхъ дверей и съ пристроенными къ ней чуланчиками для храненія домашней рухляди. Кромѣ этихъ двухъ избъ, во дворѣ Шпака были амбаръ, конюшня и плетеный сарай для скота и повитка (навѣсъ), подъ которою стояли плугъ, телѣги и сани. Шпакъ былъ настолько зажиточенъ, что могъ держать наймита и наймичку, и это было для него тѣмъ удобнѣе, что вся семья его, кромѣ его самого, состояла изъ одной дочери, которую онъ очень любилъ и баловалъ.

Въ прежніе годы Шпакъ чумаковалъ и этимъ промысломъ успѣлъ себѣ зашибить копѣйку. Когда онъ начиналъ старѣться,

пересталъ ходить въ дорогу и въ это время попалъ въ милость къ своему барину. Мотылинъ держалъ съ нимъ совѣты по хозяйственнымъ дѣламъ и давалъ ему кой-какія порученія. Шпакъ былъ отъ природы уменъ и понялъ, что въ такихъ случаяхъ, когда дѣло шло о господскомъ интересѣ, выгодно быть честнымъ. Шпакъ очень понравился Мотылину. Желая сдѣлать ему благодѣяніе, баринъ далъ ему взаймы денегъ. Шпакъ накупилъ хлѣбнаго зерна. Черезъ два года послѣ того сдѣлался неурожай, хлѣбъ поднялся въ цѣнѣ, и Шпакъ продалъ свое зерно въ шесть разъ дороже той цѣны, по какой самъ покупалъ. Шпакъ обогатился пуще другихъ односельцевъ и сталъ возбуждать къ себѣ зависть. Его вообще не долюбливали въ слободѣ: былъ онъ мужикъ суровый, постоянно ходилъ съ потупленною головою, на всѣхъ глядѣлъ какъ будто изъ подлобья, ни съ кѣмъ не веселился, не ходилъ въ шинокъ, не посѣщалъ пирушекъ и самъ ихъ у себя не заводилъ, не пѣлъ пѣсенъ, не балагурилъ, хоть не прочь былъ при случаѣ отпустить на другихъ колкость, особенно, когда ему приходилось щегольнуть своимъ превосходствомъ грамотнаго человѣка, а въ слободѣ Мандрикахъ, кромѣ церковниковъ, изъ крестьянъ было только двое грамотныхъ. Скупцомъ Шпакъ не былъ, но никто не называлъ его и щедрымъ; не былъ онъ злымъ, но никто не находилъ, чтобъ онъ былъ добросердеченъ. «Себѣ на умѣ, крутой мужикъ!» говорили про него всѣ, кто только зналъ его. Послѣ своей наживы, Шпакъ сталъ побаиваться, чтобъ его не обокрали и, отдавая своему помѣщику занятыя на торговлю деньги, просилъ взять на сохраненіе свои семь тысячъ ассигнаціями. Мотылинъ, принявши отъ Шпака эту сумму, далъ ему собственноручную росписку и тогда же, сообразно желанію Шпака, написалъ въ оставляемомъ сыну, на случай своей кончины, завѣщаніи, чтобъ тотъ отпустилъ на волю дочь Шпака вмѣстѣ съ ея будущимъ мужемъ, если этотъ мужъ будетъ изъ крѣпостныхъ слободы Мандрикъ. О себѣ не просилъ Шпакъ.

Немного времени прошло послѣ того; сперва умерла госпожа Мотылина, а за нею, мѣсяцевъ черезъ пять, послѣдовалъ и Мотылинъ.

Единственный сынъ и наслѣдникъ Мотылиныхъ учился въ московскомъ благородномъ пансіонѣ, не показывая ни способностей, ни охоты къ ученью. Молодой Мотылинъ чувствовалъ и зналъ, что онъ столбовой дворянинъ и наслѣдникъ шести сотъ ревизскихъ душъ и 12864 десятинъ земли, въ количествѣ которой числилось до двухъ тысячъ десятинъ лѣса. Въ тѣ времена въ дворянскомъ сословіи господствовало такое убѣжденіе, что столбовому дворянину да еще богатому учиться незачѣмъ, и съ такимъ убѣжденіемъ молодой Мотылинъ, получивъ извѣстіе о кончинѣ родителя, пріѣхалъ въ Мандрики. Онъ объявилъ назначенному надъ нимъ опекуну, что учиться не хочетъ, а желаетъ служить. Молодецъ вступилъ въ гусары. Черезъ три года послѣ того онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ корнета, по разстроеннымъ домашнимъ обстоятельствамъ. Прибывши въ Мандрики весною 1820 года и поживши мѣсяца три въ родительскомъ гнѣздѣ, молодой баринъ задумалъ жениться на дочери сосѣда, человѣка богатаго, занимавшагося откупами и лѣтомъ проживавшаго въ своемъ имѣніи въ слободѣ Лубкахъ, въ трехъ верстахъ отъ Мандрикъ.

Событіе, составляющее начало нашего повѣствованія, происходило именно въ ту пору, когда молодой Мотылинъ вознамѣрился жениться.

Выше было сказано, что у Шпака была единственная дочь. Звали ее Вассою. Ей былъ уже восемнадцатый годъ. Это была дѣвица рослая, бѣлокурая, немного курносенькая, что составляетъ признакъ красоты у малоруссовъ. Одѣвалась она пестро и, по сельскому обиходу, богато: зеленый корсетъ съ красными кисточками нашитыми по всему корсету, желтая запаска, клѣтчатая плахта, красные сапожки, на головѣ двухцвѣтный шолковый платокъ въ видѣ повязки, изъ подъ котораго спадало на спину нѣсколько косъ со вплетенными въ нихъ лентами разныхъ цвѣтовъ; на шеѣ нитки коралловъ, на груди серебряные крестики и сердечки, въ ушахъ коралловыя серьги, а пальцы у ней на рукахъ были словно окованы золотыми перстнями и кольцами. Въ

ея походкѣ, въ каждомъ поворотѣ ея тѣла, виднѣлось сознаніе достоинства дочки богатаго крестьянина. Васса никогда не ходила на сборища сельской молодежи, ни даже съ дѣвушками въ хороводы, ни въ дружкахъ на свадьбы; и это не потому, чтобъ отецъ ее не пускалъ: сама она ничего подобнаго не любила, а съ молодыми ребятами не только на вела бесѣдъ, но какъ только какой-нибудь вздумаетъ подъѣзжать къ ней съ двусмысленными выходками, Васса, не говоря ему ни слова, повернется спиною и уйдетъ, а молодецъ останется въ дуракахъ. Во всей слободѣ находили ее неприступною, гордою, называли даже недоброю, и никто не зналъ, что въ серцѣ этой чванной дочки богатаго мужика уже зародилось чувство любви.

Былъ у Шпака наймитъ, по имени Трохимъ, по прозвищу Яшникъ, круглый сирота. Родителей потерялъ онъ такъ рано, что и не помнилъ ихъ. Вскормила его тетка солдатка, женщина очень бѣдная. Нерадостно прошло дѣтство Трохима. Тетка была баба ворчливая, вѣчно хныкавшая о своемъ горѣ. Да и было отъ чего. Земли за нею не было. Во дворѣ съ обваленнымъ плетнемъ стояла хата, близъ которой находился погребъ: въ этомъ погребѣ ничего не сберегалось, потому что сберегать было нечего. За дворомъ былъ небольшой огородъ, гдѣ садились только лукъ, картофель, да подсолнечники, безъ которыхъ обойтись не можетъ ни одна малороссіянка, ни богатая, ни бѣдная. Хлѣба солдаткѣ не за что было купить, приходилось его выпрашивать, и ходила она со двора на дворъ, произнося имя Христово: въ одномъ дворѣ дадутъ ей хлѣбный недоѣдокъ, въ другомъ щепотку соли. Если же кто, разщедрившись, дастъ ей кусокъ сала, тогда у солдатки—праздникъ: топилась печь, варились галушки. Трохимъ по слѣдамъ тетки ходилъ также за подаяніемъ съ грязнымъ мѣшкомъ за плечами. Хлѣбъ и вода составляли его обычную пищу. Вкуса въ молокѣ онъ не зналъ, а яйца и мясо отвѣдывалъ развѣ только на пасху, когда, въ видѣ Христовой милостыни, дадутъ ему гдѣ-нибудь красное яичко или кусокъ освященной поросятины. Въ тринадцать лѣтъ отъ роду приставила Трохима громада пасти свиней, и за это занятіе онъ получалъ три руоля въ годъ, да,

кромѣ того, два раза въ годъ, весною и осенью, обходилъ дворы хозяевъ тѣхъ свиней, что пасъ, и получалъ подачки. Носилъ онъ рубаху съ заплатами, а сверху надѣвалъ сѣрую ветхую свиту; впрочемъ какой-то мужикъ сжалился надъ Трохимомъ и осенью подарилъ ему изношенный тулупчикъ своего сына, Трохимова однолѣтка. Спалъ Трохимъ гдѣ попало, въ полѣ съ своими свиньями, а у тетки въ хатѣ ложился на голой землѣ, подостлавши тулупъ и свитку подъ головы: постели онъ не зналъ, какъ и тетка не знала. Лѣтъ пять исполнялъ Трохимъ такимъ образомъ должность свинопаса, а тѣмъ временемъ выросталъ и становился красавцемъ: его каріе глаза и черныя брови заставляли засматриваться на него слободскихъ дѣвушекъ. Только большая худоба лица тотчасъ показывала, что дѣтство его протекало непривѣтливо.

Увидалъ его однажды Шпакъ, когда молодецъ гналъ съ поля свиней, и подумалъ про себя богатый мужикъ: «какой славный хлопецъ! Ему бы дать другое дѣло, а пасти свиней могъ бы кто иной, похуже его»! Шпакъ взялъ Трохима къ себѣ въ наймиты.

Нельзя сказать, чтобы у Шпака положеніе наймита было Богъ знаетъ какое хорошее. Крутой мужикъ хозяинъ часто ворчалъ на него и упрекалъ то въ лѣни, то въ непослушаніи, хотя Трохимъ былъ не лѣнивъ и послушенъ. Да и самъ Шпакъ былъ имъ внутренно доволенъ, только такъ уже считалъ нужнымъ держать наймита въ строгости, чтобъ тотъ не зазнавался, и ни на минуту не забывалъ разницы между собой и своимъ хозяиномъ. Но Шпакъ Трохима кормилъ и одѣвалъ, и то ему послѣ того житья, какое переносилъ Трохимъ у своей тетки, житье у Шпака показалось очень сноснымъ.

Дочь Шпака не такъ отнеслась къ бѣдному наймиту, какъ ея родитель. Статность и красота наймита защемили ей сердце. Трохимъ отъ природы былъ сметливъ и уменъ и менѣе чѣмъ всякій другой способенъ былъ на смѣлую выходку къ дочери своего хозяина. Дѣвушка предупредила его и сама первая сказала ему, что полюбила его. Трохимъ предался ей всею душою. Они видались по ночамъ въ саду и любезничали. Васса надѣя-

лась, что отецъ, любя ее безъ ума, согласится отдать ее за Трохима, если только хорошенько упросить-умолить старика. Долго стыдилась Васса и не рѣшалась заговорить съ отцомъ о своей любви. Наконецъ, пришелъ къ Шпаку одинъ разъ сосѣдъ односелецъ, и, послѣ ухода гостя, Шпакъ говорилъ дочери:

— Приходилъ ко мнѣ Павло Дрижакъ и молвилъ: «какъ бы намъ спаровать своихъ дѣтей. У тебя—говоритъ—дочь, а у меня сынъ». А я ему въ отвѣтъ: жить съ моей дочерью не тебѣ, а твоему сыну, и съ твоимъ сыномъ жить не мнѣ, а моей дочери. Спрошу у дочери, какъ она скажетъ, такъ пусть и будетъ. Коли скажетъ, что пойдетъ за твоего сына, такъ присылай сватовъ, а скажетъ, что сынъ твой ей не по сердцу, тогда не взыщи.

— Я не пойду за Дрижиченка. Я не люблю его,—отрывисто и рѣшительно произнесла Васса.

— Не любишь,—сказалъ Шпакъ—такъ и разговора больше не будетъ объ этомъ. Я такъ и скажу Дрижаку. Я своей дочери силовать не буду, да и мѣшать ей не стану. За кого она захочетъ выходить, за того пусть и выходитъ.

— Такъ вы, тату, не станете мѣшать вашей дочери выходить замужъ за того, за кого она сама захочетъ?—сказала Васса.

— Боже сохрани! Большой это грѣхъ!—произнесъ Шпакъ.

— А если—сказала Васса,—я захочу идти за нищаго, безроднаго?

— Хмъ! Какъ это можетъ статься, чтобъ ты пошла за нищаго, безроднаго! Какъ таки нищій и безродный посмѣетъ приступить къ тебѣ? Знаю тебя я, дочка! Не то что нищій и безродный—и любой отецкій сынъ въ нашей слободѣ безъ опаски не пойдетъ къ тебѣ. Ты вся въ своего батька.—Такъ говорилъ Шпакъ.

— Тату! робко произнесла Васса:—я полюбила всею душою нашего наймита Трохима и ни за кого не хочу выходить, только за него.

— Дочко!—сказалъ Шпакъ:—что ты шалишь, что батька дразнишь?—Не повторяй этого больше. А то: чего добраго! Под-

слушаетъ твои рѣчи паймитъ и заберетъ себѣ въ голову не знать что!

— Нѣтъ, тату, я не дразню батька, я говорю правду. Люблю Трохима: отдай меня за него; ни за кого другого идти не хочу,— сказала рѣшительно дѣвушка.

Шпакъ, сидѣвшій до того времени на лавкѣ съ палкою въ рукѣ, вскочилъ, сталъ ходить по свѣтлицѣ, потомъ остановился и судорожно ударилъ палкою о помостъ.

Васса стояла у печки, молча, ожидая своей судьбы. У отца сверкали глаза гнѣвомъ. Онъ, какъ будто, готовился что-то произнести, но удержался. Постоявши немного времени на одномъ мѣстѣ, онъ опять прошелся по свѣтлицѣ, потомъ сѣлъ на скамью и сталъ водить концемъ палки по помосту. Васса все молчала, глядя на отца. Наконецъ, Шпакъ, силясь казаться спокойнымъ, сказалъ:

— Что сказано, такъ тому и быть. Я сказалъ: за кого сама захочешь, за того и выходи. И опять скажу: силовать тебя, дочка, я не стану. Только теперь я тебя за Трохима не отдамъ, а отдамъ, коли Богъ дастъ, послѣ. Пусть твой Трохимъ наживетъ себѣ жупанъ изъ синяго панскаго сукна, да пріѣдетъ ко мнѣ со сватами на своемъ собственномъ возѣ, своею собственною лошадью. Тогда я отдамъ тебя за него. А до той поры пусть не порывается: сегодня же сгоню его со двора. Пусть сюда своего носа не суетъ!

— Это загадка!--сказала Васса:—куда какіе вы, тату, добрые на словахъ, а какъ до дѣла дойдетъ, такъ и вы, я вижу, такіе же, какъ и другіе батьки, а можетъ быть и злѣе!

— Не тебѣ наставлять меня,—сказалъ Шпакъ разсерженнымъ голосомъ:—яйца курицу не учатъ. Ты моя, за кого захочу, за того иди, а противъ моей воли ты не смѣешь!

— Такъ, что же, что я ваша,—сказала Васса съ горячностію.—Развѣ, коли я ваша, такъ вы меня съѣсть можете? Ай, тату, тату! Я противъ воли вашей не пойду, да и какъ идти: попы вѣнчать не станутъ безъ вашего согласія. Только я вамъ, тату, говорю: не пойду ни за кого, только за одного Трохима.

А когда вы за него меня не отдадите, то своей дочери свѣтъ завяжете.

— Иди прочь! На дразни меня! сказалъ Шпакъ:—отдамъ тебя за Трохима тогда, какъ Трохимъ пріѣдетъ ко мнѣ въ синемъ жупанѣ, на своемъ возѣ, своею лошадью. Я жъ тебѣ сказалъ. Чего-жъ тебѣ еще? Слово мое не перемѣню. Любишь отца и почитаешь—жди, а не любишь и не почитаешь—иди себѣ куда хочешь со своимъ Трохимомъ. Живите себѣ у его тетки, нищей солдатки вдовы Орины.

Говоря это, Шпакъ стучалъ палкою о помостъ.

Васса завопила и вышла изъ свѣтлицы. Ея рыданія раздавались въ сѣняхъ. Минуты черезъ три за нею вслѣдъ вышелъ и отецъ. Онъ прошелъ мимо нея, умышленно показывая видъ, что не замѣчаетъ ея слезъ и не обращаетъ на нихъ вниманія. Шпакъ пошелъ по двору и встрѣтилъ Трохима, который несъ въ рабочую хату наколотыя щепки.

— Трохимъ! сказалъ хозяинъ:—приходи сейчасъ ко мнѣ въ свѣтлицу.—И съ этими словами Шпакъ повернулъ назадъ въ свѣтлицу и опять прошелъ мимо плакавшей Вассы, все-таки показывая видъ, что не замѣчаетъ ее.

Сдѣлавши свое дѣло со щепками, наймитъ, по зову хозяина, шелъ въ свѣтлицу, но встрѣтивши въ сѣняхъ Вассу, сталъ распрашивать, о чемъ она плачетъ, какъ вдругъ изъ дверей свѣтлицы высунулъ голову Шпакъ и сурово произнесъ:

— Трохимъ, иди сюда!

Вошелъ Трохимъ въ свѣтлицу. Шпакъ сказалъ сухо и отрывисто:

— Ты мнѣ неугоденъ. Вотъ тебѣ твое жалованье за два года съ мѣсяцемъ. Возьми и ступай со двора.

— Куда мнѣ идти?—началъ было Трохимъ:—у меня ни роду, ни племени!...

— А я что же, безродныхъ, безплеменныхъ содержать долженъ?—сказалъ Шпакъ:—въ царскую службу ступай, коли у тебя нѣтъ ни роду, ни племени. Тамъ такихъ и нужно.

— Я не хочу въ солдаты,—произнесъ Трохимъ.

— Такъ займись ремесломъ какимъ-нибудь, либо торговать начни. Расторгуешься, разживешься, купишь себѣ лошадь, справишь себѣ синій жупанъ изъ панскаго сукна: тогда, нарядившись пристойно, ко мнѣ пріѣдешь. Тогда иной почетъ будетъ тебѣ, тогда и за будущаго зятя приму. А то рано задумалъ. У тебя, вижу, губа то не дура.

Такъ говорилъ ему Шпакъ.

— Какъ я начну торговать?—замѣтилъ Трохимъ: — кто дастъ мнѣ денегъ на торговлю?

— Не знаю, сказалъ Шпакъ:—это не мое дѣло, а твое.

Пытался Трохимъ еще заводить рѣчь съ хозяиномъ, но тотъ перебилъ его и сказалъ:

— Ступай себѣ, разговаривать нечего; когда пріѣдешь въ синемъ жупанѣ, на собственной лошади, тогда поговоримъ. Теперь что мнѣ съ тобой, сермяжникомъ, толковать. Иди отсюда.

Трохимъ вышелъ. Васса, стоявшая за дверью въ сѣняхъ, все слышала. Она бросилась къ Трохиму на шею, но грозный отецъ выглянулъ изъ-за дверей и сурово крикнулъ:

— Васса, иди сюда. Скорѣе иди. Слушайся отца!

Повиновалась Васса, вошла въ свѣтлицу и порывисто промолвила:

— За что вы насъ мучите?

— Кого это насъ?—злобно усмѣхаясь, сказалъ Шпакъ:—тебя да еще кого?

— Моего жениха!—произнесла дочь.

— А кто, спрашивалъ отецъ:—кто васъ пожаловалъ въ женихи съ невѣстою? Женихомъ съ невѣстою называются такая пара, что ее родители благословили. А васъ какіе родители благословляли? Говорилъ я тебѣ, и Трохиму тоже говорилъ: когда онъ разживется, разбогатѣетъ, справитъ себѣ синій жупанъ, лошадь себѣ купитъ и пріѣдетъ ко мнѣ со сватами—вотъ тогда вы будете женихъ съ невѣстою.

Завернулъ Трохимъ въ узелъ свои двѣ пары рубашекъ да сѣрякъ, подарокъ Шпака, и отправился къ нищей теткѣ. Узнавши, что сталось съ племянникомъ, солдатка разразилась проклятіями Шпаку и его дочери, потомъ начала корить и бранить племянника за то, что не ужился во дворѣ богатаго хозяина, а напослѣдокъ принялась за свои обычныя жалобы на нищету и безпомощность.

Наслушавшись теткинаго ворчанья, Трохимъ вышелъ изъ хаты, не зная, что съ собой дѣлать и куда идти. Сталъ онъ бродить подъ заборомъ барскаго двора, около двухъ кузницъ, построенныхъ на обрывистомъ берегу рѣчнаго плеса, поросшаго тростникомъ. Солнце отражалось въ водѣ и въ окнахъ барскаго дома, чванно глядѣвшаго сквозь зелень липъ, посаженныхъ во дворѣ вдоль заборной стѣны. Стало Трохиму какъ-то и больно и досадно.—«Вотъ какъ свѣтъ стоитъ!—размышлялъ онъ:—однимъ роскошь, другимъ нищета и горе».—Озлобился Трохимъ на все, что было богаче и сильнѣе его. И мгновенно сверкнула въ головѣ у него мысль: «зачѣмъ мнѣ жить на этомъ свѣтѣ? Счастья-доли нѣтъ мнѣ и, видно, не будетъ. Я молодъ. Много лѣтъ придется горевать. Лучше теперь порѣшить съ собой, чѣмъ долго терпѣть». И поддался Трохимъ такой роковой думѣ и бросился къ плесу съ намѣреніемъ утопиться. Вдругъ его ухватилъ кто-то сзади за плечо. Оглянулся Трохимъ—передъ нимъ былъ невысокій, кругленькій человѣчекъ, одѣтый въ свѣтло-сѣрую бекешу, подпоясанную ременнымъ поясомъ съ серебряною пряжкою. На головѣ у него былъ черный бархатный картузъ.

— Куда ты лѣзешь? дурень!—сказалъ человѣчекъ.

Трохимъ опамятовался, ничего не отвѣтилъ и торопливыми шагами повернулъ отъ воды. Незнакомецъ зашелъ ему впередъ и, глянувши въ лицо Трохиму, сказалъ:

— Пойдемъ въ шинокъ. Выпьешь—полегчаетъ!

Онъ дернулъ Трохима за рукавъ и почти насильно потянулъ въ шинокъ.

— Ты, можетъ быть,—говорилъ онъ Трохиму дорогою:—слыхалъ про меня что-нибудь недоброе? Не вѣрь ничему. Я человѣкъ хорошій, всѣмъ радѣтельный.

Вошли въ шинокъ, который содержалъ великороссіянинъ. Жидовъ въ этомъ краѣ не держали. Угостилъ назнакомецъ Трохима, потомъ пригласилъ его выйти и повелъ къ барскимъ кузницамъ.

— Ну-ка,—произнесъ онъ:—что у тебя за горе, что ты себя хотѣлъ живота лишить? разскажи!

Трохимъ разсказалъ ему про все.

— Только-то!—сказалъ незнакомецъ.—Не знаю я этого Шпака, но слыхалъ: про него говорятъ—крутъ мужикъ! Но ужъ коли сказалъ, что отдастъ за тебя дочь, такъ отдастъ. Не посмѣетъ не отдать, когда пріѣдешь къ нему такъ, какъ самъ онъ велѣлъ: на своей лошади, въ синемъ жупанѣ изъ панскаго сукна!

— А гдѣ мнѣ взять жупанъ и лошадь? говорилъ Трохимъ. —Я не то что человѣкъ бѣдный, совсѣмъ какъ есть нищій, безъ роду, безъ племени. Тетка есть, и та нищая: Христовымъ именемъ кормится. Старикъ Шпакъ сказалъ нарочно на смѣхъ: ему поругаться бы надъ моею бѣдностью, зналъ онъ, что не достать мнѣ лошади и жупана: отъ того такъ и сказалъ.

— Ты жалуешься, сказалъ назнакомецъ:—что у тебя ни роду, ни племени. А я тебѣ скажу: были бы деньги, а при деньгахъ будутъ и родъ, и племя. При доброй годинѣ у человѣка браты и побратимы!

— А при лихой нѣтъ ни тѣхъ, ни другихъ!—сказалъ Трохимъ:—а я, кромѣ лихой, никакой другой не зналъ.

— Бываетъ, сказалъ неизвѣстный:—при лихой годинѣ явится другъ благодѣтель, что добру научитъ и къ счастью приведетъ. И съ тобой такъ сталось. Я твой другъ-благодѣтель!

Этотъ странный человѣкъ проживалъ въ барскомъ дворѣ, куда назадъ тому съ годъ поступилъ главнымъ садовникомъ. Онъ помѣщался въ саду въ одной половинѣ длинной садовничьей избы, въ другой помѣщались его помощники изъ крѣпостныхъ Мотылина, и они то собственно были настоящими садовниками. Этотъ же, главный, получалъ отъ господъ порученія иногда вовсе не относящіяся къ садоводству. Съ первыхъ дней своего водворенія во дворѣ, онъ поддѣлался къ опекуну, управлявшему имѣ-

ніемъ, а, по возвращеніи изъ военной службы молодого Мотылина, сошелся съ послѣднимъ еще тѣснѣе, чѣмъ съ опекуномъ. Дворня, замѣчая, что онъ въ милости у господъ, уважала его и побаивалась; но въ слободѣ смотрѣли на него съискоса. Лице его было не показисто, все покрыто веснушками. Зеленоватые глаза бѣгали изъ стороны въ сторону. Кругловидный обликъ лица съ торчащими усами придавалъ его физіономіи что-то кошачье. Въ слободѣ звали его Придыбалкою, выражая этою кличкою, что онъ неизвѣстно откуда приплелся (придыбавъ), а во дворѣ величали его Ѳетисомъ Борисовичемъ. Считали его иностранцемъ, хотя никто не могъ сказать, какой онъ націи. Прозвище его было какое-то мудреное, такъ что никто этого прозвища не помнилъ. Въ церкви его никто никогда не видалъ, но въ шинокъ онъ хаживалъ, хотя самъ тамъ не пилъ, только другихъ угощалъ. Батюшка села Мандрикъ невзлюбилъ его черезъчуръ и говорилъ, что этотъ Придыбалка—самъ лукавый въ человѣческомъ образѣ. Съ голоса батюшки и другіе то же про него говорили, старые, благочестивые люди.

— Пріѣхалъ,—говорилъ Придыбалка Трохиму,—въ нашъ барскій дворъ кацапъ съ товаромъ. Есть у него всякое сукно на жупанъ, и денегъ найдется еще въ придачу на покупку тебѣ лошади и воза. Пробудетъ онъ у насъ только до вечера, а къ ночи выѣдетъ вдвоемъ съ своимъ батракомъ и поѣдетъ по дорогѣ, что пошла черезъ слободу Лубки. За Лубками есть лѣсъ, а въ лѣсу оврагъ очень глубокій, весь поросъ кустарникомъ. Дорога идетъ по самому краю оврага. Ступай туда и засядь возлѣ оврага за деревьями. Какъ поѣдетъ по дорогѣ мимо оврага ихъ повозка, ты выскочи и ударь дубиною въ голову купца, потомъ батрака, только поскорѣе, чтобы, когда станешь бить одного, другой не успѣлъ повернуться. Заберешь себѣ изъ повозки, что тебѣ нужно, а повозку съ побитыми людьми и съ ихъ лошадьми перевернешь въ оврагъ. Наѣдетъ земскій судъ. Увидятъ, что лошади не уведены и товаръ остался при мертвыхъ. Судящіе не знаютъ, сколько у нихъ товара было и сколько ты взялъ себѣ:

присудятъ такъ, что купцы, ѣдучи ночью, наѣхали на оврагъ, опрокинулись и убились до смерти.

— Кэкъ же я людямъ-то буду говорить, гдѣ досталъ жупанъ? Всѣ знаютъ, что у меня нѣтъ ни гроша за душею, — возразилъ Трохимъ, озадаченный такимъ неожиданнымъ совѣтомъ.

— Скажешь, что я тебѣ далъ взаймы денегъ, а ты за нихъ справилъ жупанъ,— отвѣчалъ Придыбалка.

— Да какъ же это?—говорилъ Трохимъ.—Побить людей! Неповинныя души загубить? Какъ это можно! За такое дѣло Богъ накажетъ. Я не хочу быть злодѣемъ.

— Такъ тебѣ не видать своей Шпакивны женою твоею, какъ не видать своихъ ушей,—говорилъ ему Придыбалка.—Коли хочешь быть праведникомъ, не думай ни о женитьбѣ, ни о синемъ жупанѣ, думай о царствѣ небесномъ, ступай въ монастырь, поступи въ тяжелую работу къ чернецамъ. А коли хочешь весело на свѣтѣ пожить, такъ не бойся грѣха: грѣши, только такъ, чтобъ люди про твой грѣхъ не узнали, да въ Сибирь тебя не услали!

— Богъ накажетъ пуще Сибири!—со вздохомъ произнесъ Трохимъ.

— А ты видалъ этого Бога?— засмѣявшись сказалъ Придыбалка.

— Не видалъ, да люди говорятъ;—отвѣчалъ Трохимъ:—и батюшка говорилъ, что Богъ все знаетъ, ничто отъ Него не укроется и Онъ за всякое дурное дѣло накажетъ.

— Кабы всѣ боялись, что Богъ накажетъ, такъ всѣ бы думали, чтобъ имъ сдѣлаться старцами, что милостыни просятъ, а не бились бы, какъ рыба объ лёдъ, чтобъ разбогатѣть. Ты, дурень, думаешь, всѣ, что богатѣютъ,—это они отъ трудовъ праведныхъ, безъ грѣха богатѣютъ? Сами-то они такъ про себя говорятъ, только вѣрятъ имъ въ томъ одни дурни. А умные знаютъ, что коли кто разбогатѣлъ, такъ это значитъ, что другихъ по міру пустилъ, а то еще и хуже бываетъ: иные черезъ нихъ и животъ свой порѣшили. Хочешь себѣ счастья: первое дѣло—не бойся грѣха; дѣлай все, что тебѣ корысть приноситъ!

— Говорятъ,—сказалъ Трохимъ съ задумчивымъ видомъ—кровь христіанская рано ли, поздно ли, не пропадаетъ даромъ. Люди узнаютъ и въ Сибирь сошлютъ!

— Не узнаютъ!—говорилъ искуситель:—дѣлай только такъ, какъ я тебя научу. Главное никому про то ни гугу! Теткѣ своей ничего не скажи; невѣстѣ своей еще пуще того не подай никакого вида. Никто не узнаетъ. Я тебѣ ручаюсь. Смотри, вонъ, солнышко уже закатывается. Скорѣе отправляйся. Вотъ тебѣ суковатая дубина. Время. Скорѣе. До того мѣста, гдѣ оврагъ, верстъ пять добрыхъ будетъ. Купецъ уже собирается выѣзжать. Ихъ двое: сладишь. Смотри только: не шуми, не кричи, присядь, за деревьями и тихо жди и сразу, молча, бросься на нихъ. Лупи ихъ прямо по головамъ. На твое счастье купецъ можетъ быть заснетъ въ своей повозкѣ.

Трохимъ, увлекаемый какою-то непонятною для него силою, не нашелъ болѣе ничего возражать, не отважился и звать съ собою невѣдомаго искусителя въ товарищи, хотя внутренно былъ недоволенъ, зачѣмъ тотъ, давши ему такой совѣтъ, самъ не предложилъ помогать Трохиму. Принявши изъ рукъ Придыбалки суковатую палку, онъ пошелъ въ путь.

Дорога шла изъ Мандрикъ черезъ плотину на другой берегъ заросшей камышемъ рѣки и поднималась на гору, покрытую лѣсомъ. Взошедши на гору, Трохимъ шелъ версты двѣ мимо убранныхъ нивъ: былъ тогда августъ, ночь съ 12 числа на 13-е. Дошелъ Трохимъ до слободы Лубки, проминулъ помѣщичью усадьбу, прошелъ мимо деревянной церкви, обсаженной березами, и вступилъ въ лѣсъ. Страхъ началъ подступать ему къ сердцу. Затревожила его мысль о Божескомъ наказаніи, но онъ спѣшилъ прогнать отъ себя эту мысль пріятными образами синяго жупана, Вассы и стараго Шпака, который, увидя его въ такомъ видѣ, въ какомъ самъ велѣлъ ему явиться, отдастъ за него дочь, по данному обѣщанію. Извѣстно, что голосъ совѣсти у человѣка слабъ до совершенія преступленія: иначе бы ихъ такъ много не совершалось. Трохимъ ускорилъ шаги свои, вдаваясь въ лѣсную густоту. Наконецъ, дорога поворотила влѣво и подходила къ оврагу

не далѣе, какъ шага на три. Здѣсь Трохимъ остяновился и сѣлъ за деревьями ожидать свою добычу.

Недолго пришлось ему ждать. Черезъ какія нибудь четверть часа онъ услышалъ стукъ колесъ и лошадиный топотъ. Купецъ ѣхалъ по дорогѣ почти вслѣдъ за Трохимомъ. Какъ только повозка поравнялась съ оврагомъ, бросился Трохимъ и сперва огрѣлъ дубиною по головѣ правившаго лошадьми батрака, потомъ спавшаго въ своей повозкѣ купца. Пробужденный ударомъ купецъ произнесъ крикъ, но Трохимъ повторилъ ударъ и купецъ не испустилъ болѣе никакого звука. Трохимъ вынулъ у мертваго изъ кармана бумажникъ, а потомъ сталъ выбрасывать товарные тюки, какъ вдругъ передъ нимъ нежданно явился Придыбалка. Удивленный Трохимъ хотѣлъ было разспрашивать его, какъ онъ здѣсь; но Придыбалка, взявши одинъ изъ тюковъ, сказалъ Трохиму: «вотъ это съ собой бери, а прочее все бросай! Земскій судъ наѣдетъ, пусть увидитъ, что съ мертвыми ихъ товаръ остался и подозрѣнія въ разбоѣ ни на кого не будетъ!»

Опрокинули въ оврагъ повозку съ трупами побитыхъ людей, съ ихъ товаромъ и съ лошадьми.

— Оно такъ лучше будетъ!—говорилъ Придыбалка:—я еще въ барскомъ дворѣ подсмотрѣлъ, что у него въ этомъ тюкѣ есть. Тутъ все найдешь, что тебѣ теперь нужно. Двѣ штуки сукна: одна синяго: изъ этой будетъ тебѣ жупанъ, другая—чернаго: изъ той сдѣлаешь себѣ штаны и шапку; есть еще здѣсь и бархатъ на жилетъ и штука тонкаго холста на рубашки.

Трохимъ показалъ ему бумажникъ. Придыбалка сосчиталъ и нашелъ, что въ немъ было до восьми тысячъ рублей.

Оба воротились въ Мандрики. Придыбалка ушелъ въ барскій дворъ, а Трохимъ къ своей теткѣ, которая уже спала. Трохимъ, не тревожа ее, улегся въ сѣняхъ, осаждаемый попеременно то сладкими мечтаніями о могущемъ ему быть счастіи, то уколомъ нечистой совѣсти.

На другой день по совершеніи убійства, мужики слободы Лубки увидали опрокинутую въ оврагъ повозку съ мертвыми тѣлами людей и лошадей. Дано было знать земской полиціи. На мѣстѣ приключенія земская полиція произвела слѣдствіе и удостовѣрилась, что съ мертвыми остался ихъ товаръ. Въ карманѣ у купца нашли еще бумажникъ съ деньгами. Трохимъ не замѣтилъ этого бумажника, когда вынималъ другой, потому что онъ находился въ другомъ карманѣ кафтана на противоположномъ боку. Это обстоятельство болѣе всего утвердило земскую полицію въ томъ рѣшеніи, что найденные мертвыми погибли отъ собственной неосторожности. И врачъ, свидѣтельствовавшій ихъ трупы, также заявилъ, что смерть постигла этихъ людей отъ сильнаго удара головами о древесные пни во время паденія въ оврагъ. Во избѣжаніе подобныхъ несчастныхъ случаевъ на будущее время, земская полиція обязала владѣльца дачи, приписанной къ слободѣ Лубкамъ, устроить около оврага со стороны дороги кирпичную загородь.

Обо всемъ этомъ узналъ Трохимъ отъ Придыбалки. По распоряженію послѣдняго, дворовый портной взялся шить Трохиму длиннополый сюртукъ, который тогда малороссы называли жупаномъ, черные штаны, бархатный жилетъ и шапку; дворовый сапожникъ принялся шить ему сапоги, а барскія бѣлошвеи кроили и шили Трохиму бѣлье. Всѣмъ во дворѣ Придыбалка разсказывалъ, что далъ Трохиму денегъ на одежу и на покупку лошади и воза. «Шпакъ», говорилъ онъ, «посмѣялся надъ бѣднякомъ: задалъ ему такую хитрую загадку, что тотъ хотѣлъ наложить на себя руку. Теперь я въ свою очередь насмѣюсь надъ богачомъ». Это всѣмъ слушавшимъ нравилось, потому что малороссы вообще охотники подтрунить надъ чванствомъ своего брата разбогатѣвшаго мужика. Придыбалка приговорилъ двухъ человѣкъ въ сваты Трохиму: одинъ былъ тотъ дворовый сапожникъ, что шилъ Трохиму сапоги, другой зажиточный крестьянинъ изъ слободы Неглядъ.

Дожидаясь приготовленія одежи, Трохимъ отправился повидаться съ Вассою. Онъ рѣшился открыть ей про себя всю правду.

Трохимъ слишкомъ горячо любилъ Вассу, чтобы рѣшиться лгать передъ нею, сочинять и притворяться. Сталъ Трохимъ ходить около Шпакова сада и, заглянувши въ щель частокола, увидалъ Вассу. Она была, какъ казалось, одна въ саду и рвала яблоки. Трохимъ черезъ щель сказалъ ей, что нужно съ нею поговорить, и Васса вышла изъ сада во дворъ, изъ двора въ ворота, и, обогнувъ дворъ и садъ, очутилась за оградою сада передъ Трохимомъ.

— Станется все точно такъ, какъ твой батько велѣлъ, сказалъ Трохимъ Вассѣ.—Я пріѣду со сватами на своемъ собственномъ возѣ, своею лошадью, одѣтъ буду въ синій жупанъ изъ панскаго сукна.

— Гдѣ-жъ ты досталъ все это?—спрашивала его Васса, съ выраженіемъ неожиданной радости и вмѣстѣ испуга.

— Чужимъ людямъ никому про то не скажу, а тебѣ все открою,—отвѣчалъ Трохимъ.—Воля твоя будетъ: хочешь выходи за меня, хочешь плюнь на меня, какъ на самое послѣднее ледащо!

Трохимъ разсказалъ ей все подробно, сообщилъ и о томъ, что земская полиція присудила послѣ произведеннаго слѣдствія.

Слушая страшную повѣсть, Васса блѣднѣла, потомъ отскочила отъ Трохима съ какимъ-то дикимъ взглядомъ, потомъ подняла руки и закрыла ими лицо себѣ. Трохимъ дрожалъ какъ Каинъ. Боязнь Божеской кары, уже до того времени тревожившая его, охватила въ немъ душу съ неудержимою силою. Нѣсколько минутъ онъ молчалъ. Молчала и Васса, продолжая закрывать себѣ лицо руками и всхлипывая.

— Ахъ Васса, Васса!—началъ снова Трохимъ.—Ты думаешь, мнѣ не страшно того, что я сдѣлалъ? А какъ же было дѣлать? Я хотѣлъ утопиться и утопился бы, когда бы этотъ Придыбалка меня не оттащилъ отъ рѣки. Легче ли было бы тебѣ, еслибъ я самъ себя смерти предалъ? Коли ты меня больше не любишь, скажи одно слово, и я пойду, брошусь въ воду!

Васса стала смотрѣть на него съ выраженіемъ скорби, потомъ задумчиво опустила голову и немного погодя, какъ бы что-то вспоминая, промолвила:

— Говорятъ, когда кто убьетъ человѣка, то пусть идетъ въ самую глухую полночь на то мѣсто, гдѣ похоронили убитаго: тамъ ему привидится такое, что онъ узнаетъ, какъ его Богъ покараетъ и скоро ли постигнетъ его кара. Такъ старые люди говорятъ. Батько въ книгѣ читалъ, что одному убійнику было такое видѣніе на могилѣ убитаго. Убійникъ послѣ того сталъ спасаться, и Богъ его простилъ. И ты сдѣлай такъ: иди въ полночь въ лѣсъ, гдѣ побитыхъ зарыли въ землю. Что тамъ тебѣ станется— мнѣ про то скажешь. Тогда подумаемъ, что дѣлать.

Въ раздумьи ушелъ отъ ней Трохимъ и въ тотъ же день въ сумерки направилъ путь свой туда, куда посылала его невѣста.

Взошелъ Трохимъ на гору, дошелъ до Лубковъ, прошелъ слободу Лубки, сталъ входить въ лѣсъ. Мимо собственной воли стало Трохиму очень-очень страшно. Совѣсть въ немъ заговорила. «Судъ не узнаетъ»,—думалъ онъ, «правда»; судъ уже рѣшилъ, что купцы сами убились, и разбоя никакого не было; на меня никто не положилъ думки! всѣхъ обманули мы, но Бога обмануть невозможно. Богъ все видѣлъ, какъ дѣлалось, Богъ все знаетъ... Богъ знаетъ, что былъ разбой, и разбойникъ—я. Богъ и такое знаетъ, чего еще не сдѣлалъ человѣкъ, а только думалъ сдѣлать. Богъ—такой судья, что отъ Него ничто, ничто не скроется. Богъ справедливъ. Не только худое дѣло, и худая думка не останется у Бога безъ кары».

Никакъ и ничѣмъ не могъ Трохимъ отогнать отъ себя гнетущей мысли о Божіемъ наказаніи. Чѣмъ ближе подходилъ онъ къ роковому мѣсту, тѣмъ страшнѣе становилось ему. Ночь была безлунная; звѣзды на небѣ то закрывались тучами, то сверкали, выступая изъ-за тучъ. Была глубокая тишь; листья на деревьяхъ не шевелились. Вотъ, наконецъ, Трохимъ дошелъ.

На лѣвой сторонѣ отъ дороги въ ночномъ полумракѣ отличилъ Трохимъ новый деревянный крестъ, поставленный на могилѣ свѣжей, еще не утоптанной. Воображенію преступника стали представляться мертвецы, вылѣзающіе изъ-подъ земли:

они грозно глядятъ на него и какъ будто призываютъ противъ него Божеское правосудіе. Скрѣпившись, подходитъ онъ къ могилѣ; ноги у него подкашиваются. Трохимъ перекрестился, положилъ земной поклонъ и произнесъ: «Господи, помилуй! А вы, души праведныя, простите меня, вашего убійника». Вдругъ у него въ глазахъ зарябило, сердце застучало. Онъ—не въ силахъ приподняться. Онъ не понимаетъ, что съ нимъ творится. Ему мерещится Придыбалка: вотъ онъ какъ будто стоитъ прямо противъ него и смотритъ такъ насмѣшливо. Ему представляется синій жупанъ, представляется и лошадь, запряженная въ новый возъ; и приходитъ ему въ голову: вотъ еслибъ я не побилъ купцовъ, не имѣлъ бы ни синяго жупана, ни лошади, ни воза, и не увидать бы мнѣ Вассы во вѣки! Но эту мысль быстро смѣняетъ другая: не лучше-ли было мнѣ терпѣть нищету, оставаться свинаремъ? Меня-бъ не давило тогда такое горе, что теперь давитъ: оно тяжелѣе нищеты. Вслѣдъ за тѣмъ ему въ голову какъ бы вскакиваетъ опять мысль, противоположная: деньги у меня есть, а съ деньгами еще деньги будутъ и прибудутъ. Люди не знаютъ и не узнаютъ, откуда я ихъ добылъ! Но эту искусительную мысль тотчасъ смѣнила другая: да, люди не знаютъ, такъ Богъ узнаетъ и Богъ накажетъ. Трохимъ напрасно силится приподняться съ земли: глаза у него закрываются; его бросаетъ то въ хододъ, то въ жаръ; на него какъ будто сонъ находитъ, онъ со сномъ напрасно борется. Порывается Трохимъ встать и не можетъ: словно гвоздями прибитъ онъ къ землѣ! И чудится ему,—вотъ таки будто своими ушами онъ слышитъ, изъ-подъ земли голосъ выходитъ: «Господи покарай того злодѣя, что насъ побилъ!» А этому голосу отвѣчаетъ другой, кто его знаетъ откуда: «покараю въ сорокъ лѣтъ!» [1]) И потомъ—нѣтъ ничего! Трохиму какъ будто стало легче, его члены раздвигаются, онъ открываетъ глаза; но его глаза приковываются къ могилѣ и Трохиму опять страшно. Кажется, вотъ-вотъ изъ-подъ земли два мертвеца вылѣзутъ. Вдругъ

---

[1]) Въ народной редакціи легенды: Господи, Господи! побый того злочинця, що насъ побывъ! Отвѣтъ: Побью у сорокъ литъ.

Трохимъ будто не своею силою сорвался съ мѣста и бросился во всю прыть назадъ по дорогѣ, а ему чудится, что за нимъ кто-то гонится, кто-то бѣжитъ такими тяжелыми шагами, что земля гудитъ, что этотъ кто-то бросаетъ за нимъ вслѣдъ огромныя деревья, хочетъ попасть въ Трохима. Бѣжалъ Трохимъ безъ отдыха и безъ оглядки, пока не выбѣжалъ изъ лѣса въ поле. Далѣе бѣжать онъ былъ не въ силахъ и упалъ на землю.

Въ эту минуту никакъ нельзя было увѣрить Трохима, что съ нимъ на самомъ дѣлѣ не было того, что ему представилось. Спустя нѣсколько минутъ онъ всталъ и пошелъ медленнѣе; вмѣсто страха, ему подъ сердце подступила томительная тоска.

Прошедши слободу Лубки, Трохимъ наткнулся на человѣка, идущаго насупротивъ его. Трохимъ приглядѣлся и узналъ Придыбалку.

— Ты что тутъ шляешься?—спрашивалъ его Придыбалка.— Зачѣмъ сюда забрелъ въ такую пору? Отвѣчай, да смотри: говори правду. Не думай обмануть меня. Не выдумывай ничего. Слышь: правду говори. Меня ты не обманешь.

Трохиму показалось, что этотъ загадочный человѣкъ спрашиваетъ его о томъ, что уже знаетъ, и спрашиваетъ только для того, чтобъ его выпытать: будетъ ли онъ ему лгать или откроетъ правду. Не могъ Трохимовъ языкъ пошевелиться, чтобы лгать предъ наставникомъ и благодѣтелемъ. Трохимъ отвѣчалъ:

— Я ходилъ на могилу убитыхъ.

— Зачѣмъ?—спросилъ Придыбалка.

— Хотѣлъ узнать: не привидится ли мнѣ чего нибудь, не откроется ли мнѣ, будетъ ли мнѣ кара отъ Бога,—говорилъ Трохимъ.

— Дурень ты великій,—сказалъ Придыбалка.—Не умѣешь держать языка за зубами. Проболтался бабѣ или дѣвкѣ, а тебѣ наплели бабьихъ розсказней, а ты, дурень, всему вѣришь и дѣлаешь глупости. Такъ доболтаешься до бѣды. Ахъ ты дурень, дурень! Недоволенъ ты, видно, что все такъ хорошо сложилось для твоей пользы. Ты своимъ дурацкимъ языкомъ все портишь: и себя самаго погубишь своею дуростью, и меня подведешь. По-

падешься въ бѣду, да на меня всю главную вину сложишь: я тебя искусилъ, я тебя на злое научилъ, подбилъ! Вы всѣ такіе, ледачіе, сами заплатить готовы зломъ за добро, что вамъ сдѣлаешь. Ну, разсказывай, дурень: что тамъ тебѣ на могилѣ привидѣлось

Разсказалъ ему Трохимъ все, что ему представлялось.

— Дурень и еще дурень!—воскликнулъ Придыбалка и расхохотался.—Тебѣ со страху пригрезилось. Ты и въ самомъ дѣлѣ подумалъ, что мертвецы съ Богомъ разговаривали! Куда ужъ имъ разговаривать, когда ты хватилъ ихъ по головамъ дубиною такъ, что и черепъ проломалъ и мозги вывернулъ.

— А душа?—сказалъ Трохимъ.—Не даромъ же говорятъ, что у человѣка не то, что у скотины или у какой нибудь твари, душа есть. Когда человѣкъ умретъ, его душа отлетитъ къ Богу, и Богъ будетъ судить ее за грѣхи.

— Бабы это все наплели!—сказалъ Придыбалка.—Никакой души у тебя нѣтъ и не было, и никуда она не отлетитъ. Что человѣкъ, что звѣрь, что птица, что рыба, что червякъ: все одинаково поживетъ на свѣтѣ и умретъ, и согніетъ, и нѣтъ его больше.

— Какъ можно?—говорилъ Трохимъ:—человѣкъ тварь крещеная: оттого у него и душа есть. Батюшка говоритъ, что всѣ мы послѣ нашей смерти будемъ жить на томъ свѣтѣ; праведныя души въ рай пойдутъ, а грѣшныя въ пеклѣ мучиться будутъ за худыя дѣла. Батюшка такъ говоритъ, а онъ все знаетъ, что и какъ написано.

— Ахъ простота, простота!—сказалъ Придыбалка:—всему вѣритъ, что ему ни скажутъ. Да вѣдь батюшки нарочно такъ выдумываютъ, чтобъ на васъ туманъ напускать, да васъ обирать; вы боялись бы на томъ свѣтѣ пекла, а батюшки за молебны да за панихиды съ васъ деньги станутъ брать.

Удивился Трохимъ такимъ рѣчамъ. Подобнаго онъ еще не слыхалъ.

— Значитъ,—спрашивалъ онъ у Придыбалки—по твоему такъ: души у человѣка нѣтъ, и кто умеръ—тому ужъ не жить?

— Не будетъ тотъ больше жить, кто умретъ!—объяснялъ ему Придыбалка:—коли батюшки знаютъ такое мѣсто, гдѣ живутъ тѣ, что померли на этомъ мѣстѣ—пусть вамъ покажутъ такое мѣсто.

— Про то Богъ знаетъ!—сказалъ Трохимъ—А мнѣ сдается: не можетъ быть такъ, чтобъ человѣкъ какъ умретъ, такъ душа его не жила бы на томъ свѣтѣ у Бога. Насъ всѣхъ будетъ судить Богъ; и меня станетъ судить за мое лихое дѣло. Вотъ я и боюсь страшнаго суда Его, и на муку вѣчную въ пекло меня Богъ осудитъ.

— Почему ты знаешь, что есть на свѣтѣ какой-то Богъ? Я объ этомъ тебя уже разъ спрашивалъ; и теперь опять спрашиваю. Видалъ ты этого Бога? Покажи ты мнѣ Его, дай поглядѣть на твоего Бога, смѣясь говорилъ Придыбалка.

— Люди умные говорятъ про Него, а я что?—сказалъ Трохимъ:—я простъ человѣкъ. Попы—люди письменные, ученые: они про то знаютъ и насъ, дурней, учатъ; надъ попами есть архіереи: тѣ еще умнѣе поповъ, а надъ архіереями, сказываютъ, есть старшой: папа Римъ называется,—тотъ, говорятъ, Бога видитъ, и съ самимъ Богомъ разговариваетъ.

— Все вздоръ, все глупыя бабы такое болтаютъ,—сказалъ Придыбалка.—Никто Бога не видалъ, никто съ Богомъ не разговаривалъ, потому что Бога на свѣтѣ нѣтъ и никогда не было. Нынче умные люди не вѣрятъ ни въ Бога, ни въ діавола, ни рая по смерти не дожидаютъ, ни муки въ пеклѣ не боятся, только говорить о томъ не смѣютъ.

— Коли Бога нѣтъ, какъ ты говоришь, такъ кто жъ это сотворилъ свѣтъ весь?—спрашивалъ озадаченный Трохимъ.

— Само себя все сотворило!—отвѣчалъ Придыбалка.—Все что ты видишь кругомъ себя,—небо, солнце, звѣзды, всякая тварь на землѣ и въ водѣ, всякая рослина въ полѣ, все это называется природа: все это сталось само собою, безъ всякаго Бога, такъ-таки само себѣ сложилось. Ты думаешь, всѣ, что вамъ разсказываютъ про Бога, думаешь они на самомъ дѣлѣ вѣрятъ, что есть Богъ? Нѣтъ, Трохимъ. Они знаютъ правду, знаютъ, что Бога нѣтъ,

да вамъ этой правды не сказываютъ для того, чтобъ вы были всѣ дурнями, ничего не видали, ни объ чемъ не судили, и вѣрили бы всему, что вамъ скажутъ и дѣлали бы то, что вамъ велятъ. Вотъ они и законъ такой написали, чтобъ вамъ во вредъ былъ—обдуриваютъ васъ: говорятъ вамъ, будто самъ Богъ далъ такой законъ. Смекни братъ Трохимъ, откуда взялся этотъ Богъ, что ты Его такъ боишься? Никто того Бога не видалъ, никто не зналъ и не знаетъ, хоть и говорятъ, будто Онъ есть гдѣ-то,

— Стало быть и суда отъ Бога намъ не будетъ за наши худыя дѣла?—спрашивалъ Трохимъ.

— Конечно, не будетъ—отвѣчалъ Придыбалка.—Кому судить, коли Бога нѣтъ. Да и какъ тебя судить, когда тебя на свѣтѣ не будетъ.

Трохимъ не нашелся, что на это сказать. Молча, шли они оба вмѣстѣ. Приближались къ Мандрикамъ Придыбалка возобновилъ бесѣду и говорилъ:

— Вы всѣ боитесь суда за злыя дѣла. А какія такія злыя дѣла и почему они злы—того не знаете. Волкъ задеретъ овцу, кошка задеретъ птичку. Что это развѣ не злыя дѣла? А если злыя, то стало быть и волковъ, и кошекъ, и всякаго лютаго звѣря будетъ судить Богъ? Какъ ты скажешь?

— Не знаю—отвѣчалъ Трохимъ,—нашъ дьячокъ какъ-то разъ говорилъ, что на страшномъ судѣ волкъ принесетъ въ зубахъ кость того барана, что когда-то задралъ, и Богъ будетъ его судить.

Придыбалка сказалъ:

— Волкъ скажетъ Богу: мнѣ ѣсть захотѣлось, оттого я задралъ овцу. Зачѣмъ ты, Боже, создалъ меня такого, что я не могу ѣсть травы, а ѣмъ только мясо? Коли мнѣ овецъ не драть, такъ съ голода пропадать. И тебя, еслибъ сталъ Богъ спрашивать: зачѣмъ ты купцовъ побилъ?.. А ты-бы тому Богу въ отвѣтъ сказалъ: зачѣмъ, Боже, сотворилъ меня бѣднякомъ? Коли бъ я бѣднякомъ не былъ, я бъ и купцовъ не побивалъ. А то я вижу: другіе люди женятся, и мнѣ захотѣлось жениться; по другіе люди живутъ въ добрѣ и холѣ, и за нихъ дѣвушки идутъ, а я

живу въ нищенствѣ и за меня, черезъ мою бѣдность, дѣвушки не отдали. Вольно было тебѣ, Господи Боже, создавать меня бѣднякомъ! Мнѣ тоже, какъ и всякому другому, хочется хорошо пожить—нужны деньги, нужно платье, нужна лошадь и много чего еще нужно. У другихъ людей все это есть, а у меня нѣтъ. Даромъ никто не даетъ, купить не за что, а жить хочется. Вотъ я пошелъ и побилъ купцовъ: затѣмъ ихъ побилъ, чтобъ набрать себѣ такого, чего нужно для житья хорошаго. Зачѣмъ, Боже, сотворилъ меня такимъ, что я долженъ дѣлать тебѣ неугодное? Когда меня Ты сотворилъ, то зналъ, что я буду худое дѣлать. Ты бы лучше меня совсѣмъ не творилъ!—Это я тебѣ, Трохимъ, только для примѣра говорю, какъ бы ты отвѣчалъ передъ Богомъ, еслибы тебя сталъ Богъ судить; но Бога нѣтъ, и судить тебя некому будетъ, и говорить тебѣ такъ не придется. Поживешь, поживешь, потомъ умрешь и согніешь въ землѣ. Вотъ и весь конецъ тебѣ. И всѣмъ тотъ же конецъ. Одни дурни думаютъ о Богѣ и боятся суда Его. Умные люди о такой чепухѣ не помышляютъ и стараются только о томъ, какъ-бы на этомъ свѣтѣ повеселѣе пожить.

Не привыкъ Трохимъ прежде размышлять, а слѣпо держался дѣтскихъ представленій не въ силахъ онъ былъ однако защищать ихъ, когда Придыбалка принялся ихъ разбивать. Въ Трохимовой головѣ возникъ какой-то туманъ.

Дошедши до Мандрикъ, собесѣдники разстались. Придыбалка пошелъ къ себѣ въ барскій садъ, Трохимъ къ теткѣ. Онъ сообразилъ, что тетка уже спитъ, не вошелъ въ хату, а уклался подъ повиткою. Утромъ, вошедши въ хату, онъ далъ теткѣ денегъ и поручилъ ей купить курицу, молока и водки и приготовить обѣдать по своему желанію, а самъ отправился ко двору Шпака. Съ улицы, черезъ окно свѣтлицы, увидалъ онъ старика, возившагося около своихъ книгъ. Съ нимъ въ свѣтлицѣ была и дочь его. Васса изъ свѣтлицы черезъ окно увидала своего возлюбленнаго, ходившаго по улицѣ. Трохимъ подмигнулъ Вассѣ. Васса кивнула головою. Черезъ три минуты Васса была уже за воротами своего

двора и пошла вслѣдъ за Трохимомъ, стараясь итти вдали отъ него, чтобъ отецъ изъ свѣтлицы не замѣтилъ ихъ вмѣстѣ. Они обогнули дворъ, пошли вдоль сада и сошлись. Трохимъ разсказалъ ей, что съ нимъ было на могилѣ убитыхъ купцовъ. Прослушавши разсказъ съ напряженнымъ вниманіемъ, Васса сказала:

— О, коли въ сорокъ лѣтъ обѣщаетъ Богъ побить тебя, такъ намъ таки долго придется пожить! Пріѣзжай со сватами къ отцу моему и синій жупанъ надѣнь на себя. Отецъ отдастъ меня за тебя. За сорокъ лѣтъ успѣемъ покаяться и отмолить твой грѣхъ; въ церковь начнемъ усердствовать, нищимъ будемъ раздавать милостыню по нашему достатку. Богъ насъ помилуетъ. Богъ безъ мѣры милосердъ. Отецъ въ книгѣ читалъ, что такого грѣха нѣтъ, чтобъ его нельзя отмолить передъ Богомъ.

Трохимъ подъ вліяніемъ Вассы успокоился. Онъ отправился къ теткѣ, пообѣдалъ съ нею, потомъ пошелъ къ Придыбалкѣ.

Сошлись они на завѣтномъ мѣстѣ подъ барскими кузницами, и сталъ Трохимъ держать совѣтъ, какъ ему жить на свѣтѣ.

Придыбалка говорилъ:

– Первое, мой дорогой Трохимъ, покинь всякія бабьи розсказни. Забудь про своего Бога, совсѣмъ выбей себѣ изъ головы эту поповскую нисенитницу. Моихъ совѣтовъ послушайся, и будетъ тебѣ хорошо на свѣтѣ. Ты былъ совсѣмъ нищій, а я тебя своимъ совѣтомъ разомъ изъ нищенства поднялъ: и въ люди начинаешь ты выходить, и выйдешь, коли по моимъ наставленіямъ жить будешь; богатымъ сдѣлаешься, люди знать и уважать тебя станутъ! Думай всегда о томъ, что тебѣ можетъ принести корысть, и чтобъ тебѣ убытку не было, а о томъ никогда не помышляй, за что грѣхъ, за что нѣтъ грѣха! Все это бабьи выдумки. Правду я тебѣ скажу: грѣха на свѣтѣ за людьми нѣтъ вовсе, а коли хочешь, есть у людей глупость: вотъ она то и есть настоящій грѣхъ. Кто глупъ, тотъ и грѣшенъ. Деньги наживать—не глупо, стало быть и не грѣшно. Надобно только такъ дѣлать, чтобъ никто не зналъ, какъ ты ихъ наживаешь, и никто бы не посмѣлъ тебя осудить. Самъ теперь видишь, какъ умно ты поступилъ по моему совѣту: убилъ купца и добылъ отъ него все, что тебѣ

нужно было, а лишняго ничего не взялъ. Никто на тебя не положилъ подозрѣнія. Никто не знаетъ, что это сдѣлалъ ты никто этого и не узнаетъ, пока самъ не проболтаешься. Сдѣлалъ бы ты иначе, погнался бы за большою выгодою, забралъ бы себѣ весь товаръ, увелъ бы къ себѣ лошадей—вотъ и пропалъ бы! Тогда судъ смекнулъ-бы, что тутъ было убійство, сталъ бы доискиваться и навѣрное доискался-бы. А ты вотъ за лишнимъ не погнался, взялъ только свое, что тебѣ необходимо было и только.. И теперь все шито-крыто. Вотъ по этому образцу и всегда такъ поступай. Безъ самой послѣдней крайности не пускайся на такое дѣло, что за него пришлось бы итти въ Сибирь, коли бъ оно за тобой открылось. Этого мало. Безъ послѣдней крайности никого не обмани, ни у кого чужого не зажиль, никого не огорчи, со всѣми въ согласіи будь, живи такъ, чтобъ никто худого про тебя сказать не посмѣлъ; а ужъ коли пришла крайность послѣдняя, тогда ничего не бойся, никого не жалѣй, нужно обмануть—обманывай, только такъ, чтобъ люди не узнали, а хоть бы узнали, то чтобъ не посмѣли попрекать; придется украсть—укради, но только такъ, чтобъ люди никакъ не узнали, что ты укралъ; нужно человѣка убить—убей, да только такъ, чтобъ все было шито-крыто, вотъ какъ теперь сталось. Не бойся грѣха,—суда Божія на томъ свѣтѣ себѣ не жди, а умѣй только отъ суда людского на этомъ свѣтѣ укрыться. Вотъ что называется быть умнымъ. Я тебѣ скажу: узнаю все, что съ тобой напередъ будетъ, и узнаю вѣрнѣе того Бога, что ты слыхалъ, какъ Онъ на могилѣ въ лѣсу съ мертвецами разговаривалъ. Онъ обѣщалъ тебя въ сорокъ лѣтъ покарать, а я тебѣ скажу: неправда; будешь ты жить въ богатствѣ и благополучіи; будь только уменъ и живи по моему совѣту.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, одежа, обувь и бѣлье для Трохима было все готово. Придыбалка купилъ ему возъ и лошадь. Запрягли лошадь въ возъ, сѣли на возъ двое сватовъ,—Неглядъ и сапожникъ; съ ними сѣлъ Трохимъ, одѣвшись въ свой новый длинополый сюртукъ. Поѣхали къ Шпаку. Трохимъ соскочилъ съ воза и отворилъ ворота во дворъ. Цѣпная собака,

завидя чужихъ, рвалась на длинной веревкѣ, по которой скользило кольцо ея цѣпи. Васса съ наймычкою стояла тогда на порогѣ рабочей хаты. Она ждала гостей, но отца не предупредила. Послѣ того какъ Шпакъ прогналъ со двора Трохыма, Васса ни разу не дала отцу повода замѣтить, что встрѣчалась гдѣ-нибудь съ нимъ, а самъ Шпакъ не напоминалъ о немъ дочери: онъ надѣялся, что время все исцѣлитъ, и Васса, безъ всякихъ усилій со стороны родителя, перестанетъ тосковать о Трохимѣ. И вотъ, когда Шпакъ, надѣвши очки, готовился читать въ Четьи-минеяхъ житіе Саввы Дороѳея, послышался стукъ колесъ въѣзжавшаго на дворъ воза. Закрывши очки и положивши книгу, Шпакъ бросился отворять дверь свѣтлицы, и вдругъ передъ нимъ является Неглядъ съ хлѣбомъ въ рукахъ. Помолившись къ образамъ, Неглядъ началъ произносить рѣчь, которую при сватаньи, по обычаю, произносятъ малоруссы: какъ молодой князь ѣздилъ на охоту, какъ гонялся за лисицею и потерялъ ея слѣдъ, какъ потомъ слѣдъ пропавшаго звѣря нашелся и довелъ ихъ до двора хозяина. Говоря о князѣ, Неглядъ указалъ пальцемъ на Трохима, но Шпакъ нѣсколько секундъ не могъ узнать, кто таковъ былъ этотъ названный князь въ синемъ жупанѣ: до того Шпакъ былъ далекъ предполагать, чтобъ его бывшій наймитъ могъ такъ скоро явиться къ нему въ качествѣ жениха и притомъ въ такомъ одѣяніи. Только тогда, когда Неглядъ назвалъ жениха по имени, Шпакъ дрогнулъ и поблѣднѣлъ, а Трохимъ, поклонившись до земли, сказалъ:

— Вы обѣщали отдать за меня Вассу Денисовну, когда я пріѣду на своемъ возѣ, собственною лошадью, въ синемъ жупанѣ. Я такъ пріѣхалъ, какъ велѣли.

— А гдѣ взялъ синій жупанъ? — спрашивалъ Шпакъ.— Укралъ или, можетъ быть, купца на дорогѣ убилъ, да у него изъ товара сукна взялъ?

Невольно дрогнулъ Трохимъ. Такую рѣчь въ пору было бы Шпаку произнести, еслибъ онъ сидѣлъ въ лѣсу за Лубками, когда Трохимъ расправился съ офенями. Шпакъ продолжалъ:

— Вотъ я покажу тебѣ свою дочь. Я тебя въ земскую полицію отправлю: пусть доищутся, гдѣ ты досталъ жупанъ и лошадь.

— Не говорите такъ,—сказалъ Неглядъ.—Не кладите на свою душу грѣха, а на свою семью позора. Трохимъ бѣденъ да честенъ. Мы знаемъ, откуда онъ добылъ себѣ жупанъ, и возъ, и лошадь. Нашлись добрые люди, дали ему взаймы денегъ, на эти деньги онъ себѣ все справилъ.

— Какъ это можетъ статься?—сказалъ Шпакъ.—Какой дуракъ дастъ денегъ такому оборванцу?

— Не всѣ такіе, что даютъ деньги только ради своей наживы,—сказалъ Неглядъ.—Есть на свѣтѣ и такіе добрые люди, что бѣдному человѣку помогаютъ въ нуждѣ.

— Эти добрые люди,—сказалъ Шпакъ:—вѣрно дали ему денегъ, надѣясь получить ихъ отъ меня, когда успѣютъ меня одурачить и сдѣлать тестемъ этого голодранца. Скажите, какіе это добрые люди въ мой карманъ заглядываютъ?

— Не тревожься, Денисъ Савельевичъ,—сказалъ Неглядъ:—никто въ твой карманъ не заглядываетъ. Ты прогналъ Трохима отъ себя за то, что дочь твоя полюбила его; онъ, бѣдный, хотѣлъ съ горя утопиться, но по Божіей волѣ спасъ его отъ смерти добрый человѣкъ, Ѳетисъ Борисовичъ. Этотъ Ѳетисъ Борисовичъ и денегъ ему далъ. Не бойся, Денисъ Савельичъ, онъ съ тебя этихъ денегъ править не будетъ. Твой зять, когда разживется, самъ ему заплатитъ, а не то баринъ за него отдастъ, а не изволитъ баринъ отдать и съ твоего зятя получить нельзя будетъ, все-таки съ тебя Ѳетисъ Борисовичъ ихъ не потребуетъ. Богъ наградитъ его за доброе дѣло, что человѣка отъ напрасной смерти спасъ!

— Кто такой этотъ Ѳетисъ Борисовичъ?—спросилъ Шпакъ.

— Тотъ, что у барина въ садовничьей живетъ,—сказалъ Неглядъ.—Кто онъ таковъ—Богъ его знаетъ, а въ слободѣ зовутъ его Придыбалкою.

— Я отлыгаться не стану,—сказалъ Шпакъ:—говорилъ я этому голодранцу, что тогда не стану перечить своей дочери вы-

ходить за него, когда онъ пріѣдетъ ко мнѣ на своемъ возѣ, собственною лошадью, одѣтымъ въ синемъ жупанѣ. Не отпираюсь. Я такъ сказалъ. Только ужъ коли Ѳетисъ Борисовичъ нашелся ему такимъ благодѣтелемъ, такъ подобало бы ему притти ко мнѣ и со мной повести объ этомъ дѣлѣ разговоръ.

— Онъ придетъ, какъ вы дадите согласіе, отвѣчалъ Неглядъ.

— Я спрошусь у барина,—сказалъ Шпакъ. — Покойный баринъ—царство ему небесное!—обѣщалъ вольную моей дочери вмѣстѣ съ тѣмъ, кто будетъ ея мужемъ, а моимъ зятемъ. Онъ велѣлъ тогда притти къ его сыну. Нельзя мнѣ не сходить къ молодому барину.

— Хорошее дѣло, Денисъ Савельичъ,—сказалъ Неглядъ:— барская воля всему голова. Только намъ, сватамъ вы должны сказать: согласны ли отдать дочь свою и жениху тоже объявите: вотъ онъ передъ вами!

— Позову дочку,—сказалъ Шпакъ.—Сама она пусть скажетъ. Я ее ни въ чемъ не силую.

Онъ вышелъ и черезъ двѣ минуты опять вошелъ въ свѣтлицу вмѣстѣ съ Вассою.

— Васса,—сказалъ отецъ: — сватаютъ тебя за Трохима... Господа сваты! какъ бишь вы его величаете?

— Семеновича,—сказалъ сапожникъ.

— За Трохима Семеновича,—продолжалъ Шпакъ.—Желаешь ли итти за него замужъ?

— Желаю, тато!—сказала Васса.

— Слышите, господа сваты,—сказалъ тогда Шпакъ.—Ея добрая воля: сама вамъ объявила. Я ей не перечу; спрошу только барина, потому что я изъ барской воли не выхожу.

Явились на столъ водка, пироги, колбасы. Сталъ хозяинъ угощать гостей. Въ это время двери отворились и въ свѣтлицу вошелъ Придыбалка.

— Денису Савельичу сто лѣтъ здравствовать,—сказалъ онъ входя.—Хлѣбъ-соль добрымъ людямъ и горилка. У васъ, вижу, на ладъ пошло.

Шпакъ пригласилъ новаго гостя къ бесѣдѣ, хотя смотрѣлъ на него недовѣрчиво. Придыбалка не допустилъ Шпака дѣлать подходы къ дѣлу, и самъ первый завелъ рѣчь о Трохимѣ, занесъ Шпаку турусы на колесахъ о томъ, какъ Трохимъ хотѣлъ утопиться, а онъ, случайно вышедши со двора, увидалъ это и остановилъ парня, какъ потомъ далъ Трохиму денегъ взаймы, чтобъ справилъ себѣ жупанъ, возъ и лошадь. «А тебѣ, Денисъ Савельичъ,— прибавилъ онъ,--надобно непремѣнно сходить къ барину. И я буду при баринѣ, когда ты придешь къ нему».

Шпакъ, выпроводивши гостей, надѣлъ на себя новую свитку свѣтлосиняго сукна, которую надѣвалъ не болѣе трехъ или четырехъ разъ въ годъ и вышелъ изъ дома.

Придыбалка, подбившійся въ расположеніе къ молодому Мотылину, уже сообщилъ ему исторію Трохима, выставивши себя спасителемъ. Баринъ въ этотъ день зналъ, что дѣлается у Шпака, и ожидалъ послѣдняго къ себѣ, когда Шпакъ, вышедши съ своего двора, направился къ барскому двору. Мотылинъ былъ человѣкъ добродушный и заранѣе потѣшался надъ тѣмъ, что богатый мужикъ зачванился, а потомъ запутался такъ, что теперь долженъ будетъ въ самомъ дѣлѣ дѣлать то, что обѣщалъ только въ насмѣшку надъ бѣднякомъ. Придыбалка былъ вмѣстѣ съ бариномъ, когда Шпакъ входилъ во дворъ.

— Что старый хрѣнъ, попался въ тенета?—сказалъ ему отставной гусаръ:—самъ научилъ зятька. Видишь, онъ такъ и пріѣхалъ къ тебѣ, какъ ты ему велѣлъ.

— Я за тѣмъ и къ вашей барской милости осмѣлился притти, чтобъ испросить вашего господскаго дозволенія,—сказалъ Шпакъ, низко кланяясь.

— Ему,—сказалъ Мытылинъ:—ему, доброму Ѳетису Борисовичу, благодаренъ будь за все. Онъ твоего зятя изъ бѣды выручилъ, изъ воды вытянулъ! А ты, старикъ, я вижу, недобрый человѣкъ! Какъ тебѣ не жаль было бѣднаго парня? до чего ты его довелъ? сквалыга ты этакой! Вотъ за это стоишь ты, право, того, чтобъ тебя здѣсь разложить да взбучить. Я прощаю тебѣ

ради моего покойнаго отца, что онъ тебя, стараго хрѣна, любилъ и въ завѣщаніи написалъ, чтобъ тебѣ отдать семь тысячъ, что ты отдалъ ему на сохраненіе.

Мотылинъ ушелъ и, возвратившись снова, держалъ въ рукѣ билетъ Сохранной Казны Воспитательнаго Дома.

— Вотъ,—говорилъ онъ:—и твои деньги. Покойный отецъ отправилъ ихъ въ Опекунскій Совѣтъ, чтобъ накопить тебѣ процентовъ. Тутъ ихъ накопилось уже за четыре года. Изъ этихъ процентовъ, что наросли на твой капиталъ, заплати Ѳетису Борисовичу все, что онъ истратилъ на твоего зятя. Слышишь?

— Слушаю,—сказалъ Шпакъ.

— А ты, Ѳетисъ Борисовичъ—продолжалъ Мотылинъ, обращаясь къ Придыбалкѣ:—подай ему счетъ. Послѣ этого нечего медлить, старикъ: за свадьбу!

— Благодаримъ вашей барской милости,—сказалъ Шпакъ, кланяясь и касаясь пальцами до земли.

— Послѣ свадьбы, — сказалъ Мотылинъ: — пусть молодые придутъ ко мнѣ получить отпускную.

Прошло послѣ того не болѣе какъ двѣ недѣли, и дворъ Шпака огласился свадебными пѣснями дружекъ. Была первая половина сентября. Погода стояла ясная, теплая. Крестьяне покончили полевыя работы и занимались возкою сноповъ на гумна: это самое подходящее время для веселостей въ сельскомъ быту. Свадьба у Шпака устроена была не хуже и не скупѣе, какъ у всякаго зажиточнаго мужика, но тамъ недоставало живой непринужденной веселости. Хозяинъ старался быть со всѣми привѣтливъ, всѣхъ просилъ ѣсть-пить и веселиться, но всѣмъ было какъ то неловко въ близости съ нимъ, и всѣ дышали тѣмъ свободнѣе, чѣмъ меньше замѣчали внимательность къ себѣ хозяина. Даже тетка Трохимова, послѣ многихъ лѣтъ нищенской жизни, теперь, въ качествѣ жениховой матери, посаженная на почетномъ мѣстѣ, чувствовала себя такъ стѣснительно, что хотѣла бы уйти въ свою бѣдную хатку.

Послѣ свадьбы новобрачные ходили къ барину, и Мотылинъ выдалъ имъ отпускную.

Пришелъ послѣ того къ Шпаку Придыбалка и при немъ говорилъ его зятю:

— Я тебѣ, Трохимъ Семеновичъ, дамъ вотъ какой совѣтъ: ты переселись въ городъ и запишись въ купцы. Только прежде выучись читать и писать. Человѣкъ неграмотный все равно, что малый ребенокъ, которому всегда нужна нянька. Такъ неграмотному нуженъ всегда благопріятель, чтобъ его во всемъ наставлять. А выучишься грамотѣ,—словно изъ слѣпого сдѣлаешься зрячимъ: никто тебя не обманетъ, а всякій будетъ еще бояться, чтобъ ты его не обманулъ!

— Истинно, правда, Ѳетисъ Борисовичъ,—сказалъ Шпакъ, лебезившій тогда передъ Придыбалкою, панскимъ любимцемъ, до униженія.—Настали такія времена, что, не знаючи грамотѣ, невозможно никуда сунуться!

Предложилъ Придыбалка самъ учить Трохима гражданской печати, которую зналъ тверже, чѣмъ Шпакъ, болѣе свѣдущій въ церковной. Сталъ Трохимъ ходить къ Придыбалкѣ и учиться чтенію и письму, гражданской печати, ариѳметикѣ и умѣнью считать на счетахъ. Придыбалка хвалилъ понятливость ученика своего.

Въ слѣдующую зиму передъ масляницею молодой Мотылинъ женился на дочери своего сосѣда, владѣльца слободы Лубки и, по окончаніи свадебныхъ пировъ, въ барскомъ дворѣ, въ великій постъ, Трохимъ, по обычаю пришедши къ Придыбалкѣ заниматься, услышалъ отъ него такое слово:

— Намъ приходится разстаться, и вѣрно ужъ навсегда. Дай мнѣ руку.

Трохимъ подалъ ему руку. Придыбалка внимательно посмотрѣлъ ему на ладонь и говорилъ:

— Я умѣю угадывать по рукамъ, что съ человѣкомъ впередъ станетъ. Ты богатъ будешь. Пойдешь въ купцы—знай: все торговое дѣло на томъ построено, что одинъ другому лжетъ, одинъ другого обманщикомъ обзываетъ, а себя честнымъ выставляетъ, а всѣхъ искуснѣе, умѣлѣе тотъ, кто успѣетъ такъ прикинуться,

что всѣ его честнымъ считаютъ и никто его въ обманѣ никакъ не поймаетъ, а онъ-то самый первый обманщикъ и есть. Тотъ паче всѣхъ разбогатѣетъ. Смотри, Трохимъ! дойди до того, чтобы всѣхъ обманывать, а тебя никто обманщикомъ назвать бы не посмѣлъ и всѣ бы трубили про твою честность. А чтобъ до этого дойти, нужно съ начальствомъ ладить, нужно ему взятки давать. И ты, знавши это, не скупись, давай всѣмъ, кому нужно давать: лучше иногда и лишнее дать, и такому иногда дать, что можно бы и не давать; все-таки лучше, нежели не дать или не отдать, кому слѣдуетъ. Давши начальству взятки, не бойся ничего и никого: уже тебя никто не посмѣетъ чернить, боясь начальства, потому что начальство—сила, а ты себѣ силу закупилъ! Только надъ всякимъ начальствомъ на свѣтѣ есть еще начальство верхнее. Большому кораблю плаваніе большое, а малой лодкѣ плаваніе малое. Вотъ ты начнешь торговать въ небольшомъ городѣ; это тебѣ—малое плаваніе будетъ. Тутъ городничіе, исправники, засѣдатели и другіе, всѣхъ ихъ закупишь себѣ взятками. А расторгуешься—перейдешь въ губернію, тамъ тебѣ будетъ побольше плаваніе. Тамъ губернаторы и прочія важныя лица, подлаживайся къ нимъ и взятки давай. Они вѣдь тоже люди, и имъ своя польза дорога. Расторгуешься—перейдешь въ столицу: тамъ тебѣ будетъ самое большое плаваніе. Тамъ начальство еще выше: тамъ министры, генералы, всякія знатныя особы. И они люди, и имъ хочется жить какъ можно лучше: и къ нимъ подладиться можно. За то ужъ какъ съ ними въ пріятство войдешь, такъ широко и высоко пойдешь; всею Россіею повернешь! Тогда обманывай всѣхъ сколько хочешь, никто не посмѣетъ обвинить тебя, ни даже попрекнуть.

— Куда мнѣ такъ высоко залетать?—сказалъ Трохимъ.

— Не говори такъ!—сказалъ Придыбалка:—сколько такихъ примѣровъ, что смолоду ходитъ человѣкъ въ изорванномъ сѣрякѣ, а подъ старость ворочаетъ милліонами. Мнѣ, Трохимъ, сдается, что съ тебя выйдетъ богатѣйшій купецъ на всю Россію. У тебя смекалки-то много. Перечислишься въ купцы, прислушаешься къ ихъ рѣчамъ, присмотришься къ ихъ дѣламъ, и многое поймешь. Не забывай только моихъ наставленій,—главное: о своемъ Господѣ

Богѣ не думай, суда Его не жди, чертей въ пеклѣ послѣ смерти не бойся! Помышляй только о томъ, какъ бы себѣ на этомъ свѣтѣ пользы больше получить.

— Вы куда жъ уходите отсюда?—спросилъ Трохимъ.

— Нашъ баринъ женился. Молодая барыня не взлюбила меня. Я ухожу отъ нихъ,—отвѣчалъ Придыбалка.

— Куда?—еще разъ попытался спросить Трохимъ.

— На что тебѣ знать?—сказалъ Придыбалка.—У тебя своя дорога. И мы, вѣрно, ужъ болѣе не встрѣтимся. Помни мои наставленія.

И они попрощались. Черезъ три дня Придыбалки не было въ барскомъ дворѣ. Никто не могъ сказать, куда и въ какое время онъ уѣхалъ и даже уѣхалъ ли. Словно испарился или сквозь землю провалился. Не было объ немъ съ той поры ни слуху. Въ Мандрикахъ тогда сильнѣе подозрѣвали: не бѣсъ ли то былъ въ человѣческомъ образѣ! А оно правдоподобно, судя по тому, какъ онъ отзывался о Богѣ.

Того-жъ года послѣ Пасхи не было въ Мандрикахъ ни Трохима съ Вассою, ни его тестя. Усадьба Шпака по продажѣ, съ разрѣшенія помѣщика, перешла къ другому лицу.

(Окончаніе слѣдуетъ).

„Учитель дружище“.

(Школьныя воспоминанія).

Когда настала пора временно разстаться мнѣ съ родительскимъ домомъ, отецъ отвезъ меня въ Е—дъ, гдѣ, выдержавъ пріемныя испытанія, я поступилъ въ духовное училище.—Устроивъ на квартирѣ и давая разныя родительскія наставленія, отецъ при послѣднемъ *прости*, сказалъ мнѣ: «Смотри, слушайся учителя Сп. Як., не обижай его, какъ вѣрно будутъ дѣлать это другіе,—онъ очень добрый и разумный учитель; уважай и люби его какъ дѣдушку, потому что онъ и мнѣ былъ учителемъ».—Слушайся учителя Сп. Як., не обижай его!—такое наставленіе показалось мнѣ страннымъ и непонятнымъ. Первоначальное образованіе я получилъ въ военно-поселенческой школѣ, гдѣ учителемъ былъ отставной унтеръ-офицеръ, практиковавшій дикіе, но обычные въ то время педагогическіе пріемы: линейки, розги, толчки, отъ которыхъ ученики лишались зубовъ, чубчики во весь захватъ (т. е. съ вырываніемъ волосъ), заушники, послѣ которыхъ вмѣстѣ со слезами текла кровь, и проч. пріемы, внушавшіе трепетное послушаніе и непосильное прилежаніе, хотя я, какъ привилегированный ученикъ, испытывалъ эти пріемы въ болѣе деликатной формѣ. Вотъ поэтому мнѣ и показались непонятными и странными слова отца: «слушайся и не обижай учителя Сп. Як.».

Настало время, когда мнѣ сказали, чтобы я шелъ въ училище на уроки; собравъ въ узелъ всѣ книги, какія только купилъ мнѣ отецъ, я отправился.—Хотя я и не былъ такъ наз. волченкомъ, но все-же смутился въ училищѣ, гдѣ встрѣтилъ такъ много подобныхъ себѣ и болѣе взрослыхъ *паничей*, какъ меня дома величала прислуга и вообще крестьяне. Сталъ я въ корридорѣ со своимъ узломъ книгъ, довольно объемистымъ и тяжелымъ, не зная куда идти и что дѣлать.

Изъ числа бѣгавшихъ по корридору, подошелъ ко мнѣ одинъ ученикъ, старше меня года на три, и говоритъ: «Эй, новичокъ! чего болванишь? ты квартирный, давай булки, то проведу на мѣсто!»

Я удивленно посмотрѣлъ на грубаго стараго школяра и не зналъ, что сказать. Вдругъ этотъ нахалъ толкнулъ изрядно по узлу книгъ, которыя выпали изъ рукъ и съ шумомъ разлетѣлись по корридору, послѣ чего онъ ушелъ размашистой походкой изъ корридора въ садъ, напѣвая что-то безъ словъ.

До того времени ничего подобнаго мнѣ не приходилось испытывать, а потому мнѣ сдѣлалось и грустно и досадно; съ выступившими слезами и какимъ то давленіемъ въ горлѣ началъ я собирать книги.—Въ это время вошла какая-то фигура и невольно обратила на меня вниманіе, остановилась, такъ какъ я, собирая книги, заслонилъ дорогу. Когда я поднялся, то съ радостью увидѣлъ въ этой фигурѣ знакомаго мнѣ учителя С. Б—го, бывавшаго часто въ домѣ отца (онъ былъ родомъ изъ сосѣдняго селенія). — Радость моя не долго продолжалась,— этотъ учитель назвалъ меня по фамиліи, что меня смутило и показалось страннымъ: я еще не привыкъ слышать обращенія къ себѣ по фамиліи, а тѣмъ болѣе отъ человѣка, который еще такъ недавно, на каникулахъ, да и всегда раньше, называлъ меня уменьшительнымъ именемъ. Когда я смущенно передалъ учителю, что случилось и собралъ книги, учитель, взявъ меня за руку, провелъ въ младшій классъ и указалъ гдѣ сѣсть.

Пробилъ колокольчикъ. Шумной толпой входили ученики изъ сада въ корридоръ, а бывшіе въ немъ расходились по классамъ.

Младшій классъ былъ полонъ еще до звонка, несмѣлые новички сидѣли чинно и рѣдко кто разговаривалъ другъ съ другомъ; нѣкоторые, живущіе по сосѣдству, были знакомы, у меня же не было такого товарища, сосѣда по селу.

Не скоро, послѣ звонка, вошелъ въ младшій классъ учитель. Первый урокъ назначенъ былъ для ариѳметики. Учитель былъ не старый, человѣкъ лѣтъ за тридцать, довольно благообразный, чистенько и даже съ изяществомъ одѣтый.—Онъ заставилъ кого-то изъ новичковъ прочитать молитву, тотъ началъ «Преблагій Господи», но учитель остановилъ и заставилъ читать «Царю небесный». Когда молитва была окончена, учитель обратился къ намъ съ такимъ привѣтствіемъ: «Ну, здравствуйте!» Въ тотъ-же моментъ послышалось нѣсколько голосовъ, очень быстро и громко произнесшихъ: «Здравія желаемъ!» Сейчасъ видно было знакомыхъ съ военно-поселенческой школьной выправкой. Учитель, замѣтно было, что-то хотѣлъ говорить, но улыбнулся и сказалъ только «садитесь!»

Самъ сѣлъ за столикъ и началъ, какъ онъ сказалъ, знакомиться, вызывая каждаго по алфавиту. По окончаніи знакомства учитель началъ говорить что-то непонятное о «математикѣ». Даже самое слово математика было новымъ слушателямъ невѣдомо. Послѣ туманнаго предисловія о математикѣ, учитель началъ испытывать наши знанія, предлагая устныя задачи, довольно легкія для рѣшенія; въ числѣ вызываемыхъ былъ и я. Пробилъ звонокъ. Тогда учитель заставилъ меня читать молитву: «Достойно есть». По окончаніи молитвы онъ поклонился и направился къ выходу.

Второй урокъ назначался для латинскаго языка. Не успѣли еще всѣ ученики войти въ классъ, какъ въ толпѣ ихъ показалась простенькая фигура: она двигалась мѣрными, тихими шагами; лицо ея бритое и съ морщинами; на головѣ лысина, волосы—пепельнаго цвѣта, почти сѣдые и низко обстриженые; на высокомъ бѣломъ лбу бородавка. Фигура эта въ старенькомъ сѣренькомъ лѣтнемъ пальто, въ брюкахъ темно-зеленаго отлива съ нѣсколькими заплатами, а сапоги со многими латками и почти безъ каблуковъ. Это былъ полнѣйшій контрастъ предшествен-

ника—учителя математики, который вошелъ быстро, важно, съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства, въ очень изящныхъ, т. наз. *бомбэ* сапогахъ: съ круглыми широкими носками, на четвертныхъ почти каблукахъ и вершковой толщины подметкахъ, издававшихъ самый сильный скрипъ, какой только способны устроить искусные сапожники, получая за это отъ любителей такой музыки на полуштофъ водки.—Скрипъ сапоговъ отдавался двойнымъ эхомъ во всѣхъ углахъ класса и такъ понравился ученикамъ, что они не могли налюбоваться этими сапогами, не сводя съ нихъ глазъ, и даже во время отвѣтовъ украдкой посматривали на нихъ. Я такъ внимательно разсматривалъ диковинные сапоги, что посчиталъ всѣ мѣдные винтики въ носкахъ этихъ сапогъ.

Фигура, вошедшая въ классъ послѣ 1-го урока, была чрезвычайно пріятна и добродушна: на лицѣ улыбка съ простосердечнымъ выраженіемъ, на которое смотришь и не насмотришься; такъ и хочется невольно заговорить и прикоснуться къ рукѣ, или даже къ пальто, и чувствуешь, что она не оттолкнетъ, а приласкаетъ. Это былъ незабвенный Сп. Як. Рой.

Когда онъ вошелъ въ классъ, то заставилъ вертѣвшагося возлѣ него ученика, изъ старичковъ, читать молитву. Тотъ началъ и нарочно читалъ плавно и протяжно «Царю небесный»—въ то же время другой изъ старичковъ читалъ «Достойно есть», а третій—«Да воскреснетъ Богъ».

Все это вмѣстѣ съ шумомъ входившихъ учениковъ представляло что-то странное, а для новичковъ совсѣмъ непонятное. Не взирая на это Сп. Як. стоялъ спокойно и очень набожно крестился, посматривая на читавшихъ одновременно другія молитвы. Читавшій «Царю небесный» окончилъ, Сп. Як. такъ-же спокойно и медленно, не обращая никакого вниманія на чтецовъ, подошелъ къ столу и началъ складывать свои учительскія принадлежности, которыя старички-ученики называли: «разный бакалейный товаръ». Предметы эти были слѣдующіе: нѣсколько книгъ, классный журналъ, линейка, большихъ размѣровъ темно-зеленая старинная

хрустальная чернильница, ручка съ перомъ, карандашъ, футляръ съ очками, нѣсколько кусочковъ мѣла и вохкая тряпка.

Разложивъ довольно симметрично всѣ эти предметы на столѣ на давно опредѣленныхъ для каждаго мѣстахъ, Сп. Як. вынулъ изъ футляра очки; они были въ серебряной оправѣ, а въ концѣ прутиковъ привязана ленточка—неопредѣленнаго отъ времени цвѣта. Очки надѣлъ, а футляръ положилъ на столѣ. Пока все это Сп. Як. дѣлалъ, къ нему довольно смѣло подошло нѣсколько старичковъ. Одинъ изъ нихъ безцѣльно началъ брать по очереди каждый изъ лежавшихъ на столѣ предметовъ, осматривалъ и опять клалъ на мѣсто; когда-же коснулся футляра, то Сп. Як. схватилъ футляръ и говоритъ:

— Не тронь!

— Развѣ я его съѣмъ?—отвѣчалъ ученикъ.

— Съѣсть не съѣшь, а навѣрно испортишь! Пошелъ вонъ, говорятъ тебѣ!

— Да вамъ уже стыдно въ немъ носить очки!—говоритъ тотъ же ученикъ,—пора-бы купить новенькій, а этотъ мнѣ бы пригодился на перья да иголки.

— А тебѣ пора-бы хоть въ этомъ году поумнѣть!

Въ это время на задней партѣ послышалось пѣніе старавшагося басить Сенички Б.... на какой-то неопредѣленный гласъ:

— Го-о-спо-ди во-о-звахъ къ Те-е-бѣ у-услы-и-ши мя!

— Вотъ я тебя, подлецъ, услышу!—воскликнулъ Сп. Як.

— А развѣ вы, Сп. Як., Господь?—отвѣчаетъ пѣвецъ.

— У-у! подлецъ ты послѣ этого, ослиная башка!.. и зачѣмъ я тебя защищалъ, когда хотѣли исключить! Шелъ-бы ты себѣ къ чорту!

Въ это время третій, стоявшій возлѣ Сп. Як., перелистывая большую грамматику Смирнова, говоритъ:

— И какъ вамъ не грѣхъ. Сп. Як., черезъ васъ меня оставили на второй курсъ?

— Врешь, только у меня тебѣ было $2^1/_2$, а по всѣмъ предметамъ двойки да единицы, да и по моему предмету ты больше не зналъ, какъ на единицу.

— Ну, теперь вы мнѣ должны ставить пятерки.

— Да,—отвѣчаетъ Сп. Як.,—если заслужишь! Думаешь, мнѣ пріятно ставить двойки! Будь увѣренъ, что мнѣ досаднѣй ставить, чѣмъ тебѣ получать!

Въ такихъ разсужденіяхъ прошло болѣе половины урока.

Разсуждать и злить Сп. Як. было кому, такъ какъ оставленныхъ было болѣе 10 душъ; насъ-же поступило 40 новичковъ, но пока еще ни одинъ не осмѣлился что нибудь спросить или сказать; и всѣ новички какъ-то дико посматривали на происходившее, а старички на перебой, одинъ предъ другимъ, старались показать свою удаль въ простотѣ обращенія со Сп. Як., какъ-бы хвастаясь предъ нами, или они по привычкѣ не могли иначе держать себя въ отношеніяхъ къ нему: объяснить это я теперь никакъ не могу, потому что скоро мы всѣ одинаково обращались съ Сп. Я.—Съ этого урока я понялъ наставленіе отца относительно Сп. Я. и сознаюсь, плохо его исполнялъ, какъ и вообще плохо исполняются всякіе разумные и добрые совѣты; ничѣмъ не отличался отъ другихъ. Иногда случалось, что голосъ совѣсти упрекалъ и дѣлалось какъ-то больно за Сп. Як., когда устроишь ему какую нибудь подлость, а онъ на нее и вниманія не обратитъ: на лицѣ его не увидишь не только злости, а даже упрека— и тогда тѣмъ болѣе совѣстно станетъ самому себѣ.—Во время перваго-же урока мы услыхали всѣ тѣ эпитеты, которые давались Сп. Як. въ присутствіи его, какъ-то «Лапша въ карманѣ»,— гопъ-чики-нѣтъ! 5+на лбу!» и мног. друг., переходившіе по наслѣдству изъ поколѣнія въ поколѣніе; о многихъ изъ нихъ не сохранилось никакого преданія, почему они были присвоены Сп. Як., на столько были древни.

Эпитетъ «Сакенскія калоши» былъ данъ, вѣроятно, потому что у С. Як. были большія, глубокія, буйволовой кожи, галоши, существовавшія нѣсколько десятковъ лѣтъ. По изяществу работы и цѣнности, такія галоши, по мнѣнію учениковъ, могъ носить только извѣстный въ свое время графъ Остенъ-Сакенъ, жившій недалеко отъ г. Е..... По глухому гулу этихъ галошъ можно было узнать Сп. Як. въ самую темную ночь.

Сп. Як. не сталъ съ нами знакомиться по журналу, какъ предыдущій учитель, а сталъ по серединѣ класса и съ добродушной улыбкой спросилъ:

— А кто изъ васъ умѣетъ читать по-латыни?

— Я, я, Сп. Як.!—крикнули почти всѣ старички.

— Васъ не спрашиваютъ!—сказалъ онъ.

Тогда нѣсколько поднялось изъ насъ. Онъ подносилъ каждому латинскую грамматику и заставлялъ прочесть; читавшихъ отмѣчалъ въ журналѣ. Потомъ написалъ на доскѣ азбуку и самъ читалъ незнавшимъ, указывая на каждую букву.—Читалъ онъ нѣсколько разъ: но ударилъ звонокъ и старички подняли ужасный шумъ, читая всѣ одновременно молитву и говоря:—Довольно довольно! пора съ класса!—

Онъ собралъ все принесенное на урокъ; старички предлагали помочь донести до учительской комнаты, но онъ всѣхъ прогонялъ и отказывался.

Спустя мѣсяцъ, мы такъ ознакомились со Сп. Як., что насъ нельзя было отличить отъ старичковъ.—

Уроки Сп. Як. всегда были шумны во всѣхъ классахъ, не исключая IV, гдѣ уже ученики должны были-бы быть скромнѣй и благоразумнѣй; но тамъ были самые мудрые на всякія продѣлки.

Въ теченіе уроковъ Сп. Як. каждый занимался всѣмъ тѣмъ, чѣмъ кому угодно было; по большей части приготовляли урокъ слѣдующаго какого нибудь предмета. Уроки по латинскому языку исправно готовили очень немногіе изъ насъ: тѣ только, которые всегда исправно знали всѣ уроки; тѣ внимательно слушали, ничѣмъ постороннимъ не занимались и не шумѣли; къ нимъ съ особенной, можно сказать материнской, любовію относился Сп. Як.

Ученики лѣнивые и равнодушные къ единицамъ и двойкамъ, обыкновенно во время уроковъ Сп. Як. занимались разными мастерствами: нисколько не стѣсняясь, сбрасывали съ себя сюртукъ или жилетъ и портняжили; хотя Сп. Як. и вырывалъ починяемое, но осаждаемый просьбами или доводами, что необходимо исправить, опять отдавалъ для починки; иные изъ учени-

ковъ починяли сапоги, а другіе въ перья или во что нибудь играли, словомъ, каждый былъ занятъ, но отнюдь не латинскимъ языкомъ. Разговоръ между какими нибудь пріятелями велся обыкновеннымъ тономъ, не взирая на частыя покрикиванья Сп. Як. «ма-алчать, подлецы!» или «вонъ съ класса», послѣ нѣсколькихъ замѣчаній.

А изъ класса безъ всякаго позволенія выходилъ каждый, даже по нѣсколько разъ; иногда въ классѣ оставалась только половина учениковъ. Всѣ мастеровые, покончивъ свои работы, вели разные разговоры со Сп. Як. выводя его изъ терпѣнія: и въ концѣ концовъ долготерпѣливый Сп. Як. на неугомонномъ ученикѣ практиковалъ *кулачное право*, послѣ котораго потерпѣвшій, притворяясь плачущимъ, выходилъ изъ класса и угрожалъ пожаловаться кому нибудь изъ начальствующихъ, на что Сп. Як. говорилъ:

— Иди, иди! чортъ тебя бери!

Разумѣется никогда никто не жаловался, такъ какъ зналъ, что самъ-же будетъ наказанъ.

Въ теченіе урока Сп. Як. наполнялъ всѣ свои карманы пуговками, въ которыя играли ученики, перьями, косточками изъ рожковъ, тоже служившими для игры, разныхъ величинъ волчками, которые часто пускались на урокѣ. При конфискованіи этихъ предметовъ не было сопротивленія: каждый зналъ, что всегда получитъ послѣ урока свою вещь; если иногда Сп. Як. уносилъ эти предметы въ свою комнату, то складывалъ ихъ тамъ на окнѣ, откуда часто воровали ихъ другіе ученики. Не находившій своей вещи требовалъ отъ Сп. Як. платы и всегда получалъ 3—5 коп., и при этомъ торгъ велся самымъ серьезнымъ образомъ, какъ будто-бы Сп. Як. покупалъ и предлагалъ свою цѣну, а владѣлецъ требовалъ свою. Иныхъ нахаловъ, у которыхъ онъ ничего и не взялъ на урокѣ, но которые надоѣдали ему, выгонялъ изъ своей комнаты; но это очень рѣдко бывало и только тогда, когда ученикъ этотъ былъ слишкомъ дрянной и у Сп. Як. не было денегъ; а случались у него деньги, то онъ всегда дастъ 3—5 коп., чтобы отвязаться отъ нахала.

Всѣ обращались къ Сп. Як. за займомъ денегъ на бумагу, карандаши, перья, какую нибудь книгу и проч.; и никогда никому онъ не отказывалъ; если и неимѣлъ, то самъ займетъ, а все-же дастъ. Такія нужды въ большинствѣ случаевъ были измышлены, да и долгъ этотъ никогда не отдавался и самъ Сп. Як. не помнилъ его. Если кто возвращалъ долгъ, то Сп. Як. распрашивалъ, когда былъ сдѣланъ заемъ и для чего: принималъ заемъ крайне неохотно, предлагая ученику употребить эти деньги на что нибудь необходимое. Такой безграничной добротой многіе слишкомъ злоупотребляли.

Нужно было только показать Сп. Як-чу изорванные сапоги и сказать: «займите, Сп. Як., пока папаша пріѣдетъ, а то не въ чемъ ходить!» Сп. Як., ни слова не говоря, заказывалъ сапоги тѣмъ, о которыхъ зналъ, что могутъ обмануть; а честнымъ ученакамъ давалъ два-три руб. Самъ-же ходилъ въ старенькой скудной одеждѣ. Во время моего пребыванія въ училищѣ, я не видѣлъ у Сп. Як. чего-нибудъ новаго изъ одежды, да врядъ-ли видѣли это и нѣсколько предшествовавшихъ курсовъ. Будучи священникомъ, я встрѣчалъ Сп. Як. въ той-же шинели и сюртукѣ, которые мнѣ были знакомы еще въ училищѣ. Случалось, что онъ надѣнетъ новые сапоги; тогда ему не давали ученики проходу, говоря: «И-и-и, Сп. Як., какіе у васъ сапоги! Сколько они у васъ будутъ носиться лѣтъ? и почему-бы не заказать по модѣ, со скрипами, на подборахъ съ подковками?» Что касается разныхъ продѣлокъ, на урокахъ Сп. Як. и внѣ классныхъ занятій, то ихъ была такая масса, что только ничтожная доля сохранилась въ памяти. Что ни день или урокъ, то въ каждомъ классѣ устраивалось Сп. Як—чу что нибудь новенькое. Иногда ученики сговаривались сидѣть на урокѣ Сп. Як—ча тихо, и въ рукахъ или на партѣ не имѣть ничего, кромѣ латинской книги. И вотъ—въ классѣ тишина, всѣ заняты латинскимъ языкомъ. Такое поведеніе казалось Сп. Як. страннымъ и удивительнымъ. Въ такихъ случаяхъ, до прихода Сп. Як., ученики сидѣли чинно на своихъ мѣстахъ; когда онъ входилъ, тихо поднимались, дежурный читалъ четко и громко молитву, всѣ крестились правильно съ набожнымъ

выраженіемъ физіономій; садясь на мѣста, никто не смѣлъ слова сказать даже шепотомъ; доска была предварительно вытерта, столъ и стулъ были на своемъ мѣстѣ, парты разставлены такъ, какъ нравилось Сп. Як., т. е. чтобы были свободные проходы кругомъ; каждый сидѣлъ ровно и смотрѣлъ или въ книгу, или на доску, или на отвѣчающаго ученика. Въ классѣ тогда, какъ говорятъ, слышно, какъ муха пролетитъ, хотя такъ бывало всегда на урокахъ другихъ учителей. Сп. Як. тогда, замѣтно по лицу, самый счастливый человѣкъ: улыбается, вмѣсто ученика самъ отвѣчаетъ урокъ; если-же отвѣчающій не знаетъ урока, а читаетъ его по книгѣ, меньше четверки не ставитъ такому ученику. Такъ пройдетъ полъ-урока; видно Сп. Як-чу чего-то недостаетъ, онъ не привыкъ къ этому и самъ себѣ не вѣритъ: почему такая тишина? откуда такіе все хорошіе отвѣты? Вотъ, наконецъ, ученикъ отвѣчаетъ очень бойко—и Сп. Як. только слушаетъ, не имѣя возможности подсказывать. Тогда на половинѣ отвѣта ученикъ нарочно остановится—и водворится могильная тишина. Сп. Як., забываясь отъ восторга, невольно произноситъ свое обычное «чи-и-ишь!» и на лицѣ его скользнетъ улыбка съ выраженіемъ насмѣшки надъ самимъ собой. Въ этотъ моментъ раздается самый зычный всеобщій взрывъ хохота, а затѣмъ пѣніе и проч. по обыкновенію до конца урока. Цѣлый урокъ такого затишья Сп. Як. не могъ-бы вынести; къ концу урока, въ подобныхъ случаяхъ, у него все какъ-то не такъ выходило. Если иногда смотритель училища посѣщалъ его урокъ и сидѣлъ долго, то Сп. Як. въ это время объяснялъ урокъ на слѣдующій день и всегда писалъ такую массу примѣровъ на доскѣ, заставляя учениковъ разбирать и переводить, что въ этомъ проходилъ цѣлый урокъ.

Почти предъ каждымъ латинскимъ урокомъ ученики сдвигали парты въ сплошную массу къ стѣнѣ, такъ что нельзя было пройти между ними: кому нужно было сѣсть, то перелазили. Послѣ молитвы Сп. Як. начиналъ раздвигать парты, заставляя какого-нибудь ученика помогать ему; но рѣдкій помогалъ. Обыкновенно Сп. Як. самъ разставлялъ парты. Иной-же проказникъ, будто-бы помогая, съ другаго конца тянулъ скамью къ себѣ въ

то время, когда Сп. Як. тянулъ ее къ себѣ. Парта не двигалась,— это страшно злило Сп. Як. и онъ направлялся съ кулаками къ своему помощнику. Рѣдко ему удавалось поймать проказника, который съ быстротой козы перепрыгивалъ черезъ парты, показывая языкъ; слѣдовать-же за нимъ Сп. Як. не рѣшался.

Въ такихъ передвиженіяхъ проходила половина урока. Когда парты были разставлены, Сп. Як. вызывалъ учениковъ къ доскѣ отвѣчать урокъ, который, какъ я выше упоминалъ, не многіе основательно знали; ученики выписывали урокъ на клочокъ бумаги, приклеивали къ переплету книги и по немъ отвѣчали. Хотя Сп. Як. и замѣчалъ эту хитрость, но рѣдко вырывалъ и не придавалъ особеннаго значенія, а ставилъ не болѣе тройки. Если-же отвѣчавшій доказывалъ, что онъ больше заслуживаетъ, то Сп. Як. послѣ надоѣдливыхъ приставаній, прибавлялъ плюсъ, а потомъ половину и съ тѣмъ отправлялъ отвѣчавшаго, какъ онъ говорилъ, «къ чорту».

Во время отвѣтовъ, остальные ученики производили самый невѣроятный базарный шумъ: иной, наломавъ нѣсколько кончиковъ стальныхъ перьевъ или какихъ нибудь стальныхъ пластинокъ, забивалъ ихъ подъ партой и производилъ музыкальные звуки въ тѣ моменты, когда учитель былъ на другомъ концѣ класса. Слухъ у него былъ удивительный.

Не подавая вида, что заслышалъ музыку и подмѣтилъ игравшаго, постепенно приближался Сп. Як. къ музыканту. Если послѣдній не остерегался, то Сп. Як., посмотрѣвши на него искоса нѣсколько разъ и убѣдившись въ вѣрности своего наблюденія, съ быстротой коршуна направлялся къ игравшимъ схватывалъ ихъ за чубъ, отыскивалъ инструментъ, ломалъ его, а музыканта выгонялъ изъ класса.

Такихъ музыкантовъ ему приходилось выгонять десятки въ теченіе урока. Иной, очень хитрый, устраивалъ арфу до урока подъ сидѣніемъ изъ проволоки или струнъ и игралъ, очень внимательно слѣдя за всѣми движеніями Сп. Як.

Въ такихъ случаяхъ трудно удавалось ему схватить музыканта. Отъ досады и озлобленія, Сп. Як. ударялъ сильно по партѣ ру-

кой и кричалъ: «Ма-а-алчать подлецы!» Нѣкоторые имѣли цыганскій «вирганъ» [1]). Игроковъ на «вирганѣ» было нѣсколько, располагались они въ разныхъ углахъ и поочередно наигрывали, смотря по положенію, гдѣ былъ Сп. Як.. Когда онъ объяснялъ слѣдующій урокъ (т. е. былъ возлѣ доски и писалъ примѣры), то раздавался полный оркестръ разныхъ инструментовъ съ припѣвомъ хористовъ, по большей части со словами «со святыми упокой», на мотивъ комаринскаго бычка и малороссійской пѣсни «та внадывся журавель». Сп. Як. продолжалъ писать, не обращая никакого вниманія; но когда пѣніе, сопровождаемое музыкой, доходило до мѣста: «таки-таки упокой, таки-таки цыбатый, таки-таки носатый!», то онъ моментально поворачивался—и скрежеталъ зубами, потрясалъ въ воздухѣ кулаками, стучалъ сапогами, присѣдая такъ, какъ будто-бы выбивалъ трепака подъ музыку и кричалъ: «Ма-а-алчать с.... с...., безбожные анаѳемы, подлецы!» Моментально все стихало и выраженія физіономій учениковъ были самыя невинныя, солидно смотрящія на доску, а Сп. Як. бросалъ молніеносные взоры по всѣмъ партамъ. Въ это время кто нибудь изъ послѣдней парты, такъ наз. «Кавказа», подымался и говорилъ:

— Ну, вотъ, давно бы такъ Сп. Як. потанцовали, по крайней мѣрѣ веселѣй было-бы, чѣмъ писать разныя глупости!»— «Что-о-о!» возвышая голосъ, говорилъ Сп. Як. «вотъ я тебя повеселю, подлецъ!» и быстро направлялся къ тому ученику, который былъ уже готовъ, зная, что его ожидаетъ, выскакивалъ изъ-за парты и направлялся въ противоположный конецъ. Начиналась игра «въ кошки и мышки»; бѣгающій ученикъ дѣлалъ ему самыя невѣроятныя гримасы, приговаривая «да не поймаете!»

---

[1]) Инструментъ этотъ дѣлается изъ вдвое согнутой стальной пластинки; въ середину вставлена тоже стальная тоненькая пластинка съ крючкообразнымъ концомъ; пластинку нужно брать въ губы и трогать крючокъ пальцемъ такъ, чтобы онъ соскакивалъ; эта тоненькая средняя пластинка издавала гармоническій звукъ, который могъ повышаться и понижаться смотря по тому какъ держать пластинку—твердо или слабо.

Это злитъ еще больше Сп. Як.; но онъ старается успокоиться и говоритъ:

«Вонъ изъ класса, подлецъ!»

— «Нѣтъ, не надуете! отойдите дальше, то пойду!» говоритъ ученикъ Сп. Як-чу, если этотъ былъ вблизи дверей.

— Иди, иди, подлецъ, не трону, чортъ съ тобой!

— Нѣтъ, не вѣрю, отойдите, надежнѣй будетъ!

— Ну, иди, подлецъ! Говорятъ тебѣ, ей Богу, не трону!

— Вотъ теперь пойду! и выходитъ смѣло, зная, что послѣ клятвы Сп. Як. не тронетъ; идетъ ученикъ тихимъ шагомъ напѣвая.—Сп. Як. смотритъ ему въ слѣдъ, плюетъ и говоритъ:

— Тьфу! извергъ проклятый, во адѣ, подлецъ, будешь!

Минутъ черезъ 10, выгнанный такимъ образомъ, возвращался и какъ ни въ чемъ не бывало садился за парту, а Сп. Як. забылъ уже происходившее съ этимъ, такъ какъ былъ занятъ другими, которые во время погони въ разныхъ концахъ кричатъ по очередно: «кук-са! гопъ! чики! нѣтъ!» кричатъ разными голосами: выходилъ какой-то вполнѣ дикій концертъ—тѣмъ болѣе, что слышались кошачьи звуки.

Нѣкоторые могли такъ искусно подражать котамъ, что иногда по вечерамъ, мяукая, обманывали котовъ, которые, мурлыча, сходились на природный свой звукъ и за это получали камни или палки отъ искусниковъ. Эти-то господа дополняли концертъ; а Сп. Як., видя невозможность что нибудь сдѣлать, останавливался, крестился, плевалъ и говорилъ:

— Вотъ ироды! дьяволово отродье!

У Сп. Як. были излюбленные углы партъ, по которымъ онъ сильно стучалъ рукой, усмиряя учениковъ, произнося обычное— *молчать*. Однажды на такомъ углѣ кто-то налилъ чернила, которое было незамѣтно, да и парты были чорнаго цвѣта. На томъ углѣ сидѣлъ хорошій и скромный ученикъ; Сп. Як. очень любилъ его. Дойдя до того угла, по обыкновенію смотрѣлъ во всѣ стороны на учениковъ; только хотѣлъ усмирять, стукнувъ рукой по партѣ, какъ почувствовалъ влагу и увидѣлъ руку въ чернилѣ. Это его удивило, такъ какъ случилось возлѣ такого ученика, что

онъ не могъ допустить отъ него продѣлки: но минуту спустя сказалъ:

— Такъ и ты, подлецъ! а еще кажешься тихоней! и началъ вытирать руку о физіономію этого ученика, которую изрядно выпачкалъ.

Тотъ самъ изумился и началъ божиться, что не онъ; но Сп Як. не вѣрилъ въ тотъ моментъ, хотя и говорилъ:

— Ну, такъ скажи, кто?

Когда-же ученикъ началъ плакать и усиленно божиться, что не знаетъ, Сп. Як. извинился, а вечеромъ позвалъ его къ себѣ на чай.

Во время такой мазки произошелъ всеобщій взрывъ хохота и довольства, что удалась такая продѣлка, да еще былъ подведенъ подъ гнѣвъ такой тихоня и любимчикъ Сп. Як.

Другую подобную, но еще болѣе подлую продѣлку устроилъ одинъ изъ товарищей, когда мы были уже въ другомъ классѣ.

Наломавъ кончиковъ изъ перьевъ онъ позабивалъ ихъ на углѣ парты. Когда Сп. Як. стукнулъ, то острые концы перьевъ почти цѣликомъ вошли въ руку и показалась кровь; сжавъ отъ боли кулаки, онъ изрядно отколотилъ продѣлавшаго эту штуку и на этотъ разъ не напрасно.

Продѣлка эта не порадовала учениковъ: всѣмъ какъ-то невольно сдѣлалось жалко Сп. Як.; нѣкоторые даже, озлобившись, настаивали, чтобы Сп. Як., заявилъ смотрителю, но онъ сказалъ: «Чортъ съ нимъ! развѣ онъ, оселъ, понимаетъ, что его исключатъ съ дурнымъ поведеніемъ и пропадетъ какъ собака, а родителей убьетъ горемъ; у него отецъ прекрасный человѣкъ. Богъ съ нимъ! Богъ съ нимъ, не хочу!»

Это на насъ сильно подѣйствовало: продѣлавшій эту штуку плакалъ, я думаю, не отъ боли, которую нанесъ ему Сп. Як. кулаками, а, вѣроятно, отъ угрызенія совѣсти.

Послѣ этого случая мы нѣсколько дней вели себя на урокахъ Сп. Як., какъ слѣдуетъ; если и разговаривали громко, то вѣдь нельзя-же было безъ этого, и Сп. Як. не привыкъ къ абсолютной тишинѣ, но продѣлокъ никакихъ себѣ не позволяли. Спустя

нѣсколько дней все пошло по старому, да и не могло быть иначе...

У читателей можетъ возникнуть вопросъ: какъ-же смотрѣли и относились ко всему этому смотритель, его помощникъ и надзиратели? Вѣдь такой шумъ слышенъ былъ не только въ сосѣднихъ классахъ, корридорѣ, но даже на улицѣ... Но вѣдь это старый шумъ давно всѣмъ знакомый, съ нимъ свыклись: да, наконецъ, большинство, если не весь персоналъ учащихъ, тоже когда-то учились у Сп. Як. и были такими же проказниками, какъ и мы.

Всѣ хорошо знали, что Сп. Як. никогда не пожалуется и не выдастъ ни одного ученика и самаго отъявленнаго шалуна будетъ защищать. Случалось, что на шумъ входилъ смотритель и заставалъ какую-нибудь сцену.

Захваченный подвергался строгому наказанію; заключали даже на сутки въ карцеръ. Надзиратели въ классъ не входили, а иногда, подслушавъ или встрѣтивъ выгоняемыхъ изъ класса, оставляли безъ обѣда, или ставили на колѣни.

Еще нѣкоторыя продѣлки.

Иногда кто-нибудь приносилъ воробья и, выждавъ удобную минуту, выпускалъ его, а другой въ это время говорилъ:

— Вотъ, Сп. Як., ваша душа летаетъ!

Ученики старались поймать летавшаго воробья, но Сп. Як. разгонялъ ихъ и не позволялъ трогать птичку.

Въ это время кто-нибудь спрашивалъ:

— А правда, Сп. Як., что воробей отъ чорта и представляетъ образъ жида, а ласточка отъ ангела и есть образъ христіанина?

— Все равно, дуракъ! развѣ не знаешь, что все есть созданіе Бога,—какой дуракъ это тебѣ разсказывалъ?

А то приведутъ щенка. Когда начнутъ тормошить его, онъ пищитъ. Этого не могъ выносить Сп. Як. и угощалъ проказниковъ кулаками, причемъ все время стоялъ возлѣ щенка и защищалъ его, или приказывалъ какому-нибудь ученику вынести щенка; но въ тоже время и самъ сопровождалъ, чтобы выносившій не билъ его.

Одинъ изъ учениковъ безподобно на однѣхъ губахъ такъ игралъ, какъ-бы у него былъ «виргапъ», о которомъ я упоминалъ; музыки его нельзя было отличить отъ настоящаго виргана. Сидѣлъ этотъ ученикъ въ музыкальномъ забытьи и наигрывалъ, не замѣтивъ, что недалеко былъ Сп. Як., который быстро подбѣжалъ, схватилъ за руку и ротъ такъ, что тотъ долженъ былъ раскрыть свой ротъ. Къ изумленію своему Сп. Як., кромѣ двухъ рядовъ зубовъ ничего не увидѣлъ и спрашиваетъ: «гдѣ дѣвалъ?» Ученикъ отвѣтилъ, что у него нѣтъ и никогда не было виргана.

— А на чемъ же ты игралъ?

Ученикъ повторилъ ему и Сп. Як., улыбаясь, отошелъ, ничего не сказавъ. Другой ученикъ посовѣтывалъ Сп. Як. попросить того-же ученика засвистать по соловьиному, на что тотъ сказалъ:

— Ну, ну, хорошъ и ты соловей!

Будь внѣ класса, Сп. Як. послушался-бы и попросилъ показать такое искусство. Внѣ класса Сп. Як. былъ самый лучшій пріятель учениковъ и какъ товарищъ обращался со всѣми одинаково, даже съ тѣми, кто больше всего надоѣдалъ ему на урокахъ. Правда, что и ученики очень любили его внѣ класса и никогда ни одинъ, въ своихъ интимныхъ бесѣдахъ объ учителяхъ, о немъ ни одного худого слова не говорилъ, на которыя вообще такъ богаты ученики.

Шелъ куда-нибудь Сп. Як., то ученики говорили: «Вотъ пошло дружище!» или кричали ему: «Счастливый путь, Сп. Як.! Богъ въ помощь, да не забудьте гостинчика принести!»

Гостинцами Сп. Як. дѣйствительно часто дарилъ учениковъ. Многимъ другимъ учителямъ далеко не такія пожеланія посылали, да и про себя только... Эпитетомъ, *дружище*, всѣ называли Сп. Як. и дѣйствительно онъ былъ рѣдкій общій другъ.

Столовался Сп. Як. на частной квартирѣ, гдѣ жило много учениковъ, всѣ соквартиранты были его большіе друзья, они не такъ съ нимъ обращались на урокахъ, какъ другіе, хотя всего бывало... Чай онъ пилъ у себя въ квартирѣ; она находилась при училищѣ и въ тоже время была учительской, въ которой стоялъ

клеёнчатый диванъ. На этомъ диванѣ Сп. Як. спалъ, имѣя подушку да шинель вмѣсто одѣяла; а зимой спалъ на лежанкѣ въ правленіи училища, которое помѣщалось рядомъ съ его комнатой и находилось въ полномъ его распоряженіи. При томъ-же Рой былъ безсмѣнный членъ правленія.

За столъ Сп. Як. платилъ большія деньги, а ѣлъ то, что и ученики. Хозяйка квартиры, дочь священника, была въ замужествѣ за какимъ-то дворяниномъ, который по внѣшности и пріемамъ былъ самый грубый городской пройдоха-мѣщанинъ; отъ него всегда несло сивухой. Постоянно этотъ господинъ выпрашивалъ у Роя на чвёртки *опохмѣлиться*, а хозяйка занимала у Сп. Як. на базары; эти займы никогда не возвращались; въ общемъ они составляли тройную плату квартиры. Оставаясь часа два-три послѣ обѣда на квартирѣ, Сп. Як. помогалъ ученикамъ при ученіи уроковъ; рѣшалъ всѣ задачи. Ариѳметику Сп. Як. зналъ прекрасно и преподавалъ ее нѣсколько лѣтъ. По языкамъ диктовалъ переводы, выписывалъ слова и дѣлалъ разборъ по греческому языку, который зналъ основательно и говорилъ свободно; такъ-же, какъ и по-латыни. Не было такого предмета изъ училищнаго и семинарскаго курса, чтобы Сп. Як. не зналъ. Всѣ эти предметы онъ зналъ далеко основательнѣй другихъ учителей, которые сознавались, что обращались къ нему за разъясненіемъ какихъ нибудь недоразумѣній; и называли они его *ходячей энциклопедіей*. Соквартирантамъ Сп. Як. легко было учиться, вѣрныя знанія доставались безъ труда, стоило только нѣсколько усвоить ихъ; но изъ соквартирантовъ не было ни одного хорошаго ученика, о чемъ сожалѣлъ Сп. Як. Онъ всегда радъ былъ, если приходили ученики изъ другихъ квартиръ послушать переводъ или что нибудь другое; если иногда запаздывали, то, по ихъ просьбѣ, онъ повторялъ. Ученикамъ, жившимъ въ училищѣ на казенномъ содержаніи, всегда помогалъ приготовлять уроки и не тяготился, повторяя иногда одно и то же по двадцати разъ; за трудъ довольствовался простымъ «спасибо», которое всегда было искренно. Впрочемъ, нѣкоторые ученики привозили Сп. Як-чу послѣ праздниковъ: горшечекъ масла, кусокъ сала, булку или

пасху, меду и проч. съѣстное, которое Сп. Як. принималъ, боясь огорчить ученика; все это поѣдали тѣ-же ученики, которыхъ онъ приглашалъ на чай, и другіе изъ казенно-коштныхъ; да и учителя не отказывались закусить что нибудь послѣ второго-третьяго урока у Сп. Як.

Если привозившій масло или что другое плохо отвѣчалъ и получалъ двойку или тройку, то недовольный такимъ балломъ говорилъ: «Я вамъ, Сп. Як., хабара привезъ, а вы мнѣ плохую отмѣтку ставите; другой разъ не привезу!».

— Да и не нужно!—говорилъ Сп. Як.—Ты подлецъ, меня упрекаешь: «масло взяли, масло взяли!»—а самъ же его съѣлъ да и отъ меня хабары получалъ, и деньги я тебѣ давалъ. и чай у меня пилъ, а все же подличаешь и совсѣмъ не учишься!—Такіе упреки учениковъ были шуточны, лишь-бы подразнить Сп. Як. На урокахъ еще такого рода бывали продѣлки: дѣлали резинковые лучки на палочкѣ изъ двухъ рожковъ, стрѣлами служили туго скрученные небольшіе кусочки бумаги; сильно пущенная такая бумажка ужасно била, такъ что ударъ въ руку или въ лицо у слабаго ученика вызывалъ слезы, да и выносливаго заставлялъ чувствовать боль съ озлобленіемъ. Изъ этихъ лучковъ часто пускали стрѣлы въ Сп. Як. Однажды мѣткій стрѣлокъ попалъ Сп. Як. въ лобъ такъ, что онъ почесалъ его, но не видѣлъ, кто пустилъ; а стрѣлокъ, довольный удачнымъ выстрѣломъ, скорчилъ серьёзную физіономію, уставился глазами въ потолокъ и говоритъ:

— Пора бы штукатурить классы, а то штукатурка отваливается, пожалуй весь потолокъ завалится!

Сп. Як. въ первый моментъ не сообразилъ и поднялъ глаза на потолокъ; но когда увидѣлъ, что тамъ ни одной трещинки нѣтъ, сказалъ: «Вотъ я тебѣ, подлецъ, какъ наштукатурю физіономію, то будешь знать, я лучше выстрѣлю чѣмъ ты!»

Ученикъ божился и клялся, что не онъ и не знаетъ въ чемъ дѣло. Спустя нѣкоторое время Сп. Як. стоялъ сзади того стрѣлка, который забылъ, что ему можетъ угрожать; этотъ проказникъ наложилъ стрѣлу и уже цѣлился въ одного изъ товарищей, какъ

раздался выстрѣлъ руки Сп. Як. по физіопоміи стрѣлка, который никакъ не ожидалъ удара и повернулъ лицо туда, откуда раздался выстрѣлъ, а Сп. Як., какъ ни въ чемъ не бывало, прошелъ безъ вниманія, а потомъ повернулся да и говоритъ:

— Вотъ видишь, потолокъ обвалился,—ты правду говорилъ! Ишь, подлецъ, а еще божится, что не онъ. Вонъ изъ класса! Вонъ!

Во время экзаменовъ ученики компаніями отправлялись готовиться въ степь, большей частію по направленію къ Б..., предмѣстью г. Е... По берегу рѣки ученики выбирали уютныя мѣста между скалъ; особенно красивыя мѣста были возлѣ желѣзнодорожнаго моста. Занимаясь, въ промежуткахъ ученики купались, ловили раковъ и варили ихъ.

Однажды компанія на одной площадкѣ, между скалъ, замѣтила какую-то фигуру; тихонько приблизившись, узнали въ ней Сп. Як., который безъ сюртука и шапки стоялъ на колѣняхъ и молился Богу. Компанія притихла и старалась быть незамѣченной; приблизившись на разстояніе нѣсколькихъ шаговъ, условились напугать Сп. Як.: набрали камешковъ и начали бросать, но не старались попасть, а мимо. Въ первый моментъ Сп. Як. не обратилъ вниманія, продолжалъ молиться. Когда же каменная канонада усилилась, Сп. Як. схватился, забралъ одежду и началъ быстро удаляться, не поворачиваясь. Ученики съ хохотомъ выбѣжали изъ засады и начали звать Сп. Як.; онъ остановился. Приблизившись, ученики сказали:

— А что, Сп. Як. испугались? вѣроятно подумали, что васъ чортъ искушаетъ?

— Да. было-бы хуже чорта, если бы вы мнѣ голову провалили!

Его увѣрили, что хотѣли только напугать и бросали мимо. Попросили его помочь готовиться, на что онъ безпрекословно согласился, и ѣлъ съ ними кашу и раковъ. По окончаніи запятій ученики пѣли, имъ баскомъ подтягивалъ Сп. Як.; но пѣсни ему не нравились, а потому пѣли такъ называемое архіерейское «Пріидите поклонимся» и «Достойно есть».

Ученики обратились къ Сп. Як. съ вопросомъ какую онъ знаетъ и любитъ малороссійскую пѣсню?

Онъ улыбнулся и говоритъ: А вотъ переведите и споете: «Virgo vero turtur, ad millitem fertur, milles vero ut aquila mortuûs erat visa illa». Быстро ученики сообразили, что это давно знакомая имъ пѣсня: «Ой дивчина горлыця, до козака горнеця»... Любилъ Сп. Як. военныя пѣсни временъ Суворова, Кутузова. но ученики ихъ не знали. Предлагалъ разные каламбуры и загадки на латинскомъ языкѣ; рѣшавшимъ давалъ 15—20 коп. Однажды предложилъ рѣшить слѣдующую загадку: «Встрѣтились два римскихъ корабля; капитанъ одного посылаетъ привѣтствіе другому такого рода: Mitto tibi navem rostro puppique carentem!». Долго ученики рѣшали и никакъ не могли, а за рѣшеніе онъ предложилъ рубль на компанію. Нѣсколько дней онъ назначилъ сроку; но сколько ни морочились, ничего не выходило, а загадка интересовала больше рубля. Наконецъ, попросили Сп. Як. рѣшить; онъ сказалъ: отбросьте въ словѣ «navem» буквы n и m получится ave=здравствуй!

Сп. Як—чъ отъ мѣсяца до мѣсяца не имѣлъ въ остаткѣ ни одной копѣйки, еще оставался въ долгу. У него было двѣ сестры, которымъ онъ помогалъ, каникулы проводилъ всегда съ ними. Отъ г. Е... въ деревню, гдѣ жили сестры и гдѣ онъ родился, около 70 верстъ, и онъ всегда ходилъ пѣшкомъ. Иногда Сп. Як. путешествовалъ пѣшкомъ на богомолье въ Кіевъ. Не помню въ какомъ году, пошелъ Сп. Як. въ Кіевъ, пробылъ тамъ нѣкоторое время, проживая у своего товарища архимандрита Макарія, бывшаго въ то время смотрителемъ Кіево-Софіевскаго духовнаго училища. Простившись съ нимъ, ушелъ въ Лавру, гдѣ были его спутники; было не рано, а потому отложили путешествіе до утра. Съ богомольцами Сп. Як. расположился въ Лаврѣ на ночлегъ. Ночью у кого-то изъ богомольцевъ вытащили деньги; потерпѣвшій заявилъ монаху, который заперъ находившихся въ общемъ ночлежномъ отдѣленіи и пригласилъ для обыска полицію.

Явившаяся полиція требовала паспорты и безпаспортныхъ забирали въ участокъ. У Сп. Як. не было никакого вида, и онъ

попалъ въ полицейскій участокъ: хотя онъ и назвалъ себя, но по внѣшности ему не повѣрили: Богъ вѣсть какъ было-бы, пока навели справки, но его выручила случайность. Утромъ слѣдующаго дня архимандритъ Макарій ѣхалъ въ Лавру съ какимъ-то докладомъ къ митрополиту; проѣзжая мимо Печерскаго участка полиціи, онъ случайно посмотрѣлъ на окна съ рѣшетками и, къ своему изумленію, увидѣлъ за ними улыбающуюся физіономію Сп. Як. Тогда онъ остановился, зашелъ въ участокъ, узналъ въ чемъ дѣло, и выручилъ Сп. Як., котораго взялъ съ собой.

Сп. Як. не былъ женатъ. На вопросы учениковъ во время урока, почему онъ не женился, отвѣчалъ: «какое вамъ дѣло!». Внѣ-же урока говорилъ, что не хотѣлъ жениться, что можно и такъ быть; а на совѣты поступить въ монахи говорилъ, что трудно быть монахомъ, какимъ онъ долженъ быть, такъ какъ въ монастырѣ больше всякихъ искушеній.

За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти съ Роемъ былъ слѣдующій случай. Былъ онъ у священника сел. И.... о. Т., пошелъ съ нимъ на вечерню; возвратившись изъ церкви, священникъ пошелъ по хозяйству, а Сп. Як. въ домъ и, никѣмъ незамѣченный, прошелъ въ кабинетъ. Жена священника слыхала, что кто-то вошелъ, и думала, что мужъ, о Сп. Як. она забыла; она вошла въ кабинетъ приглашать чай пить; въ кабинетѣ былъ полумракъ, она направилась къ фигурѣ, сидѣвшей къ ней спиной, наклонилась и поцѣловала въ голову; это такъ поразило и смутило Сп. Як., что онъ только могъ сказать:

— Богъ съ вами! Богъ съ вами! вы ошиблись!

Она тоже смутилась, не могла ничего сказать и цѣлый вечеръ не могла смотрѣть на улыбавшуюся и конфузившуюся физіономію Сп. Як.—Я думаю, этотъ случайный поцѣлуй отъ женщины въ жизни Сп. Як. былъ первый и послѣдній.

Находясь въ отставкѣ и живя постоянно въ деревнѣ съ сестрами, Сп. Як. не пропускалъ ни одного богослуженія, всегда бывалъ на клиросѣ, читалъ и пѣлъ. Ходилъ всегда пѣшкомъ и заходилъ не надолго къ знакомымъ священникамъ, особенно къ бывшимъ ученикамъ, которые всегда были искренно рады его

посѣщенію. Долго приходилось его уговаривать воспользоваться лошадью, чтобы доѣхать до другого селенія или куда ему нужно было; онъ отговаривался, боясь стѣснить, и часто старался уйти незамѣченнымъ. У меня въ домѣ, когда я былъ священникомъ, онъ былъ два раза; одинъ разъ мнѣ удалось довезти его. Сп. Як. очень любилъ ходить пѣшкомъ, не смотря на свои старческіе годы.

Въ заключеніе скажу о немъ, что можетъ сказать каждый, сколько нибудь знавшій его. Сп. Як. былъ рѣдкій человѣкъ: съ обширными, всесторонними, основательными знаніями, добрѣйшей душой, самой честной трезвой натурой (никто никогда не видѣлъ, чтобы онъ выпилъ хотя рюмку водки), сострадательный и готовый помочь всегда каждому, довольный своимъ скуднымъ матеріальнымъ положеніемъ, счастливый счастьемъ другихъ, великій труженикъ и неподражаемый глубокорелигіозный христіанинъ... *Онъ былъ человѣкъ!..*

Вѣчная о тебѣ память, незабвенный, дѣдушка, учитель, *дружище!...*

Свящ. **Г. И. Сорокинъ.**

Г. Елисаветградъ.

СПОМЫНКЫ.

Ще малымъ я любывъ ходыты до Камьяного. Такъ звалася нызька могыла на спуховастому взгирьи. На цій могыли колысь було кладовыще, и тамъ стоявъ ще камьяный хрестъ, старый, сирый, ямкуватый. Наше село простяглося вдовжъ болота попидъ горою. По другый бикъ болота, проты нашого села, стояло ще трое селъ,—одно велыке зъ трёма церквамы, а двое такыхъ, якъ и наше. На болоти було два береговихъ островы, а проты ихъ «Круглый лисъ», що здавався мени тоди велыкимъ справжнимъ лисомъ, хочъ ёго було не билышъ десятынъ пьяты або шесты. По болоту протикала невелычка ричка; а видъ неи, якъ лапы павука, простяглыся стружкы. Стружкы и ричка зъ бокивъ позаросталы очеретомъ та сытнягомъ, а на середыни, якъ шкура, рисъ ризакъ та де-ни-де латаття. Чыстовына на нашій ричци попадалася зридка та й тамъ вкрывала ій ряска, и тилькы на колини попидъ селомъ, що стояло якъ разъ супроты нашого, не було й ряскы, й ризаку, но-пидъ берегомъ тилькы по-де-куды росло кущамы латаття.

Выбижышъ було до Камьяного,—свого села и одного чужого тилькы трошкы выдно, а двое чужыхъ стоялы, якъ на долони,—одно помижъ островамы, а друге прямо черезъ болото, и видъ Камьяного воны булы мовъ упызу; а я, здавалося, такъ высоко стою, особлыво—якъ злизу було на хрестъ та ще й стану на перехрести... Ажъ духъ забывае! Витеръ гуде въ ушахъ;

тонконогомъ, що рисъ коло Камьяного, шелестыть... Чудово!... На пи́вдень—болото, якъ въ теремку зъ селамы, а за болотомъ въ однимъ мисци круча, а по-надъ кручею лисъ: зъ ливого боку, на схидъ сонця, гора выщала, а на гори, надъ баюрою, стоить высока «Руда могыла»; зъ другого боку, поручъ зъ болотомъ, Булатець зъ сумнымы вербамы на гребли; а на захидъ сонця—роздилъ, скилькы окомъ скынешъ; а тамъ дали мріють горы Днипрови, сыніють мовъ въ дощовій хмари; на пивничъ тежъ роздилъ зъ хуторамы,—зъ одного боку ажъ до соснового бору, що стоить чорною стиною, а зъ другого—до спуховастого взгирья, по котрому сталы рядомъ могылы; а мижъ нымы сынила на чотыри углы насыпанная могыла «Пидтороносовка» зъ коротенькымъ валомъ до чумацькои дорогы. Тоди ще не оралы тихъ могылъ, и на ихъ рисъ тонконигъ, васылькы, чебрець, а зридка и шовкова трава.

Озырнешъ було кругомъ, повернешся на Камьяному, пиднимешъ рукы въ гору,—витеръ надме сорочку, якъ пузыръ... Гарно, духъ забывае; у грудяхъ, коло серця, мовъ щось чудно залоскоче, а по тилу мовъ защемыть... Мовъ боязно стане. Сплыгнешъ зъ хреста, покотышся качапомъ зъ гробокъ по тонконози—и прутнешъ до-дому; ажъ острахъ, було, визьме,—мовъ женется хто.

Пидрисъ,—а все-такы кращого мисця видъ Камьяного не знаходывъ я у ридпому сели. Прыйдешъ було зъ школы до дому та мерщій бижышъ довидаться до Камьяного, чы по давнёму тамъ гарно. А воно ще кращало; що року здавалося краще... И скилькы тамъ нережылось и передумалось на самоти—неможно того росказаты, бо й слывъ таыкхъ немае, щобъ росказаты про те, що иншый разъ пережывешъ, передумаешъ... Хиба жъ можна росказаты словомъ про те, що иноди дiется у души?

Любывъ я выходыты до Камьяного або тоди, якъ вже темнило, або жъ якъ сонце зовсимъ сидало за горы Днипрови, и досыжувавъ, покы стане на свитъ благословыться, або й зовсимъ вже розсвипе... Небо чысте, мисяць сяе, а зиркы—тилькы-що мыгтять; болото все вже въ копьякахъ, очереты гадюкою простяг-

лыся, а зъ-за очерету чыстовына на колини видъ чужымъ селомъ, якъ скло, на мисяци блыщыть; березовый острывъ мовъ смієтся, а Круглый лисъ сумуе. Заснулы села, не сплять тилькы парубкы та дивчата, а поле—нибы шыльпотыть. Тутъ жыто половее, красуючысь на мисяци, колоскамы зтыха шелестыть, нибы сумуе, що серпъ его вже дожыда; а тамъ, дали, цила рука гречкы,—биліе вона, якъ молоко; видтиль, якъ иноди витеръ подыхне, запахне медомъ. Мижъ гречкою по-де-куды баштаны чорніють, а у пасикахъ вихы бованіють и де-ни-де огныще блыщыть,—вечерю пасишныкъ готуе... Дывыпся,—а по гречци щось чорне поплывло, мовъ легенькый човенъ по води, все блыжче и скорише, до жыта доплыва. Зыркнешъ у гору, ажъ то маленька хмарка на мисяць ясный набига. Черезъ хвылыну мисяць пурнувъ у хмару, потемнило, а навкругы ще яснише стало. Потимъ звидкиль не визьметься витрець, буруномъ дыхне, по жыту пиде; захвылюється вопо, зашелестыть, загомоныть... И знову тыхо у поли. А на селахъ вже спивы й регитъ почалысь. Тамъ гуртъ парубкивъ спивае: «гей, зъ-за горы та изъ-за кручы, та рыплять возы йдучы»; у другимъ мисци: «чы це жъ тая крыныченька, що голубъ купався»; а десь дальше, на кинци чужого села, ледве чуты: «ой по гори, по гори вивчарь вивци зганяе, вивчарь вивци зганяе та й на хлопцивъ гукае».

А дивочый гуртъ спива: «ой тамъ за яркомъ брала дивка лёнъ, не вмила вьязаты». А у верболози, що рисъ геть до Булатця, чуты писню: «маты жъ моя, маты жъ моя, маты моя мыла! Не дай мене за рудого, бо я чорнобрыва». Звидусиль льются спивы, до купы мишаются; въ кручи и островахъ луна йде, у Круглимъ выгукуе, и далеко по полю ци спивы розлягаются. А то, мовъ змовлятся, замовкнуть, и все ущухне, тилько десь далеко, у стинкахъ за горою, та въ дибривци луна озвется. У таку годыну инколы, було, одынокый парубокъ затягне: «стоить яворъ надъ водою, въ воду похылывся; на козака пригодонька,—козакъ зажурывся». Усе мовъ ще дужче ущухне,—ни шелесне, ни теленькне нищо... Здается, и мисяць, и небо прислухаются, якъ стогне писня. Замовкне парубокъ, а нихто не почына своеи писни,—

кожный прислухается до свого серця, якъ воно защемило,—прыслухается, якъ душа зколыхнулася до самисенького дна. Иноди, нибы въ одповидь на цю писню, у поли плугатарь чы ночлижныкъ заспива: «та нема гиршъ никому, якъ бурлаци молодому». А тамъ, гляды, дивчына заспива голосомъ, котрый за серце хвата, душу твою переверне: «летыть галка черезъ балку, та летючы кряче; сыротына молоденька важко, гирко плаче».

И знову тыхо, тилькы мисяць сяе, а зори нибы засмутніють,—нибы й воны цей плачъ-писню чують и зъ нещаснымы у куни сумують... И не скоро вже почнутся гуртови писни: треба, щобъ видъ серця одлягло, щобъ душа хочъ трохы утыхомырылась. Кожна людына мовъ занимie, уста сципыть щось. Треба, щобъ якый-небудь гуртъ, де найбильше горёващивъ, утявъ такои веселои, щобъ ажъ тило затремтило; тоди тилькы знову хвылямы пошлывуть писни. А иноди траплялося,—у таку годыну на́довго замовкалы спивы, та й пустування нигде не чуть було... Хыба жъ такъ скоро розійшлысь по хатамъ засмучени плакучою тяжкою писнёю? Ни, розходытысь и не думалы... Парубкы и дивчата, мовъ змовывшысь, пишлы видъ березу, куды ихъ потягло дуже уражене серце,—видъ ту березу, де горя багато вылывалось,—на выгинъ за селомъ, де зходылысь дви дорогы,—селянська и полёва, и де въ самому рижку, мижъ дорогамы, росла розхылыста плакуча береза, кущъ калыны и кущъ вышныку. На цимъ выгони видъ березою наши селяне въ останне прощалыся зъ тымъ, хто зовсимъ або на́довго выходывъ зъ села. Тутъ въ останне прощалыся зъ лыпійцями, переселенцямы, некрутамы. Валкою йшлы спиваючы ажъ до березы и коло неи зупынялысь, въ останне выпывалы на дорогу, и хто выряжавъ, звидциль вертався до-дому, а хто выряжався,—йповъ дали. Зупынывшысь, селяне стоялы тутъ валкою, ажъ покы ти, хто выряжався, не поверталы на колини дорогы и не зныкалы за горбомъ. Не одно серце надрывалось коло цiеи березы, и багато вона бачыла горя на своимъ довгимъ вику! Тутъ плакалы очи, рыдала тутъ писня... Стара маты и вирна дивчына на викы ховалы тутъ свои надiи. Отъ сюды-то иноди и сходылысь парубкы и дивчата. Зъ кинця

села почынала вже плакаты ихъ писня, и довго потимъ ій чуты було зъ-пидъ березы!..

Стари люды росказувалы, що березу отутъ посадыла засватана дивка Марьяна, котра потимъ, не диждавшысь мылого зъ москаливъ, пишла у черныци. Давно те дiялось. На сели тоди бувъ жвавый та моторный парубокъ Дмытро. Йты у москали не ёго була черга, бо въ ёго бувъ тилькы одынъ малый братъ, зовсимъ хлопець, а на сели чы мало було такыхъ хазяинивъ, що малы и по тры сыны; та такъ склалося, якъ часто и густо складается па билимъ свити, що ёму довелось опынытысь у москаляхъ. На вси выгадкы Дмытро бувъ гострый, якъ брытва, и ни передъ кымъ не стоявъ. За це сильськи дукари на ёго узлылысь и похвалкы гналы, а винъ байдуже,—гулявъ, якъ рыба у води. «Треба пагулятысь,—винъ казавъ,—щобъ було за що згадувать лита молоди».

Гулявъ Дмытро, спивавъ, танцювавъ, ажъ чортамъ було нудно, а иноди штукарювавъ такъ, що й на цимъ свити де-кому нудыло и за серце жучыло. Дивчата коло ёго такъ и увывалысь, такъ и лыплы до ёго, та винъ мовъ и не прымичавъ ихъ, ажъ покы Марьяна не вразыла ёго серця... Покохалысь воны, покохалысь щыро и вирно. И писля гречаныхъ жнывъ, Дмытро пишовъ зъ старостамы до Марьянынхъ батькивъ. Стари, не змагаючысь довго, згодылыся виддать за ёго Марьяну и почалы готуватысь до весилля, котре положылы одгуляты заразъ писля Кузьмы и Демьяна. Марьянынъ батько збирався не абы-якъ виддаты дочку, не такъ, якъ кажуть, абы выпхнуты, а по хазяйськи: на Дмытра у ярмарку купывъ дви пари воливъ, корову и копяку, зробывъ два воловыхъ возы и одынъ кипськый,—настояще хазяйство готувавъ зятеви. На Кузьму й Демьяна треба бъ було коровай бгаты, ажъ Марьяна занедужала та такъ тяжко, що нихто не сподивався, щобъ вона й одужала. Дмытро перевився ни на що,—одна тинь ёго зосталась. Але Марьяна очуняла. Уси зрадилы. Весилля одклалы па-писля Риздвяныхъ свять, та те Дмытрови байдуже: винъ знову блыснувъ. Диждалы Мыколая,—Марьяна спивала, якъ и перше; Дмытро заверховодывъ дужче.

нижъ попередъ; а старый батько зъ радощивъ прывивъ зъ ярмарку пару добрыхъ вороныхъ коней. На цихъ коняхъ винъ сподивався одвезты молодыхъ до винця, а довелося одвезты нымы Дмытра на прыёмъ.

За тыждень передъ Риздвомъ объявылы некруцькый наборъ, и наше село повынне було поставыты одного некрута и одного пидставу до ёго. Некрутомъ назначылы никчемнаго парубка,— жовнуватого, набокуватого, а пидставою—Дмытра.

Зразу уси сказалы, що не некрутови буть у москаляхъ, а Дмытрови.

Усе село выряжало Дмытра. Зъ одного боку лавою йшлы хлопци, зъ другого—дивчата, а по середыни жинкы та чоловикы, попереду и зъ-заду—дитвора и пидлиткы. Якъ сподивалысь, такъ и сталось: Дмытро не повернувся зъ города,—ёго забрылы.

Диждавшысь весны, Марьяна посадыла березу на тимъ мисци, де въ останне зъ мылымъ попрощалась, якъ заручена, и сказала, що буде дожыдаты Дмытра, ажъ покы береза выросте выще дзвиныци. И ждала, та тилькы не диждалась Дмытра. Що зъ нымъ прыключылося, нихто певне не знавъ. Балакалы, що нибы винъ тикавъ зъ москаливъ, прыбигавъ у свое село, ховався у стинкахъ та по островахъ, не показуючысь людямъ на очи, а Марьяна носыла ёму харчи, ажъ покы ёго пиймалы и десь запроторылы. Инши казалы, що ёго вбыто на вийни, а де-яки плелы, що пидъ вийну винъ заслужывъ охвыцера, ставъ паномъ и забувъ про Марьяну... Багато де-чого казалы, але нихто певне не знавъ, де подився Дмытро, а тилькы винъ николы не повернувся до-дому. И чуткы про ёго не було. Марьяна, диждавшысь, покы береза ии выросла выще дзвиныци, а сама старитысь почала, пишла на прощу та й постриглась у черныци. Коло березы потимъ хтось посадывъ калыну, вышни... А про тыхъ, кого вырядылы и хто бильшъ не вернувся зъ чужои краины, почалы забуваты, може бъ и зовсимъ забулы, якъ бы береза не нагадувала про ихъ.

Така-то була ця береза, котра манила до себе кожного, кому хотилось плакать. Частенько доводылось мени зъ Камьяного слухать, якъ плакала и стогнала писня пидъ березою...

Вже хлопци и дивчата було поросходятся спаты и все ущухне, тилькы думкы не вщухалы, довго не вщухалы... И засумуешъ, и зрадіешъ, самъ себе було не розберешъ; забуваешъ, де сыдышъ, думкы чы зовсимъ зныкалы, чы ихъ такъ багато було, що ни жаднои не схопышъ; а душа такъ и рвется, нибы хоче кудысь полетиты,—ни то на небо, щобъ не чуты цёго плачу и утыхомырыться,—ни то зализты у ти могылы, що поставалы рядамы по гори, щобъ знизнаты, чого воны такы сумни,—чы не видъ ихъ и на свити такъ сумно... И плакать хочется, що лыха на свити багато, и радіешъ, що люды не вмерлы душею. Мовчать ними могылы, та писня багато намъ каже,—та писня, що витае надъ нымы нимымы, де, може, лежать ти, котри писню цю склалы и вперше спивалы на цимъ шырокимъ степу, де стилькы крови и слёзъ гарячыхъ розлылось. Слова и мелодія цихъ писень намъ голосно кажуть, яке щыре та гаряче серце былося у тихъ, хто вперше проспивавъ ихъ, скилькы въ ихъ було художнёи тямы и смаку.

Чуешъ серцемъ, що й теперъ ця мелодычна писня проганяе зъ головы не одну нечысту думку, скориняе не одно нечысте жадання и багато нарождае чыстыхъ и свитлыхъ, якъ Петривня ничъ, думокъ и жадань. Ця мелодычна писня що-денно будыть людей, що-денно нагадуе имъ, що на свити може буты и есть де-що краще, нижъ що-денни клопоты, есть щось таке, безъ чого и сами оци клопоты роблятся безтолковою мукою. Стоячы коло Камьяного, я вирывъ, що наша писня повынна породыты у людей чысти и добри почуття и бажання, щыру и гарячу любовъ правды що допоможуть знайты ту теплу правду, не блыскучу, «безъ каминю и золота», але дужу, котра не тилькы покаже людямъ дорогу до тыхого счастя,—те жъ безъ «каминю и золота», але святого счастя, никому нешкодлывого,—а ще й поведе ихъ по такій дорози, по якій люды повынни бъ иты и моглы бъ пройты, не штовхаючысь, не попыхаючысь и не топчучы одынъ другого... Такъ сподивалося тоди, коло Камьяного, и здавалося легко допомогтыся такого щастя... Мени здавалося, що николы не погасне у душахъ святый огонь, до-

вику не замовкне згукъ святои правды. Скризь ёго чуты,—треба тилькы прыслухатысь. Чы мени тилькы такъ здавалося, вчувалося, чы воно такы й справди згукъ правды тоди скризь литавъ, та частише у душу людськую залитавъ и будывъ ии?.. Чы може жъ статысь, щобъ такъ спивалы згыдли, никчемешни люды?—я самъ себе пытавъ. Ни, хто вміе такъ спиваты, той ще мае въ души святый огонь...

Потимъ на́довго довелось мени покынуты не тилькы ридне село, а й ридну краину. Чы мало довелося поблукаты писля того по свиту и довго не чуты риднои писни, риднои мовы. Одвидавъ и пустыни, де наносыть хучурганы писку, якъ снигу; побувавъ и на прехорошихъ, высокыхъ азіятцькыхъ горахъ, де, здается, и до Бога блыжче, та ни за що не зачепывся серцемъ, ни до чого воно не прылыпло. Прыдывляюсь було зъ горы, якъ сонце заходыть, а думка далеко вытае: згадуется, що на родыни сонце ще не заходыть, стоить надъ деревомъ; саме полудень. Спека мынулася, выльготнише стало, и, пополуднувавшы, по жвавивши, косари и гребци заспивалы, прыпыльновуючы до роботы, щобъ надолужыты те, чого не зробылы въ спеку... И задумувався я, и вчувалысь мени косарськи писни, ввыжалось, якъ косы блыщать... Ось воны забряжчалы видъ мантачокъ... Мени вчувалось такъ, нибы це коло мене мантачять косы, нибы й самъ я зъ косою... А тамъ, де сино вже высохло, якъ печорыци, ростуть копыци, а дивчата та молодыци лементуются, пустують, спивають и метуть покосы, якъ митлою. На горахъ вже добре смеркало, зори блыщалы, а я не прымичавъ того, а прыдывлявся, якъ косари доходылы останнихъ ручокъ, гребци обгрибалы и вертилы останни копыци, щобъ до-дому мерщій йты, бо сонце зовсимъ сило, ватагы у сели и утята вже полетилы на ставокъ жыруваты... На горо́дахъ въ казанкахъ вечерю варять косарямъ та гребцямъ...

Прыдывлявся, и думка боязно запытувала: чы скоро жъ настане той часъ, що ця святая праця стане шанобною, кожній людыни любязною, и перестане буты ганебною хлопською пра-

цею, видъ котрои усякый сылкуется якъ-небудь одкараскатысь,—хочъ мошенствомъ, обманствомъ, кривдою видъ неи одкрутытысь?.. Чы скоро намъ стане мылою порепана працёвана рука пахаря, а не мьяка, якъ шовкъ, обманщыцька, здырська?.. Мабуть, не одна ще ричка высохне, покы це буде,—нышкомъ одповидувавъ я самъ соби, и вертався зъ горы оглядывшысь, що ни косаривъ, ни гребцивъ и блызько нема, а кругомъ стоялы хочъ и гарни, але чужи горы, котри й стоялы тилькы черезъ те, що вкрасты ихъ неможна... и непрацёвани рукы ихъ не можуть загребты.

Тыняючысь по тихъ степахъ та горахъ, де люды часто забувають, що воны люды, а не скотына, де воны пересталы вже соромытысь и того, чого соромылысь дома,—а не гуртъ чого, окримъ праци, воны соромылысь и дома,—я не видавъ, що дiялось дома, на ридній краини, де думкою що денно вытавъ, де надiя на счастя людськее зросла, и почавъ бувъ дубиты душею и тиломъ; але дождався часу йты до-дому, и зновъ душа зъ надiи ожыла, до неба очи пидняла.

Вертаючысь до-дому, я у дорози несподивано стрився зъ землякомъ. Разъ, зостановывшысь ночуваты коло поштарського станку, пидъ горою, пры заходи сонця пишовъ я трохы погуляты, зъ горы подывытысь, на самоти поличыты, чы скоро дома буду. Одiйшовшы зъ верству видъ становыща, зiйшовъ на спуховасту гору и сивъ проты сонця. Такъ гарно було. Степъ саме зазеленивъ и зацвивъ. Спека ще не почыналась, и степъ такый бувъ роскишный, пышный, свижый та молодый, выльготный витеръ такъ прыязно подыхавъ!.. Не можно було думаты, що черезъ мисяць або ще й скоришe цей роскишный гарный степъ стане пустынею и не тилькы квиткы нигде не вгледишъ, а й свижои травыны не знайдешъ.

Не встыгъ я гаразд надывытысь и надуматысь про домивку, якъ почулась зъ горы писня. Выще мене, трохы на узбичъ, хтось спивавъ... Я здрыгнувъ... Боже!.. видкиль це ридна писня узялась на цiй далекiй чужiй гори? Я прыслухався,—зъ горы на долыну лылася писня: «стоить гора высокая, а пидъ горою гай, зеленый

гай, густесенькый, неначе справди рай». Я сыдивъ, якъ зачарованый, прытаившы духъ... Опынывшысь отутъ, далеко видъ ридной стороны, хтось одспивувавъ свою молодисть... Теперъ тилькы я згадавъ, що й моя молодисть проходыла; але я ще сподивався на ридній сторони дожываты молодисть такъ, щобъ було чымъ згадаты іи на старости литъ. Невже жъ вона пройшла и не вернется?—шпыгнуло мени у серци. Невже жъ вона поплывла за водою, якъ одирваный одъ дерева лыстокъ? Невже жъ и ридна краина прожыла свою молодисть, постарила, знемощила и вже не ожыве, не осыльніе?.. До цёго часу я про це не згадувавъ и не думавъ. Я вирувавъ та надіею жывъ; а писня нагадала мени про те, що може вже не вернутысь, и що надія моя марна.

Пишовшы туды, звидкиль писню було чуты, я знайшовъ молодого москаля. Винъ вже не спивавъ, а засмученый сыдивъ, похнюпывшы голову...

Трохы не всю ничъ мы просыдилы у купи. Винъ мени розсказувавъ багато де чого такого, видъ чого болило серце; та я розважавъ себе тимъ, що молода людына зъ свижого горя прыбильшуе. Вранци мы попрощалысь и розійшлысь: винъ зъ дому въ азіятчыну, а я—зъ азіятчыны до-дому. Винъ бувъ тяжко засмученый, та й я вже не такъ радивъ. Сидаючы на пидводу, винъ сказавъ:

— Боюсь, що вы не радитымете, що зъ азіятчыны повернетесь до-дому, и землякы не радитымуть, що вы повернулысь...

Прыйихавшы на первимъ тыжни Петривкы у свій повитовый городъ, звидкиль до села було верстовъ 25, я зъ велыкою сылою прымусывъ себе зиждаты, покы сонце стане надъ-вечоры, щобъ у ридне село прыйихаты у вечери, якъ смеркне, а не въ день. Кожна хвылына дожыдання здавалася мени за цилисиньку годыну, и я насылу диждався полудня. За те якъ зрадивъ тоди, якъ сивъ на воза, щобъ йихать до-дому! Йидучы, мени здавалося, що я николы не дойиду до-дому. Кожну хвылыну я вдывлявся, чы не бованіе Марьянына береза, бо іи здалека було выдно... А березы не выдно... Невже жъ ще далеко?.. Чы, може я забувъ, де

вона повынна стояты?—допытувався самого себе. И прохавъ пидводчыка скорише поганяты... Ажъ ось и колино нашои дорогы, це вже пидъ селомъ,—а де жъ береза?.. Іи не выдно було. Пидйихалы до выгонця—нема березы. Я злизъ зъ воза и пишовъ пишкы; прыйшовъ на рижокъ выгонця,—а тамъ ни березы, ни калыны, тилькы одломани стовбури сухихъ вышень стерчалы, а блыжче до дорогы стоявъ стовпъ зъ таблыцею, окрашеный смугамы, билымы и чорнымы, а мижъ нымы вузькымы червонымы. На таблыци було пропысано ймення села и скилькы въ ёму людей. Дежъ хочъ пень зъ березы?—пытавъ я самого себе, думаючы про те, якъ довго я не бувъ дома, що й береза устыгла всохнуты и слиду іи не стало. Ажъ роздывывсь—колы цей стовпъ зъ березы зроблено: зпылылы іи, обтесалы, обмалювалы, прыбылы таблыцю, та такъ и зоставылы на корини... Отъ розумни люды насталы, чы стари порозумнишалы и стародавни выгадкы повернулы на корысть соби! Мицный стовпъ зробылы... Цёго вже свыни не пидрыють зплоха... Потимъ уже я знавъ, що зъ калыны староста выпливъ соби ясла,—мабуть бы и ёму впадало бъ йисты зъ ихъ,—а то стояла по пустому, прынажувала тилькы горобцивъ, що шкодылы соняшныкамъ. Черезъ те й вышныкъ сплюндрувалы, бо й винъ тилькы горобцивъ та хлопцивъ прынажувавъ: а за ягоды колысь дви жинкы погано полаялысь, и старости довелося ихъ судыты. Тилькы клопитъ бувъ зъ тымы выгадкамы, а корысти ніякисинькои. Чого воно въ старовыну не було зъ нымы ніякого клопоту,—про те селяне, мабуть, и не думалы.

Покы я роздывлявся на плюндрування, на сели заспивалы,—парубкы «чубарыкы чубрыкы», а дивчата верзлы якусь нисенитныцю зъ прыспивомъ: «рижте, ѣште больную грудь мою,—тоди узнаете, кого я люблю». У другимъ мисци парубкы, якъ несамовыти, горланылы: «восимъ дѣвокъ, одынъ я». Я скорише пойихавъ у село: тяжко було дывытысь на плюндрування, гирко було на цимъ мисци, де зъ горя плакала й земля, слухаты писню, въ котріи що ни слово, то—ганьба на людське почуття. Прыйихавшы до двору, я знайшовъ нашу хату пусткою... Кругомъ неи росла кропыва та булыголовъ таки, що й вовкамъ можно

було бъ сховатысь... Мабуть, правду спивавъ молодый москаль на азіятськiй гори,—подумавъ я... Теперъ, мабуть, въ азіятчыни частише будуть спиваты ридну писню, нижъ дома... На сели парубкы знову зазипалы: «Гоцъ калына, гоцъ малына!» а дивчата пройшлы повзъ двиръ, спиваючы романсъ зъ жыдивського постоялого двору: «Ваня, серце, ненаглядный, заглянь окомъ въ грудь мою, то увидишъ и повирышъ, сколь тебе я ще люблю».

Тяжко стало. У грудяхъ мовъ щось порвалось и такъ заболило, защемило, мовъ писля того, якъ вырвешъ шматокъ жывого тила.

Забравшы зъ пидводы свое збижжя и покынувшы ёго пидъ хусткою, я мерщій пишовъ до Камьяного... Винъ стоявъ, якъ и перше, тилькы,—здалось мени,—мовъ понижчавъ та почорнивъ видъ лышаю, що скризь ёго облипывъ. Мисяць прымеркавъ и ще темно було. Все було, якъ попередъ: и зори, и жыто, що вже половило и хвыли жытомъ по давнёму ходылы; та не було давнёи хвыли, що колысь ходыла надъ Камьянымъ, надъ могыламы сумнымы, вже пооранымы, и надъ шырокимъ роздоломъ,—нема ii, бо не стало у людськихъ душахъ тіеи сылы, що ганяла ти хвыли. Замисть писни, лынувъ безтолковый крыкъ, въ котримъ души не чуты было: не зъ души лылась ця писня, а зъ легкихъ, зъ горла,—не глыбше вона родылась. Пидтяло щось жыву сылу народнёи души, що людей людьмы робыла, одрывала иноди одъ земли, загадувала на небо позыраты. Нализлы видкилясь пидйидни, почалы грызты кориння нашого жыття, и черезъ те стала вьянуты и народня душа, одирвавшись видъ предкивськихъ завитивъ, видъ того грунту, на котримъ зросла народнисть. И знову згадавъ я молодого москаля и ёго писню на азіятськiй гори, и знову шыгнуло мене въ серце: невже жъ мынулося и вже не вернется, якъ молодисть? Ни!—щось зъ глыбыны одповило. Моя и моихъ перевеснykивъ молодисть, може, и пройшла, зныкла у негоди и не вернется бильше; а молодисть народности повынна вернутысь. Це осинь ii прыйшла; теперишни люды, якъ лыстъ на дереви у осены, змарнилы, зныклы, одирвалысь видъ могучого и здорового дерева народности; але вернется весна и народнисть знову зацвите

и чыстіи хвыли своеи народнёи сылы знову ажъ до неба пошле... Воно такъ повынно буты, та тожъ колысь, а теперъ гирко слухать, тяжко дывытысь,—думалося мени пидъ Камьянымъ. А на сели, якъ навмысне, парубкы и дивчата гуртомъ заспивалы перекручену, зпоганену стародавню писню: «Одъ Кыива до Лубень, посіяла конопель». У цій писни теперъ багато було соромного; а іи спивалы парубкы й дивкы укупи...

Мисяць давно вже свитывъ, та й винъ,—здалось мени,—мовъ плакавъ. Петривня ничъ коротка; скоро стало и на свитъ благословыться, а я сыдивъ пидъ Камьянымъ, радый, що на сели усе замовкло.

Трохы згодомъ на стежци, що лежала черезъ Камьяный, по котрій селяне ходылы навпростець, выткнулысь люды зъ жыта. Я знявся и тежъ пишовъ стежкою. Люды, що йшлы ззаду мене, балакалы про якись свидкы. Я й до того йшовъ тыхою ходою, а потимъ пишовъ ще тыхше, и воны мене скоро догналы. Поздоровкалысь и пишлы вкупи. Воны булы зъ шанькамы черезъ плечи,—значыть дорожни. Идучы, я й запытавъ ихъ, куды и чого воны йдуть такъ рано.

— Бодай не казаты!—одказавъ одынъ зъ гурту.—Трохы погане зкоилось у нашимъ сели: на однимъ тыжни ажъ дви дивкы подушылы своихъ дитей. Одна закынула у ривъ коло гамазея, а друга пидсунула одному чоловикови пидъ кули, на чужимъ кутку... Такъ оце теперъ мы и плуганымось до слидувателя у городъ. Разъ у село воны прыйиздылы, та два разы насъ требовано у городъ, а це й у третье идемо, бодай нихто добрый не диждавъ ходыты... Хочъ бы вже якъ одкараскатысь до косовыци...

— Це вперше таке дило зкоилось на вашимъ сели?

— Ни, не вперше... прорывается по-де-куды... А вы куды йдете?

— Мени треба у це село,—одказавъ я, повертаючы до села на выгинци, куды мы дійшлы у купи.

На схидъ сонця дуженько вже червонило, пташкы по-де-куды тёхкалы, на болоти бугай загувъ, у кошарахъ закашлялы

овечкы, якъ проходывъ я по кутку до своеи пусткы. У души въ мене тежъ пусткою вiяло. Не сподивався я застаты такого на ридній краини. И розмалеваный стовпъ зъ Марьянынои березы згадався мени, якъ пидступывъ я до пусткы, ужалывшы ливу руку объ кропыву пидъ прычилковимъ викномъ, де рисъ колысь любыстокъ та пыжмо...

Е III.

ИСТОРІЯ КІЕВСКОЙ ВТОРОЙ ГИМНАЗІИ.

(Продолженіе [1]*).*

Обратимся теперь къ обозрѣнію дѣятельности Педагогическаго Совѣта, предъ которымъ, особенно въ первый годъ существованія 2-й гимназіи, раскрывалось весьма обширное поле для воздѣлыванія.

Хотя работы по устройству новаго учебнаго заведенія предстояло много, но изъ протоколовъ Совѣта за 1836-й годъ не видно, чтобы Совѣтъ 2-й гимназіи особенно интересовался вопросами, вытекающими изъ потребностей ея жизни. Повидимому Совѣтъ бездѣйствовалъ: изъ 13 засѣданій 10 «было посвящено свидѣтельствованію приходорасходныхъ книгъ и суммъ, а въ остальныхъ трактовалось о выпискѣ журналовъ и книгъ, объ избраніи лицъ для написанія рѣчей къ торжественному акту и только въ одномъ говорилось о порядкѣ предстоящаго испытанія и то постановлено было испросить указаній Попечителя въ этомъ отношеніи» [2]). Причину этого явленія надо искать, однако, не въ равнодушіи Совѣта къ учебно-воспитательнымъ вопросамъ заведенія, а въ другихъ обстоятельствахъ. Во 1-хъ, Кіевская 2-я гимназія была губернскою, а это значитъ, что директоръ ея долженъ былъ значительную часть времени удѣлять на дѣла по управленію учили-

---

[1]) См. Кіев. Ст. № 4.

[2]) Проток. засѣд. за 1836 г. и Слѣпушк. стр. 7.

щами губерніи и, естественно, не могъ созывать Совѣтъ почаще для того, чтобы обсуждать въ немъ дѣла, касающіяся непосредственно гимназіи; во 2-хъ, новооткрытая гимназія въ началѣ своего бытія требовала большихъ заботъ о матеріальномъ ея благоустройствѣ и, наконецъ, въ 3-хъ, Совѣтъ не могъ не знать, что въ Округѣ предпринята была тогда разработка и составленіе разныхъ правилъ, относящихся и къ дисциплинарному порядку, и къ регулированію учебнаго дѣла. По изготовленіи ихъ, они для обсужденія были разосланы по всѣмъ гимназіямъ Округа и тѣмъ способствовали оживленію дѣятельности Педагогическихъ Совѣтовъ, чему доказательствомъ служитъ и Кіевская 2-я: въ 1837 г. она имѣла уже 30 засѣданій, въ 1838 г, ихъ было 35, а въ 1839 г.—45, изъ коихъ около половины употреблено было на рѣшеніе вопросовъ, опредѣляющихъ условія правильнаго теченія учебно-воспитательной жизни гимназіи. Опытъ цѣлаго года также не мало способствовалъ оживленію дѣятельности Совѣта, хотя, говоря правду, въ большинствѣ случаевъ иниціатива принадлежала не Совѣту, а Попечителю Округа и, въ нѣкоторой степени, директору Милашевичу.

Изъ предметовъ, подлежавшихъ обсужденію Совѣта 2-й гимназіи, наибольшее вниманіе обращаютъ на себя слѣдующіе: 1) какъ устроить ученическія квартиры, чтобъ онѣ наиболѣе соотвѣтствовали цѣлямъ воспитанія, 2) какъ вести преподаваніе вообще и 3) какъ вести преподаваніе новыхъ языковъ, чтобы оно пришло въ гармонію съ другими предметами гимназическаго образованія, чего дотолѣ, какъ мы видѣли, не было.

Такъ какъ ученическія квартиры стояли въ зависимости отъ топографіи Кіева, то прежде, чѣмъ изложимъ мнѣніе Совѣта по этому предмету, считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, каковъ былъ Кіевъ въ тогдашнее время.

50 лѣтъ назадъ[1]) Кіевъ имѣлъ иную физіономію, не ту, что теперь; Крещатикъ и Лютеранская гора состояли изъ трехъ—четырехъ каменныхъ домовъ, между которыми тамъ и сямъ вид-

[1]) Писано въ 1885 году. *Ред.*

нѣлись незначительные домики, всѣ, разумѣется, одноэтажные. Александровскаго спуска, Царско-садской и Институтской улицъ не существовало. Гдѣ теперь женскій институтъ, тамъ 50 лѣтъ назадъ были дебри, среди коихъ поднимался деревянный, неоконченный постройкою домъ генерала Бѣгичева, пристанище бродягъ, наводившее трепетъ на запоздалаго путника. Гора Михайловскаго монастыря соединялась съ Царскимъ садомъ, что препятствовало стоку крещатицкой воды въ Днѣпръ. Одинъ старикъ недавно разсказывалъ намъ, что онъ помнитъ то время, когда на мѣстѣ нынѣшней Думы находилось озеро, а на немъ мельница. Послѣ проливного дождя кіевляне катались по Крещатику въ лодкахъ (въ 1845 г. цѣлыхъ двѣ недѣли, пока не прорыли нынѣшній Александровскій спускъ). На мѣстѣ нынѣшней Владимірской улицы, Кадетской и Бульварной были также пустыри, да валы, да овраги. Заселенныя части города были только Подолъ и Печерскъ; 2-я же гимназія помѣщалась вначалѣ противъ Царскаго сада, а потомъ на Крещатикѣ; помѣщенія для учениковъ ея сосредоточивались поэтому на Крещатикѣ, на Козьемъ болотѣ, на Лютеранской улицѣ и, отчасти, въ Липкахъ. Не лишнее прибавить, что мостовая и тротуаръ въ тѣ отдаленныя времена считались большою рѣдкостью; такимъ образомъ на случай ненастной погоды иные ученики попадали въ крайне непріятное положеніе. Желая вывести изъ этого положенія, по крайней мѣрѣ, тѣхъ изъ нихъ, коихъ родители жили внѣ Кіева, члены Кіевской 2-й гимназіи собрались въ особое, для этой цѣли назначенное, засѣданіе и занялись обсужденіемъ мѣръ, которыя-бы помогли горю. Хотя заключеніе, къ которому пришелъ Совѣтъ, нѣсколько и странно, хотя странностью своею оно и вызываетъ невольную улыбку, тѣмъ не менѣе нѣтъ повода сомнѣваться, что въ основаніи его лежала не личная корысть, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда, а несомнѣнная польза учащихся. Дѣло въ томъ, что въ октябрѣ 1838 г, фонъ-Брадке разослалъ по гимназіямъ для обсужденія правила о содержаніи пансіонеровъ учителями учебныхъ заведеній М. Н. Пр., которыми между прочимъ запрещалось держать пансіонеровъ директору, инспектору и штатному смотрителю,

а также ограничено было число пансіонеровъ на каждой квартирѣ 10-ю. Разсматривая эти правила, Совѣтъ 2-й гимназіи находилъ, что 1) «воспрещать директорамъ, инспекторамъ и штатнымъ смотрителямъ нѣтъ никакой убѣдительной причины, особенно въ тѣхъ заведеніяхъ, при которыхъ не существуютъ пансіоны; въ семъ послѣднемъ случаѣ дозволеніе имѣть пансіонеровъ можетъ приносить существенную пользу дѣтямъ, находящимся подъ непосредственнымъ надзоромъ сихъ лицъ, кои, пользуясь полнымъ довѣріемъ высшаго начальства и родителей, ни въ какомъ случаѣ не пожелаютъ лишиться сего довѣрія злоупотребленіемъ. Такое позволеніе должно быть распространено *преимущественно на нихъ*, потому что лица сіи, какъ по мѣсту жительства, такъ и по другимъ отношеніямъ, всегда могутъ доставить своимъ пансіонерамъ болѣе средствъ къ успѣшнѣйшему ученію. Нельзя, притомъ, не замѣтить, что лица, занимающія сіи мѣста, могутъ быть не всѣ достаточнаго состоянія и въ такомъ случаѣ, при ограниченномъ окладѣ ихъ жалованья, пресѣкать всѣ законныя средства къ своему поддержанію было бы предосудительно [1]). 2) Ограничивать число пансіонеровъ 10-ю учениками никакой нѣтъ необходимости; сіе слѣдуетъ допустить съ тою цѣлью, чтобы всѣ ученики могли воспользоваться удобными и приличными квартирами. При томъ же дѣти недостаточныхъ родителей въ такомъ только случаѣ могутъ найти приличную квартиру за умѣренную плату, когда содержатели пансіонеровъ будутъ имѣть у себя большое число учениковъ съ значительною платою, могущею покрыть всѣ необходимые расходы, а сего не иначе можно достигнуть, какъ только при значительномъ числѣ достаточныхъ пансіонеровъ. Въ противномъ случаѣ ученики недостаточныхъ родителей принуждены будутъ нанимать квартиры отдаленныя и весьма неудобныя у частныхъ лицъ, не могущихъ доставить имъ ни надлежащаго надзора, ни другихъ необходимыхъ пособій; *даже*

---

[1]) Не мѣшаетъ замѣтить, что Милашевичъ держалъ трехъ пансіонеровъ, съ которыхъ получалъ по 600 р. за каждаго. Дѣло 1839 г. № 64.

слѣдуетъ воспретить всѣмъ частнымъ лицамъ содержать у себя пансіонеровъ и вмѣнить въ непремѣнную обязанность родителямъ помѣщать своихъ дѣтей у учителей; сею только мѣрою можно доставить учителямъ средство.... достигнуть истинной цѣли воспитанія». Далѣе Совѣтъ предлагаетъ назначить для надзора за пансіонерами заслуживающихъ довѣрія учениковъ высшихъ классовъ [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторыя изъ этихъ соображеній, найболѣе резонныя, были приняты начальствомъ во вниманіе, хотя сказать въ точности, что именно, по недостатку указаній не можемъ.

Вопросъ о томъ, какъ вести преподаваніе, былъ возбужденъ Милашевичемъ въ засѣданіяхъ 28 сентября и 9 октября 1837 г. Наблюдая въ продолженіи года за ходомъ преподаванія, онъ замѣтилъ, что учителя задаютъ уроки, «несообразные съ силами учениковъ, что́ при многочисленности предметовъ, которые изучаютъ, и ограниченности времени на пріуготовленіе оныхъ, затрудняетъ успѣхи» и потому подтверждаетъ учителямъ, чтобы они назначали уроки «соразмѣрно времени и понятію учениковъ, и какъ учебныхъ мѣсяцевъ, за исключеніемъ іюля для каникулъ, декабря и августа, назначенныхъ для экзаменовъ, считается только 9, то и курсъ ученія можно раздѣлить на три періода, полагая въ каждомъ по три мѣсяца. Сообразно сему времени и каждый учебный предметъ должно раздѣлить на три соразмѣрныя части такъ, чтобы одна часть не превышала другой и была-бы непремѣнно окончена въ продолженіе своего періода, дабы чрезъ то занятія учениковъ были уравнены и приведены въ точную соразмѣрность съ временемъ». Едва-ли, однако, при условіи раздѣленія предмета на три соразмѣрныя части, достигалось облегченіе для учащихся прохожденія ими гимназическаго курса, если вмѣстѣ съ тѣмъ выставлялось требованіе—пройти непремѣнно все, положенное по программѣ, потому что программами этими установлялось очень обширное изложеніе предмета и вдобавокъ учебники, одобренные министерствомъ для употребленія, по нѣкото-

---

[1]) Проток. засѣд. 1838 г.

рымъ предметамъ были весьма объемисты. При этомъ случаѣ необходимо замѣтить, что въ тѣ времена учебники были вообще очень дороги и потому не всякій ученикъ могъ пріобрѣсть ихъ, а это несомнѣнно отзывалось на успѣхахъ учениковъ. Во 2-й гимназіи употреблялись слѣд. учебники: пространный катехизисъ *Филарета*, начертаніе христіанскихъ обязанностей по ученію православной греко-россійской церкви—*Кочетова*, [1]) краткое начертаніе исторіи церкви ветхозавѣтной—*Скворцова* (ц. 55 к.), исторія россійской церкви—*Муравьева* [2]), изъясненіе Евангелій (1 р. 20 к.), ветхій завѣтъ (70 к.), чтеніе изъ 4-хъ евангелистовъ (85 к.), польскій пространный катехизисъ (1 р. 80 к.), Historya biblijna—*Szmidta*, Krótki katechizm, Wykład obrzędów kościelnych historyczny i duchowny, historya powszechna kościelna—*Bielskiego* [3]), сокращенная грамматика—*Востокова* (70 к.), пространная его-же (3 р. 80 к.), общая реторика—*Кошанскаго* (1 р. 50 к.), христоматія и славянская грамматика—*Ценинскаго*, логика—*Кизеветтера* (въ пер. Толмачева), которую потомъ замѣнила логика—*Рождественскаго*, руководство—*Бѣллюстина* [4]), его-же книга для упражненій съ русскаго на латинскій (5 р. 65 к.), латинская грамматика, составл. по Цумпфту—*Попова* (3 р. 30 к.), грамматика (латин.)—*Бредера*, христоматія—*Кошанскаго*, руководство—*Комовскаго* для греч. яз. [5]), греческая христоматія—*Якобса* (3 р. 20 к.), грамматика—*Бутмана* [6]), Одиссея (4 р. 40 к.), алгебра и геометрія—*Белавеня* (геом. 4 р. 35 к.), алгебра—*Погорѣльскаго* (2 р. 5 к.), математическая и физическая географія—*Ободовскаго* (1 р. 75 к.), ариѳметика—*Буссе* (90 к.), географія—*Зябловскаго*, которую 16 іюня 1838 г. велѣно замѣнить другою книгою (2 р.), всеобщая географія—*Соколовскаго* (5 р.),

---

[1]) Тогдашняя цѣна этихъ книгъ не извѣстна.
[2]) Цѣна не извѣстна.
[3]) Тоже.
[4]) Тоже.
[5]) Тоже.
[6]) Тоже.

нѣмой атласъ (35 р.), русская и всеобщая исторія—*Кайданова* (6 р. 25 к.), русская исторія—*Устрялова* (3 р.), физика—*Баумгартена* и съ 1839 г. *Ленца* [1]), нѣмецкій и французскій буквари, учебникъ нѣмецкаго языка для низшихъ классовъ—*Геккера* (85 к.), нѣмецкая грамматика—*Гаке* (1 р. 50 к.), начальныя основанія французскаго языка—*С. Жульена* (1 р. 15 к.), франц. грамматика—*Ломонда*, синтаксисъ *Летелье* [2]), нѣмецкая христоматія, руководство для переводовъ на нѣмецкій языкъ; на русскій языкъ переводили по книгѣ: «Leseübungen aus Büchern der heiligen Schrift des alten und neuen Testaments», французская христоматія, руководство для переводовъ на французскій языкъ, «Leçons de litterature et de morale»—par Noël и «Abrégé des aventures de Télémaque», наконецъ прописи (75 к.).

Въ засѣданіи 9 октября Милашевичъ предложилъ: а) «наблюдать постепенность въ преподаваніи предметовъ такъ, чтобы знанія учениковъ каждаго класса соотвѣтствовали своему степени и б) обратить особенное вниманіе на слабыхъ учениковъ въ каждомъ классѣ и употребить всѣ мѣры къ уменьшенію числа оныхъ». Но ни однимъ вопросомъ Совѣтъ 2-й гимназіи не былъ такъ сильно озабоченъ, какъ вопросомъ о извѣстномъ намъ уже, оригинальномъ распредѣленіи преподаванія новыхъ языковъ. Желая непремѣнно поставить его въ нормальныя условія, Совѣтъ нѣсколько разъ возвращался къ нему и наконецъ достигъ своей цѣли, не смотря на то, что Попечитель упорно стоялъ на своемъ [3]). Въ одномъ изъ засѣданій, посвященныхъ этому вопросу, Совѣтъ представилъ столь убѣдительные мотивы, что съ ними нельзя было не согласиться. Онъ говорилъ, что для того, чтобы составить ясное понятіе о томъ, въ какомъ состояніи находятся знанія учениковъ въ новѣйшихъ языкахъ, нужно разсмотрѣть вѣдомости. «Изъ разсмотрѣнія сего Совѣтъ убѣдился, что во 2-й гимназіи поступаетъ весьма малое число учениковъ съ такими

---

[1]) Тоже.

[2]) Тоже.

[3]) Проток. засѣд. 1837—1838 г.

познаніями въ новѣйшихъ языкахъ, по которымъ имъ слѣдовало-бы слушать лекціи сихъ языковъ въ классѣ высшемъ того, въ какомъ они по другимъ учебнымъ предметамъ находятся; такъ, напр., изъ 3-го класса въ нынѣшнемъ году по превосходствующимъ познаніямъ въ языкахъ должны перейти въ 5-й классъ только 2 человѣка, изъ 4-го въ 5-й тоже 2. При существованіи отдѣльнаго преподаванія языковъ отъ наукъ, Совѣтъ принималъ однихъ и тѣхъ же новыхъ учениковъ въ высшій классъ по предметамъ и въ низшій по языкамъ....; тѣмъ-же руководствовался Совѣтъ при переводахъ учениковъ изъ класса въ классъ. Отъ этого произошло примѣтное неравенство въ знаніяхъ наукъ съ знаніями языковъ, т. е. что большая часть учениковъ имѣетъ въ новѣйшихъ языкахъ познанія слабѣе, нежели въ прочихъ предметахъ; такое неравенство Совѣтъ находитъ неудобнымъ, потому что одни классы чрезмѣрно велики, а другіе до крайности малы, такъ напр., во 2-мъ классѣ находится 78 учениковъ, въ 3-мъ 27, а въ 5-мъ 67, что самое въ прошедшемъ году служило значительнымъ препятствіемъ преподавателямъ къ водворенію успѣховъ, и, безъ сомнѣнія, въ нынѣшнемъ году будетъ таковымъ-же препятствіемъ». Ходатайствуя о параллелизмѣ въ преподаваніи языковъ и предметовъ, Совѣтъ не скрывалъ и тѣхъ неудобствъ, которыя на первыхъ порахъ могли представиться. Онъ говорилъ: «высшіе классы въ текущемъ году наполнятся такими учениками, которые по слабымъ познаніямъ не совсѣмъ въ состояніи будутъ слушать съ пользою преподаваніе сихъ языковъ въ высшемъ классѣ....; эти ученики составятъ значительное затрудненіе для преподавателей языковъ, но затрудненіе это продолжится только одинъ годъ и можетъ быть отклонено частью нарочитымъ усердіемъ преподавателей, частью-же удвоеннымъ стараніемъ учениковъ къ изученію новѣйшихъ языковъ», что несомнѣнно поведетъ къ большей, чѣмъ теперь, успѣшности учениковъ по этимъ языкамъ [1]).

---

[1]) Проток. засѣд. отъ 15 сентября 1838 г.

Мы сказали, что, учиться 50 лѣтъ тому назадъ было трудно между прочимъ потому, что по нѣкоторымъ предметамъ курсъ былъ великъ. [1])

Какъ въ старину оцѣнивались познанія учениковъ и ихъ поведеніе? Изъ архивныхъ лоскутовъ, попадавшихся намъ въ руки, мы узнали, что первоначально (правда, очень короткое время) практиковалась довольно курьезная система балловъ, а именно: по Закону Божію въ первыхъ четырехъ классахъ высшею отмѣткою считалось 7, въ трехъ высшихъ—4; по русскому языку и словесности въ трехъ низшихъ классахъ—10, въ трехъ среднихъ—9 и въ 7-мъ классѣ—7; то же самое и по математикѣ; по новымъ языкамъ въ трехъ низшихъ классахъ—5, а въ остальныхъ—6; по черченію и рисованію въ трехъ низшихъ классахъ—4, а въ трехъ высшихъ—3 и т. д. Перевода въ высшій классъ удостоивались тѣ ученики, которые въ среднемъ выводѣ изъ всѣхъ предметовъ получали не менѣе $^2/_3$ удовлетворительныхъ отмѣтокъ; подвергались переиспытанію послѣ каникулъ получившіе не менѣе $^5/_9$ и совсѣмъ не переводились имѣвшіе въ среднемъ выводѣ менѣе $^5/_9$. За поведеніе ставилась отмѣтка также своеобразно, а именно: для обозначенія отличнаго поведенія бралась удвоенная высшая отмѣтка того предмета въ классѣ, по которому высшая отмѣтка была самая большая; такъ напр., въ низшихъ классахъ высшая отмѣтка, выражаемая цифрою 10, ставилась только за найлучшія познанія въ русскомъ языкѣ и матема-

---

[1]) Опускаемъ приводимую здѣсь подробную программу по каждому предмету въ каждомъ классѣ. Скажемъ только, что, напр., по латинскому яз. при 23 урокахъ въ недѣлю во всѣхъ классахъ, ученики должны были достигнуть такихъ знаній, чтобы читать трудныхъ авторовъ—Тита Ливія, Цицерона, Горація; по греческому яз. въ VII классѣ практиковали «переложеніе поэтическаго языка въ греческую прозу, переводы на русскій и латинскій яз., изъясненіе на латинскомъ яз., заучиваніе избранныхъ мѣстъ и декламація». По другимъ предметамъ программы были не меньше, чѣмъ въ нынѣшнихъ 8-ми классныхъ гимназіяхъ. Сверхъ того учащіеся были обременены срочными письменными работами.

тикѣ, за тѣ же познанія въ другихъ предметахъ ставили то 5, то 7 и т. д., поэтому отличное поведеніе обозначалось отмѣткою 20. [1]) Такой способъ оцѣнки продолжался до 29 января 1837 г., т. е. до изданія министерствомъ правилъ, основанныхъ на *пятибальной* системѣ. По правиламъ этимъ: 1) успѣхи учениковъ отмѣчаются цифрами: 1 (значитъ слабые), 2 (посредственные), 3 (достаточные), 4 (хорошіе) и 5 (отличные); 1 въ поведеніи значитъ худое поведеніе, 2—посредственное, 3—добропорядочное, 4—хорошее и 5—отличное; 2) цифра 5 въ отмѣткѣ успѣховъ принадлежитъ тѣмъ ученикамъ, которые все пройденное въ учебномъ предметѣ знаютъ весьма основательно, на всѣ вопросы отвѣчаютъ весьма удовлетворительно и при томъ въ систематическомъ порядкѣ, *всѣ возраженія опровергаютъ*, выражаются ясно, точно и свободно. Цифру 4 получаютъ тѣ изъ учащихся, которые предметъ свой знаютъ основательно, на важнѣйшіе вопросы отвѣчаютъ удовлетворительно, но непослѣдовательно дѣлаютъ выводы изъ главныхъ понятій, *не всѣ возраженія опровергаютъ*, выражаются не совсѣмъ опредѣлительно, иногда сбивчиво и несвободно. Цифра 3 предоставляется тѣмъ, которые пройденное знаютъ и на всѣ вопросы отвѣчаютъ, но неотчетливо, непослѣдовательно, *возраженій не разрѣшаютъ*, выражаются не совсѣмъ ясно. Цифра 2 назначается тѣмъ, которые пройденное понимаютъ порядочно, отвѣчаютъ на вопросы посредственно, но не въ надлежащемъ порядкѣ и на иные, съ помощью испытателя, выражаются неопредѣлительно. Наконецъ 1 ставится тѣмъ, кои многаго изъ пройденнаго предмета не понимаютъ, отвѣчаютъ сбивчиво, пересказываютъ лишь вытверженное наизусть, притомъ со многими ошибками и неясно. [2]) Хотя правила эти составлены для оцѣнки ученическихъ познаній при экзаменахъ, но ими руководились и при оцѣнкѣ успѣховъ ученика въ продолженіе цѣлаго учебнаго года.

---

[1]) См. объ этомъ также у Михалевича: Прилож. 10.

[2]) Сбор. Распор. т. II, стр. 164 и Ж. М. Н. Пр. ч. 13.

Испытаніе учениковъ было производимо по правиламъ, сущность которыхъ состояла въ слѣд.: 1) во всѣхъ классахъ, кромѣ 7-го, испытаніе долженъ былъ производить преподаватель предмета въ присутствіи директора и одного изъ старшихъ учителей, по назначенію Педагогическаго Совѣта гимназіи, при чемъ для сокращенія времени экзаменовъ въ одинъ день могло производиться испытаніе и въ двухъ предметахъ, одно—подъ предсѣдательствомъ директора, другое инспектора; 2) въ тѣхъ предметахъ, для коихъ имѣется по два учителя, испытаніе производитъ старшій изъ нихъ, хотя-бы онъ и не былъ преподавателемъ въ томъ классѣ, который подвергается испытанію; 3) окончательное испытаніе должно было производиться въ полномъ составѣ Педагогическаго Совѣта, а въ обѣихъ Кіевскихъ гимназіяхъ еще въ присутствіи Инспектора Казенныхъ Училищъ. На это испытаніе обязательно приглашаемы были Почетный Попечитель и «любители просвѣщенія»; 4) каждый учебный предметъ обращался въ подробную программу, раздѣленную на извѣстное число полнообъемистыхъ послѣдовательныхъ статей. Вызванный ученикъ бралъ изъ однообразно свернутыхъ два билета и по нимъ отвѣчалъ; 5) перевода въ высшій классъ удостоивались тѣ, кои получали въ среднемъ выводѣ изъ всѣхъ отмѣтокъ какъ за годъ, такъ и на испытаніи, не менѣе 3-хъ (нѣкоторое время спустя не менѣе $2\,^1/_2$), причемъ по какому-нибудь предмету дозволялось имѣть и неудовлетворительную отмѣтку, лишь-бы она не мѣшала общему среднему выводу, опредѣленному для перевода; исключеніе сдѣлано было только въ пользу изученія Закона Божія и русскаго языка, по которымъ полученная единица служила рѣшительнымъ препятствіемъ къ переводу въ высшій классъ. Если въ среднемъ выводѣ изъ годовыхъ и экзаменныхъ отмѣтокъ по какому-нибудь предмету получалась дробь, то она или превращалясь въ единицу (если была больше $^1/_2$), или совсѣмъ отбрасывалась (когда меньше $^1/_2$); 6) право на награду предоставлялось не болѣе, какъ тремъ ученикамъ въ классѣ; награждались получившіе по успѣхамъ и поведенію не менѣе 4-хъ; 7) для полученія аттестата требовалось имѣть въ среднемъ выводѣ не менѣе 3-хъ изъ всѣхъ пред-

метовъ въ общей ихъ сложности, ни по одному предмету не получить единицы и по каждому главному предмету, т. е. по Закону Божію, русскому языку и словесности, латинскому и греческому языкамъ, ариѳметикѣ и геометріи, имѣть въ среднемъ выводѣ не менѣе 3-хъ. По чистописанію, черченію и рисованію экзамена не полагалось [1])

Во 2-й гимназіи нѣкоторое время практиковался разрѣшенный Попечителемъ весьма оригинальный способъ перевода учениковъ минуя одинъ классъ, въ слѣдующій высшій. «Мѣра эта мотивирована одобреніемъ стремленія юношества къ скорѣйшему поступленію въ высшія учебныя заведенія и желаніемъ сохранить побужденіе къ полезной дѣятельности». [2]) Правомъ этимъ воспользовались слѣд. ученики 2-й гимназіи: 1) Даневскій Пій (который былъ переведенъ изъ 4-го кл. въ 6-й), 2) Чоповскій Антонъ (также изъ 4-го въ 6-й кл.), 3) Стронинъ Петръ (изъ 3-го въ 5-й) и 4) Нечаевъ Александръ (изъ 1-го въ 3-й). Не меньшею оригинальностью отличалось позволеніе выпускать въ Университетъ отличнѣйшихъ учениковъ 6-го класса, которые, «имѣли не менѣе 16 лѣтъ и при переводахъ изъ низшаго класса въ высшій не миновавъ прежде ни одного класса гимназіи, получали при годичномъ испытаніи не менѣе $^8/_9$ полныхъ шаровъ». Такое право имѣли во 2-й гимназіи ученики: Заіончевскій Иванъ и Блотницкій Андрей (въ 1839 г.). Кромѣ этихъ двухъ учениковъ мы не нашли больше никого, вѣроятно потому, что вскорѣ такому странному правилу положенъ былъ конецъ.

Центръ тяготѣнія въ гимназіи, отъ котораго зависитъ все ея благосостояніе, а это благосостояніе выражается въ успѣхахъ и нравственности ея питомцевъ, всецѣло находится въ преподавательской корпораціи. Какъ бы ни были высоки умственныя и нравственныя качества директора, инспектора и надзирателей, никогда они не въ состояніи производить на учащихся того вліянія, которое находится въ распоряженіи каждаго преподава-

---

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1837 г. ч. 13.

[2]) Слѣпушк. стр. 15.

теля; никогда ни директоръ, ни инспекторъ, ни надзиратели не могутъ принести учащимся большаго вреда, если только составъ преподавателей отличный и наоборотъ: при дурномъ составѣ преподавателей никакія усилія гимназическаго начальства и надзора не приведутъ ни къ чему. Правда, что на учащагося производятъ вліяніе и тѣ обстоятельства, которыя развиваются внѣ школы, но дѣйствіе, производимое ими, тѣмъ слабѣе, чѣмъ выше умственный и нравственный цензъ преподавателя, который тогда становится для ученика величайшимъ авторитетомъ. Мы имѣли уже случай видѣть, что въ общемъ преподавательскій составъ 2-й гимназіи за первое четырехлѣтіе былъ весьма удовлетворительный; но и онъ не былъ свободенъ отъ темныхъ пятенъ. Печально то, что почти всѣ преподаватели необыкновенно часто пропускали уроки и притомъ не столько по болѣзни, сколько по неизвѣстнымъ причинамъ. Это повторялось такъ часто, что обратило наконецъ на себя вниманіе высшаго начальства и сдѣлалось предметомъ занятій Комитета Министровъ, который мнѣніемъ положилъ: «распространить на преподавателей всѣхъ учебныхъ заведеній вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія вычетъ изъ жалованья по разсчету за уроки, на которые они не явятся безъ предъявленія начальству законныхъ причинъ отсутствія. Такое вычтенное жалованье было обращаемо въ экономическую сумму заведенія [1]). Не только заболѣвшій учитель долженъ былъ извѣстить инспектора, что онъ не можетъ посѣщать классовъ, но и выздоровѣвшій долженъ былъ увѣдомить, что онъ тогда-то начнетъ занятія, для объявленія о томъ ученикамъ» [2]). Уроки отсутствующихъ учителей или распредѣлялись между остальными преподавателями, или поручались студентамъ Университета, которые въ такомъ случаѣ исполняли роль настоящихъ учителей, или наконецъ въ классы для наблюденія за порядкомъ посылались надзиратели и ученики высшихъ классовъ. Изъ студентовъ, временно несшихъ

---

[1]) Но и эта мѣра оказалась недостаточною, поэтому Высочайше повелѣно было предавать учителей, манкирующихъ уроками, суду.

[2]) Слѣпушк. стр. 17.

обязанность учителей 2-й гимназіи, въ семидневныхъ донесеніяхъ упоминаются: Страшкевичъ, будущій учитель и адъюнктъ, Шаверновскій, будущій учитель и др. Такъ какъ несеніе обязанностей отсутствующаго учителя оставалось безъ всякаго вознагражденія, то тѣ преподаватели, на которыхъ часто возлагались такія обязанности, были весьма недовольны, и это недовольство служило источникомъ нареканій съ ихъ стороны на училищное начальство.

Къ числу особенностей, имѣвшихъ мѣсто въ первые годы существованія 2-й гимназіи. слѣдуетъ отнести еще слѣд. двѣ: первая состояла въ томъ, что учениковъ, въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ, оказывавшихъ слабые успѣхи, переводили въ низшій классъ [1]), а вторая—въ томъ, что въ гимназію допускались вольные слушатели, которые посѣщали уроки учителей по своему избранію. Такъ въ 1837 г. былъ допущенъ къ слушанію вмѣстѣ съ учениками 7-го класса уроковъ по русской словесности, исторіи, статистикѣ и по латинскому языку окончившій Виленскую гимназію нѣкто Кучинскій; на такомъ-же основаніи допущенъ былъ во 2-й классъ вольнослушателемъ бывшій ученикъ того-же класса Чайковскій [2]).

О томъ, какъ въ разсматриваемое время шло преподаваніе и какъ оно отразилось на успѣхахъ учениковъ, свѣдѣнія наши крайне неудовлетворительны отъ того, что архивные источники содержатъ въ себѣ указанія отрывочнаго свойства; изъ нихъ трудно почерпнуть краски для полной картины. Такъ, напр., въ актовой запискѣ 1838 г. директоръ выражаетъ упованіе, что воспитатели «будутъ направлять юныя сердца къ цѣли нравственнаго образованія сообразно духу православія, самодержавія и народности и что умственное совершенствованіе безъ совершенствованія нравственнаго—мечта и мечта пагубная» [3]). Будучи лирическимъ, заявленіе это не даетъ права дѣлать какія-нибудь

---

[1]) Дѣло 1836 г. № 650.

[2]) Дѣло 1837—1839 г. № 717.

[3]) Слѣцушк. стр. 27.

реальныя построенія. Нѣсколько болѣе свѣта проливаютъ на тогдашнее состояніе преподаванія во 2-й гимназіи два отчета: 1) инспектора казенныхъ училищъ о преподаваніи математики въ 1838 г. и 2) проф. Нейкирха о преподаваніи греческаго языка. Инспекторъ казенныхъ училищъ говоритъ, что ариѳметику въ 1 кл. у учителя Гаевскаго, алгебру и геометрію въ 3-мъ и 4-мъ параллельныхъ классахъ у учителя Самойленкова онъ нашелъ въ хорошемъ состояніи; ариѳметику-же во 2-мъ кл., алгебру и геометрію въ 3-мъ и 4-мъ кл. у учителя Гаевскаго, геометрію въ 5-мъ кл. у учителя Линовскаго въ посредственномъ состояніи [1]). Хваля вообще преподаваніе учителя Іеропеса, проф. Нейкирхъ находитъ, что для болѣе успѣшнаго изученія греческаго языка было-бы полезно не переводить ученикамъ того, что имъ задается, не употреблять произношенія современныхъ грековъ и ввести въ употребленіе другія книги; такъ напр. христоматію Якобса и Schulgrammatik—Бутмана, которую слѣдовало-бы сперва перевести на русскій языкъ [2]). Что касается успѣховъ учениковъ, то болѣе или менѣе правильное сужденіе объ этомъ предметѣ могли бы дать частныя и общія вѣдомости, но, къ сожалѣнію, за время отъ 1836 до 1838 г., вѣдомости дошли до насъ въ такомъ жалкомъ видѣ, что по этимъ клочкамъ мы не рѣшались дѣлать какіе-бы то ни было выводы. Только начиная съ 1838 г., мы вправѣ что-нибудь сказать.

Изъ вѣдомостей за $183^{8}/_{9}$ годъ оказывается, что если не считать 7-го класса, то *по Закону Божію* успѣвающіе составляли во всѣхъ классахъ около 92% всего числа учащихся, *по русскому языку и словесности*—80%, при чемъ наибольшую успѣшность представляетъ 1-е отд. 2-го класса (около 94%), *по математикѣ*—около 75% съ наибольшими успѣхами во 2-мъ отд. 4-го кл., гдѣ только одинъ ученикъ имѣлъ неудовлетворительную отмѣтку по геометріи (учитель Самойленковъ); *по латинскому языку*—немного болѣе 67%, причемъ наименьшіе успѣхи оказывали не-

---

[1]) Дѣло 1838 г. № 51.

[2]) Дѣло 1837 г. № 19 и 39.

раздѣленные въ этомъ году на параллельныя отдѣленія классы 1-й и 3-й (въ 3-мъ кл. неудовлетворительныхъ больше $^1/_2$); *по греческому языку*—также немного болѣе 67% (наименѣе успѣвающій 4-й кл. 2-е отд.—около $^1/_2$); *по французскому языку*—75%, при чемъ самый неуспѣвающій классъ былъ 1-й; *по нѣмецкому языку*—тоже 75%, при чемъ въ 3-мъ классѣ перевѣсъ на сторонѣ неудовлетворительныхъ; *по исторіи*—число успѣвающихъ достигало огромной цыфры 94%; *по географіи*—87%. Средняя успѣшность по всѣмъ вообще предметамъ гимназическаго курса можетъ быть выражена дробью—$^3/_4$ [1]). Изъ взаимнаго сопоставленія этихъ величинъ можно сдѣлать слѣд. выводы:

1) средняя успѣшность гимназіи вообще должна быть признана удовлетворительною;

2) *лучшіе* успѣхи получились по исторіи и *худшіе*—по древнимъ языкамъ;

3) наименѣе успѣвающіе классы—1-й и 3-й, что иначе не можетъ быть объяснено, какъ *многолюдностью* этихъ классовъ съ одной стороны, и *введеніемъ въ курсъ этихъ классовъ незнакомыхъ еще ученику предметовъ*,—изученіе которыхъ обыкновенно дается не легко,—съ другой. Такъ учениковъ 1-го класса всегда затрудняло начало изученія новыхъ языковъ, а учениковъ 3-го класса—алгебра, геометрія и исторія. Въ заключеніе намъ кажется не безъинтереснымъ упомянуть о томъ, по какому предмету въ тѣ времена было найболѣе отличныхъ и хорошихъ, т. е. имѣвшихъ отмѣтку 5 и 4, потому что число таковыхъ даетъ понятіе объ особенномъ интересѣ къ ученію, да и общая цифра таковыхъ во всей гимназіи также не лишена извѣстнаго смысла. Что касается перваго, то найбольшее число такихъ учениковъ падаетъ на исторію и географію (болѣе 66% общаго числа учащихся), за тѣмъ по уменьшающейся прогрессіи одинъ за другимъ слѣдуютъ: Законъ Божій, математика, русскій языкъ и словесность, французскій, нѣмецкій, греческій и наконецъ латинскій языкъ. Вообще во всей гимназіи число такихъ учениковъ, которые въ

[1]) При чемъ найменѣе переведенныхъ изъ 1-го и 3-го классовъ.

большей части предметовъ имѣли одну изъ высшихъ отмѣтокъ (4 и 5), доходило до $^1/_3$.

Таковы были успѣхи учениковъ 2-й гимназіи за время $183^8/_9$ учебнаго года.

Переходя отъ нихъ къ обозрѣнію нравственнаго состоянія 2-й гимназіи за тотъ-же промежутокъ времени, мы прежде всего снимаемъ съ себя отвѣтственность за то, что свѣдѣнія наши по этому предмету не отличаются надлежащею полнотою: не наша вина, если не сохранились источники, которые могли-бы сообщить намъ болѣе подробныя указанія. Нужна, кромѣ того, оговорка другаго рода: источники, относящіеся къ данному вопросу, рисуютъ нравственный образъ учениковъ съ отрицательной стороны; они содержатъ въ себѣ факты, свидѣтельствующіе о проявленіи однѣхъ лишь дурныхъ наклонностей и стремленій учащейся молодежи, или, говоря проще, разные ученическіе проступки. Главнѣйшими изъ этихъ источниковъ должны быть признаны такъ называемыя семидневныя донесенія инспектора. Въ донесенія эти заносились ученики, совершившіе какой-нибудь проступокъ или оказавшіеся неуспѣвающими въ наукахъ. Въ обоихъ случаяхъ они подвергались наказанію, смотря по виновности, карцеромъ или розгами. Карцеромъ обыкновенно наказывались ученики высшихъ классовъ, розгами—низшихъ; случалось иногда и обратное. Наказанія за проступки производились ежедневно, за неуспѣшность—по субботамъ, отъ чего и назывались *субботниками*. Донесенія эти не всегда даютъ ясное представленіе о свойствахъ ученическихъ проступковъ, потому что слишкомъ лаконичны. Въ нихъ писалось обыкновенно такъ: такой-то наказанъ за шалость, такой-то—за грубость, или дерзость, но въ чемъ именно выразилось то или другое, изъ нихъ не видно. Совершенно ясныя опредѣленія попадаются изрѣдка, такъ напр.: за бѣгство изъ гимназіи, или изъ города, за пьянство, за картежную игру и др. Служа извѣстною мѣрою при опредѣленіи нравственнаго настроенія учащихся, донесенія эти въ нѣкоторой степени могутъ быть пригодны для характеристики личности и оцѣнки дѣятельности главнымъ образомъ инспектора, потому что отъ него почти исключительно зависѣлъ выборъ и назначеніе наказанія.

Семидневныя донесенія стали производиться только съ 1839 г.; за предъидущіе годы ихъ не существуетъ.

Другой, не менѣе важный источникъ—Протоколы педагогическихъ засѣданій Совѣта. Въ нихъ встрѣчаются только такіе проступки, которые влекли за собою исключеніе изъ гимназіи. Есть наконецъ отдѣльныя дѣла, содержащія въ себѣ проступки съ рѣзкимъ оттѣнкомъ уголовщины. Существенное отличіе какъ отдѣльныхъ дѣлъ, такъ и протоколовъ донесеній состоитъ въ томъ, что проступки они излагаютъ со всевозможною детальностью и, перенося читателя въ далекій міръ пропедшаго, ставятъ его въ положеніе современника, наблюдающаго живую дѣйствительность.

Собираясь по этимъ источникамъ сдѣлать очеркъ нравственнаго настроенія учениковъ 2-й гимназіи въ данное время, считаемъ нужнымъ объясниться по поводу той мѣрки, которую мы приложили къ опредѣленію высоты уровня этого настроенія. Не количествомъ наказаній измѣряли мы его и не количествомъ проступковъ. Количество первыхъ даетъ представленіе не столько объ учащихся, сколько о системѣ воспитанія; количество вторыхъ само по себѣ ничего не выражаетъ, потому что можетъ быть масса проступковъ самаго невиннаго свойства. Мы смотримъ на дѣло иначе: для насъ важно сперва качество проступковъ, а потомъ уже ихъ количество. Зная то и другое, мы говоримъ: если проступки вытекаютъ изъ испорченной дѣтской природы и если въ данномъ учебномъ заведеніи они повторяются часто, то это—явный признакъ низкаго уровня нравственности этого заведенія. и наоборотъ—то учебное заведеніе, которое было-бы совершенно свободно отъ нихъ, вполнѣ отвѣчало-бы идеальнымъ требованіемъ воспитанія.

Если приложить теперь эту мѣрку къ характеристикѣ учениковъ 2-й гимназіи 1836—1839 годовъ, то получится впечатлѣніе далеко не отрадное. Случаи, обнаруживающіе нерѣдко глубокую нравственную порчу дѣтской природы, попадаются столь часто, что навѣваютъ тяжелое раздумье. Нерѣдки также примѣры разнузданности нравовъ. Для наглядности извлекаемъ слѣд. факты, придерживаясь ихъ хронологической послѣдовательности:

Первый и относительно не важный проступокъ, найденный нами въ дѣлахъ 2-й гимназіи, былъ проступокъ ученика 5-го класса С—а, состоявшій въ томъ, что войдя въ классъ и не обративъ никакого вниманія на присутствіе учителя, при всѣхъ ученикахъ класса дерзко заявилъ, что инспекторъ[1]) на него «злобствуетъ» и что поэтому онъ будетъ жаловаться на него Попечителю.[2]) Другой ученикъ (3 кл.), замѣтивъ, что инспекторъ собирается высѣчь его, убѣгаетъ изъ гимназіи. Желая поставить на своемъ, инспекторъ посылаетъ къ нему на квартиру съ двумя сторожами надзирателя для того, чтобы они насильно привели его въ гимназію. Завидѣвъ ихъ издали, ученикъ прыгаетъ въ окно, не смотря на его значительную высоту, и бѣгомъ направляется къ своей бабушкѣ, у которой надѣется найти покровительство и защиту. Бабушка дѣйствительно заступается за него и объявляетъ инспектору, что если ея внука высѣкутъ, то онъ лишитъ себя жизни. «Я знаю его» прибавила она, «а потому предваряю, чтобъ послѣ не вышло бѣды». Инспектору послѣ такого категорическаго заявленія не оставалось ничего больше, какъ передать дѣло на обсужденіе Педагогическаго Совѣта. При разсмотрѣніи прошлой гимназической жизни этого ученика оказалось, что онъ часто манкировалъ уроками, не разъ заводилъ съ товарищами драку, не разъ убѣгалъ изъ квартиры и не разъ за эти проступки подвергался наказанію сперва карцеромъ, а потомъ розгами.[3]) Само собою разумѣется, что его исключили. Другой ученикъ того-же класса въ томъ-же году убѣжалъ изъ Кіева и неизвѣстно, гдѣ скрылся.[4]) Одинъ изъ учениковъ 6-го класса занимался кражей шинелей.[5]) Ученикъ 4-го кл. Г. «велъ себя первоначально хорошо», говорится въ донесеніи инспектора Педагогическому Совѣту, «но впослѣдствіи времени подъ разными предлогами началъ уклоняться отъ

---

[1]) Зимовской.
[2]) Дѣло 1837 г. № 652.
[3]) Проток. засѣд. отъ 4 іюня 1837 г.
[4]) Дѣло 1837 г. № 682.
[5]) Проток. засѣд. отъ 23 дек. 1838 г.

посѣщенія классовъ и церкви. Тогда уже надзиратель обратилъ на него особое вниманіе». И что-же послѣ внимательнаго надзора оказалось? Этотъ ученикъ посредствомъ наглаго обмана выманивалъ у другихъ учениковъ деньги и, разумѣется, не отдавалъ ихъ. Стало извѣстнымъ, что онъ даже воруетъ. Мало того: не получивъ за малоуспѣшность разрѣшеніе на домовой отпускъ, онъ самовольно уѣзжаетъ изъ Кіева и возвращается обратно, просрочивъ слишкомъ трое сутокъ. [1]) Одинъ изъ учениковъ 5-го класса, по просьбѣ учителя К., былъ оставленъ подъ арестомъ до 7 ч. вечера. Послѣ выхода изъ гимназіи учениковъ, онъ отпросился на-дворъ, и сторожъ, по заведенному порядку, отворилъ двери отъ комнаты, въ которой онъ былъ запертъ. Воспользовавшись случаемъ, ученикъ этотъ идетъ въ инспекторскую комнату, обрываетъ въ шкафу, въ которомъ хранились отобранныя у учениковъ книги, запавѣсь, разсматриваетъ отмѣтки и уноситъ съ собою книгу (подъ названіемъ: Черная Женщина). «Видѣлъ это ученикъ, которому приказано было стоять на колѣняхъ въ инспекторской. Поведеніе этого ученика, продолжаетъ инспекторъ, мною не одобряется, ибо онъ неоднократно былъ замѣченъ въ шалостяхъ въ классѣ, за что и былъ наказываемъ сперва стояніемъ на колѣняхъ, а потомъ арестомъ, и кромѣ того 15-го числа жаловался на его учитель К. за грубость, ему оказанную. Я приказалъ ему просить у учителя прощенія, но онъ не исполнилъ моего приказанія». Бывали случаи коллективныхъ проступковъ, въ родѣ напр. того, намъ неизвѣстнаго, за который на двое сутокъ подвергся аресту весь 4-й классъ, [2]) или того, который сохранился въ одномъ изъ дѣлъ 1837 года и поражаетъ своею грандіозностью. [3]) Дѣло въ томъ, что 11 учениковъ 2-й гимназіи и Печерскаго училища образовали изъ себя воровскую шайку съ обдуманнымъ заранѣе планомъ, съ правильнымъ распредѣленіемъ ролей и при-

---

[1]) Проток. засѣд. отъ 7 янв. 1839 г.

[2]) Дѣло 1836 г. № 1. Надо полагать, что проступокъ этотъ былъ не пустячный.

[3]) № 24.

нялись за похищеніе чужой собственности. Къ своей операціи они приступили въ весьма удобное, такъ называемое контрактовое время, когда въ контрактовомъ домѣ собиралась масса покупателей. Гдѣ найболѣе скоплялось ихъ и гдѣ слѣд. вниманіе продавцевъ было найболѣе отвлечено отъ воришекъ въ гимназическомъ одѣяніи, тамъ съ усиленною энергіею работали они, унося все, что только попадалось подъ руки: картины, рамы, краски, карандаши, щетки, гребешки, помаду, зеркала, чубуки, табакъ курительный, табакъ нюхательный, конфекты, вино, стаканы (у сбитеньщика) и пр., и пр. Воровали они въ продолженіе двухъ недѣль, захватывая значительными порціями попадавшееся подъ руку: напр. фунтъ табаку, связку чубуковъ, десятокъ картинъ и т. д. Въ особенности много при обыскѣ найдено у нихъ карандашей. [1]) Въ тотъ-же промежутокъ времени имъ удалось утащить изъ квартиры барона Остенъ-Сакена сундукъ съ деньгами и цѣнными вещами, снести его въ оврагъ и заранѣе приготовленнымъ орудіемъ вскрыть его. Накраденное они распродавали и на вырученныя деньги въ самыхъ страшныхъ трущобахъ въ компаніи со всякимъ сбродомъ предавались пьянству и другимъ растлѣвающимъ порокамъ. И это дѣлали дѣти въ возрастѣ отъ 16 до 12 лѣтъ: только одному изъ нихъ, и то не главному руководителю, а простому, рядовому соучастнику было 18 лѣтъ. Фактъ знаменательный, явно очерчивающій ту глубокую нравственную порчу, которая проникла въ юные организмы какъ разъ въ ту пору, когда страхъ тѣлеснаго наказанія долженъ былъ-бы, повидимому, наложить крѣпкую узду и не допустить проявленія безобразій подобнаго рода, а между тѣмъ оказывается полное безсиліе подагогики, основанной на тѣлесномъ наказаніи. Какъ и слѣдовало ожидать, всѣ преступники были наказаны розгами, причемъ зачинщикъ былъ наказанъ «сильно» и почти всѣ исключены изъ училища. Достойно замѣчанія, что двухъ мальчиковъ 2-го класса, участвовавшихъ въ шайкѣ пьянствовавшихъ, посѣщав-

---

[1]) Не съ тѣхъ-ли поръ ученики 1-й гимназіи дразнятъ учениковъ 2-й словомъ: «*карандашъ*»?

шихъ домъ терпимости и застигнутыхъ на *corpus-delicti*, не исключили изъ гимназіи, а въ видѣ злого сѣмени оставили въ средѣ товарищей и только отвели для нихъ отдѣльную скамейку, которую они должны были занимать «впредь до совершеннаго исправленія» (sic).

Вообще нужно сказать, что въ средѣ учащихся того времени стало развиваться направленіе невысокой доброкачественности. Въ семидневныхъ донесеніяхъ [1]) мы постоянно наталкиваемся на такіе проступки, какъ бѣгство изъ гимназіи и даже изъ города, ночныя шатанія по городу, воровство, картежная игра, пьянство (пьянствуютъ напр. ученики 1-го класса) и др. Но ни на одинъ проступокъ не приходится столько случаевъ, какъ на непочтительность къ старшимъ, на грубость и даже дерзость по отношенію къ учителямъ и инспектору [2]). Невольно рождается вопросъ, гдѣ-же причина столь безотраднаго явленія? Нехорошая закваска положена была еще въ 1836 г. Когда сдѣлано было распоряженіе о переводѣ во 2-ю гимназію учениковъ, учившихся въ 1-й, то гимназія эта постаралась сбыть прежде всего малоуспѣвающихъ въ наукѣ и сомнительныхъ по поведенію, а потомъ уже обратились къ хорошимъ; отсюда произошло, что на первыхъ же порахъ существованія своего 2-я гимназія наполнилась такими элементами, съ которыми предстояла нелегкая борьба. Къ этому обстоятельству присоединилось еще другое. Ученики жили или въ домѣ своихъ родителей и родственниковъ, или въ наемныхъ помѣщеніяхъ, содержимыхъ квартиросодержателями. Изъ этихъ послѣднихъ, судя по донесеніямъ инспектора гимназіи и инспектора казенныхъ училищъ, далеко не всѣ приспособлены были къ условіямъ жизни ученика, возникающимъ изъ требованій правильнаго воспитанія, и потому не мало способствовали развитію

---

[1]) См. донесенія за 1839 г. № 1—22.

[2]) Не считая такихъ проступковъ, какъ драка, обманъ, непослушаніе и т. п., однихъ крупныхъ мы насчитали за половину 1839 г. 30 (на 374 ученика), что составляетъ 8% см. еще дѣла: за 1837—1839 г. № 717 и за 1839 г. № 99.

и укорененію въ средѣ учащихся тѣхъ порочныхъ наклонностей, о которыхъ мы говорили въ своемъ мѣстѣ. Изъ донесенія инспектора казенныхъ училищъ видно, что а) многія квартиры найдены имъ въ совершенномъ безпорядкѣ; б) въ нѣкоторыхъ квартирахъ ученики по недостатку кроватей спятъ на стульяхъ, или по два на одной кровати; в) на одной квартирѣ ученикъ не имѣлъ ни «постояннаго мѣста для занятій, ни стула, на чемъ можно было бы сѣсть, ни кровати»; г) на нѣкоторыхъ квартирахъ ученики курили трубку. То же самое читаемъ въ донесеніи инспектора Іеропеса директору Богородскому, въ которомъ сказано, что 1) ученики 2-й гимназіи занимаютъ большею частью квартиры неудобныя какъ по помѣщенію, такъ и со стороны надзора, а также по отдаленности отъ гимназіи; 2) нѣкоторые изъ учениковъ живутъ совмѣстно со студентами, канцеляристами и учениками 1-й гимназіи, вмѣстѣ съ ними курятъ трубку, играютъ въ карты и т. п. [1]) Въ какой степени трудно было даже такому энергическому инспектору, какъ Іеропесъ, бороться со зломъ, видно изъ его донесенія, въ которомъ онъ жалуется, что квартиросодержатели оклеветали его предъ Попечителемъ Округа въ небывалыхъ злоупотребленіяхъ властью, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ только настойчиво требовалъ отъ нихъ исполненія принятыхъ ими на себя обязанностей, а неблагонадежныхъ въ какомъ-либо отношеніи представлялъ къ лишенію права содержать учениковъ. Основываясь на донесеніи инспектора, не трудно прійти къ убѣжденію, что нѣкоторые изъ квартиросодержателей, особенно тѣ, которые получали солидные куши за содержаніе учениковъ [2]) и слѣд. весьма дорожили ими, что эти квартиросодержатели потворствовали своимъ квартирантамъ и сквозь пальцы смотрѣли на ихъ поведеніе. Но за чѣмъ-же смотрѣли надзиратели? Случалось, что

---

[1]) Дѣло 1839 г. № 64 и 99. Надзиратель Вояковскій извѣщалъ инспектора, что въ квартирѣ одного ученика свалено женское платье и служанка гладитъ бѣлье. См. еще дѣло 1839 г. № 34.

[2]) Отъ 500 до 800 р. асс., т. е. около $^2/_3$ годоваго оклада младшаго учителя.

ради корыстныхъ побужденій, нѣкоторые надзиратели сами скрывали дурные проступки ученика; иные, бывая часто въ нетрезвомъ видѣ, не могли аккуратно исполнять своей обязанности;[1]) иные наконецъ уставали въ борьбѣ съ квартиросодержателями.

Умноженію проступковъ въ средѣ учащихся не мало способствовали грубые нравы тогдашняго общества: учениковъ иногда обижали и наносили имъ столь чувствительныя оскорбленія, что сносить ихъ иной разъ было не подъ силу.

Не смотря однако на всѣ эти недостатки, мы думаемъ, что Милашевичъ былъ отчасти правъ, публично заявивши на торжественномъ актѣ, что 2-я гимназія «употребляетъ всѣ возможныя мѣры къ пріобрѣтенію того всеобщаго довѣрія и тѣхъ совершенствъ, какими пользуются равностепенныя съ нею учебныя заведенія»,— правъ, по крайней мѣрѣ, въ сферѣ учебной. Если-бы было иначе, то навѣрное не ускользнуло-бы это отъ зоркаго ока Государя Николая Павловича, которому 2-я гимназія была представлена въ 1837 году (совмѣстно съ 1-ю гимназіей), и не остался-бы доволенъ ею знаменитый въ исторіи нашего просвѣщенія министръ С. С. Уваровъ, посѣтившій ее въ октябрѣ того-же года[2]) «Онъ присутствовалъ на урокахъ во всѣхъ классахъ, вникалъ въ методы преподаванія учителей, предлагалъ ученикамъ вопросы и остался доволенъ удовлетворительными ихъ отвѣтами. Результатомъ этого посѣщенія была благодарность, объявленная Попечителемъ всѣмъ служащимъ въ гимназіи лицамъ»[3]). Конечно, многаго еще не доставало для того, чтобы стать въ уровень съ другими гимназіями, но уже и то было хорошо, что во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1839 годъ министръ могъ выразиться объ ней такъ: по успѣхамъ учениковъ она между гимназіями Кіевскаго Учебнаго Округа занимаетъ третье мѣсто, а въ отчетѣ за 1840 г. мы уже читаемъ, что министръ находитъ ее «образцовою», точно такъ-же какъ и

---

[1]) Дѣло 1836 г. № 714.

[2]) Ж. М. Н. Пр. за 1837 г.

[3]) Слѣпушк. стр. 26.

Кіевскую 1-ю [1]) Не безъ значенія и то обстоятельство, что въ 1837 г., кромѣ Государя Императора и его министра, 2-ю гимназію удостоилъ высокой чести своимъ посѣщеніемъ наслѣдникъ престола, а потомъ она представлялась принцу прусскому Альберту и австрійскому посланнику, графу Фикельмону,—не безъ значенія потому, что свидѣтельствуетъ о томъ интересѣ, который возбуждало собою это, еще юное, учебное заведеніе.

Н. Тумасовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1840 г. ч. 26 и 30. Въ 1840 г. Уваровъ снова обозрѣвалъ обѣ Кіевскія гимназіи.

Малорусскіе народные повѣрья и разсказы о пятницѣ[1].

Празднованіе пятницы, введенное въ текстѣ эпистоліи о недѣлѣ, будто бы упавшей съ неба, заключалось у всѣхъ христіанскихъ народовъ въ воздержаніи отъ работъ, удовольствій, развлеченій и скоромной пищи, подъ угрозой различныхъ несчастій за неисполненіе этихъ предписаній (А. Н. Веселовскій. Опытъ по разв. хр. легенды, въ Журн. мин. нар. просв. 1876 г., III, 79, 81; 88, 332, 333; C. Haberland. Ueber Gebr. und Abergl. beim Essen въ Zeits. für Volkerps. und Sprachw. 1888, I, 52, 53; А. Малинка. Апокр. въ Юбил. Сб. въ честь Вс. Миллера. Москва 1900 г., 88, 92; Шашковъ. Оч. истор. рус. женщ. С.-Петерб. 1872 г., 66; Якушкинъ. Сб. рус. пѣс. въ Отеч. Зап. 1860 г., III, 61; Романовъ. Бѣлор. Сб. V, 265, 366; Зап. Ю.-Зап. Отд. Геогр. Общ., II, 116—118; Кіев. Стар. 1889 г., IX, 696).

По западноевропейскимъ народнымъ понятіямъ, пятница—несчастный день. «Le vendredi est un jour de malheur», (J. F.

[1]) Повѣрья о пятницѣ, заключая въ себѣ запрещенія о пищѣ и объ одеждѣ, о нарядахъ, изготовленіи и мойкѣ бѣлья, относятся къ двумъ отдѣльнымъ моимъ очеркамъ, посвященнымъ этимъ сторонамъ народной жизни, но не могли быть распредѣлены между ними, потому что пришлось бы разъединить цѣльныя представленія, а выдѣлены въ настоящій особый очеркъ.

Bladé, Contes de la Gascogne. Paris, 1895, 268), giorno infausto, поэтому въ пятницу не предпринимаютъ ничего важнаго:

Giorno di venere, giorno di Marte
Non si sposa, non si parte.

Изъ домашнихъ работъ запрещена въ этотъ день пряжа,—у непослушной пряхи сгараетъ прялка, а саму ее уноситъ вѣтеръ; запрещено также мыть бѣлье,—maudite la femme, qui lave,—мыться, чесаться, убирать волосы, прихорашиваться и наряжаться. (Веселовскій 61—63, 64, 90; A. Trombatore. Folklore catanese, 35, 46). Тѣ же дѣйствія запрещены и малороссіянамъ. Такъ: «У пьятныцю добри люды не прядуть.—Господы, не побый плоскони, а побый матирку, шобъ не прялы въ пьятинку» (Гринченко. Этн. мат. II, 303 и III, 325). Въ Харьковской губ. по пятницамъ бабы не прядутъ. (Ивановъ. Сѣв. Вѣстн. 1887 г. VIII. Обл. отд., 75, Кіев. Стар. 1885 г., IX, 734). «Тій жинци, шо пряде у пьятныцю, пробывають горло ключямъ на тимъ свити, а на симъ конопли не будуть родыть и горобци ихъ пытымуть». (Изъ народныхъ устъ). Запрещаются также по пятницамъ всякія предшествующія пряжѣ работы надъ коноплей. «Не можно типать, терты, мняты конопель, мычокъ мыкать. Якъ типать конопли, то лыхорадка типатыме. У пьятныцю коноплямы не трусыть, шобъ очей не запорошыть. И пьятныця плачется дуже: мы ій очи порошымъ» (тоже). Нельзя еще стирать бѣлья (Кіев. Стар. 1895 г., IX, 745) и золить. Въ пѣснѣ, исполнявшейся Остапомъ Вересаемъ (Зап. Ю.-З. Отд. Геогр. Общ. II, 33), пятница приказываетъ людямъ: «У пьятныцю плаття не золите». Слѣдующія домашнія работы не разрѣшаются также по пятницамъ: нельзя лазить въ печь, чистить трубъ (трусыть сажу), выбирать золу, мазать печь и припечокъ, и печь хлѣбовъ; особенно строго запрещено приготовлять квашу. «Жинка мазала проты страснои пьятныци у груби, та взялась за голову, та пишла по хутору гола, спива веснянкы. Тры дни проходыла и померла. А якъ жинка наробыть кваши проты пьятныци, то прыйде шось у ночи та набере у брыль кваши та тоди: «гопъ, чукъ—наши! брыль у кваши»,

або каже:—йила бъ я квагу, такъ логы нема,—та лыне по хати и стины повлёпуе». (Изъ народныхъ устъ). Женщинамъ нельзя чесаться въ пятницу. «Жинка якъ родыть, то просыть пьятинку: — порятуй мене.—Постій, каже пьятныця, помажу, позмываю, росчешусь стилькы разъ, скилькы ты чесалася, прыберусь, и тоди до тебе на помичъ прыйду; (тоже) нельзя еще пѣть, смѣяться, развлекаться съ гостями: «Де ты, дивко, свою долю у пьятёнку проспивала? (Чубинскій. Тр. эксп., V, № 202, 602). Ты свою долю у недилю проснидала, а въ пьятныцю проспивала. Спивання въ пьятныцю, а снидання въ недилю николы не мынется. Хто въ пьятныцю засміется, той въ недилю буде плакать. Хороши гости, та въ пьятныцю втрапылысь». (Номисъ. Укр. прик. 12, 170, 232).

По западноевропейскимъ вѣрованіямъ, за пряхами наблюдаютъ особыя существа: у нѣмцевъ Берта, у итальянцевъ Бефана, которыя поощряютъ прилѣжныхъ, наказываютъ лѣнивыхъ, запоздавшей пряхѣ накидываютъ пустыя веретена съ приказаніемъ обмотать къ сроку. (Веселовскій, 263, 280, 281). Въ Тиролѣ, Перхтѣ, Стампѣ или Гангѣ оставляютъ кушанье въ ночь на Богоявленіе. Въ Богеміи остатки кушанья также оставляются съ четверга на пятницу. (C. Haberland. Ueber Gebräuche und Abergl. beim Essen. 371, 372). Въ разныхъ департаментахъ Франціи феи приходятъ къ пряхамъ, ѣдятъ, шумятъ, ласкаютъ дѣтей (E. Cosquin, Contes popul. de Lorraine. II, 289. P. Sébillot, Contes de prov. de France. Paris. 1884. № 28. La fée (171—173). Въ Перигорѣ, Бретани и Нормандіи имъ накрываютъ также столъ и оставляютъ кушанье на ночь. (Haberland. 372). У литовцевъ въ четвергъ противъ пятницы по ночамъ появляется Лаума и уноситъ пряжу (Буслаевъ, Слав. сказки, въ Библіот. для чтенія 1860 г., III, 671). На Украйнѣ надзоръ надъ соблюденіемъ пятницъ возложенъ на самую же пятницу,—сложный образъ, иногда смѣшиваемый съ св. Прасковіей, обезглавленной при Діоклетіанѣ (Бахметева, Избр. жит. святыхъ. Москва. 1870 г., X. 146—149), иногда являющійся особымъ фантастическимъ существомъ. Какъ къ святой, къ ней обращены заговоры и молитвы съ названіемъ матинка (Кіев. Стар. 1885, IX, 734), хотя бываетъ и наоборотъ, что ма-

тери придается эпитетъ: «пьятинка». Напр., въ похоронной причети: «Моя й матинко, моя й пьятинко!» (Мои «Нар. обр. и пѣсни Луб. у.», № 29, 196) или:

Мы булы въ Бога,
Молылыся Богу,
Святій пьятинци,
Марусиный матинци.
(Мои «Свад. пѣсн. въ Луб. у.», № 241, 189).

Какъ фантастическое существо, она отождествляется иногда со смертью, кумой, старухой, сдираетъ кожу съ пряхи или корчитъ ей пальцы, чаще, однако, является «гарною дивчыною», накидывающей пряхѣ 20—100 веретенъ прясть. (Чубинскій, Тр. экспед. т. I, 217 и II, № 130, 429, 430, 132, 432, 433). «Многіе видѣли—говоритъ Маркевичъ—какъ св. пьятынка ходила по селамъ, исколотая иголками, изсверленная веретенами—это виноваты швейки и пряхи». (Обыч. повѣр. кух. малор. Кіевъ 1860. 19). Въ Стародубскомъ полку въ церковномъ ходѣ водили подъ видомъ пятницы женщину, а въ 1831 г. пятница, явясь къ городничему, просила запретить работы въ означенный день. (Кіев. Стар. 1885 г., IX, 745). Наконецъ въ глухихъ селахъ и хуторахъ Лубенскаго уѣзда сохранилось еще воспоминаніе—порою и самый фактъ—кормленія пятницы. Старыя хозяйки съ четверга на пятницу застилали, бывало, столъ, клали на него хлѣбъ—соль, немного ухи или каши въ горшкѣ, накрытомъ мыской, ложку для пятницы; подъ праздникъ же св. Прасковьи, 28 октября (на Параскы) и въ ночъ на страстную пятницу эта пища замѣнялась разведеннымъ медомъ (сытою, кануномъ).

Прилагаемые народные разсказы, записанные мною въ Лубенскомъ уѣздѣ, послужатъ къ дальнѣйшему выясненію изложенныхъ представленій о пятницѣ.

I.

Пишовъ чоловикъ мій на Таврію, а мене покынувъ и такъ же гирко покынувъ: хлиба ни кусочка, солы ни дрибочка и двое

дитей. И я плачу: «съ чимъ ты мене кыдаешъ? Якъ мени прожываты?» А винъ каже: «жывы якъ знаешъ». Я заплакала, Богу молылась, лягла спаты. Пизни ляганы вже. И мени учулось—иде куткомъ дивка, слива. А я изъ хаты выскочыла, хотила узнать. Выбигла въ синей, на перелазъ ступыла, упала и тамъ и заснула. И прыйшла передъ мене билява хороша дивка и въ билому усёму и спрашуе: «чого ты гирко плачешъ?» А я й кажу: «гирко мени жыть, ничымъ дитокъ кормыть, шо я ниде не стану жать изъ двома дитьмы».—Почимъ же ты выскочыла сюды изъ своеи господы?—А я й кажу: «я хотила васъ узнать».—Чого жъ ты бигла узнать? Ну, я на твоихъ дитокъ оглядаюсь. Дывысъ: я пьятныця, и кажы ты людямъ, шобъ воны каялысь, мычокъ не мыкалы и конопель не мнялы, не прялы и сажи не трусылы и щобъ ты бильше не выходыла, а якъ выйдешъ, то хоть годъ болитымешъ, хоть зразу помрешъ, своихъ дитокъ покыдаешъ.—«Якъ же мени дитокъ воспытать?»—Пиды въ свое село до ридного батька, и чоловикъ оддае десятыну жыта за снипъ и буде пьятый снипъ и одъ копы день одроблять.—(Отъ крест. с. Березоточи Прасковьи Величкиной).

2.

Одынъ чоловикъ йихавъ у ярмарокъ; дывыться, колы бижыть за имъ гола дивка. Винъ воламы йихавъ: озирнувся, злякався, поганя волы, а вона гука: «пидожды, чоловиче, пидожды!» А винъ тика. А вона вже нагоныть ёго, недалеко, каже: «Богъ зъ тобою, чоловиче, я не шо-небудь таке, я пьятынка!» Бачыть винъ, шо не втече, пидождавъ. Вона ёго нагнала, винъ накынувъ ии рядномъ. Сила вона на вози. А въ ейи на грудяхъ нагрузылось кострыци та клоччя, мовъ прытулено. Винъ пытае: «шо жъ то таке у васъ на грудяхъ?» А вона каже: «оце жъ то, шо котори люды мнуть та прядуть у пьятныцю, такъ воно сида мени на серце. Я не помагаю тимъ людямъ, котори не чтять пьятынкы святои, ни въ поли, ни въ доми, ни въ пути—дорози. Не спасаю того чоловика, который мене не спаса, а который спаса мене, такъ спасаю и я ёго, не даю ему погыбнуть, ёго мылую и пры-

храняю. А ты, якъ пойидешъ до-дому, то прыкажы жинци и дочкамъ, шобъ воны до девьятого поколиння штылы пьятныцю, то буду у помичъ». (Отъ Параски Лысенковой, м. Снѣтина).

3.

Ишовъ чоловикъ степомъ, колы иде полунычка: дивка роспатлана, у глыни, у кострыци, подряпана и кровъ на ій бижыть. Винъ ставъ ій роспытувать: «що ты таке?» Вона каже: «я полунычка, пьятныця: що мене деруть, по моій голови мажуть у пьятныцю. Тилькы мени легше стане, якъ дивка косу росчеше». Просыла та дивка чоловика, щобъ ничого не робылы въ пьятныцю, «бо мени, каже, важко жыть на свити». (Отъ Оксаны Комлыковой, с. Литвяковъ).

4.

Прясты не можно ни въ пьятныцю, ни проты пьятныци—не показано. Проты пьятныци пряды, то бува и прывыденція. Пьятныцю не побачышъ, а тилькы прывыденцію. Каже женщына изъ Вовчка: «сыжу я, пряду проты пьятныци до пизнёго времени. Прыйшло шось и каже: «прядешъ?»—Пряду—«На жъ и мои починкы». Такъ я й узяла ти починкы, думаю: се жъ мени шось насмихъ зробыло. Такъ якъ устала у пьятныцю, такъ мовъ гниздо пороблено зъ тіеи пряжи». А одній жинци ось шо случылось: пряла вона проты пьятныци и не одирвала ныткы одъ гребеня, колы опивночи шось пряде на ій прядци. Вона встала и пытае: «шо ты таке?»—Пьятныця. Шобъ ты и проты пьятныци и у пьятныцю пряла и у себе не мала!» Зареклась та женщына бильшъ прясты. (Отъ кр. с. Литвяковъ Ганны Кириченковой).

5.

Сила жинка прясты по мисяцю проты пьятныци и пряде вона. Ось округъ хаты обійшло, пыта: «шо ты робышъ?»—Пряду.—«Ну, на жъ тоби двенадцять веретенъ; покы я округъ хаты трычи обійду, шобъ ты понапрядала почынкы и шобъ ты

мени ихъ выдала». Вона на те веретено лычко стулыть, а на друге волоконце змота, а трете ныточку выведе; то це возьме на те лычко замота тай выкыне въ викно, а на те волоконце та впять выкыне и вона вси ти двенадцятеро веретенъ позамотувала шыйкы; и та третій разъ уже добига и жинка вже двенадцятеро веретенъ выкынула. Вона добигла до викна, въ викно цокнула, а жинка каже: «вже дило сполныла». Та ти веретена схватыла: «дывысь, каже, якъ я ци веретена розрываю. Догадлыва ты, скоро зробыла дило. Оттакъ бы я и тебе розирвала, колы бъ ты дила не сповныла. Молысь Богу, лягай спать та бильшъ такъ не робы, не пряды проты пьятныци». (Отъ Прасковьи Величкиной).

6.

Пряла женщына проты пьятныци. Прыйшла пидъ викно дивка, пьятныця, пыта: «прядешъ?». — Пряду.—«Одчыны мени винко». А вона й одчыныла. И та дивка вкынула ій кулыкъ—пьятдесятъ веретенъ, каже: «шобъ ты позапрядала уси си веретена до свита». Такъ та жинка усе пытку выведе и выкыне за викно, выведе и выкыне за викно и позапрядала уси ти веретена. Тоди таке мовъ птыця трахнула въ викно, розбыла викно, каже: «догадалась, шо робыть». Такъ та жинка перелякалась и годъ цилый лежала. (Отъ кр. м. Снѣтина Усти Косенковой).

7.

Сила женщына прясты проты пьятныци и такъ, шо пряла скоро до пивночи. Колы ось пидходыть дивка пидъ викно, одсунула викно, поздоровкалась до жинкы: «прядешъ ты?».—Пряду.—«Ну, на тоби си сорокъ веретенъ и позапрядай, шобъ до свита воны повни булы, покы я повернусь изъ другого мисця. И шобъ якъ напряла, то й за викно выкынула». Догадалась та жинка; бувъ у еи пивлитокъ, надила вона на витушку, давай мотать на ти веретена; шо намотае, то й выкыне. Позамотувала ти веретена, повыкыдала ихъ за викно, встала зъ гребиня, давай Богу молыться. Ось вона—та пьятныця—пидъ викно пидходыть;

жинка вже Богу домолюется.—«Ну, догадлыва-жъ ты, бильше бъ не пряла не то проты пьятныци,—а пиколы!» Жинка стала просытыся въ неи: «просты жъ мене, свята пьятныце, я не буду вже прясты проты пьятныци и дитямъ заказыватыму и не буду робыть у пьятныцю». (Отъ Катерины Норовой, м. Лукомья).

8.

Женщына сила й пряде по мисяцю. Пидійшла пьятныця пидъ викно: «добри-вечирь!»—Здорова.—«Шо ты робышъ?»—Пряду.—«Лягай спать, молодыце добра, не пряды». А вона байдуже. Колы це одчыня двери, иде въ хату: взяла ту молодыцю за косы, почала мнять: оце шобъ знала, якъ прясты проты пьятныци!». (Отъ Палажки Одокіенковой, м. Снѣтина).

9.

Пряла свекруха проты пьятныци пизно зъ вечера. Напряла починокъ пасомъ дви хорошихъ и посукнула и впало веретено до-долу. Вона нахылылась брать те веретено; не вхватыла веретена, загрузло веретено позъ костку и мижъ костку у гомилку по саму пряжу: легеньку четверть. Вытяглы, вона зомлила и пролежала цилу зиму писля того, и зареклась изъ тихъ поръ проты пьятныци прясты. (Отъ Ф. Матвіенковой, д. Шекъ).

10.

Булы мы дивкамы, ходылы на досвиткы до Мыччыхы. Проты Ганны-зачатця, проты пьятныци, отпрядалы досвиткы. Отпрялы, зморылысь, полягалы спать. Слухаемъ ночью, досвичана маты балака громко, а до неи дви жинки увійшло: Ганна и Пьятныця. Одна ногу задрала, каже: «дай руку, я тоби печать прыложу, шо ты проты пьятныци робышъ».—А я не робыла.—«Такъ тоби робылы». Мы полякалысь, дывымось спидъ рядна. Колы іи чоловикъ прыйшовъ, каже: «Одчыны».—Не одчыню, каже досвичана маты, бо злякалась. Узяло, погасылося свитло и де воно й дилось. А чоловикъ перелизъ черезъ хату. (Отъ С. Латенковой, х. Тернавщины).

11.

Тры невисткы въ чоловика, и одна невистка годъ цилый болила и обрикалася ничого не робыть у пьятныцю, все ривно, якъ у недилю. А ти дви сміются съ тіи, шо вона не робыть ничого. Одна пишла воды носыты, а друга стала мычокъ мыкать, а третя, та, шо обрикалась, на печи сила. Измыкала та, друга невистка, циле повисьмо, стала въ неи голова болить, вона й заснула, а та пьять разъ прынесла воды. Прыйшла дивка, сама пьятныця, и на пичъ заглянула и каже тій, шо не робыть ничого: «ты не скажешъ никому ничого?»—Ни.—«Дывысь, шо я буду робыть, и прыказуй другимъ, шобъ не робылы». Взяла голову тій жинци, шо повисьмо конопель змыкала, росколола голову и черепъ изняла и ту кострыцю тій у голову чысто всю высыпала, шовкомъ изшыла и сцилыла голову, якъ була. Та дивка пишла съ хаты, а жинка кынулась и стала братыся за голову: болыть голова. А та невистка, шо ничого не робыла, усмихнулась.—«Чого ты сміешся? Се ты мене наврочыла, шо я багато мычокъ намыкала. Ты святоха-Евдоха, сыдышъ на печи, ничого не робышъ». И вона занедужала, а та молодыця все сміется, а не каже. Уже й до дохторивъ ій—нихто не помога, и вона годъ цилый болила и потимъ отъ уже ій помирать. А тій, шо не робыла, снытся: «скажи тій больній, нехай вона обрикае и нехай вона пьятнадцать пьятныць исписныка и пьять молебнивъ найме у пьяты церквахъ, такъ тоди вона оздоровіе». И вона стала говорыты тій больній. Та не поняла виры и такы дила не сполня. Тоди ій самій пьятныця прыснылась и каже: «а ты знаешъ, шо въ твоій голови йе?»—Не знаю.—«А хочъ, шобъ узнать?»—А хочу.—«Якъ не хочъ дила сполнять, то помрешъ, покынешъ дитей».—Исполню дило.—Та каже: «сякны на дилъ». Вона стала сякать, стала кострыця выпадать.—«Дывысь, шо въ твоій голови». Вона на вколишкы, давай писныкать и молебствовать, и упять пьятныця сонъ наслала и прыйшла, узяла голову, роспорола, вымыла и вычыстыла и сцилыла, а ту кострычку въ купку—и та жинка кынулась, лупнула очима, глянула: передъ нею уся та

кострыця лежыть, шо вона зъ мычокъ намыкала. Пьятныця каже: «бильшъ такъ не будешъ робыть?». Вона зареклась. (Отъ кр. с. Бересточи Прасковьи Величкиной).

12.

За золиння було такъ, шо одна жинка наклала сорочокъ у жлукто и начала окропы лыть, и набигло вже у ямку. Дытынка ходыть така, годовъ пьять, дивчынка, и воно вмочыло руку по ликоть у ту золу и ручку спекло на викы и померло съ того на другый день. (Отъ Ф. Матвіенковой).

13.

Золыла проты пьятныци одна женщына. У вечери одзолыла, колы у ночи жлукто те перевернене, мовъ по хати тупотыть, тупотыть, и взяло те жлукто, перекынуло. Пидвелась та жинка, каже: «боюсь, боюсь, не знаю де бъ я й дилась». Узяло ти сорочкы, выняло зъ жлукта, ляпа тимы сорочкамы. Колы воно якъ гримне зъ хаты дверьмы и каже: «ото, шобъ ты проты пьятныци бильшъ не золыла». (Отъ кр. д. Шекъ Химки Купріевой).

14.

Ишла дивка, шо въ пичъ лазыла проты пьятныци, на досвиткы и перестрила незнакомыту дивку; косы у неи роспущени напередъ лежять сюды. И каже ій та чужа дивка: «Моя сетрычко, моя родыночко! зверны мени зъ дорогы, бо мени такъ важко, такъ тяжко тоби звертать». Такъ вона, покы звертала чужій дивци,—куды не повернется, та и дивка проты неи. Такъ вона промовыла: «Тисно тоби, не розмынешся. Отакъ мени трудно та тисно, шо вы мене не храныте й не почытаете». Звернула тоди та дивка, тилькы налякала, а ся вернулась до дому, уже на досвиткы не пишла. (Отъ коз. с. Волчка Хомулиной.)

15.

Полизла жинка у пичъ, начала сажу трусыть. По-первамъ ій увыдилося, будьто увійшла дивка, каже: «невже тоби время

не буде, шо ты начала у такый день отаке дило робыть?» Такъ тій жинци, шо въ печи була, услухалось. Вона не вирыть, дума: «се мени вслухается такъ, буду я такы свое дило робыть, колы вмазалась, буду кинчать». И кончыла ту пичь, якъ слидуе буть. Запорошыла будто око; тоди запорошыла, якъ скыдала съ себе. Стала вона нездужать, болiе на все, и очи болить сталы дуже. Сталы iй уже розсказувать други: «ты помолысь Богу и святои Пьятынкы попросы, шобъ вона тебе помылувала». Вона стала молытыся Богу и святу Пьятынку спомынать. И ослобонывъ Богъ iи и очи пересталы болить. (Отъ Федосьи Матвiенковой, д. Шекъ).

16.

Якъ полизла жинка у пичъ у пьятныцю проты суботы, потрусыла сажу. Увiйшло шось у хату, не одчиняло дверей, и начало iи душыть. И душыло iи до смерты такъ, шо стала вона просытыся: «Шо воно йе за прычта? шо-жъ воно таке мени случылось?» Такъ пьятныця, та, шо душыла, сказала: «Ты получаешъ прычту сюю за твои дила, шобъ вы не трусылы сажы у пьятныцю, не ришалы моеи жизни». (Отъ А. Боярской, с. Литвяковъ.)

17.

Була женщына одынока, хто зна де хазяинъ бувъ, а дитей двое. Полизла вона у пичъ мазать и сажы трусыть. Колы вылизла зъ печи, а одна дытына влиплена, въ сажу вмазана, сыдыть на полу. Такъ вона зразу стала молытыся: «Господы мылостывый! свята Пьятынко! очысть мое чадо. Покы жыва въ свити, не лазытыму въ пичъ и десятому заказыватыму у пьятныцю лизты въ пичъ». Колы де взявся метелыкъ по хати и загасывъ свитло. Чую—лёпается на полу. Колы засвичу—сыдыть дытына така, якъ маеть буть, чыста. (Отъ Усти Косенковой.)

18.

Прыйшла жинка зъ панщыны проты страстнои пьятныци та наробыла кваши, каже: «сяду, пивмитка допряду, а то заходе

празныкъ». Сила и цряде коло викна. Колы воно на печи гука: «отъ якъ наши: голова въ кваши!» Такъ вона покынула прясты та за каганець. Колы засвитыла, колы шапка чоловича на лави въ кваши. И нема никого, а шапка въ кваши. Такъ вона ту шапку вытягла и обтерла, взяла лягла, колы на лави пряде. Такъ вона засвитыла та стала на колина Богу молытыся, такъ воно хто зна де й дилось. Стала вона мовъ тороплена. (Отъ Мотри Кривенковой, с. Литвяковъ).

19.

Робыла жинка кваши. берегла пьятныци: шобъ проты пьятныци не робыть. А потимъ хтось ій сказавъ: «можно робыть, такъ тилькы накрыть квашу покрышкою и на покрышци хрестыкъ положыть». Вона такъ и робыла, а потимъ забула, не накрыла и хрестыка не положыла. И така вона чепурна була, шо якъ ляже спать, очипокъ зъ неи спаде. Отъ пьятныця взяла у ночи той очипокъ коло неи и вмочыла въ квашу и скризь стины облипыла. Жинка злякалась и бильшъ проты пьятныци не робыла. (Отъ Хотыны Поліянковой. с. Литвяковъ).

20.

Булы соби чоловикъ и жинка и маты у ихъ була. Колы спыть маты на полу, а та молодыця на пичъ полизла. Колы се каже маты: «засвиты Марто, мене шось душыть и душыть та скубе». Колы та молодыця чуе—двери ляпнуло, одчыныло и обизвалось у синяхъ: «не поможе твоій свекруси, нихто не поможе; не впросыте, диты, Бога, бо прогриша вона дуже, чешется у пьятныцю, хочъ яка найважниша пьятныця». (Отъ Усти Косенковой).

21.

Хорошымъ людямъ неможна чесаться проты пьятныци. Почала жинка чесаться ночью проты пьятныци, зачало ій увыжаться,

шо зъ волосся сыплется огонь, искры. Ну, вона злякалась, прыостановыла чесаться; стало ій моторошно, стала вона бояться и зарикаться: «не буду чесаться у святу пьятинку». Голова стала дуже болиты, то вона стала Богу молытыся и святій Пьятинци— оздоровила. (Отъ Федосьи Матвіенковой, д. Шекъ).

В. Милорадовичъ.

Тры сестры, царевычъ, степъ и море.

Бувъ соби царь и мавъ той царь одного тилькы сына. Якъ вырисъ царевычъ и прыйшла пора ёго женыть, отъ царь и послявъ гонцивъ по всему царству искать царевычеви дивыцю. Пойихалы гонци; два рокы провешталысь, бо царство було дуже велыке, тай знайшлы тры сестры; одна въ одну, та такы хороши, шо кращихъ на всёму свити нема. Пойихавъ царь зъ царевычемъ подывыться на тыхъ сестеръ; глянулы—справди, якъ одна: не знае царевычъ, яку зъ ныхъ браты за себе. Отъ царь ёму й каже: «сыну мій, вси воны однаково гарни, такъ выбирай соби ту, котра бильшъ въ прыгоди стане твоему царству».

Ставъ царевычъ прыслухаться, що воны мижъ собою розказують. Отъ, разъ чуе, старша каже: «якъ-бы царевычъ одружывся зо мною, то я бъ ёму однымъ окрайцемъ хлиба усе ёго вийсько нагодувала».

— А я,—каже середуща,—оцею мычкою, що пряду, усе бъ ёго вийсько зодягла.

— А я,—каже менша,—родыла бъ ёму дванадцять сынивъ, до пояса золотихъ, а одъ пояса срибныхъ.

Розсказавъ царевычъ батькови, що почувъ одъ сестеръ. Отъ царь ёму и говоре: «беры меншу, бо одъ такыхъ сынивъ буде велыка слава твоему царству».

Вже старша сестра думала, що царевычъ буде ій сватать, якъ прыйшлы старосты и посваталы меншу. Розсердылысь старша и середня, та й сталы ка-зна що выгадувать на меншу. «Вона,—кажуть царевычу,—никчемна; вона тоби не дванадцять сынивъ родыть, а дванадцять кошенятъ прыведе». Однакъ, що вже сестры зъ заздрощивъ не выгадувалы на меншу, а царевычъ зъ нею одружывся.

Писля весилля царь не довго жывъ. Отъ царевычъ ставъ царемъ, а менша сестра царыцею. Жывуть воны у превелыкій дружби, а диточокъ Богъ не дае. Отъ сестры зновъ почалы набрехуваты на меншу, такъ царь розсердывся на неи и говоре: «якъ бачу, ты мене обманыла: обицяла мени дванадцять сынивъ родыть, та й доси и одного не родыла».—Постривай, каже менша сестра, я тоби рожу разомъ дванадцять сынивъ, до пояса въ золоти, а одъ пояса въ серебри.—

Мынувъ ще рикъ, а диточокъ усе Богъ не дае. Отъ царь и заславъ жинку, меншу сестру, ажъ на край свого царства, къ морю, и звеливъ, щобъ вона до ёго не прыйиздыла и лыстивъ не прысылала, ажъ покы не родыть дванадцять сынивъ, до пояса въ золоти, а одъ пояса въ серебри.

Жыве вона соби надъ моремъ не якъ царыця, а якъ проста мужычка, въ невелыкій хатци; тилькы и давъ ій царь до послугы одного чоловика та стару бабу. И року не мынуло, якъ ій туды заслалы, родыла вона дванадцять сынивъ, до пояса въ золоти, а одъ пояса въ серебри. Напысала лыстъ до царя, тай каже тому чоловику, що пры ній жыве: «одвезы оцей лыстъ до царя и розскажы, що мени и ёму Богъ давъ, та гляды, щобъ зъ тобою не сталось чого, до никого не заходь и никому про це не розсказуй».

Пойихавъ чоловикъ. Йиде день, йиде другый; на третій якъ ушкварывъ дощъ, а тутечкы бачыть—край дорогы хатка стоить, такъ чоловикъ у ту хатку; дывыться, ажъ тамъ царыцыны сестры, старша и середня. Позналы й воны чоловика, заразъ почастувалы, роспытують про сестру. Той чоловикъ ничого имъ не каже. Отъ воны и сталы улещувать чоловика, щобъ винъ заночувавъ у ныхъ.

«Спочынешъ, кажуть, у насъ, а завтра раненько пойидешъ». Чоловикъ бачыть, що такъ щыро ёго просять, и згодывсь. У ночи, якъ винъ заснувъ, сестры вытяглы лыстъ до царя, та спалылы, а на мисто ёго напысалы другый, буцимъ менша сестра дае звистку царю, що прывела ёму дванадцять кошенятъ. Дуже розсердывся царь, якъ прочытавъ той лыстъ, що сестры напысалы; порвавъ ёго на шматкы, а чоловика звеливъ зъ двору выгнать и на очи до себе не пустывъ. Вернувся чоловикъ до меншои сестры и розсказавъ ій усе, якъ було. Отъ вона заразъ догадалась, що се, мабуть, ій сестры обмынялы лыстъ: заразъ подумала, погадала, що ій робыть, та й выгадала. Ще якъ жыла вона зъ царемъ и сестры на неи наговорювалы и набрехувалы, царь давъ ій перстень та й говоре: «якъ спитка тебе яке лыхо черезъ сестеръ, то прышлешъ мени оцей перстень, отъ я и знову до тебе прыхылюся». Отъ вона узяла той перстень, заховала у коробочку, та напысала у друге лыстъ и знов послала того чоловика до царя. «Тилькы, каже ёму, гляды, крый Боже, щобъ тебе не спиткало, ни до кого не зайизджай, а якъ прыйидешъ до царя, такъ оддай оцей лыстъ и сю коробочку».

Знов пойихавъ чоловикъ до царя. Тилькы дойизжа до тіеи будовы, де жывуть сестры, знов лынувъ дощъ, якъ зъ видра. Однакъ, яке вже було лыхо, обмынувъ винъ ту будову. Йиде дали, а тутъ якъ набижыть друга хмара зъ громомъ, зъ блыскавкою; якъ ушкварыть градъ зъ куряче яйце, а тутъ дывыться сердешный чоловикъ—стоить край дорогы невелычка хатка; отъ винъ зъ коня, тай ставъ пидъ стрихою. Колы выходыть зъ хатки стара бабуся и запрошуе ёго въ хатку обсушытысь и спочыть. А чоловикъ и дума соби: «ничого бояться мени старои», тай увійшовъ у хату. А ся бабуся була не хто, якъ нянька старшои сестры, злюща-презлюща баба: вона жъ то найдужче сердылась на меншу сестру за те, що вона помишала старшій буты царыцею. Нагодувала стара Яга чоловика, участувала и положыла спаты, а сама вытягла зъ сумкы лыстъ та коробочку, мерщій до сестеръ. Выняты сестры зъ коробочкы перстень, а на мисто ёго положылы дванадцять мышенятъ, тай напысалы до царя лыстъ,

буцимъ одъ меньшои сестры, що вона посылае цареви мышенятъ, що диткы ёго кошенята наловылы ёму на гостынець. Покы чоловикъ спавъ, стара нянька звернулась до-дому и зновъ сховала лыстъ и коробку у сумку. Прокынувся у ранци чоловикъ, оглядивъ сумку, бачыть, що усе такъ якъ и було; подякувавъ Ягу за хлибъ-силь, тай пойихавъ до царя. Дуже розозлывсь царь, якъ прочытавъ той лыстъ, та заглянувъ на мышенятъ. Заразъ такы звеливъ тому чоловикови, що прывизъ гостынець, одчесать голову, а царыцю вытурыть зъ свого царства, щобъ и духу ии не було.

Якъ дійшла ся звистка до меншои сестры, отъ вона и стала думать та гадать, що ій на свити робыть зъ дванадцятьма сынамы. Зоставыла соби одного старшенького, а одынадцять понесла къ морю; сившы зъ диткамы на скелю, гирко плаче жемчужнымы слёзамы и такъ молытся до моря: «Море шырокее, море глыбокее, прыймы до себе моихъ дитокъ, безталанныхъ сыритокъ, и будь имъ риднымъ батькомъ та ридною матирью». Тры дни плакала царыця надъ моремъ. На четвертый прокынулось море и почуло матиръ: стрепенулось фылямы, пидняло до горы билу грыву и послало кыта-рыбу забрать диточокъ. Вырнула передъ царыцею кытъ-рыба, выкынула на берегъ матчыны жемчужни слезы, а диточокъ ухопыла и понесла у крышталевый будынокъ, ажъ на саме дно.

Зибрала менша сестра свои слёзы, та взявшы старшенького сына, пишла зъ царства свитъ-за очи. Йде тай иде; прытомылась сердешна; вже й запасъ, що съ собою взяла, зйила; одъ журбы и безъ харчивъ не стало у неи покорму: ничымъ годувать сына. Отъ вона сила на могыли, плаче и такъ до степу промовляе: степу мій шырокый, степу мій просторый, прыймы до себе остапёго мого сына и будь ёму риднымъ батькомъ та ридною матирью». Закрутывся передъ царыцею игрець, пиднявся до неба стовбъ пылу и вхопывъ царевыча и помчавъ у зеленый гай, де пасется печеный бугай, де й кабанъ гуляе, що зубомъ оре, вухомъ засивае, а хвостомъ загрибае.

Осталась царыця середъ степу однимъ-одна. Однакъ не покыдае ии Господь Богъ: надійде до неи дыка коза,—отъ вона

надоить молочка тай напъется; попалитають до неи дрохвы, хохитва и нанесуть яечокъ.

Не такъ швыдко въ свити дiется, якъ въ казци кажется. Довго блукала менша сестра по степахъ. Разъ чуе, щось позадъ iи тупотыть. Озирнулась, ажъ бачыть: йиде на доброму кони багатырь и веде за собою печеного бугая и кабана, що зубомъ оре, вухомъ засивае, а хвостомъ загрибае. Злякалась царыця та хотила було сховаться въ травыцю, а багатырь iй и каже: «не ховайся, моя матинко ридная, одъ свого сына, що степъ выпестувавъ тоби на радисть та на пидмогу». Та се кажучы, розкрывъ жупанъ, а золоти груды неначе сонце заблыщалы. «Сыну мiй мылый, сыну мiй любый!—скрыкнула маты:—якый же ты хорошый-прехорошый! И хто жъ тебе надилывъ конемъ, бронею и сымы дывамы, що ведешъ»?—«Сымы дывамы,—одказуе царевычъ,—надилывъ мене нареченый мiй батько, степъ. Зъ нымы ни въ кого не будемо хлиба просыть, а ще увесь свитъ нагодуемъ. Теперечкы, каже, моя матинко, буде кому тебе доглядить и заспокоить». Се кажучы, посадывъ iи на коня и помчавъ. Надъ вечиръ уже, якъ зовсимъ посутенило, дойихалы воны до шырокои ричкы и заночувалы. На другый день прокынулысь, дывлятся,—по той бикъ ричкы высоки-превысоки горы и скели вкрыти лисомъ. Перевизъ царевычъ на той бикъ матиръ, обравъ мисце та й збудувавъ велыкый та гарный будынокъ и вкрывъ ёго голубынымы крыламы. Тымъ часомъ, покы винъ будувався, кабанъ наоравъ зубомъ, насiявъ ухомъ и заскородывъ хвостомъ. Якъ уродывъ Богъ пшеныцю, царевычъ выпустывъ у царыну печеного бугая. Де винъ пройде, тамъ пшеныця сама у копы складается, и молотыться, и вiется, и въ закромы засыпается. Жыве менша сестра зъ царевычемъ у превелыкому багатстви; зъ далекыхъ краивъ йидуть до ныхъ купци купувать пшеныцю; а прыйидуть бидни, такъ даромъ ихъ надилять.

Разъ йидуть по-биля двору купци зъ крамомъ. Дывлятся, ажъ гарный будынокъ стоить на гори, вкрытый голубынымы крыламы, а въ саду пасется печеный бугай та кабанъ, що зубомъ оре, ухомъ сiе, хвостомъ загрибае. Дуже воны дывувалысь,

дывлячысь на ти дыва, а дали пиплы, поклонылысь хазяинамъ. Царыця и царевычъ ласкаво ихъ прынялы и сталы ихъ запрошувать, куды воны йидуть. Отъ воны имъ кажуть: «веземо мы крамъ велыкому цареви, що оженывся бувъ на меншій сестри та й прогнавъ іи зъ свого царства за те, що вона, замисть дванадцять сынивъ, прывела ёму дванадцять кошенятъ, а теперечкы кажуть, той царь оженывся на старшій сестри, такъ вона ёму однымъ окрайчыкомъ усе військо годуе». Почувшы се, царевычъ ставъ у матери просыться, щобъ вона пустыла ёго зъ купцямы побачытысь зъ батькомъ.

«Йидь,—каже ему маты,—та никому не кажы, що ты царевычъ; а то якъ старша моя сестра довидается, то вона тебе зъ свита зжене».

Перерядывся царевычъ у просту одежыну, сивъ на коня свого та й пойихавъ зъ купцямы до батька. Прыйихалы купци до царя, сталы ёму розсказуваты, яки имъ довелось дыва бачыть, про печеного бугая и про кабана, и въ якому гарному будынку жыве маты зъ сыномъ.

Якъ почула про це старша сестра, заразъ догадалась, що се мабуть іи менша сестра зъ царевычемъ жывуть у тимъ будынку, тай стала намовлять царя, щобъ винъ зибравъ свое військо та однявъ печеного бугая и кабана. Царь не хотивъ бувъ іи послухать, а вона якъ прысикалась до ёго: иды, тай иды... (а вона орудовала царемъ, якъ сама хотила)—такъ царь и звеливъ зъ усёго царства зибрать військо, а купцивъ зоставыть у себе, щобъ було кому провесты.

Якъ почувъ царевичъ, що батько збирается на пыхъ войною, пойихавъ до степу, свого нареченого батька, та й гукнувъ до ёго молодецькимъ покрыкомъ: «Степу мій пырокый, степу мій просторый, обороны мене и мою матинку одъ лютого ворога, старшои сестры, и не допусты намъ загынуть у сырицтви».

— Не бійтеся,—загувъ степъ,—не дійде те військо до васъ, тай назадъ не верпется: побиліе зелена трава не снигомъ, а кисткамы.

Якъ зибралось військо, самъ царь ёго повивъ и царыцю, старшу сестру, зъ собою узявъ. Покы йшлы своимъ царствомъ, у всёму бувъ достатокъ, а якъ увійшлы у степъ, такъ зробылась превелыка засуха; порепалась земля, нема ни паши, ни водопою; витеръ гуде, зъ нигъ валыть чоловика, пискомъ очи засыпае. На людей напавъ голодъ, хороба, и все військо цареве згынуло и вкрыло поле билымы кисткамы. Тилькы й вернувся царь изъ царыцею, старшою сестрою, та зъ нымы скилько прыслужныкивъ.

Розсердывся царь та й ставъ лаять старшу сестру: «Се, каже, мене Богъ покаравъ за те, що давъ мени велыке царство, а я хотивъ ще й чуже загарбать».

А старша сестра ёму и одказуе: «на те тоби Богъ давъ велыке царство, щобъ ты робывъ, що знаешъ. Згынуло одно військо, наберы друге; не дійшлы степамы, доплывемо ричкамы, морямы, а все такы буде по твоёму».

Довго старша сестра уговорювала и скребла моркву, ажъ покы царь не згодывся, та набравъ знювъ військо, та налагодывши байдакы и човны, и поплывъ ричкамы добувать печеного бугая та кабана.

Якъ довидалась менша сестра, що царь плыве до ныхъ зъ військомъ, и говоре царевычу: «Сыну мій мылый, сыну мій любый, йидь до моря глыбокого, нехай воно мени верне моихъ сынивъ любыхъ, щобъ було кому оборонить нещаслыву матиръ. Возьмы, каже, оце намысто—матчыны слёзы, та якъ выплывешъ на середыну моря, кынь ихъ у воду, то воны тебе и почуютъ».

Дойихавъ царевычъ до моря, злизъ зъ коня и пустывъ ёго пастысь, а самъ зробывъ соби човенъ, та й поплывъ. Доплывшы до середыны, вынявъ зъ кышени намысто и кынувъ у море. Якъ кынувъ, такъ море и заграло: покотылась хвыля за хвылею и передъ царевычемъ вырнула кытъ-рыба, а на тій кытъ-рыби стоять одынадцять бративъ до пояса въ золоти, а одъ пояса въ серебри.

— Хто се до насъ озывается? пытають.

— Матчыны слёзы,—одказуе царевычъ.

— А ты хто такый?—пытають.

— Я ридный вашъ братъ,—каже царевычъ,—матуся васъ зове до себе: оборонить ии одъ лютого ворога—старшои сестры. Сидайте у човенъ та поспишайте, бо вже цареве вiйсько недалеко.

Посидалы браты у човенъ та й озвалысь до моря: «Море шыроке, море глыбоке, спасыби тоби, що стало намъ сыротамъ за батька ридного и за матиръ ридную».

Пиднялась высока хвыля, неначе искрамы розсыпалась передъ братамы, тай выкынула имъ изъ кыть-рыбы перо. Узялы те перо браты та й поплылы до берега. Прыставшы, якъ повыходылы зъ човна, старшый братъ тилькы свыснувъ до свого коня, такъ винъ и ставъ передъ нымъ, якъ укопанный. Высмыкнувъ старшый братъ зъ грывы одынадцять волосынъ та й пустывъ за витромъ. Якъ пустывъ, такъ зъ тыхъ волосынъ и стало одынадцять коней такыхъ же, якъ и у старшого брата. Посидалы браты, та й помчалы до матери. Стрила маты своихъ сынивъ на порози, а воны поклонылысь ій до земли та й кажуть: «Матинко наша ридна, породыла есы насъ въ золоти—въ серебри, а доли соби зъ намы не добула».

А маты одказуе: «Сыны мои мыли, сыны мои люби, матчына доля витала (sic) зъ ии диткамы; теперечкы, якъ вы вернулысь до мене, то й долю мою зъ собою прынеслы. Теперенькы буде кому мене обороныть, заспокоить и на старости литъ втишыть.

Повела маты своихъ сынивъ у садочокъ, щобъ показать свое хазяйство. Тилькы що выйшлы зъ будынку, ажъ бачать—плыве вiйсько, такъ байдакамы та човнамы и вкрыло ричку; а попереду въ золотому корабли плыве самъ царь изъ царыцею—старшою сестрою. Якъ стало зблыжатыся те вiйсько, маты и каже своимъ сынамъ: «диточкы мои мыли, диточкы мои люби, йидьте до царя, вашого батька, та й зазывайте ёго до мене обидаты, а щобъ вiйсько зъ старшою сестрою за тысячу гонивъ звидсы одиславъ. Та глядить, каже, якъ будете запрошувать царя, то не кажить ёму, що винъ вашъ батько, а вы ёго диты».

Посидалы браты у човенъ и поплылы на зустричъ вiйську. Якъ поривнялысь зъ царевымъ кораблемъ, тай гукнулы на лоц-

манивъ, щобъ вызвалы до ныхъ царя. Выйшовъ до бративъ царь тай пытае: «а чого вамъ одъ мене треба?» А браты и кажуть: «ненька наша запрошуе тебе до себе обидать, а щобъ свое військо зъ царыцею одиславъ звидсы за тысячу гонивъ.—

Царь дывится на бративъ и дума соби: «яка то щаслыва маты, що мае такыхъ сынивъ! Хочъ бы мени Богъ одного такого послався». А старша сестра пизнала, шо се ёго сыны, та й каже ёму тыхенько: «запрошуй бративъ у свій корабель у гости». Запросывъ ихъ царь у свій корабль, не надывыться на ныхъ, такы воны ёму мыли, та люби: серце батьковське висть ёму подало. Частуе-угощае царь бративъ, а старша сестра ёму на вухо шопотыть: «Побый бративъ, а не побьешъ, то воны вылущать усе твое військо». Царь и слухаты ій не хоче, а вона сикается до царя та на вухо ёму турчыть: «Побый, кажу тоби, а якъ не побъешъ, то я й війська твого не стану годуваты, а моя сестра не буде ёго зодягаты, то воно безъ хлиба и одежи пропаде».

Замыслывся царь; думавъ-думавъ та й каже: «ну, робы зъ братамы, що сама знаешъ, а я рукы своеи на ныхъ не пидійму».

Такъ ото покы браты бавылысь изъ царемъ, старша сестра извелила, щобъ у ихъ човни пробыть дирку тай заткнуть чопомъ, а до того чопа прывьязать пидъ човномъ мотузокъ.

Подякувалы браты царя за хлибъ-силь, та й посидалы у човенъ. Тилькы що одплылы гонивъ здвое, а старша сестра смыкъ за верёвку. Чопъ якъ видиткнувся, вода и забулькотила у човенъ, такъ ёго и потягло на дно. Не дуже злякалысь браты, бо выросльі у мори. Вхопылы старшого брата зъ човна, тай поплылы. Бачыть старша сестра, що ничого не вдіяла, гукнула до війська: «стриляйте зъ лукивъ; якъ ихъ не повбываете, то сами пропадете».

Посыпалысь на бративъ стрилы, неначе хмарою ихъ вкрылы. Однакъ и сёго не злякалысь браты,—пирнулы, та и вырнулы ажъ на тимъ боци, биля матчыного будынку. Тилькы що розсказалы браты, якъ старша сестра хотила ихъ потопыть, колы дывляться, пидплывае цареве військо, вже изъ лукивъ стриляють; одъ тихъ стрилъ и сонце закрылось.

— Ну, теперечкы, каже маты, диточкы мои люби, диточкы мои мыли, рятуйте себе, рятуйте й мене; нехай вамъ Богъ помогае у правому дили; тилькы глядить, якъ стане погыбать царь, вашъ батько, то выратуйте ёго и прыведить до мене.

Почалы боронытыся браты. Старшый стриля зъ лука: якъ пужне у пьять пудъ стрилу, то неначе огнемъ палыть вийсько. А одынадцять бративъ шпурляють каминнямы пудъ у двадцять: якъ торохне по байдаку, то такъ винъ зъ людьмы трисками и розсыплется.

Однакъ, якъ браты не боронылысь, чого не робылы, а вийсько уже блызыться, бо велыке було, та ще й самъ царь по переду веде. Браты бачать, що вже имъ самымъ не обороныться. Отъ воны ухопылы перо зъ кытъ-рыбы, що море имъ подарувало, якъ махнуть разъ и вдруге, такъ зъ моря и покотылась хвыля, одна велыка, а друга ще бильша; а тутъ ще якъ дмухне витеръ, такъ уси байдакы зъ вийськомъ порозносыло и поперевертало догоры ногамы. Дывлятся браты, и царивъ корабель похылыло на бикъ,—отъ-отъ хвыля переверне; такъ воны скорійшъ у воду, ухопылы той корабль и вынеслы на берегъ. Узялы браты царя и сестеръ, старшу и середню, и повелы до матери у будынокъ. Выйшла маты до царя зъ хлибомъ-силью назустричъ. Тилькы царь на неи споглянувъ, заразъ и пизнавъ.

— Видкиля, спытавъ, ты узялась? Чы ты тутъ хазяйка, чы въ паймахъ?

А царыця, менша сестра, ёму одказуе: «жыву сама соби у своему будынку зъ моимы сынамы, що народыла тоби, до пояса въ золоти а одъ пояса въ серебри».

— Ты жъ,—каже царь,—пысала до мене лысть, що прывела мени дванадцять кошенятъ, ще й дванадцять мышенятъ прыслала на гостынець.

— Ни,—одказуе менша сестра,—не я се тоби пысала, не я мышенятъ на гостынець посылала, а спытай, каже, у моихъ сестеръ, може воны знають, хто до тебе пысавъ и посылавъ.

Глянувъ царь на сестеръ, пытае; воны дрижать, неначе трясця ихъ трясе, устромылы очи въ землю и слова не промовлять.

— Э, якъ я бачу, каже царь, такъ вы се мени лыха наробылы: зъ моимъ любымъ подружжямъ и зъ моимы диткамы розлучылы мене; черезъ васъ загубывъ два мои війська. То нехай же буде катузи по заслузи.

Взявъ два кони, попрывьязувавъ сестеръ до конячыхъ хвостивъ косамы та й пустывъ у поле. Самъ остався жыть зъ сынамы и матирью; кабана и печеного бугая выпустывъ, такъ воны ёму стилькы хлиба наробылы, що зъ усёго ёго царства прыйиздылы и куповалы хлибъ.

Зъ той поры ёму сталы родычамы степъ и море, и царство ёго багатидо.

Приведенная здѣсь нами сказка: «Три Сестры» записана, какъ видно изъ имѣющейся у меня рукописи, около 15 лѣтъ тому назадъ, ученикомъ Ново-Екатеринославскаго 2-хъ класснаго училища Александромъ Кочергою со словъ дѣда. Ближайшихъ свѣдѣній о происхожденіи этого варіанта у меня не имѣется.

Сказка эта не новость въ малорусской этнографіи, но нашъ варіантъ, кромѣ несомнѣнныхъ повѣствовательныхъ достоинствъ, отличается своеобразными особенностями содержанія. Сказки, среди бродячей народной литературы, занимаютъ первое мѣсто по своей подвижности, распространенности и разнообразію варіантовъ. Если сравнить варіанты бродячихъ пѣсенъ, то окажется, что куплетная ихъ форма представляетъ серіозную защиту ея отъ порчи и искаженія. Заученные куплеты не такъ легко забываются и легче перенимаются, а потому большинство пѣсенъ представляютъ сравнительно небольшія уклоненія въ варіантахъ. Народъ довольно ревниво оберегаетъ пѣсню отъ искаженія и сознательно выразилъ это въ поговоркѣ: зъ писни слова не выкыдають.

Совсѣмъ не то мы видимъ въ сказкахъ. Свободная форма довольно сложнаго повѣствованія исключаетъ возможность дословнаго заучиванія и запоминанія пространнаго текста сказки. Изучается только и перенимается фабула и главнѣйшія характерныя черты разсказа, а затѣмъ текстъ варіантовъ вполнѣ зависитъ отъ

индивидуальныхъ способностей и таланта разсказчика. Записываніе полныхъ варіантовъ сказокъ, уже извѣстныхъ, если въ этихъ варіантахъ основной сюжетъ не измѣненъ, представляется для этнографіи безцѣльнымъ. Достаточно, вмѣсто изложенія полнаго текста, записать только содержаніе варіанта. Если мы и привели здѣсь полный текстъ варіанта, то къ этому насъ обязывали не только своеобразныя въ немъ отклоненія отъ сюжета извѣстныхъ уже варіантовъ, но и литературныя достоинства его, какъ памятника изустнаго народнаго творчества.

Основная фабула нашего варіанта состоитъ въ слѣдующемъ. Царь выбираетъ себѣ невѣсту изъ трехъ сестеръ. Старшая обѣщаетъ однимъ «окрайцемъ» хлѣба накормить все его войско: средняя—одной горстью пряжи одѣть это войско, а младшая обѣщаетъ родить двѣнадцать чудесныхъ сыновей до пояса золотыхъ, а отъ пояса серебряныхъ. Послѣднее обѣщаніе рѣшаетъ выборъ, но двѣ старшія, отвергнутыя сестры, путемъ обмана и интриги, склоняютъ царя къ изгнанію жены, неисполнившей, якобы, обѣщанія. Только случайно потомъ узнаетъ царь объ интригѣ, возвращаетъ царицѣ и ея чудеснымъ сыновьямъ подобающее имъ мѣсто, а виновныхъ сестеръ ея наказываетъ.

Изъ имѣющихся у меня подъ руками варіантовъ сказокъ съ этой фабулой, ближе всѣхъ къ нашей сказкѣ подходитъ записанная во II т. сборника Чубинскаго подъ № 9, озаглавленная: Несынськый, Жабынськый, Сухынськый и золотокудри сыны царыци (изъ Борисполя, Переяславскаго уѣзда). Въ ней сестры даютъ тѣ же обѣщанія и царь взялъ въ жены младшую, обѣщавшую родить ему двѣнадцать золотокудрыхъ сыновей. Она успѣла три раза уже родить чудесныхъ сыновей, но бабка каждый разъ подмѣняла ихъ то собачкой, то жабой, то сухимъ мальчикомъ, а ея сыновей бросала въ «кернычку». Потерявъ вѣру въ обѣщаніе жены, царь, по совѣту придворныхъ, велѣлъ забить ее съ мнимыми ея дѣтьми въ бочку и пустить на море. Дѣти эти выбили дно, бочка причалила къ острову, отъ котораго дѣти построили стекляный мостъ черезъ море. Чумаки разсказали объ этомъ чудѣ царю, но бабка, желая отвлечь его вниманіе, сообщила ему, что

возлѣ кернычки у нея есть чудесная яблонька съ золотыми яблоками. Прибѣжавшая отъ царицы съ чумаками собачка подслушала это, вырыла яблоньку и понесла къ царицѣ. Царь яблоньки не засталъ уже, а потомъ отъ чумаковъ узналъ, что яблонька эта на островѣ. Баба опять сказала, что у нея есть чудесный кабанъ, который клыкомъ пашетъ, ухомъ засѣваетъ, а хлѣбъ самъ собирается и молотится, но пока царь успѣлъ пойти посмотрѣть его, собачка и Сухынськый увели кабана къ царицѣ. Чумаки опять сообщили царю, что кабанъ этотъ на островѣ, тогда баба заявила, что у нея въ кернычкѣ есть три золотокудрыхъ мальчика. Собачка и Сухынськый, съ помощью жабы, успѣли добыть мальчиковъ изъ кернычкы и отвели ихъ къ матери. Узнавъ и объ этомъ отъ чумаковъ, царь приказалъ привязать бабу къ хвосту коня, а самъ отправился къ царицѣ.

Какъ видимъ, фабула этого варіанта тождественна съ фабулой нашей сказки. Тѣ же три сестры, тѣ же обѣщанія ихъ; точно такъ-же обманываютъ царя путемъ подмѣна чудесныхъ дѣтей; даже чудесный кабанъ въ обѣихъ сказкахъ тотъ же. Значительная, однако, разница въ подробностяхъ, указывающая на неполноту варіанта Чубинскаго. Въ немъ интригу ведетъ какая то баба, неизвѣстно почему озлобленная на царицу. Въ нашемъ варіантѣ активную роль въ интригѣ играютъ сестры царицы, а баба имъ только помогаетъ; борьба доведена ими до конца и царь караетъ не постороннюю бабу, а злыхъ сестеръ. Еще болѣе существенное отклоненіе замѣчается въ роли сыновей царицы. Въ варіантѣ Чубинскаго золотокудрыя дѣти царицы, укрытыя бабой въ колодцѣ, выступаютъ лишь при разобличеніи интриги и то пассивно, какъ доказательство правоты ихъ матери, а самое разоблаченіе и борьбу съ бабой ведутъ подброшенные ею собачка, жаба и сухенькій мальчикъ. Въ нашемъ же варіантѣ борьбу съ злыми сестрами ведутъ всѣ сыновья царицы и они предоставляютъ въ распоряженіе матери и чудесныя силы природы, степи и моря.

Родственныя черты находимъ еще въ сказкахъ; «Царевычъ—на потылыци звизда, а на лоби мисяць» (Чубинскій II, 71), но

основная фабула здѣсь сильно искажена, очевидно, подъ вліяніемъ какой то другой сказки изъ обширнаго цикла семейныхъ сказокъ. Здѣсь, въ началѣ, выступаетъ на первый планъ вражда, возникшая между молодой женщиной и сестрой ея мужа, дѣвушкой. Обѣ онѣ не могутъ ужиться въ хатѣ и замужняя рѣшается избавиться отъ золовки. Съ этой цѣлью она убиваетъ собственнаго ребенка и взводитъ обвиненіе въ убійствѣ на невинную сестру мужа. Послѣднюю признаютъ виновной, отрубаютъ ей обѣ руки и нагую пускаютъ по міру. Въ одномъ саду, куда она забрела, увидѣлъ ее царевичъ и, плѣненный ея красотой, беретъ ее въ жены, при чемъ она обѣщала родить ему сына со звѣздой на затылкѣ и мѣсяцемъ на лбу. Послѣ свадьбы, царица родила обѣщаннаго чудеснаго сына въ отсутствіи мужа, которому враждебные ей придворные ложно сообщили, что царица обманула его, и царь послалъ приказаніе прогнать ее. Только впослѣдствіи царь случайно увидѣлъ своего сына со звѣздой и мѣсяцемъ, вернулъ къ себѣ жену, а виновныхъ велѣлъ разстрѣлять. Изъ приведеннаго содержанія ясно, что сказка эта состоитъ изъ фрагментовъ двухъ самостоятельныхъ сказокъ и только вторая часть ея составляетъ искаженный варіантъ нашей сказки.

Какъ на болѣе близкіе къ нашей сказкѣ можемъ указать еще на варіантъ въ сборникѣ И. Рудченка «Богатырь зъ бочкы» (Народныя Ю.-Р. сказки II, 89) и на варіантъ бѣлорусскій въ сборникѣ Афанасьева «По колѣни ноги въ золотѣ, по локоть руки въ серебрѣ» (III, 29).—Тамъ мы найдемъ болѣе значительныя уклоненія въ сферѣ чудеснаго. Появляются на сцену котъ-баюнъ, коверъ-самолетъ, чудесная мельница, змѣя, воспитывающая отнятыхъ у царицы сыновей, и т. д.

Въ сборникѣ литовскихъ сказокъ Яна Карловича имѣется еще одинъ варіантъ нашей сказки, записанный въ Лидскомъ уѣздѣ, Виленской губ. «О королевнѣ и ея дѣтяхъ съ серебрянными зубками и золотыми волосами» (Jan Karłowicz. Podania i bajki ludowe, zebrane na Litwie. Zbiór Wiad. do Antr. Krajowej. Kraków 1887 r. t. XI str. 256).—Содержаніе ея слѣдующее: Три королевны ходили по саду и говорили: старшая, что своимъ ве-

ретеномъ весь міръ одѣнетъ, другая, что маковкой весь міръ накормитъ, а младшая, что будетъ рожать дѣтей съ серебрянными зубками и золотыми волосами. Подслушалъ ихъ женихъ королевичъ и взялъ въ жены младшую. Родила она въ отсутствіе мужа три раза и каждый разъ бабка-вѣдьма подмѣняла дѣтей то кошкой, то собачкой, то ужомъ. Разгнѣванный царь заключилъ жену въ темницу и женился на дочери бабки-вѣдьмы Между тѣмъ, въ саду, надъ погребеннымъ тамъ бабой старшимъ сынкомъ царицы, выросъ яворъ, сіявшій на весь садъ. Вторая жена царя, зная о происхожденіи явора, уговорила царя срѣзать яворъ и сдѣлать изъ него кровать, но когда и кровать освѣтила весь дворецъ, велѣла ее сжечь. Овца полизала золу съ этой кровати и родила ягненка съ серебряными зубками и золотой шерстью. Узнавъ объ этомъ, царица—дочь вѣдьмы велѣла его зарѣзать. Сорока подняла щепку, на которую упала капля крови ягненка, понесла ее къ темницѣ царицы и бросила ей въ окошечко. Царица перебросила щепку черезъ одно плечо—показалась половина ея сынка: перебросила черезъ другое—сталъ весь ея сынокъ. Она его одѣла и послала къ царю, который, узнавъ отъ сына правду, велѣлъ вторую жену—дочь вѣдьмы растерзать желѣзными боронами. Разсказанныя въ этой сказкѣ превращенія (яворъ, кровать, зола, ягненокъ, щепка) совершенно аналогичны съ превращеніями въ бѣлорусскомъ варіантѣ Афанасьева.

Болѣе варіантовъ этой сказки я не знаю, а указанныхъ весьма недостаточно для какихъ либо выводовъ, какъ о ея происхожденіи, такъ и о несомнѣнномъ ея миѳологическомъ значеніи. Детальная обстановка фабулы во всѣхъ варіантахъ столь различна, столь пріурочена къ мѣстностямъ, въ которыхъ они записаны, что не можетъ дать рѣшительно никакихъ указаній на происхожденіе сказки. Въ приведенномъ, напр., литовскомъ варіантѣ мы видимъ дворецъ, при немъ садъ, темницу, ужа, яворъ; въ нашемъ же описывается въ полной и весьма яркой картинѣ южная наша природа: широкая степь, море, вѣтеръ, судоходная рѣка. Усвоенная народомъ фабула во всѣхъ варіантахъ пріобрѣла совершенно мѣстный колоритъ и, утративъ всѣ почти свои индивидуальныя черты, стала для всякой мѣстности своей народной сказкой.

Единственный варіантъ Чубинскаго: Песынськый, Жабынськый, Сухынськый (II 40) представляетъ небольшія подробности, указывающія на не мѣстное происхожденіе сказки.

Въ этомъ варіантѣ баба говоритъ царю: «десь да подесь, да така яблонька есть—срибне яблочко, золоте яблочко; якъ ударытця яблочко объ яблочко, да такъ якъ у *органы* грае» (43). Пріемный сынокъ царицы—собачка вырылъ съ корнями яблоньку, принесъ ее черезъ море домой и посадилъ около окна. *Органъ* въ бориспольскомъ варіантѣ прямо указываетъ на его западное происхожденіе, а образъ чудесной яблоньки, которую похищаетъ сынокъ царицы, не малорусскій и несомнѣнно заимствованъ.

Яблоня въ малорусской поэзіи, особенно въ древнѣйшихъ произведеніяхъ, встрѣчается весьма рѣдко. За то у балканскихъ славянъ чудесная яблоня съ золотыми яблоками представляетъ излюбленный образъ въ обрядныхъ пѣсняхъ—величальныхъ и свадебныхъ.

Въ величальной болгарской пѣснѣ жена разсказываетъ мужу свой сонъ, который ей снился въ воскресеніе утромъ:

Изникнала яболшница
Стреде дворѣ песочина,
Стребен корен, злати гранки,
Завързала пет яболка,
Пет яболка позлакени.

Мужъ объясняетъ женѣ значеніе сна тѣмъ, что яблоня—это она сама, а яблоки—ихъ дѣти.

Въ сербскихъ величальныхъ пѣсняхъ болѣе распространенъ образъ золотой яблони, на вершинѣ которой свилъ гнѣздо соколъ, а подъ корнями поселилась змѣя и хочетъ сжечь яблоню и похитить соколятъ. Соколъ, однако, успѣлъ вырастить своихъ птенцовъ, они уже улетѣли въ славный путь и должны скоро принести хорошія вѣсти (тому, кого величаютъ). Образъ этотъ варьируется различно и чаще всего встрѣчается лишь указаніе на то, что на вершинѣ покрытой золотыми плодами яблони сидитъ соколъ, глядитъ вдаль и видитъ какое-нибудь славное дѣло вели-

чаемаго лица. Въ этомъ видѣ перешелъ этотъ образъ и въ малорусскія коляды, но чудесная яблоня въ нихъ уже исчезла, а соколъ сидитъ то на соснѣ, то на березѣ:

Ой въ лиску, въ лиску,
На жовтимъ писку,
Стояла сосна, тонка высока,
Сриблом̀ обросла, лыстомъ шырокымъ.
А на тій сосни сывъ сокилъ седыть,
Сывъ сокилъ седыть, далеко выдыть,
Далеко выдыть, на сыне море:
На сынимъ мори корабель плыве...
(Чубинскій III, 298, 473).

Отъ золотой чудесной яблони осталось лишь указаніе, что сосна *сриблом̀ обросла* (хотя стволъ ея красный) и *широкимъ листомъ* (а сосна листьевъ не имѣетъ).

Болѣе близкое отношеніе къ нашей сказкѣ имѣетъ распространенный въ болгарскихъ и сербскихъ пѣсняхъ третій образъ чудесной яблони. Дѣвица стережетъ золотыя яблока на деревѣ и никому изъ близкихъ (отцу, матери, брату и т. д.) не хочетъ снять яблока, а снимаетъ лишь для милаго. Пѣсня эта имѣется и у малоросовъ и въ ней только одной сохранился образъ чудесной яблони:

Ой въ лиску, въ лиску, на жовтимъ писку,
Росла яблунька, тонка высока,
Тонка высока, лыстомъ шырока.
Зродыла вона золото ябка;
Стерегла ябка гречная панна.
Прыходыть до ней батенько еи:
Ой здіймы, доню, золоти ябка.
Бигъ-ме не здійму, мылому держу...
(Чубинскій III, 311).

Въ болгарскихъ свадебныхъ пѣсняхъ образъ этотъ развитъ далеко полнѣе. Чудесная яблоня растетъ во дворѣ невѣсты, иногда

за чернымъ моремъ; его бережетъ змѣя и женихъ не рѣшается добыть ее. На помощь ему является богатырь—мальчикъ, 12-ти, а то и 7-ми лѣтъ, переплываетъ на конѣ море, побѣждаетъ змѣя, съ корнями вырываетъ чудесную яблоню съ тремя золотыми яблоками и приноситъ ее жениху. Это весьма древній и очень распространенный образъ. Онъ напоминаетъ, съ одной стороны, былиннаго Добрыню (12 лѣтняго), побѣждающаго змѣя и добывающаго себѣ дѣвицу (Королевичну отъ синя моря), а съ другой—греческій миоъ о Гераклѣ, яблокахъ, охраняемыхъ гесперидами при помощи гидры. Въ нѣкоторыхъ болгарскихъ пѣсняхъ образъ этотъ съуживается: такъ, напримѣръ, дѣвица обѣщаетъ любовь тому изъ юнаковъ, который исполнитъ слѣдующее ея желаніе: пусть надѣнетъ панцырь и латы.

Да препливет преку църно море,
Да излезит на край, на краище,
Тамо имат злата яболшница,
Да си скинат три злати яболка...

И въ нашей сказкѣ у злой бабы чудесная яблонька съ серебряными и золотыми яблоками; добываетъ ее съ корнями сынокъ царицы-собачка, уноситъ ее домой, за море, черезъ стеклянный мостъ и сажаетъ у окна царицы. Родство этого мотива съ болгарскими пѣснями несомнѣнно [1]). Необычность въ малорусскомъ народномъ творчествѣ образа добыванія малолѣткомъ чудесной яблони устраняетъ предположеніе, что онъ попалъ въ нашу сказку случайно, какъ амплета, вставленная разсказчикомъ изъ другой сказки или пѣсни. Правдоподобнѣе допустить, что онъ занесенъ въ Малоросію вмѣстѣ со сказкой издалека.

Кромѣ *органа* и чудесной яблони, въ томъ-же варіантѣ Чубинскаго имѣется еще одно вѣсское указаніе на иноземное про-

---

[1]) О чудесной яблонѣ въ сербскихъ и болгарскихъ пѣсняхъ см. *А. Потебня.* Объясненія II 229, 255, 257, 312, 362, 363, 484, 485, 476.

исхожденіе сказки. Когда царевичъ явился къ отцу трехъ сестеръ, сватаясь за младшую, говорившую, что родитъ чудесныхъ сыновей, послѣдняя оказалась на печкѣ, и отецъ зоветъ ее такъ: «устань, лышень, *Маргарыдо*» (sic. Чубин. II, 41). Это характерное имя, совершенно неизвѣстное въ такой формѣ у славянъ, должно служить основательнымъ поводомъ къ розыскамъ нашей сказки по этнографическимъ сборникамъ западно-европейскимъ.

Ц. Г. Нейманъ.

Кобзарь Михайло Кравченко и его думы.

Когда заходитъ рѣчь о современныхъ намъ кобзаряхъ, еще поющихъ, между прочимъ, и историческія думы, то часто приходится слышать мнѣніе, что новыя условія жизни, несущія съ собой нивеллировку чертъ народнаго быта, стерли уже съ лица земли настоящихъ украинскихъ бардовъ; что если они и существуютъ кое-гдѣ, то это уже не люди почвы, не пышные цвѣты ея, а тощіе, изсыхающіе ростки, приспособившіеся кое-какъ, чтобы дотянуть свой никому ненужный вѣкъ и умереть уже навсегда; что современная почва не можетъ дать тѣхъ живительныхъ соковъ, какіе необходимы для поэтическаго творчества отходящихъ въ область преданія бардовъ; что на современной почвѣ только и могутъ кое-какъ держаться люди, приспособившіеся къ новымъ запросамъ и вкусамъ солдатско-фабричнаго репертуара.

Мнѣніе это однако справедливо лишь отчасти; оно, такъ сказать, констатируетъ лишь фактъ, не входя въ разборъ и оцѣнку причинъ его, не пытаясь показать, какъ-же бороться противъ нежелательнаго явленія, разъ мы этимъ явленіемъ возмущаемся. О полномъ исчезновеніи народныхъ пѣвцовъ я читаю уже со времени открытія «послѣдняго кобзаря»—Остапа Вересая, т. е., тридцать лѣтъ подъ рядъ. Такъ въ 1873 году извѣстный дѣятель-статистикъ А. А. Русовъ въ своемъ рефератѣ «Остапъ Вересай, одинъ изъ послѣднихъ кобзарей малорусскихъ» между прочимъ писалъ: «Дѣйствительный членъ Императорскаго Географическаго

Общества П. П. Чубинскій, изъѣздивъ по порученію Общества всѣ малорусскія земли по правой сторонѣ Днѣпра и всѣ мѣстности Черниговской губерніи по сю сторону Десны, не нашелъ уже никого, кромѣ Остапа Вересая» и далѣе:—«Ост. Вересай, по всѣмъ вѣроятіямъ, есть послѣдній представитель кобзарей или бандуристовъ, умѣющихъ играть на кобзѣ и знающихъ старыя пѣсни и думы». А между тѣмъ, не смотря на такое категорическое утвержденіе, не проходило съ тѣхъ поръ ни одного лѣта, чтобы я не слышалъ гдѣ-либо въ Малороссіи и даже въ Новороссіи кобзаря, поющаго и историческія думы. Черезъ три года по напечатаніи упомянутаго реферата объ Ост. Вересаѣ, а именно въ 1876 году я видѣлъ и слушалъ въ городѣ Лохвицѣ перваго «велыкого кобзаря»,—такъ его называютъ полтавскіе кобзари и до сихъ поръ,—Ивана Крюковскаго (иначе «Крюкъ»). Человѣкъ этотъ пользовался необыкновеннымъ авторитетомъ у своихъ собратій,—во первыхъ, какъ человѣкъ, необыкновенно много знающій [1]), во вторыхъ, какъ «Панъ-майстеръ», т. е., президентъ довольно сложной, кобзарско-лирницкой организаціи, имѣвшей свои обычаи, законы, и даже языкъ, и въ третьихъ, какъ человѣкъ необыкновенно справедливый, рѣшавшій всѣ дѣла по чистой совѣсти и свято соблюдавшій всѣ обычаи и церемоніи своей корпораціи. Самая наружность кобзаря была весьма внушительна,—это былъ сухой, выше средняго роста старикъ, съ почти бѣлыми волосами, лежавшими у него на плечахъ, какъ у священника. Онъ очень дорожилъ своей шевелюрой, говоря что ему, какъ кобзарю и панумайстру, это приличествуетъ. Великихъ трудовъ и многихъ угощеній стоило моему товарищу П. Д. Мартиновичу, писавшему тогда портретъ-этюдъ пана-майстра уговорить его остричь свои волосы, думая этой мѣрой достигнуть еще большей типичности; правда, въ концѣ концовъ, хотя и съ величайшей неохотой, но кобзарь согласился на эту операцію; разумѣется, вышло Богъ знаетъ что:

[1]) На дняхъ я слышалъ отъ кобзаря Опанаса Баря, изъ с. Черевокъ что думъ всѣхъ 12 и что ихъ всѣ зналъ только «велыкый кобзарь Иванъ Крюкъ». Кстати: у меня сохранился фотографическій портретъ Крюковскаго, который при случаѣ и будетъ мною опубликованъ.

передъ нами былъ уже не типъ патріарха-барда, а обыкновенный дидъ съ «пидголеннымъ чубомъ», какихъ тогда было еще очень много. П. Д. Мартиновичъ записывалъ думы Крюковскаго цѣлую недѣлю, да иначе и быть не могло, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ какъ напр. «Самійла Кишку» старикъ отчасти забылъ. Съ утра до ночи продолжалось это записываніе и воспоминаніе; на столѣ стояла бутыль водки и дидъ Иванъ, выпивая чарку за чаркой, ходилъ по хатѣ, волнуясь и вспоминая забытое. Онъ то нервно перебиралъ на бандурѣ [1]), то теръ себѣ голову и жаловался на старѣющую память. Иногда, среди совершенно постороннихъ разговоровъ, онъ вдругъ вскрикивалъ—«Бачте, якъ воно! отъ и згадавъ—пышить, пышить же швыдче». Такимъ труднымъ путемъ работа П. Д. Мартиновича увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: онъ превосходно записалъ всѣ 12 думъ Крюковскаго, а между ними есть и неизвѣстная въ печати дума «про дида Мехійка» [2]). Остается высказать величайшее сожалѣніе о томъ, что это богатство и до сихъ поръ еще П. Д. Мартиновичемъ не напечатано. Правда, черезъ пять лѣтъ послѣ этого событія, извѣстный любитель украинской старины В. П. Горленко былъ у Крюковскаго и записалъ его думы, которыя и напечаталъ въ «Кіевской Стар.»; однако, ко времени посѣщенія г. Горленкомъ старика Крюковскаго, память послѣдняго еще болѣе ослабѣла и онъ могъ продиктовать только 9 думъ, да и то нѣкоторыя съ пропусками, а о «Самійлѣ Кишкѣ» лишь небольшіе отрывки. Послѣ Крюковскаго изъ болѣе значительныхъ кобзарей, пользовавшихся славой «знаючыхъ», я помню «Трихона зъ Бубнивъ» (роменскаго уѣзда). Съ 1887 по 1894 г. я каждое лѣто проживалъ въ южной Черниговщинѣ, гдѣ за это время видѣлъ не мало кобзарей, которые иногда пѣли и думы; къ сожалѣнію, я тогда не записывалъ ихъ и потому не помню, были ли интересные варіанты. Прославившійся кобзарь Павло Братыця также былъ мною прослу-

---

[1]) Бандура у него была на 28 струнъ, тогда какъ у Вересая имѣла лишь 12.

[2]) Сатирическаго содержанія.

шанъ; онъ зналъ 10 думъ, но его «поспысовалы» гораздо ранѣе нашей встрѣчи. Далѣе слышалъ я тогда какъ о самомъ знаменитомъ кобзарѣ на всю Черниговщину о Савостіѣ Килишко изъ Березнаго—«той и грае дуже добре, и зна багато козацькыхъ, отъ про Ганджу Андебера то-що. Э, надъ Кылишка нема й на всю Расѣю»!—говорилъ мнѣ плохенькій кобзарикъ,—«куды тому Братыци до Кылишка»... Отмѣчены у меня еще: кобзарь Петро Мудракъ изъ села Петровки, близъ Седнева («той спива про козакивъ»), Скачокъ Марко и Мыкыта, оба изъ Андреевки черниговскаго уѣзда, два кобзаря въ Лосиновкѣ, близъ Нѣжина, а также три мастера, которые хорошо дѣлаютъ кобзы: 1-й Самійло Грыгоровычъ изъ села Щербиновки, 2 и 3-й изъ Довжики—Василь Плахута и братъ его Антонъ Плахута. Кобзарей, не знающихъ думъ, я даже не отмѣчалъ въ своей записной книжкѣ; я просто фотографировалъ ихъ, если они были живописны. Послѣ черниговскихъ кобзарей я теперь наблюдаю полтавскихъ и за двухлѣтнее пребываніе въ г. Миргородѣ я встрѣтилъ ихъ 4 души, а собралъ свѣдѣнія о 14 кобзаряхъ, изъ которыхъ почти всѣ живутъ въ округѣ Миргорода. Вотъ они: Михайло Кравченко изъ Б.-Сорочинецъ, Иванъ Кнюхъ, Петро Лаврыкъ 30 лѣтъ («знае казацьки»), Олексій Соляненко 50 лѣтъ, Иванъ Сироштанъ 40 лѣтъ,—всѣ четыре живутъ въ Хомутцѣ; Петро Степовиденко и Остапъ Барь—оба живутъ въ с. Черевкахъ, Барь поетъ только «про вдову» и остальныя думы знаетъ лишь въ обрывкахъ; Иванъ Чорнуцькый, Давыдъ Марковськый и Семенъ Марковськый—всѣ трое живутъ въ Комышнѣ; Юхымъ Марченко зъ Попивки—«сей продавъ уже свою кобзу Петру Лаврыку у Хомутець»; Самійло Харытоновычъ Яшный, глубокій старикъ, живетъ въ Миргородѣ, учитель Михайла Кравченка, о которомъ рѣчь впереди; Василь Парасо́чка родомъ изъ Константинограда, хорошо играетъ; Петро у Мелюшкахъ хорольскаго уѣзда. Изъ мастеровъ, дѣлающихъ кобзы, славится Андрей Далченко (Кумедійщыкъ) въ Большихъ Сорочинцахъ: «сей и скрыпкы робыть хороше, а що вже кобзы, то й пидъ лакъ скрывае,—такъ хиба карбованцивъ чотыри, або й пъять выйнять треба». Изъ лирниковъ извѣстны

мнѣ 10 слѣдующихъ: Сильвестръ зъ Ерёкъ, Грыцько Говтва изъ с. Коваливъ, Зѣньковскаго у., Юхымъ Бутовськый, родомъ изъ Кременчугскаго уѣзда,—«а самъ купецького званія—знае уси слипецьки законы»; Мына изъ Краснаго Кута, богодуховскаго у., Хведиръ Губенко, въ Почащяхъ, красивый старикъ, знаетъ думы; Оксентій Вереміенко въ Петривцяхъ—«знае козацьки»; Антонъ Скоба изъ м. Богачки, знаетъ думы (я записалъ отъ него 2 превосходныхъ варіанта «про Озовськыхъ бративъ» и «Удову»); Семенъ Скорыкъ изъ Константиноградскаго уѣзда, Юхымъ Максымовычъ изъ Бутовщыны, 55 лѣтъ,—«знае 120 псалёмъ и козацьки писни—отъ про Коновченка то-що»; Максымъ Захаровычъ изъ Решетиловки—«знае козацьки, а межъ нымы й про «Дивку-бранку» (дума, еще неизвѣстная въ печати). Кромѣ лирниковъ, мнѣ извѣстны еще три пѣвца думъ: Остапъ Ка́лный изъ м. Большихъ Сорочинецъ, поетъ очень хорошо и прекрасные варіанты—«О трехъ братьяхъ Озовськыхъ» и думу «Про вдову и сынивъ»; Платонъ Кравченко изъ села Шахворостовки, близъ Миргорода, и наконецъ Палажка Павливська, зѣньковскаго у., знаетъ думы и между ними «Про Дивку-бранку». Съ глубочайшимъ сожалѣніемъ я недавно узналъ, что умеръ великолѣпный кобзарь Хведиръ Холодный, старикъ лѣтъ 70. Всѣ слышавшіе и знавшіе его кобзари, лирники и частныя лица говорятъ, что по экспрессіи пѣнія и по изяществу игры нѣтъ ему никого равнаго; это былъ истинный артистъ и глубоко несчастный человѣкъ, не имѣвшій никакого пристанища, проводившій ночи то подъ тыномъ, то гдѣ-либо въ хлѣву или просто въ канавѣ и бурьянѣ. Никакая погода не могла загнать его къ людямъ, которыхъ онъ не любилъ, и онъ предпочиталъ дрожать и мерзнуть на холодѣ, мокнуть подъ дождемъ, лишь бы не обращаться ни къ кому за помощью,—потому его и прозвали «Холодный». Пѣлъ онъ лишь тогда, когда рѣшительно все пропивалъ въ шинкѣ, оставаясь даже безъ сорочки, въ одной лишь дырявой свиткѣ. На дняхъ бывшій у меня кобзарь Опанасъ Барь, давнишній мой знакомый, съ которымъ я впервые встрѣтился еще у Крюковскаго въ 1876 году, описывая мнѣ жизнь скитальца Холодного, говорилъ объ его игрѣ, что ничего подоб-

наго онъ во всю свою жизнь не слышалъ—«було якъ сяде, якъ зашкряба, якъ затужыть, той самъ плаче, и вси за нымъ, а мидякы то якъ той горохъ у коновочку тилькы тр... тр... тр...». Никто не могъ умягчить этого загадочнаго сердца,—всѣ заботы о себѣ сочувствующихъ или жалѣющихъ его людей, онъ встрѣчалъ крайне холодно и не цѣнилъ нисколько; иногда «люде, або й паны» одѣвали его, предлагали пріютъ и тепло, но выдерживать такую жизнь онъ могъ только день-два, а далѣе опять пропивалъ всю одежду, бросалъ теплый уголъ и уходилъ въ свои канавы и бурьяны. Вотъ съ кѣмъ надо было встрѣтиться М. Горькому и разсказать о глубоко несчастномъ скитальцѣ-художникѣ, такъ ужасно прожившемъ свою горемычную, долгую жизнь!.. Зналъ Холодный 7 думъ и множество псальмъ (70) и пѣсенъ. На мое сожалѣніе, что все это погибло, Барь утѣшилъ меня тѣмъ, что «одъ Хведора чысто усе поспысувавъ панъ Трушъ, сенецькый, у Засулью.—такъ уже й той панъ умеръ». Гдѣ теперь хранятся записи п. Труша и что съ ними—Богъ вѣдаетъ. Кажется, впрочемъ, что всѣ думы отъ Холодного записаны также и П. Д. Мартиновичемъ, но они, слѣдовательно, лежатъ вмѣстѣ съ неопубликованными записями отъ Крюковскаго и другихъ кобзарей, и не извѣстно, дождутся ли счастія увидѣть свѣтъ Божій, — этому драгоцѣнному для науки достоянію въ его настоящемъ состояніи грозятъ всѣ случайности, какъ пожаръ, воровство и просто утрата... Объ игрѣ Хведора Холоднаго говорятъ кобзари и подтверждаетъ О. Барь, что бывало пристанутъ къ Холодному, чтобы онъ принялъ пари сыграть любой козачекъ на бандурѣ босыми ногами и пари блистательно выигрывалось Холоднымъ: общій хохотъ и восторги слушателей были наградой диду Хведору за его искусство: нѣкоторые, впрочемъ, были убѣждены что игра ногами производится не безъ участія рукъ нечистаго, при помощи котораго только и можно выдѣлывать подобныя штуки.

Кромѣ перечисленныхъ кобзарей, мнѣ хочется остановиться на одномъ изъ нынѣ здравствующихъ—не старомъ еще, но во многихъ отношеніяхъ интересномъ кобзарѣ Михайлѣ Степановичѣ Кравченкѣ. Ему всего 43 года, онъ житель мѣстечка Большіе

Сорочинцы, гдѣ у него въ Преображенскомъ приходѣ есть своя небольшая хатка. Онъ недавно женился второй разъ; отъ первой же жены имѣетъ троихъ дѣтей: двѣ дѣвочки и сына; живетъ онъ въ одной хатѣ со своимъ братомъ и его женой, людьми, вслѣдствіе своихъ болѣзней, ни къ какому труду неспособными, такъ что у дядька Михайла большія заботы. Росту онъ средняго, сложенія плотнаго, голова его почти круглая, а въ темно-русыхъ волосахъ начинаетъ уже пробиваться сѣдина. Лицо его довольно симпатичное, съ добрымъ, ласковымъ выраженіемъ. Замѣчанія его мѣтки, сужденія трезвы и правильны, но о себѣ онъ говорить не любитъ; впрочемъ, мы знакомы всего лишь мѣсяцевъ пять и онъ, можетъ быть, просто еще «не оговтався». Такъ, вполнѣ понятное съ моей стороны любопытство—узнать, существуетъ-ли и теперь такая же кобзарско-лирницкая организація какая была за временъ Крюковскаго, и кто «панъ-майстеръ» въ этой организаціи,—онъ встрѣчалъ съ недовѣріемъ и умышленно переводилъ разговоръ на другія темы. Удалось мнѣ все-таки узнать, что «одклинне, столове и вызвилокъ» существуютъ и теперь; что же касается тайныхъ пѣсенъ, которыя поются только въ тѣсномъ кругу слѣпыхъ членовъ громады, какъ напр. пѣсня «про Жачку» [1]), (заклинаніе нечистаго), то дядько Мыхайло говоритъ—что это было когда то, а теперь нѣтъ, что ихъ такъ преслѣдуетъ полиція, что собираться, какъ прежде, и думать нечего; я убѣжденъ однако, что Мыхайло, какъ человѣкъ положительный, что называется, умѣетъ держать языкъ за зубами. Надѣюсь, впрочемъ, что впослѣдствіе мнѣ удастся побѣдить его недовѣрчивость и вызвать на откровенность, тѣмъ болѣе, что мнѣ сейчасъ удалось сдѣлать ему большую услугу—устроить его поѣздку на счетъ Императорскаго Географическаго Общества на кустарную выставку въ Петербургъ, гдѣ онъ будетъ, вѣроятно, пѣть свои думы, по примѣру

---

[1]) Пѣсня, заключающая въ себѣ 14 вопросовъ нечистаго и 14 отвѣтовъ Жачки (дьяка?); поется она всѣми, присутствующими и съ необыкновеннымъ подъемомъ духа; ее ни въ какомъ случаѣ нельзя оборвать, не окончивъ.

Вересая, и въ засѣданіяхъ Географическаго Общества. Учился Кравченко здѣсь же въ Миргородѣ у нынѣ еще здравствующаго хотя и глубокаго уже старика, Самійла Харитоповича Яшного, который за старостью лѣтъ и играть уже не способенъ. Репертуаръ Кравченка не малъ: онъ поетъ пять думъ, а именно: «Дивку-бранку»—думу, какъ уже упомянуто, еще неизвѣстную въ печати,—«Тры браты Озовськи», «Про Удову и трехъ сынивъ» и два «Невольныцькыхъ плача». «Дивку-бранку» онъ, къ величайшему сожалѣнію, знаетъ не всю, средину ея онъ забылъ, но утѣшаетъ меня тѣмъ, что ее помнитъ всю и поетъ иногда лирникъ Максимъ Захаровычъ рѣшетиловскій, съ которымъ онъ вмѣстѣ перенялъ ее отъ скитальца-кобзаря Холоднаго; кромѣ того, эту же думу Кравченко слышалъ отъ Палажкы Павливськои, которая пѣла ее не такъ давно въ Лютенькѣ.

«Думы малорусскія козацкаго періода забыты, почти окончили къ настоящей минутѣ свое существованіе; народъ, переставъ творить новыя пѣсни съ политическимъ оттѣнкомъ за неимѣніемъ содержанія, забылъ старыя, и если-бы изданія Цертелева, Максимовича, Мордовцева, Костомарова, Лукашевича и Кулиша не успѣли захватить ихъ во время, теперь уже всѣ попытки отыскать ихъ были бы напрасны» [1]).—Это утвержденіе, сдѣланное столь категорически въ извѣстномъ рефератѣ объ Остапѣ Вересаѣ еще въ 1873 г., оказывается, такимъ образомъ, совершенно невѣрнымъ. Читатель видитъ изъ предыдущаго, что напротивъ—не только слѣдовало дѣлать попытки искать старинныя думы, но надо было призывать къ этому и ободрять людей, интересующихся украинскимъ эпосомъ. Съ тѣхъ поръ, не только были найдены новые, прекрасные варіанты уже извѣстныхъ и раньше думъ, но и цѣлыя новыя думы. Сдѣлались извѣстными также и кобзари, какъ напр. Крюковскій, до котораго Вересаю, по отзывамъ знавшихъ ихъ обоихъ, было очень далеко. «Велыкый кобзарь» былъ на цѣлую голову выше Вересая и думъ онъ зналъ ровно

---

[1]) 1-й томъ записокъ, юго-зап. отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

вдвое больше противъ послѣдняго (Вересай—6, Крюковскій—12). Я отлично помню, какъ передо мной и П. Д. Мартиновичемъ возмущались тогда собравшіеся въ Лохвицѣ кобзари, услышавъ, что Вересая,—«Лабзу», какъ они презрительно его называли,—возили въ Петербургъ—и они были правы. Я глубоко убѣжденъ, что и теперь еще не исчерпана сокровищница народнаго историческаго творчества, что надо не «пытаться» лишь, а серьезно приняться за поиски уцѣлѣвшихъ еще обломковъ историческихъ пѣсенъ. Но возвратимся къ Кравченку. Дума «Про удову и трехъ сынивъ» представляетъ хорошій варіантъ и состоитъ изъ 190 стиховъ, тогда какъ у Крюковскаго она, по записи В. П. Горленка, имѣетъ лишь 60, а у Вересая 90. Дума «Про трехъ бративъ Озовськыхъ», или «Пихотынець» представляетъ прекраснѣйшій, своеобразный варіантъ, состоящій изъ 243 стиховъ, тогда какъ напр. у Вересая она состоитъ изъ 182 стиховъ. Дума «Плачъ невольныцкый» и вторая того же названія не представляютъ ничего новаго и оригинальнаго въ сравненіи съ извѣстными уже варіантами и потому мы ихъ оставляемъ въ сторонѣ, «Псальмъ» Кравченко знаетъ 18 (Вересай зналъ 11); вотъ перечень ихъ:

1) До часнёго жывого чоловика. 2) Войшлы мои лита. 3) Родъ жыдивськый засмутывся (спивають тилькы у пистъ). 4) Идуть мои лита изъ усёго свита. 5) Блудящый сынъ. 6) Мыхаилъ. 7) Смотрысь какъ намъ смерты. 8) Мыколай. 9) Земля плачется до Бога. 10) Въ славнимъ гради у Ерусалыми (тилькы у пистъ спивають). 11) Царю Хрысте (тилькы у пистъ спивають). 12) Постелныкъ. 13) Лазуръ. 14) Про правду. 15) Ой горе горе на симъ свити жыты. 16) Седыть Господь на небесахъ. 17) Древо, древо пресвятое. 18) Сотворывъ Богъ небо и землю.

Пѣсенъ сатирическаго содержанія Кравченко знаетъ двѣнадцать (отъ Вересая записано 5) слѣдующихъ: 1) Дворянка 2) Чечитка. 3) Сусидка. 4) Сусидка (босячокъ). 5) Хома и Ярема 6) Якъ пойихавъ мій миленькый въ лисъ по дрова (Васылечкы). 7) По городу ходыла. 8) Кужелю мій кужелю. 9) Бида. 10) Кумъ зъ кумою залыцявся. 11) Невдашечка (швыдка) и 12—не разобрано въ помѣткѣ. За симъ идуть пѣсни разнообразнаго содержанія, напр.

«Кинь чуе, де Васыль ночуе». «А я свого мыленького и по шагу познаю». «У городи у Варшави тамъ дивчата хвабри-брави». «Не вдашечка—якъ оженывся» и т. д. Кромѣ пѣсенъ, Кравченко играетъ множество козачковъ, танцевъ и маршей. Манера пѣнія думъ у нашего бандуриста, какъ и вообще у кобзарей и лирниковъ Миргородскаго района, нѣсколько иная чѣмъ та, которую я слышалъ до сихъ поръ всюду, за исключеніемъ, впрочемъ, Черниговщины, гдѣ даже основной мотивъ думы мало похожъ на полтавскій. У Миргородскихъ кобзарей нѣтъ тѣхъ речитативовъ, которые такъ были характерны для Вересая, Крюковскаго, Трихона и многихъ другихъ, слышанныхъ мною кобзарей; нѣтъ того повышеннаго плача, которымъ такъ трогалъ мастеръ пѣть О. Вересай. Здѣсь мотивъ ровнѣе и нѣсколько однообразнѣе, хотя выразительность его отъ этихъ упрощеній не страдаетъ нисколько. Какъ въ каждой мѣстности поются свои излюбленныя думы, такъ и мотивы этихъ думъ [1]) и даже аккомпанементъ на кобзѣ непремѣнно разнится отъ другого района. Зависитъ это, разумѣется, отъ оригинальности, артистическаго чутья и познаній учителей, отъ которыхъ воспринимаютъ ученики этихъ мѣстностей. Плохой учитель—плохіе ученики и наоборотъ. «Зинькивська наука», собственно игра на кобзѣ, считается самой изящной, и трудной—тамошніе кобзари играютъ лѣвой рукой (сверху кобзы) по тѣмъ же струнамъ, что и внизу правая рука, чего наши Миргородскіе никогда не дѣлаютъ, за исключеніемъ игры думъ,—тогда кобза прикладывается почти плашмя къ груди и лѣвая рука ложится не на грифъ а на приструнки сверху кобзы. Замѣчательно, что почти всѣ здѣшніе кобзари и лирники поютъ думы нѣсколько отлично одинъ отъ другого; изъ всѣхъ ихъ мнѣ наиболѣе понравился Шахворостовскій пѣвецъ и Антонъ Скоба, лирникъ изъ

---

[1]) Около двухъ лѣтъ назадъ, я слышалъ кобзаря въ Таврической губ. близъ Бердянска; онъ пѣлъ «Озовськыхъ бративъ», которые спасались изъ турецкой неволи, на челнѣ «Озовськымъ моремъ утикалы», и мотивъ былъ съ речитативами и пр. Кобзарь оказался родомъ изъ Берестовой, Екатеринославской губерніи.

Малой Богачки: оба они поютъ такъ выразительно и хорошо, что многіе слушатели плачутъ. Что касается пѣнія М. Кравченка, то поетъ онъ тоже хорошо, хотя его пѣнію нѣсколько вредитъ неособенно чистый голосъ. Особенно любитъ онъ пѣть «Запорозьки псальмы», т. е. думы, а по современному просто—козацьки писни или еще проще—«невольницьки». На мой вопросъ, почему онъ въ свои «Запорозьки псальмы» вноситъ иногда новыя слова, обороты и даже цѣлые стихи, которыхъ раньше не пѣлъ, кобзарь наставительно отвѣтилъ: «Э, то вже всякый такъ, се жъ не писня. Якъ пидійде, знаете:—иноди й коротко, а иноди й довше буде... То вже всякый такъ: те забуде—друге выгада, або й одъ иншого згадуе що небудь. То вже у писни друге дило, а то жъ такы!»... Очевидно, при пѣніи думъ многое зависитъ отъ настроенія самого пѣвца и проникновенія имъ содержаніемъ думы. Я, впрочемъ, и ранѣе зналъ, что мѣста речитативовъ и высокіе возгласы—плачи не могутъ быть всѣ заранѣе обозначены—это дѣло того или другого настроенія пѣвца, и даже обстановки. О кобзарскомъ ремеслѣ Кравченко думаетъ, что оно падаетъ отъ разныхъ причинъ, но больше всего отъ невыносимыхъ преслѣдованій полиціи, которая народныхъ пѣвцовъ трактуетъ такъ же какъ разныхъ бродягъ, нищихъ, кочующихъ по ярмаркамъ и базарамъ обширной Украины. Крестьяне, зная подобное отношеніе къ кобзарямъ, тоже теряютъ прежнее уваженіе и интересъ къ преслѣдуемымъ артистамъ, а потому никто не хочетъ и учиться ремеслу кобзаря. Кравченко, напр., уже два года проситъ одного крестьянина въ Сорочинцахъ, чтобы тотъ отдалъ ему въ науку своего слѣпого и способнаго мальчика, но тотъ не соглашается говоря:—«Нехай лучче такъ хлиба просыть, якъ ёго будуть по полыціяхъ тягать та пидъ арешты сажать».—«Эхъ, що́ намъ усюды бувае видъ тыхъ городовыхъ, уряднykивъ, становыхъ то що!»—говорилъ мнѣ недавно Опанасъ Барь: «и струны тоби на бандури порве и бандуру грозыть поламать, а посперечайся—то й у бокы паштовха—не ходы та й годи!.—«Дежъ я, ваше благородые, того хлиба шматокъ визьму? аже мени до-дому ёго нихто не принесе».—«То й такъ, каже, здыхай, а штобъ не хо-

дывъ бо нидзя». Оце ще сей рикъ мы дывуемось, що хочъ зъ струментомъ иты можна, а то було Боже храны!»...—«Такъ одъ ныхъ и ховаемось,—говоритъ Кравченко,—неначе, нехай Богъ мылуе, мы злодіи яки-небудь або що. Якъ зачуемъ, що йде або йиде, то такъ куды влучывъ. туды й упавъ, абы бида мынула!.. И тожъ, скажыть, яки часы насталы: жыденята зъ катерынкамы ходять, то тимъ же й можна, хочъ воно й на весь городъ скыглыть, а тутъ же про Боже спиваешъ, людей одъ грихивъ одводышъ, ни не можна! Вы, каже,· народъ коло себе збираете, то мошенныкы можуть по карманахъ лазыть у тыхъ, що слухають,—хыба жъ у катерынщыкивъ та въ тыхъ, що на шапци дзвонныкы, а зъ заду бухтыть, то хиба жъ такы биля сыхъ не можуть мошенныкы по кышеняхъ тее?»... Дѣйствительно здѣсь кроется какое-то недоразумѣніе: съ одной стороны народнымъ творчествомъ и его представителями интересуется весь ученый міръ, въ Петербургѣ учреждена по Высочайшему повелѣнію пѣсенная комиссія для собиранія памятниковъ народнаго творчества; недавно еще на устроенной въ Петербургѣ Всероссійской кустарной выставкѣ самъ Государь слушалъ такого же народнаго пѣвца, какъ и уѣхавшій на туже выставку Кравченко, старика Рябинина, милостиво разговаривалъ съ нимъ и даже наградилъ его медалью, съ надписью «за усердіе»,—а съ другой стороны, тотъ же пѣвецъ, завидѣвъ у себя дома урядника или станового, долженъ падать куда придется, лишь бы не выдать своего присутствія на бѣломъ свѣтѣ. Въ обстоятельной статьѣ—«Современные лирники и бандуристы въ Полт. губ.» Л. П., помѣщенной въ «Полт. Губ. Вѣдомостяхъ» прошлаго года, между прочимъ, тоже сообщается объ излишнемъ усердіи полиціи, отъ котораго терпятъ преслѣдуемые кобзари и лирники въ Пирятинскомъ и Миргородскомъ уѣздахъ. Отчего бы тѣмъ-же ученымъ и вообще интересующимся величественными обломками народной поэзіи людямъ не обратиться напр. въ Императорское Географическое Общество съ просьбой защитить вымирающихъ бардовъ? Тѣ же сельскія власти, освѣдомившись, напр., у священниковъ, въ приходахъ которыхъ живутъ кобзари и лирники, могли бы давать и имъ свидѣтельство объ

ихъ профессіи, и ненормальный разладъ между поощреніемъ съ одной и преслѣдованіемъ съ другой стороны легко былъ бы устраненъ. Отправляя Кравченка въ Петербургъ, усадивъ его въ вагонъ, я спросилъ—«а що, дядьку Мыхайло, якъ-бы й вамъ Богъ давъ те, що тому Рябинину—якъ бы й вамъ довелось спивать передъ самымъ Царемъ, що́ бъ вы тоди?»—«А що жъ,—отвѣтилъ кобзарь,—якъ що Богъ прыведе до того, то прохатыму пресвитлого царя, щобъ усій нашій братыи було вильно ходыть де хочешъ, а мени самому ничого не треба». Я былъ пораженъ сознаніемъ у этого простого человѣка интересовъ «своей братіи», интересовъ, которые онъ очевидно ставилъ выше своихъ личныхъ.

Историческія думы и особенно бытового характера еще живутъ въ народѣ и пѣть ихъ есть кому. Не могу себѣ достаточно уяснить, почему въ статьѣ «Современные лирники и бандуристы въ Полт. губ. по сообщеніямъ добровольныхъ корреспондентовъ Полт. губ. статист. комитета» Л. П. показано всего лишь 5—6 [1]) бандуристовъ и 24 лирника и это свѣдѣнія изъ 139 волостей! Правда, авторъ оговаривается, думая, что тѣхъ и другихъ больше, «однако, общее число бандуристовъ, лирниковъ и кобзарей едвали превосходитъ болѣе чѣмъ въ два раза число, показанное корреспондентами изъ 139 волостей». Читатель видитъ, что мною собрано свѣдѣній о 14 кобзаряхъ и 10-ти лирникахъ почти только Миргородскаго района, при чемъ ни одинъ изъ нихъ не былъ замѣченъ г.г. добровольными корреспондентами. Если принять во вниманіе число всѣхъ волостей въ полтавской губ. (261) и невысокую степень наблюдательности г.г. добровольныхъ корреспондентовъ, то будетъ ясно, что кобзарей и лирниковъ не въ два раза больше, а въ двадцать—тридцать разъ. Въ одной только Полтавщинѣ есть о комъ позаботиться и есть у кого искать остатковъ старины и народнаго поэтическаго творчества. И это надо дѣлать какъ можно скорѣе, пока творчество народа еще не изсякло; въ искусствѣ, напр., оно держится еще въ такой степени, что вы-

---

[1]) Причемъ изъ числа кобзарей надо вычеркнуть имя Саввы Лоташа, уже умершаго.

зываетъ къ себѣ неподдѣльный восторгъ: такъ на той же кустарной выставкѣ, гдѣ теперь подвизается кобзарь М. Кравченко, всѣхъ приводитъ въ восторгъ между другими экспонатами коллекція украинскихъ писанокъ, о чемъ засвидѣтельствовало даже «Новое Время». Въ № 14 «Хуторянина» помѣщена корреспонденція съ той же выставки и въ этой корреспонденціи г. Рклицкій разсказываетъ, какъ одинъ финляндецъ, кажется, художникъ, долгое время любовавшійся коллекціей гончарныхъ, орнаментированныхъ мисокъ и что то записывавшій въ свою записную книжку, обратился наконецъ къ корреспонденту и на ломаномъ русскомъ языкѣ выразилъ ему свое удовольствіе: «у вашего народа очень большой духъ есть, а это,—онъ указалъ на выставленныя школьныя керамическія издѣлія,—это худо»...

Итакъ, повторяю еще разъ, разсказы о «послѣднихъ кобзаряхъ» и тщетности попытокъ собрать, или даже услышать что либо изъ казацкихъ думъ, недостаточно обоснованы; они все время опровергаются жизнью. Можно ли было повѣрить читавшему эти печатныя увѣренія, что въ XX вѣкѣ еще откроются новые превосходные варіанты старыхъ казацкихъ [1]) думъ и даже цѣлыя никому неизвѣстныя думы,—а между тѣмъ—это фактъ...

Еще разъ надо повторить также и то, чтобы любители старины и вообще друзья науки, спѣшили собрать то, что еще носитъ въ своей памяти народъ и его пѣвцы; пусть собираютъ и записываютъ, не взирая на то, что многое сглаживается и гибнетъ, такъ сказать, на нашихъ глазахъ. Неудивительно: народъ, порвавшій духовную, языковую связь со своей интеллигенціей, народъ, утратившій связь со своей стариной, получающій просвѣщеніе въ школѣ съ ея учебниками, въ которыхъ ни прошлое этого народа, ни окружающая современная дѣйствительность не отражаются даже слабыми контурами; народъ, инстиктивно чующій этотъ неестественный разладъ со своими интеллектуальными запросами, смутно сознающій, что весь укладъ его жизни надо

[1]) Думы, записанныя мною отъ другихъ кобзарей и лирниковъ я представлю въ редакцію со временемъ.

или перестраивать на какой то новый, но чуждый, невѣдомый ему ладъ, или же, наоборотъ, замкнуться въ стихійную непроницаемость,—такой народъ и не можетъ сберечь въ полной чистотѣ и неприкосновенности свои національныя преданія... Можетъ быть, сознаніе утрачиваемой мало-по-малу національности, искуственная оторванность отъ своего родного прошлаго, шествіе чуждыхъ внѣшнихъ формъ культуры, неотвратимость этого надвигающагося невѣдомаго—все это произвело въ душѣ украинца ту душевную смуту, тотъ хаосъ интеллектуальнаго смятенія, подъ тяжестью сознанія котораго онъ лишь способенъ или молиться въ своихъ псальмахъ или смѣяться надъ собой въ своихъ сатирическихъ пѣсняхъ. Вотъ почему сфера проявленія народнаго творчества суживается до того, что только религіозныя темы да пѣсни шуточныя и сатирическія и удержались хорошо въ его памяти, т. е. въ репертуарѣ кобзарей и лирниковъ. Задѣлайте же эти ужасныя бреши, о которыхъ сейчасъ говорилось; оберегите разрушаемую неблагопріятными условіями духовную твердыню народа; дайте ему, этому народу, дѣйствительно культурную интеллигенцію, интересующуюся своимъ прошлымъ, а слѣдовательно и пѣвцами этого прошлаго,—тогда и умственный уровень и репертуаръ этихъ пѣвцовъ повысится, а творческія способности народа развернутся сообразно тому щедрому запасу, который вложила въ него мать-природа...

Думы кобзаря Михайла Кравченка.

Тры браты Озовськи (або Пихотынець).

Ой у святую недиленьку, рано-пораненьку,
Не сыніи туманы уставалы,
Не буйніи витры повивалы,
Не чорніи хмары наступалы,
Не дрибніи дощи накрапалы,
Когда тры браты изъ города Азова
Зъ турецькои-бусурменськои
Велыкои неволи утикалы.

Два ли то брата кинныхъ,
А найменшый пихой-пихотынець
За киннымы братамы угоняе,
За стремена хапае,
По билому каминню, по сырому коринню
Свои козацьки-молодецьки ногы собывае.
Кровью слиды залывае,
Пискомъ раны засыпае,
Мижду кони убигае,
За стремена хватае,
До бративъ словамы рече-промовляе:
«Братія мои ридненьки,
Якъ соколы ясненьки,
Станьте вы, братія, пидождите,
Свои козацькіи-молодецькіи кони прыпыните,
И мене пишого пихотынця
Миждо себе на кони возьмите,
Хочъ мало-немного версту миста пудвезите,
У хрыстіянськыи города подвезите,
А ни—вы мени браття,
У чыстому поли, по своій добрій воли,
Зъ пличъ головоньку здіймите,
Козацькее мое молодецькее
Тило въ сыру землю поховайте,
Звиру-птыци на поталу не давайте.

Середульшый братъ добре дбае,
До найстаршаго брата словамы промовляе:
«Брате мій ридненькый,
Якъ соколе ясненькый,
Станьмо мы, брате, надождимо,
Свои козацькіи-молодецькіи кони прыпынимо,
Брата свого найменьшого
Пишого пихотынця надождимо,
Хочъ мало-немного,

Версту миста пидвезимо,
У хрыстіянськыи города пидвезимо.
Лучше не мы ёму, ёму, брате, у чистому поли,
У своій добрій воли
Зъ пличъ головоньку здіймимо,
Козацькее его молодецькее
Тило въ землю сыру поховаймо,
Звиру-птыци на поталу не подаваймо.
Що мое ли серце не смилыться
Вóйна моя рука не зниметься,
Булатная шабля не йме сикты-рубаты,
Лучше було, брате,
У турецькій-бусурменьській неволи,
Усимъ трёмъ помираты,
Чымъ намъ свого брата, пишого пихотынця,
У велыкій неволи покидаты.
Найстаршый братъ худо дбае
Зъ плеча нагайкою крае,
Свому братови рече, промовляе,
Що якъ будемо мы, брате,
Свого брата найменьшого, пишого-пихотынця
Ждаты-ожыдаты,
Козацькіи молодецькіи кони обиждаты,
Буде за намы велыкая неволя—
Сыльна погоня ганяты,
Будуть насъ у плинъ у гиршу неволю завертаты;
Будуть наше тило на тры часты
Сикты-рубаты,
То нумъ ли мы, браття, тикаты:
Лучше нашому брату найменшому
Пишому пихотынцю у турецькій неволи
Самому помираты;
А мы ли будемъ братте тикаты,
Безпечно лисамы та байракамы гуляты,
Зъ клену-древа верхы ламаты,

Своему братови найменшому пихому-пихотынцю
На прикмету покыдаты.
Йихалы ли ти браты не день не два,
Не тры й не чотыри,
Сталы ти браты до лисивъ, до байракивъ дойизджаты;
Ставъ середульшый братъ,
Зъ клену-древа верхы ламаты
Своему братови найменшому,
Пихому-пихотынцю,
На цути-дорози покидаты.

Ставъ найменшый братъ дохождаты,
Горко плакать и рыдаты,
Дрибни слёзы пролываты,
Своихъ бративъ спомынаты:
«Невже жъ моихъ бративъ на свити немае?
Невже жъ за нымы турецька-бусурменьська
Сылна погоня гоняла,
У плинъ у гиршу неволю завертала,
Йихни тила на тры часты сикла-рубала?»
Сталы ти браты за лиса, за байракы выйизджаты.
Сталы воны до тыхыхъ водъ дойизджаты.
Середульшый братъ добре дбае,
До тыхыхъ водъ дойизджае,
До свого брата словамы промовляе:
«Брате мій ридненькый, якъ соколе ясненькый,
Що тутъ ли, брате, травы зелени
И воды холодни,
Станьмо мы, брате, надождимо,
Свои козацьки-молодецьки кони прыпынимо,
Свого ли брата найменшого
Пихого-пихотынця,
Хоть мало-немного пидождимо,
Версту миста пудвезимо,
У хрыстіянськіи городы пудвезимо,
Або не мы ли ёму брате у чистому поли

По своій добрій воли,
Зъ пличъ головоньку здіймимо
Козацьке его молодецьке тило,
У сыру землю поховаймо,
Звиру-птыци на поталу не подаваймо.
Мое серце не осмилыться.
Вóйна моя рука не здійметься,
Булатная шабля не йме сикты-рубаты,
Лучше нашому брату найменшому
Пихому пихотынцю,
У турецькій неволи самому помираты».
Сталы ти два браты за лиса, за байракы выйизджаты,
Сталы воны у вольніи степи выйизджаты,
У вольніи степы выйизджаты,
Ничого у себе не маты.
Середулшый братъ добре дбае,
На соби единый дорогый сыній каптанъ мае,
Та й той обрывае,
Свому братови, пихому-пихотынцеви
На пути-дорози покыдае.
Ставъ найменшый братъ
За лиса, за байракы выхождаты,
Ставъ винъ дорогіе вещи у вичи забачаты,
Ставъ винъ до йихъ дохождаты
Дорогіе прыкметы по сырій земли забираты,
Ой у свои руци браты,
Къ свему серцю прыниматы,
Горко плакаты-рыдаты, дрибни слёзы пролываты,
Своихъ бративъ спомынаты:
«Невже жъ моихъ бративъ на свити немае,
Бо й не обчому ихъ дорогіи вещи
По сырій земли валяються,
Невже ли за нымы турецька-бусурменьська
Велыка неволя сыльну погоню гоняла,
У плинъ у гиршу неволю завертала,

Йихне тило на тры часты сикла-рубала,
А мене найменшого, пихого-пихотынця,
По лисамъ по байракамъ на спочывкахъ мынала?»
Ставъ найменшый братъ до Савуръ-Могылы дохождаты,
Ставъ ли буйный витеръ повиваты,
Изъ козацькыхъ-молодецькыхъ ёго нигъ валяты.
Що перве горе безвиддя, друге безхлибъя,
Трете горе бративъ не догнавъ,
Уже ли мени своихъ бративъ не наганяты,
Уже мени въ отцевському двору не буваты,
Уже мени свого отця-неньку у вичи не видаты;
Наслидувавъ мени Господь
У турецькій у бусурменській у велыкій неволи
На Савуръ-Могыли смертю постраждаты,
Стало ли сонце намеркаты,
Сталы сызокрыліи орлы налитаты,
На козацькый на молодецькый
На чорный чубъ наступаты;
Сталы воны зъ лоба очи выниматы,
Хрыстіянською кровью запываты;
Туды звири нахождалы
Коло жовтои косты тило оббиралы,
По лисамъ, по байракамъ розношалы,
У сырую землю загрибалы,
На пути-дорози не покыдалы.
Сталы ти два браты
До хрыстіянськыхъ городивъ дойизджаты,
Ставъ середулшый братъ свого старшого брата
Правды-неправды пытаты:
«Що то мы будемъ, брате,
Своему отцю й неньци отвичаты,
Що въ одному мы городи бувалы,
Йидніе лысты пысалы,
Що мы свого брата найменшого пихого-пихотинця
У турецькій неволи покыдалы.?»

Найстарший братъ худо дбае,
Зъ плеча нагайкою крае,
Своему брату слова непрыятни рече-промовляе:
«Брате ридненький, якъ соколе сывенький,
Якъ маемо мы, брате, свого найменьшого брата,
Пихого-пихотынця ждаты-ожыдаты,
Буде за намы турецька-бусурменська велыка неволя,
Сыльна погоня уганяты,
Буде наше тило на тры часты сикты-рубаты;
А ще худо, брате, отцеве имучество
На тры часты роздиляты,—
Лучше ли будемо, брате,
На дви часты паюваты,
Свему отцю-неньци неправду казаты:
Не въ одному мы полку бувалы,
Не одному мы пану служылы,
Що мы свого брата найменшого
Пишого-пихотынця
Девъять литъ у вичи не выдалы».
Сталы ти два браты
До отцевського двору дойизджаты,
Сталы отець и матуся
Изъ хлибомъ и силью выхождаты;
Сталы воны свого найстаршого сына
За гостя прыйматы и за стилъ сажаты;
Сталы воны про найменшого сына
Усю правду пытаты.
Ставъ же найстаршый сынъ за стилъ сидаты,
Своему отцю-неньци неправду казаты:
«Не въ одному мы полку бувалы,
Не одному мы пану служылы,
Що мы свого брата найменшого
За девъять литъ у вичи не выдалы.»
Ставъ середульшый братъ за стилъ сидаты,
Гирко плакать и рыдаты,

Дрибни слёзы пролываты;
Ставъ винъ своему отцю-неньци
Усю правду казаты:
«Що въ одному мы полку бувалы,
И одному мы пану служылы—
У турецькій-бусурменській у тяжкій неволи,
У городи у Озови пробувалы,
Изъ города Озова у-мисти изъ плину утикалы,
Тилькы мы свого брата найменшого
Пихого-пихотынця
У турецькій у бусурменській велыкій неволи покыдалы».
Сталы отець-маты обиды справляты,
Молебни найматы;
Сталы найстаршого сына изъ двору зсылаты,
Сталы ёго обчествомъ-народомъ
Къ розстрелу выпровождаты.
Ставъ найстаршый братъ
Горко плакаты-рыдаты,
Свого брата найменшого
Пихого-пихотынця спомынаты:
«Лучче мени було тебе, брате,
У турецькій у бусурменській велыкій неволи
Тебе доглядаты,
А чымъ мени, брате, мижъ своимъ народомъ
У своимъ безридди смертю постраждаты».

Про удову и трёхъ сынивъ.

Ой у святую недиленьку,
Рано пораненьку,
Ой, не у бору сосна зашумила,
Не сывая зозуля кувала,
Не дрибна пташка щебетала,—
То бидна удова у своему доми
Зъ своимы дитьмы розмовляла:

Вона жъ ручкамы-пучкамы
Хлибъ-силь одробляла,
Да все сынивъ годувала
Да у наймы не пускала,
На поталу не давала,
И все Бога-Творця прохала:
«Поможы мени, Боже,
Сынивъ погодуваты,
До розуму подоводыты
И дома построиты
И йихъ подружыты!»...
То скоро бидная удова
Йихъ возростыла
И грамоты поучыла,
До розуму подоводыла.
Дома построила,
И йихъ подружыла.—
Сталы ти сыны удовыченькы
Жыты-прожываты.
Сталы воны у себе
Разную монету маты,
Сталы соби молодыхъ княгынь заручаты.
Сталы воны свою матиръ,
Несчасну удовыцю, зъ подвирья зсылаты:
«Ой иды ты, иды,
Наша маты старая,
Пречъ изъ нашого багатого двору,
Бо ты намъ невдобна,
Дила робыты неспособна;
Годи тебе, наша маты старая,
Штыты-поважаты,
Своихъ женъ страхаты,
Малыхъ дитей обиждаты.
Иды ты, иды, наша маты старая,
Пречъ изъ нашого багатого двору—

Будуть до насъ
Гости-панове найизджаты,
Будуть у насъ пыты-гуляты—
Тутъ тоби наша маты
Спокою не буде».
Це бидная вдова зачувае,
Дрибни слезы пролывае,
Що мовыть словамы,
Обильеться гиркымы слезамы:
«Якъ то я васъ, сыны, годувала,
Якъ каминь глодала,
А тепера чого я одъ васъ соби дождала—
Що йты на чуже подвирья прожываты...
Я буду у другій кимнати седиты
Вашихъ дитокъ глядиты»...
— «Иды ты, иды, наша маты старая,
Пречъ изъ нашого багатого двору—
Будуть у насъ гости найизджаты
У сынихъ каптанахъ
У китаевыхъ [1]) штаняхъ,
А ты будешъ промиждо насъ ходыты
Рáмнямъ трусыты—
Насъ молодыхъ челядыновъ страмыты».
У святу недиленьку,
Рано пораненьку,
Не уси то дзвоны дзвонять,
А то тіи тры браты
Свою матусю, несчасну удовыцю,
Зъ подвирья изгонять.—
Найстаршый братъ
Пидъ руци выводжае,

---

[1]) Другой разъ кобзарь пѣлъ у *кысіевыхъ штанях;* на мое замѣчаніе, что «кысіевыхь штанивъ не бувае» онъ отвѣчалъ—«то значыть у дорогихъ—мо тоди й кысіеви носылы».

Середулшый братъ
У потылыцю выбывае,
Найменьшый братъ
Воритечка одчиняе,
Іи бидну клене-проклынае:
— «Иды, бидная удова,
На чуже подвирья прожываты,
Бо ты намъ невдобна—
Робыты дила неспособна,
Оце жъ тоби шляхъ-дорога
Шырока и довга»...
Пишла бидная вдова, плаче,
Стежечкы не баче, спотыкается,
А седыть найменшый сынъ
Край виконечка, насмихается:
«Ой дывиться, хлопци, панове-молодци,
Якъ то наша маты на старисть,
Чы вона напывается,
Чы ума лышается—
Що по-пидъ тынамы хыляется».
Обзадумавъ середулшый сынъ—
Що маты наша ни вына не напывалась,
Ни ума не лышалась,
Ни пидъ тыномъ не валялась,
А вона насъ годувала
И совершенныхъ литъ ожыдала,
Думала при сынахъ до старосты дожываты;
Мы жъ іи зъ свого подвирья зогналы,
И передъ Богомъ и передъ людьмы
Сміятыся сталы.».
Пишла бидная удова
Плаче, спотыкается,
Идеть проты неи чужая-чужанына
Молодая челядына, пытается:
— «Чого ты, бидная вдово, плачешъ?»

— «Визьмы мене, чужая-чужаныно,
Молодая челядыно.
На свое подвирья прожываты,
Буду тоби сины-хату вымитаты,
Буду малыхъ дитей доглядаты».
Чужая-чужанына молодая-челядына
Воритечка одчиняе,
Бидную удову до себе зазывае:
— «Иды ты, бидная вдово, до мене прожываты,
Не будешъ мени ни синей-хаты вымитаты,
Будешъ тилько малыхъ дитокъ
У хати доглядаты,
И мени молодій челядыни
Порядокъ даваты;
Буду тебе за ридную ченьку почытаты
И до смерты годуваты и до жыття годуваты,
Тилько будешъ у мене по викъ прожываты.»
Бидная удова у чужои-чужаныны,
У молодои челядыны прожывала,
Трынадцять годъ прожывала.
На чотырнадцятый годъ
Сталы хуртовыны наступаты,
Сталы вдовыченькивъ побываты—
Що первая хуртовына—дома попалыла,
Другая хуртовына—у поли й у доми поропыла,
Третя хуртовына—скотыну поморыла
И ничого вдовыченькомъ не остановыла.
Сталы вдовыченькы жыты-прожываты,
Ничого у себе не сталы маты.
Сталы гирко прожываты.
У святую недиленьку, рано-пораненьку,
Тожъ не у вси дзвоны дзвонять.
То про удовыченькивъ усе люде говорять.
Гости-панове пылы-гулялы,
За двиръ выйизджалы, удовыченькивъ осміялы:

— «Що вже мабуть въ удовыченькивъ
Хлиба-солы не стало,
Що воны бидную удову
Зъ свого подвирья зослалы»...
Що у святу недиленьку,
Рано пораненьку,
То не сызіи орлы заклекталы,
Якъ тры братикы одъ сна уставалы,
Били лыця промывалы,
Божихъ молытовъ промовлялы,
Що мовлять словамы
Обильются дрибными слёзамы;
Ставъ старшый сынъ
Братамъ своимъ промовляты:
— «Брате мій середульшый, брате найменьшый,
Не гарно мы вси у-трёхъ изробылы,
Що мы свою неньку удову стареньку
Изъ свого подвирья прогналы;
Ходимъ тепера передъ Богомъ, передъ людьмы
Грихъ-страмъ потерпимо,
И свою неньку, удову стареньку
На свое подвирья возьмимо;
Будемъ прохаты,
Чы не перестане насъ Господь
Хоть мало-немного караты».
Скоро шапкы у рукы забралы
И на колина упалы,
Свою неньку, удову-стареньку,
На свое подвирья прохалы:
«Иды, ненько, удово старая,
До насъ прожываты,
Будемъ дитей поучаты,
А молодыхъ женъ спыняты,
И тебе за ридну неньку почытаты,
Чы не перестане насъ Господь караты».

Бидная удова на слезы не вдаряла,
Словамы промовляла:
— «Якъ то я васъ, сыны, годувала,
Якъ каминь глодала!
А тепера чого одъ васъ дождала—
Що на чужому подвирью прожываю,
Да вже й буду на чужому подвирью прожываты:
Просить Бога и всевышнёго Творця.
Щобъ переставъ васъ караты,
А я буду на чужому подвирьи помираты».
Бидная удова на чужому подвирьи й померла;
Іи слава, іи памьять
Тайно не пройде;
А тилько іи слава,
Іи памьять пройшла
Миждо морямы, миждо землямы,
Миждо православнымы христіянамы.

«Дивка бранка»

Сестра зъ братомъ не въ мыру жывуть.
У Цари-гради на базари,
Де збирается торговына.
Тамъ братъ сестру запродае,
Та не знае, що взять мае,
Бо вона сама соби цину знае,
Цину вызначае:
«Беры, брате, гроши не личачы,
Сребро-злато не важучы.
Кытаечку не мирячы.».
Десь узявся злый татарынъ,
Десь узявся презлый панычъ,
Дае гроши не личачы,
Сребро-злато не важучы.

Кытаечку не мирячы.
Ставъ братъ сестру зъ рукъ здаваты,
Татарына научаты:
«Татарыне, презлый пане,
Не дай дивци заплакаты,
Въ свою землю поглянуты,
Отця неньку спомъянуты».
Дивка-бранка не втерпила,
Въ свою землю поглянула,
Отця-неньку спомъянула.
Якъ угледивъ татарынъ,
Якъ угледивъ презлый панычъ,
Да вдарывся у билу грудь..
. . . . . и везе у свою землю...
Десь взялась на мори хвыля,
Уси кораблыкы побыла.
Й татарына затопыла;
Дивку-невольнычку зостановыла,
У свою землю выкынула.
Іи слава, іи памъять
На многіи лита.

А. Г. Сластіоновъ

Записано въ Миргородѣ. 21-го февр. 1902 г.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ исторіи учрежденія Кіевскаго и другихъ Центральныхъ архивовъ (2 апр. 1852 г.). Въ истекшемъ апрѣлѣ исполнилось ровно 50 лѣтъ со дня изданія закона 2 апрѣля 1852 г. объ учрежденіи въ Кіевѣ, Вильнѣ и Витебскѣ Центральныхъ архивовъ для храненія древнихъ актовыхъ книгъ. Этимъ законодательнымъ актомъ навсегда сохранены драгоцѣнные историческіе памятники, полвѣка уже служащіе и еще на многіе вѣка имѣющіе служить неисчерпаемымъ источникомъ для изученія минувшей жизни западно-русскихъ областей, входившихъ нѣкогда въ составъ польско-литовскаго государства. Чтобы судить о томъ, какъ безмѣрно велико въ количественномъ отношеніи это драгоцѣнное историческое наслѣдство, достаточно сказать, что въ настоящее время въ трехъ названныхъ архивахъ хранится свыше 32,000 актовыхъ книгъ XVI—XVIII ст. Въ одномъ Кіевскомъ архивѣ ихъ числится около 6,000, да сверхъ того около полумилліона отдѣльныхъ документовъ. Что касается научной цѣнности актовыхъ матеріаловъ, достаточно сослаться на многочисленныя уже и теперь, и все еще растущія количественно изданія Кіевской и Виленской археографическихъ коммиссій и Витебскаго архива и хотя въ общихъ чертахъ припомнить ту массу весьма цѣнныхъ вкладовъ, какую внесли въ историческую науку труды названныхъ учрежденій въ короткій сравнительно періодъ ихъ существованія. Въ частности, относительно нашего края, можно съ увѣренностью сказать, что всестороннее изученіе исторіи Волыни, Подолья и Кіевской Украины сдѣлалось возможнымъ лишь съ того времени, какъ актовыя книги этихъ областей

были собраны въ Кіевскомъ Центральномъ архивѣ и сдѣлались основнымъ матеріаломъ для ученыхъ изданій мѣстной Археографической Коммиссіи.

Честь иниціативы въ сохраненіи этихъ драгоцѣнныхъ историческихъ памятниковъ принадлежитъ Кіеву и его ученымъ силамъ. Полвѣка назадъ западно-русская исторія была въ полномъ смыслѣ tabula rasa, и потому актовыя книги, какъ историческій матеріалъ, не могли быть оцѣнены не только въ мѣстахъ ихъ храненія—въ провинціальной глуши Сѣверо-западнаго и Юго-зап. края, но и въ столичныхъ центрахъ, гдѣ о нихъ не имѣли никакого понятія. Правительство съ 1833 года было заинтересовано судьбою этихъ книгъ единственно въ смыслѣ огражденія ихъ отъ систематическихъ подлоговъ и фальсификацій, какимъ онѣ подвергались тогда со стороны мѣстныхъ шляхтичей, стремившихся этимъ способомъ доказать права дворянства или отклонить конфискацію имѣній послѣ мятежа 1831 года. Въ этихъ видахъ дважды были учреждаемы (въ 1833 и 1842 гг.) особыя повѣрочныя коммиссіи, которыя должны были составить точныя описи всѣмъ актовымъ книгамъ, прошнуровать ихъ, переномеровать въ нихъ листы и, вообще, принять мѣры, которыя сдѣлали бы невозможными дальнѣйшіе въ нихъ подлоги. Составленныя изъ уѣздныхъ чиновниковъ, коммиссіи эти не въ состояніи были удовлетворительно исполнить возложенное на нихъ порученіе, и когда въ мартѣ 1851-го года послѣдовало Высочайшее повелѣніе, чтобы провѣрка актовыхъ книгъ непремѣнно была окончена къ 1-му января 1852 г., то оказалось, что повѣрочныя коммиссіи лишь накопили цѣлые фоліанты безполезной переписки, а къ составленію описей актамъ и не приступали.

Между тѣмъ, годъ спустя послѣ учрежденія повѣрочныхъ коммиссій 1842 года, въ Кіевѣ, по ходатайству генералъ-губернатора Д. Г. Бибикова, открыта была въ 1843 г. Археографическая Коммиссія. Приступивъ къ собранію матеріаловъ для своихъ трудовъ, эта коммиссія обратила особенное вниманіе на актовыя книги XVI—XVII ст. и въ нихъ нашла неисчерпаемый источникъ для историческихъ изысканій. Почти всѣ наиболѣе драгоцѣнные матеріалы, опубликованные въ первыхъ изданіяхъ Коммиссіи и привлекшіе къ ея трудамъ самое живое вниманіе и интересъ, были именно отысканы ею въ древнихъ актовыхъ книгахъ. Этимъ впервые было указано и доказано, что актовыя книги имѣютъ важное значеніе не потому лишь, что заключаютъ въ себѣ юридическія доказательства правъ состоянія для мѣстнаго

дворянства, какъ тогда ихъ односторонне только и цѣнили, но еще болѣе потому, что онѣ могутъ служить для науки драгоцѣннымъ пособіемъ, возстановляющимъ исторію западно-русскихъ областей совсѣмъ не въ томъ освѣщеніи, въ какомъ она до того времени представлялась польскими историками и публицистами. Но ознакомившись подробно съ тѣмъ, какая громадная масса актоваго матеріала была разсѣяна по всему Юго-западному краю, и какъ небрежно она хранилась въ подвалахъ уѣздныхъ судовъ, бывшихъ городскихъ магистратовъ и ратушъ и въ другихъ мѣстахъ, Коммиссія, въ своихъ представленіяхъ генералъ-губернатору, неоднократно указывала на неотложную необходимость собрать эти драгоцѣнные памятники прошлой жизни края въ одно центральное хранилище въ Кіевѣ и тѣмъ спасти ихъ отъ угрожавшей имъ гибели. Бибиковъ, какъ умный человѣкъ, съ самаго начала не придавалъ повѣрочнымъ актовымъ коммиссіямъ серьезнаго значенія и въ своихъ представленіяхъ министрамъ неоднократно проводилъ мысль, что ихъ слѣдовало бы закрыть, какъ совершенно безполезныя учрежденія. Въ первое время онъ не могъ лишь придумать, чѣмъ ихъ замѣнить. Теперь идея учрежденія Центральнаго архива, симпатичная ему и сама по себѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ представилась ему и какъ превосходная мѣра къ выходу изъ того затруднительнаго положенія, въ какое ставила правительство бездѣятельность повѣрочныхъ коммиссій. Выждавъ время, когда министерство юстиціи и само убѣдилось въ томъ, что отъ этихъ коммиссій нельзя ожидать никакой пользы, Бибиковъ поручилъ Кіевской Археографич. Коммиссіи выработать въ основныхъ чертахъ проектъ учрежденія въ Кіевѣ центральнаго архива для актовыхъ книгъ и, минуя посредствующія инстанціи, представилъ (въ январѣ 1850 г.) личный докладъ императору Николаю I по этому дѣлу. Государь одобрилъ его проектъ и велѣлъ представить подробныя соображенія по этому предмету въ министерства юстиціи, внутр. дѣлъ и народн. просвѣщенія для внесенія ихъ установленнымъ порядкомъ въ Государств. Совѣтъ. Всѣ три названныхъ министра отнеслись къ проекту учрежденія Кіевскаго Центр. архива съ полнымъ сочувствіемъ; но когда онъ министромъ нар. просвѣщенія былъ внесенъ въ Госуд. Совѣтъ, то послѣдній подъ тѣмъ предлогомъ, что дѣло касается актовъ, съ одной стороны, важныхъ для исторіи законодательства, а съ другой—могущихъ служить часто доказательствами правъ состоянія и собственности, призналъ необходимымъ подвергнуть данный проектъ предварительному соображенію 2-го отдѣле-

нія собств. Е. И. В. Канцеляріи для вторичнаго внесенія, съ его заключеніемъ, въ Госуд. Совѣтъ. Такой неожиданный оборотъ дѣла глубоко огорчилъ нетерпѣливаго Бибикова: «Какъ жаль—писалъ онъ князю Ширинскому-Шихматову, — что у насъ можетъ встрѣчаться столько затрудненій къ осуществленію самыхъ полезныхъ предположеній!»

Главноуправляющимъ 2-мъ отдѣленіемъ Канцеляріи былъ въ то время извѣстный государственный дѣятель, графъ Д. Н. Блудовъ. Онъ около года продержалъ у себя проектъ Бибикова и лишь въ апрѣлѣ 1851 г. представилъ свое заключеніе въ видѣ обширной записки, въ которой не оставилъ безъ возраженія или замѣчанія ни одного изъ положеній, предложенныхъ въ ходатайствѣ кіевскаго генералъ-губернатора, вслѣдствіе чего Госуд. Совѣтъ вторично возвратилъ проектъ для новыхъ соображеній. Мы не можемъ въ немногихъ словахъ передать содержаніе обширной записки гр. Блудова; замѣтимъ лишь, что въ ней нѣтъ ни одного сколько-нибудь серьезнаго и важнаго возраженія, за то на каждомъ шагу встрѣчаются мелочныя, придирчивыя замѣчанія, чаще всего свидѣтельствующія о недостаточномъ знакомствѣ съ предметомъ спора. Авторъ не отвергаетъ пользы учрежденія Центр. архива, но съ такою настойчивостью и съ такимъ какъ-бы скрытымъ недоброжелательствомъ подрываетъ главныя основанія проекта, что въ умѣ читателя его записки возникаетъ невольное подозрѣніе: не потому ли не отвергаетъ, что проектъ въ основныхъ чертахъ уже получилъ Высочайшую санкцію, и оппоненту ничего другого не оставалось, какъ спорить лишь о средствахъ и способахъ его осуществленія, хотя онъ нерѣдко оспариваетъ и основанія проекта. Вообще же записка гр. Блудова страдаетъ отсутствіемъ ясныхъ принципіальныхъ основаній, уклончивостью въ сужденіяхъ и какъ бы недоговариваніемъ чего-то.

Бибиковъ рѣшилъ не оставить этой записки безъ должнаго отвѣта, составленіе котораго было имъ поручено проф. университета и главному дѣятелю кіевской Археогр. Коммиссіи Н. Д. Иванишеву, единственному въ то время ученому, практически и научно знакомому съ древними актовыми книгами. Иванишевъ, съ свойственною ему основательностью и знаніемъ дѣла, составилъ блестящее опроверженіе всѣхъ возраженій гр. Блудова; въ противоположность его оппоненту, въ каждомъ словѣ записки Иванишева звучитъ благородная прямота, искренность и непреклонная убѣжденность въ томъ, что за-

щищаемое имъ дѣло какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ здраво понимаемымъ государственнымъ интересамъ, не говоря уже о пользѣ для науки. Тѣмъ не менѣе графъ Блудовъ, ознакомившись съ этой запиской, категорически заявилъ, что онъ остается при прежнемъ мнѣніи и не намѣренъ отказаться ни отъ одного изъ раньше высказанныхъ имъ замѣчаній. Это такъ испугало докладчика проекта, князя Ширинскаго, что, извѣщая объ этомъ Бибикова, онъ писалъ ему: «за такимъ отзывомъ д. т. сов. графа Блудова не предвидя успѣха настоящему дѣлу въ Госуд. Совѣтѣ, я нужнымъ считаю объ этомъ увѣдомить васъ, не признаете ли вы за лучшее отложить это дѣло до другого времени». Какъ ни протестовалъ Бибиковъ противъ такой отсрочки, но министръ нар. просвѣщенія такъ-таки и не отважился въ третій разъ внести въ Госуд. Совѣтъ проектъ объ архивѣ.

Но сила вещей привела все-таки къ тому, что этотъ проектъ долженъ былъ осуществиться. Приближалось 1-е января 1852 г.— срокъ, къ которому, согласно Высочайшему повелѣнію, непремѣнно должна была закончиться повѣрка актовыхъ книгъ уѣздными коммиссіями. Министръ юстиціи гр. Панинъ не могъ скрыть отъ государя, что его воля никакъ не можетъ быть выполнена, что коммиссіи все еще не приступали, да и не могли вовсе приступить къ возложенному на нихъ порученію вслѣдствіе полной неподготовленности къ такому дѣлу, требующему палеографическихъ знаній. И вотъ, въ самомъ концѣ 1851 года, послѣдовало новое Высочайшее повелѣніе: актовыя коммиссіи закрыть повсемѣстно съ 1 января новаго года, а о томъ, какія мѣры приняты для повѣрки и лучшаго храненія актовыхъ книгъ, поручить министру юстиціи внести въ Госуд. Совѣтъ свои соображенія не позже 1-го февраля того же 1852 года. Но при этомъ императоръ Николай I собственноручно приписалъ на докладѣ: «а мнѣніе генералъ-адъютанта Бибикова я раздѣляю въ полной мѣрѣ». Понятны послѣ этого дѣйствія гр. Панина: онъ цѣликомъ воспользовался проектомъ кіевскаго генералъ-губернатора, но примѣнилъ его не къ Юго-западному только, а и къ Сѣверозападному краю. Теперь ничьи возраженія и замѣчанія не имѣли больше силы. Государств. Совѣтъ принялъ проектъ безъ измѣненій. Указомъ, даннымъ Правит. Сенату 2 апр. 1852 г., повелѣно учредить Центральные архивы въ Кіевѣ, Вильнѣ и Витебскѣ на тѣхъ самыхъ основаніяхъ, какія раньше были предложены Бибиковымъ для одного Кіева.

Такъ спасены были отъ грозившей имъ гибели актовыя книги девяти западныхъ губерній.

О. Л.

Письмо царицы Екатерины къ кіевскому митрополиту Іоасафу Кроковскому. [1])

«Преосвященный Іоасафъ Митрополитъ.

Благодарствуемъ за Ваше архіерейское писаніе, которое мы получили отъ нашего посланного Ивана Котелницкаго, за сіе жъ наипаче, что по нашему прошенію показали усердіе во изысканіи священника и пѣвчихъ. *И за книшку благодарны.*

И за симъ благословенія
Вашего и молитвъ прося,
остаемся *ц. Екатерина.* [2])

Изъ Москвы. 1716 г.
февраля въ 15 д.»

Сообщ **Д. Вишневскій.**

Рѣдкая книжка. Въ 1883 г. г. М. Ф. Комаровъ издалъ «Бібліографичный покажчыкъ новои украинськои литературы (1798—1883)», который, не смотря на всю свою неполноту (изъ него были исключены всѣ работы галичанъ и буковинцевъ), принесъ большую пользу не однимъ только историкамъ украинской литературы. Весьма желательно было-бы, чтобы какъ можно скорѣе появилось новое изданіе этого указателя,—дополненное; оно теперь будетъ во много разъ превосходить первое. Пока же оно появится, не лишнее будетъ указать на одну не вошедшую туда книжку, а такъ какъ книжка эта, кромѣ того, теперь большая рѣдкость, то и дать о ней болѣе подробныя свѣдѣнія.

---

[1]) Подлинное нами передано въ церковно-археологическій музей при Кіевской духовной академіи.

[2]) Подчеркнутыя слова писаны рукою самой Екатерины.

Книжка эта—брошюра въ 2+12 страницъ in 8° и называется такъ: «Слово противъ вражды, пристрастной къ доносамъ, говоренное Филаретомъ, архіепископомъ Черниговскимъ и Нѣжинскимъ. (Въ переводѣ Малоросскомъ). Черниговъ. 1859».

На оборотѣ цензурное дозволеніе: «Отъ Кіевскаго Духовно-Цензурнаго Комитета 10 сентября 1859 г.» Въ началѣ книжки, на первой ея страницѣ, стоитъ второй заголовокъ (сохраняемъ вездѣ въ точности правописаніе):

«Прóповідь протúвъ враждебникивъ, хтúвихъ до доносивъ».

За заглавіемъ эпиграфъ:

«Бывайте же другъ ко другу блази. Ефес. 4, 32. („Бувáйте дóбри одúнъ до другóго“)».

Намъ неизвѣстно, самъ-ли архіепископъ-историкъ, будучи убѣжденъ въ необходимости малорусской проповѣди, изложилъ свое слово по-малорусски, или же кому либо поручилъ это сдѣлать, но такъ или иначе онъ счелъ нужнымъ, чтобы церковь обращалась къ народу народнымъ языкомъ, благодаря чему и была напечатана книжка.

«Слово» часто приводитъ тексты священнаго писанія ветхаго и новаго Завѣта и каждый разъ сопровождаетъ ихъ переводомъ. Очевидно, авторъ хорошо зналъ, что иначе тексты не будутъ поняты народомъ, и полагалъ, что передача священнаго писанія малорусскимъ языкомъ является дѣломъ, достойнымъ христіанской церкви.

Для образца языка приведемъ два отрывка:

«Тебе зневажають, тебе ганьбують,—нехай тобі не вмоготу здержати свое серце, знести обиду и оддячить добромъ за зло. Господь въ такому разі указавъ тобі инший судъ. Господь сказавъ: *аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, иди и обличи его между тобою и тѣмъ единѣмъ. Аще тебе не послушаетъ, пойми съ собою еще единаго или два. Аще же не послушаетъ ихъ, повѣждь церкви.* (Мат. 18, 15, 16, 17). («Коли тебе прогнівить братъ твій, иди и обвиновать ёго на самоті. Коли жъ тебе не послухае вінъ, возьми зъ собою ище одного, або двохъ. Коли жъ вінъ не послухае й тихъ, оповісти церкви») (стр. 9-я).

«Послухаймо жъ, якъ судия усёго світа гримить своімъ словомъ до тихъ окаяннихъ, котори не слухають Его святоі волі и ніколи не мають ні щирости, ні благости до другого: *идите отъ Мене проклятіи во огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеломъ его* (Мат. 25, 41).

(«Идіть одъ Мéне проклятии у огонь вічний, придбаний задля диявола и челяді ёго»). (Стр. 12-я).

Было бы весьма желательно переизданіе этого «Слова» не только какъ матеріала для чтенія, но и какъ фактическаго указанія того, какъ одинъ изъ достойнѣйшихъ іерарховъ православной церкви относился къ наболѣвшему вопросу объ изданіи давно готоваго перевода Священнаго Писанія на малорусскій языкъ. Вѣдь долженъ же когда нибудь этотъ вопросъ рѣшиться въ положительномъ смыслѣ, разъ распространеніе христіанскихъ истинъ среди народа является обязательнымъ для христіанской церкви.

П. В.

Сельская сатира. Въ началѣ XIX ст. (1804 г.) въ с. Колодистомъ, Звенигородскаго уѣзда, у крестьянина Ивана Берегового родилась дочь Меланія, слывшая во время дѣвичества особой необычайно остраго ума. Будучи таковой, она еще подросткомъ (не болѣе 15—16 л., т. к. на семнадцатомъ году ее уже выдали замужъ), на вечорныцяхъ или на «досвиткахъ», когда собиралась молодежь, сочиняла по адресу присутствующихъ всевозможныя остроты. И вотъ однажды ей пришло на мысль сочинить виршу, въ которой бы фигурировали всѣ хозяева с. Колодистаго, со включеніемъ и нѣкоторыхъ лицъ не крестьянскаго сословія. Чтобы удобнѣе было привлечь къ сатирѣ свои жертвы, молодая поэтесса взяла сюжетомъ ея «квашу», наваренную въ огромномъ количествѣ, въ извѣстныя отношенія къ которой она и поставила то или иное лице.

Приводимый нами ниже текстъ «Кваши», записанный отъ старожиловъ с. Колодистаго крестьяниномъ Ильей Гайшукомъ, въ настоящемъ своемъ видѣ носитъ на себѣ, безъ сомнѣнія, слѣды безпрерывныхъ наслоеній. Въ теченіе 80 лѣтъ никого изъ упоминаемыхъ первоначально въ сатирѣ лицъ не осталось уже въ живыхъ,—вслѣдствіе чего новыя редакціи къ прежнимъ фамиліямъ, откинувъ имена отцевъ, примѣнили имена сыновей и внуковъ; нѣкоторыя фамиліи добавлены въ позднѣйшее время, являясь анахронизмомъ по отношенію къ первоначальной редакціи.

Но оставивъ въ сторонѣ историческую часть сатиры, считаемъ нужнымъ отмѣтить, что если она и не стоитъ высоко со стороны ли-

тературной, за то многія изъ ея характеристикъ являются столь мѣткими, что врядъ-ли исчезнутъ еще и черезъ десятки лѣтъ.

Начало приводимой нами сатиры отмѣчаетъ и автора, который уже, естественно, фигурируетъ въ образѣ «бабы Меланкы». Слѣдуетъ замѣтить, что авторъ сатиры навсегда получилъ прозвище «Квашыхы», а сынъ ея, нынѣ еще здравствующій 65 лѣтній старикъ, «Квашуна».

Писня про Квашу.

Стара баба Меланка Квашыха
Съ понедилка на вивторокъ
Напарыла кваши видеръ сорокъ;
А якъ стала ій кваша граты,
То сталы стелю рваты;
Тоди сталы думаты—гадаты,
Якъ-бы тую квашу роздаты.
Отъ прыйшовъ Билозиръ—
Набравъ кваши на вузиръ;
Прыйшовъ Журавель—
Набравъ кваши въ карабель;
Отъ прыйшовъ Васыль Горелъ (Орелъ)—
Коло квашы ажъ умеръ;
Прыйшовъ Гулючокъ Горбатый—
Почавъ квашу ту сёрбаты;
Прыйшовъ Горобець Иванъ—
Набравъ кваши у карманъ;
Прыйшовъ ще Якивъ Безуглый
И заглядае изъ-за угливъ [1]);
А якъ прыйшовъ Пацюрна:
«Яка жъ кваша чепурна!»
Прыйшовъ потимъ и Заремба—
Набравъ кваши на ребра,
Прыйшовъ дали Гайшукъ—
Набравъ кваши у капшукъ;
Прыйшовъ знову Швець Мусій—
Коло кваши на день засивъ; [2])

[1]) Былъ скупой, всегда держался сторонь, заглядывалъ изъ-за угла.

[2]) Былъ большой пьяница; характерная черта - куда прійдетъ, тамъ и засядетъ.

Прыйшовъ Журавель Гаврыло—
Набравъ кваши у барыло;
Прыйшовъ Тарасъ Токовый—
Коло кваши ажъ завывъ;
Прыйшовъ ще Кузьма Канакъ—
Набравъ кваши хочъ на знакъ;
Прыйшовъ знову старый Лазуръ [1])
Навколюшкы коло кваши лазывъ;
Прыйшовъ Гордій Турура́—
«Яка жъ кваша дорога́!»
Прыйшовъ Грыгоръ Полишукъ—
Набравъ кваши у капшукъ;
Прыйшовъ ще старый Шевченко—
«Чы це кваша ваша всенька?» [2])
Прыйшовъ ище Иванъ Китъ—
Квашею языкъ опикъ;
Прыйшлы вси Городнюкы—
Взялы кваши въ блызнюкы;
Прыйшовъ Матвій Заверюха—
Набравъ кваши на вуха;
Прыйшовъ Прокипъ Ополонець—
Набравъ кваши цилый корець;
Прыйшовъ Галка Матвій—
Набравъ кваши у запилъ;
Прыйшовъ Трыфинъ Кособлыкъ—
Набравъ кваши у шаплыкъ;
Прыйшовъ Марчукъ Ярехта—
«Яка жъ ваша кваша крепка!»
Прыйшовъ потимъ старый Юзь [3])—
Набравъ кваши у картузъ;
Прыйшовъ Кононъ Баранець—
Набравъ кваши въ гаманець;

---

[1]) Лазаръ Галка, нынѣ 75 лѣтній старикъ. Характеристика перенесена съ отца на сына.

[2]) Этому всегда всего бывало мало.

[3]) Іосифъ (Юзь) Доманицкій, сверстникъ автора сатиры, въ началѣ XIX ст., приписавшійся къ крестьянскому обществу.

Прыйшовъ зновъ Петро Багрій—
И той кваши нагрибъ;[1])
Прыйшовъ ще Танась Коршокъ—
Набравъ кваши у мишокъ;
Прыйшовъ Мыкола Мулинській—
Коло кваши заиржавъ по-кинській;[2])
Прыйшовъ Подопрыгора Танась—
Забувъ на квашу взять прыпасъ;
Прыйшовъ старый Стратій—
На квашу карбованця стратывъ;
Прыйшовъ Заверуха Гаврыло—
Набравъ кваши винъ на рыло;
Прыйшовъ ще Левко Коршокъ—
Набравъ кваши у горщокъ;
Прыйшлы два Прысяжнюкы—
Взялы кваши въ блызнюкы;
Прыйшовъ зъ Лукивкы[3]) Гармыдеръ—
Далы кваши ажъ симъ видеръ;
Прыйшовъ посли старый Щуръ—
Набравъ кваши у кантуръ;
Прыйшовъ Шулякивъ Степанъ—
И той кваши щось набравъ;
Прыйшовъ знову Васыль Ракъ[4])—
Набравъ кваши у корякъ;
Прыйшовъ старый Юхымъ Ракъ—
Коло кваши и заклякъ;[5])
Прыйшовъ Печерыця Ёсыпъ—
И той кваши соби просыть.
Прыйихалы Морозы[6])
Набралы кваши на возы.

---

[1]) Характерная черта для фамиліи Багріевъ.

[2]) Также характерно для даннаго лица, нынѣ еще здравствующаго 74 лѣтняго старика.

[3]) Село Звенигородск. у., въ 4 верстахъ отъ с. Колодистаго.

[4]) Племянникъ автора сатиры. Позднѣйшее наслоеніе.

[5]) Сынъ автора - позднѣйшее наслоеніе.

[6]) Морозы изъ с Торговицы, Уманскаго у.—въ 25 в. отъ с. Колодистаго. Этой фамиліи нѣтъ въ с. Колодистомъ.

Прыйшовъ старый Тарабанъ—
Набравъ кваши въ барабанъ;
Прышовъ ще Грыгоръ Лядецькый—
Возывъ квашу у Бродецьке [1]).
Отъ и въ Бродецьке повезлы—
И тамъ всеи не продалы,
Та ажъ у Калныболота [2]) повезлы,
И тамъ видеръ съ пьять за нюхъ табакы оддалы,
Та и ще всеи не продалы
И такъ до-дому прывезлы.
Отъ прыйшовъ Ополонець Назаръ:
«Везимъ квашу на базаръ!»
Отъ прыйшовъ Танась Курчакъ [3])—
Та й почавъ квашу кончать;
Ажъ прыйшовъ старый Лынець—
А вже й кваши кинець.
А писля всихъ прыйшовъ попивъ Хома [4]),
А вже й кваши нема,
А винъ каже: «трясця вашій ма,
Колы мени кваши нема!»
Щаслыва бабка була,
Що всю квашу роздала!

Къ сожалѣнію, въ данномъ варіантѣ пропущенъ куплетъ про мѣстнаго экономa—Быстрицкаго, которому также дано было мѣсто въ сатирѣ. Когда ему передали объ этомъ, онъ вызвалъ ко двору поэтессу и велѣлъ дать ей 50 горячихъ.

—

Не лишнимъ будетъ отмѣтить, что «писня про квашу» послужила образцомъ для другихъ шутливыхъ произведеній, сочиняемыхъ

---

[1]) С. Звениг. у. въ 9 в. отъ с. Колодистаго. Позднѣйшее наслоеніе т. к. Лядецкіе появляются въ с. Колодистомъ въ 1860 г. изъ м. Екатеринополя (Калниболотъ).

[2]) Мѣст. Звениг. у., въ 10 в. отъ с. Колодистаго, ближайшій базарный пунктъ.

[3]) Нынѣ 65 лѣтній старикъ.

[4]) Ѳома Доманицкій, нашъ двоюродный дѣдъ, сверстникъ автора сатиры, бывшій всю жизнь (съ 1817—1877) дьячкомъ въ с. Колодистомъ Женился онъ на крестьянкѣ и былъ неизмѣннымъ посѣтителемъ вечорыць.

крестьянами с. Колодистаго. Отрывокъ такого стихотворенія, составленнаго въ послѣдніе 5—10 лѣтъ, несомнѣнно въ духѣ «писни про квашу», мы и приводимъ [1]).

Була у нашого Остапа
Ряба кобыла,
Симъ годъ горшкы возыла,
Тай ни одного не розбыла.
А якъ вона умерла,
То ногамы двери пидперла.
Сходылысь тоди уси бра́ты:
«Будемъ кобылу рятуваты!»
Прыбигъ Заверуха—
Бере кобылу за вуха;
Прыбигъ Заремба—
Ударывъ кобылу по ребрахъ;
Прыбигъ Макаръ—
Та кобылу злякавъ;
Прыбигъ Горобець—
Ставъ съ кобылы жеребець.
Не журиться вы, дивчата:
Й ты Ярыно,
Й ты Марыно,
Й ты Явдохо,
Й ты Мартохо
И ще Гапчукова Хрысте:
Буде зъ нашои кобылы до-чорта корысты:
Изъ грывы—свытка,
А зъ спыны—скрыпка,
А зъ реберъ—нары,
Ще й будуть комусь окуляры!».

Сообщ. **В Доманицкій**.

---

[1]) По записи крестьянина, просившаго не открывать его имени,—въ виду могущихъ быть непріятностей со стороны главнаго дѣйствующаго лица данной сатиры—Остапа Пономаренка. Этотъ послѣдній, дѣйствительно, покупаетъ никуда негодныхъ лошадей, чуть-ли не по $1^1/_2$ руб. пару, и заѣзживаетъ ихъ до смерти.

Маляръ-стихотворецъ. Въ с. Ивахнахъ, липовецкаго уѣзда, въ настоящее время проживаетъ нѣсколько семействъ изъ фамиліи Заборовскихъ; числятся они липовецкими мѣщанами и занимаются всѣ (мужчины) иконописаніемъ.—По липовецкому, гайсинскому и др. смежнымъ уѣздамъ кіевской и подольской губерній разъѣзжаютъ Заборовскіе, красятъ церкви, расписываютъ иконостасы; лѣтомъ они постоянно въ разъѣздахъ, а зимою пишутъ иконы и развозятъ по ярмаркамъ.—Родоначальникомъ этой фамиліи былъ дворянинъ Михаилъ Сидоровичъ Заборовскій, служившій въ Липовцѣ въ чинѣ губернскаго регистратора еще въ началѣ XIX столѣтія. Въ молодости онъ оставилъ службу, полюбилъ искусство иконописанія, предался ему всею душою, работалъ усердно и, какъ видно по имѣющимся въ церкви въ с. Ивахнахъ его иконамъ, достигъ замѣчательнаго совершенства въ этомъ дѣлѣ,—около ста лѣтъ назадъ писаны эти иконы, но лики святыхъ такъ явственно изображены и такою хорошею краскою, что подновлять ихъ пока нѣтъ надобности, да и опасно при нынѣшнемъ состояніи иконописанія въ селахъ. По разсказамъ старожиловъ и его сына Панкратія, коему теперь 82 г., покойный Михаилъ Заборовскій ходилъ всегда въ подрясникѣ, какъ ходятъ причетники, былъ очень религіозенъ. Ему даже предложено было однажды принять священническій санъ, но по смиренію онъ отказался и считалъ себя достойнымъ только быть церковнымъ старостою въ с. Ивахнахъ.

Иконы своей работы онъ не развозилъ по ярмаркамъ, а къ нему являлись церковные старосты изъ дальнихъ селъ и, не торгуясь, за предложенную имъ цѣну брали его издѣлія; Заборовскій же съ своей стороны никогда не бралъ за свои издѣлія дороже того, что стоилъ ему трудъ, краска и проч. Заборовскій велъ знакомство съ священниками, былъ вездѣ принятъ, какъ свой, и особенно любилъ ѣздить въ таращанскій уѣздъ, гдѣ имѣлъ между священниками самыхъ близкихъ друзей; въ м. Пятигорѣ, при погостѣ церковномъ, окруженномъ торговою площадью, Заборовскій иногда выставлялъ свои издѣлія. Будучи живописцемъ, Заборовскій вмѣстѣ съ тѣмъ обладалъ даромъ стихотворства и любилъ къ иконамъ приписывать стихи собственнаго сочиненія. Питая къ семейству мѣстнаго священника о. Василія Крыжановскаго особое расположеніе, онъ написалъ ему на память икону спящаго Спасителя, окруженнаго орудіями страданій, и подъ иконою написалъ слѣдующіе стихи:

Се спитъ, какъ человѣкъ, не дремлющій отъ вѣкъ.
Его блаженный сонъ; что жъ въ немъ видитъ онъ?
Крестъ, гвоздіе, копье—страданіе свое.
Онъ распятъ былъ отъ рукъ жидовскихъ.
Спаси родъ Крыжановскихъ.

Въ домѣ Ивахновскаго священника Василія Васильевича Крыжановскаго (сына), живущаго на приходѣ болѣе 30 лѣтъ, и теперь имѣется на дверяхъ, ведущихъ въ комнаты, большая картина, на коей изображенъ отецъ—старикъ, одѣтый въ священническую рясу, съ длинными волосами, стоящій въ молитвенномъ положеніи; предъ нимъ на столѣ чернильница съ гусинымъ перомъ, а по другой сторонѣ стола стоитъ молодой юноша, чрезвычайно благообразный, съ наклоненною головою, принимающій какъ-бы отъ отца родительское благословеніе. Подъ картиною стихи:

Честь имѣй, много не пей,—будешь здоровъ;
Въ должномъ трудись, мѣры держись,—будешь богатъ.
Бога ты чти, врагамъ не мсти,—будешь правдивъ;
Съ кротостью знайся, тяжбы удаляйся,—будешь счастливъ;
Чистосердъ будь, воздержи грудь,—будешь любимъ.
Помни о сихъ, что въ единъ мигъ будеши мертвъ.

Замѣчательно, что покойный Заборовскій къ каждой иконѣ, которую предназначалъ своему пріятелю, старался непремѣнно приписать нѣсколько стиховъ. Въ старину стихи любили писать не только на иконахъ и картинахъ, но и на дверяхъ при входѣ въ домъ. Старики разсказываютъ, что въ ихъ время на дверяхъ многихъ духовныхъ особъ, при входѣ, имѣлись стихи.

Въ Кіевѣ на дверяхъ кельи одного монаха были стихи слѣдующаго содержанія:

«Приходи не докладываясь,
Выходи не оглядываясь,
А если нѣтъ ключа,
Отходи не стуча».

Михаилъ Заборовскій прожилъ 98 лѣтъ и погребенъ при церкви с. Ивахновъ, гдѣ и теперь видна его могила; кромѣ дѣтей и внуковъ, всѣ мѣстные крестьяне глубоко чтутъ память его.

П. Клебановскій.

По поводу статьи Ц. Г. Неймана о Бондаривнѣ. Я съ удовольствіемъ прочелъ въ мартовской книгѣ «Кіевской Старины» статью г. Неймана о малорусской пѣснѣ «Бондаривна», трактатъ, въ коемъ онъ глубоко исчерпываетъ значеніе и смыслъ подобныхъ пѣсенъ въ ряду другихъ произведеній народнаго творчества. Въ 1885 году въ той же «Кіевской Старинѣ» была напечатана моя замѣтка о двухъ украинскихъ пѣсняхъ, казавшихся мнѣ мало извѣстными собирателямъ народныхъ пѣсенъ. Тогда, помнится мнѣ, откликнулся на эту мою статью покойный И. П. Новицкій, указавшій нѣкоторыя невѣрности въ сообщаемыхъ о панѣ Каневскомъ свѣдѣніяхъ.

Пѣсня была записана мною такъ, какъ я слыхалъ ее въ народѣ, (а именно въ каневскомъ уѣздѣ) въ тѣхъ годахъ (1860—1866). Разсказъ объ убійствѣ Бондаривны паномъ Каневскимъ, нѣсколько разнящійся по основной фабулѣ отъ пѣсеннаго изображенія этого эпизода, я слышалъ тоже въ каневскомъ уѣздѣ, въ 20 верстахъ отъ села Потокъ, въ с. Дударяхъ.

Г. Нейманъ не указалъ точно, въ чемъ онъ находитъ искаженіе пѣсни въ записанномъ мною варіантѣ, но можно предполагать, что искаженіе это онъ видитъ въ основной фабулѣ событія моего варіанта, по каковой фабулѣ нѣсколько затушевывается идеализація дѣвичьей цноты Бондаривны, чѣмъ, разумѣется, пѣсня эта изъ общенародной баллады сводится къ стихотворному разсказу о случившемся съ дочерью бондаря, такъ сказать конкретируется сказаніе около опредѣленныхъ лицъ и даже мѣстъ съ возможной въ такой формѣ разсказа реальностію. Пѣсню эту нельзя отнести къ историческимъ, но въ то же время врядъ ли можно считать ее достояніемъ общенародной идеализаціи дѣвичьей невинности и насилія какой-то мрачной силы. У насъ имѣются еще нѣсколько пѣсенъ, въ коихъ воспѣты жизненные случаи разныхъ, но точно по имени и даже прозвищу опредѣленныхъ лицъ. Таковы пѣсни: о «Лымарихѣ», гулявшей «на меду» и пропившей нѣкоему Шкандыбенку «свою дочку молоду»; о «Семенѣ», коего съ дѣтьми малыми бросаетъ жена Катерына; о загулявшемъ съ компаніею своей братіи ремесленниковъ Куперьянѣ; о какомъ-то дураковатомъ Явтухѣ, дозволяющемъ послѣ усиленной просьбы поцѣловать себя, но съ предупрежденіемъ, чтобы цѣлующая не укусила его; объ «Устасѣ»—коханкѣ, не смѣющей приступить къ выглядывающему въ тюремное оконце любимому ею козаку. Все это несомнѣнно конкретные жизненные эпизо-

ды, послужившіе темою для пѣсенныхъ о нихъ разсказовъ, какъ и тѣ, о которыхъ говоритъ г. Нейманъ въ своей статьѣ.

Вообще, я не вижу даже и причинъ, почему пѣсню о Бондаривнѣ слѣдуетъ отнести къ общенароднымъ типамъ пѣсенъ, а не признавать за нею значенія воспѣтаго частнаго случая, своевременно поразившаго окружающую среду своею драматичностью. Наконецъ, г. Нейманъ не даетъ намъ даже примѣра чего-либо аналогичнаго въ пѣсняхъ другихъ племенъ, если не считать варіантъ этой же самой «Бондаривны» у бѣлоруссовъ, очевидно ими заимствованный.

Кромѣ основной фабулы, г. Нейманъ видитъ искаженіе въ словахъ «ружье заряжае». Ну, это неизбѣжное уже въ народной рѣчи измѣненіе, которое сказывается на всемъ обшарѣ Украины, поставленной въ обязательное общеніе съ русскою рѣчью. «Заряжаты ружье» на столько же русское, а не чисто малорусское выраженіе, насколько «рушницю набывать»—польское. На Кубани говорятъ: «вынтовку заправлять». Съ этимъ слѣдуетъ мириться, какъ вообще съ эволюціонизмомъ рѣчи. Теперь нельзя услыхать въ Полтавщинѣ той малорусской рѣчи, какую читаемъ въ прекрасныхъ очеркахъ народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII столѣтія Ор. Левицкаго (Кіевская Стар. 1901 г.). И въ «Бондаривнѣ» мы встрѣчаемъ въ разныхъ ея варіантахъ неправильности малорусской рѣчи и даже мало понятныя выраженія: «прыхожала», «вывожала», «не прыступай (не прытыскай?) за пальчыкы», творительный падежъ съ окончаніями на *ой*, вмѣсто—ою: «зъ набытой рушныцей».

Что жъ дѣлать? Такія искаженія мы теперь сплошь и рядомъ встрѣчаемъ. Но что касается основной фабулы пѣсни, то я стою на томъ, что пѣсня воспѣваетъ конкретный случай и не во всѣхъ ея варіантахъ имѣетъ подчеркнутою дѣвичью «цноту» ея героини. Для меня, достаточно знакомаго съ бытомъ народа и его этикой, нѣкоторыя выраженія въ пѣснѣ о Бондаривнѣ не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что и плачущій надъ ея горькою долею народъ все-таки видѣлъ въ ней особу не совсѣмъ корректнаго поведенія. Беру на выдержку выраженія, помѣщенныя въ варіантахъ пѣсни, приводимыхъ г. Нейманомъ:

Ой у Луцку, славнимъ мисти, капелія грае,
Молодая Бондаривна *всю ничку гуляе*... (Костомаровскій варіантъ)

А маешъ ихъ, моя мамко, отъ бо дома петь, петь,
Не пускай ихъ пизно въ корчму, та най дома спеть, спеть.
А маешъ ихъ, моя мамко, отъ бо дома дви, дви,
Не дай имъ таку волю, якусь дала мени. (Два галицкіе варіанта Вацл. съ Ол. и Головацкаго).
Вдарылася Бондарыха по поламъ рукамы:
Казала я тоби, доню, не стій зъ козакамы (т. е. зъ прислугою панскою). (Вар. Голов.).
Тамъ *гуляла Бондаривна всю ниченьку пьяна* (вар. Лысенка).

Наконецъ, слова моего варіанта въ сопоставленіи съ записаннымъ разсказомъ и съ грубою, неприличною для «цнотливой» дѣвушки фразою—«за пса тебе маю»:

Чы кохаешъ, Бондаривно, якъ перше кохала,
Та якъ перше до намету було прыхожала?
Якъ кохала тебе, пане, такъ теперъ кохаю:
Де побачу межъ панамы, *за пса тебе маю.*

Даже въ бѣлорусскомъ переспѣвѣ:

Адцуляла, мае дзиця, *зъ* тыми *дворакамы.*

Что же? Все это *искаженія*?

Предложенная мнѣ г. Нейманомъ провѣрка правильности записи мотива пѣсни, мнѣ, ровно ничего не смыслящему въ нотахъ, далась не легко: мнѣ пришлось обращаться ко многимъ музыкантамъ мѣстнымъ, объясненія коихъ меня мало удовлетворяли. Проигрываемые ими оба мотива—мой и г. Неймана—выходили однимъ и тѣмъ же напѣвомъ. Наконецъ я попалъ человѣка, который довольно для меня вразумительно истолковалъ мнѣ въ чемъ дѣло. Минуя всѣ подробности разъясненія, такты, ферматы и т. п., мало понятные для меня, я уразумѣлъ, что въ мотивѣ, записанномъ г. Краснокутскимъ, не разставлены, какъ слѣдуетъ, музыкальные знаки препинанія, и потому признаю, что мотивъ г. Неймана болѣе правиленъ, нежели записанный мною или, что тоже, г. Краснокутскимъ.

Б. Познанскій.

Варіанты къ пѣснѣ о Бондаривнѣ. Статья г. Неймана о Бондаривнѣ вызвала присылку въ редакцію изъ разныхъ мѣстъ Малороссіи варіантовъ этой пѣсни. Не находя нужнымъ печатать цѣликомъ эти варіанты, мы выбираемъ изъ нихъ лишь такія мѣста, которыя представляютъ какія-нибудь новыя черты этой широко распространенной баллады.

Варіантъ, записанный отъ 60-тилѣтней крестьянки изъ с. Фарбованаго, пирят. у., сопровождается слѣдующимъ ея же поясненіемъ: панъ Канёвскій, о которомъ поется въ пѣснѣ, былъ владѣльцемъ хутора Каневскаго, (что въ переясл. уѣздѣ). Онъ былъ очень уродливъ,— его лицо было изрыто оспой. Въ числѣ его крестьянъ былъ бондарь, имѣвшій красавицу дочку. Зная его за человѣка, способнаго на рѣзкій отпоръ, панъ Канёвскій не рѣшился открыто взять себѣ въ любовницы его дочь, а прибѣгъ къ хитрости: выслалъ Бондаря въ «далеку дорогу» для покупки нужныхъ въ его ремеслѣ матеріаловъ и по поводу его отъѣзда устроилъ пиръ, расчитывая при этомъ осуществить свои замыслы относительно Бондаривны. Съ этого и начинается пѣсня.

Ой выкотывъ панъ Канёвськый тры бочкы горилкы:
«Пыйте, люде, горилочку, та просите Бога,
Щобъ нашому бондарыку щаслыва дорога».
Пылы люде горилочку, говорылы тыхо:
«Тикай, тикай, Бондаривно, буде тоби лыхо!»
Якъ побигла Бондаривна степамы тикаты,
Ой угледивъ панъ Канёвськый та й ставъ доганяты.
Якъ побигла Бондаривна до мостка тикаты,
Вже наздогнавъ панъ Канёвськый та й ставъ цилуваты.
— «Незугаренъ. незугаренъ мене цилуваты,
А зугаренъ ты, Канёвській, мене роззуваты».
Въ чыстимъ поли-поляночци вивчарычокъ грае,
Ой тамъ же, тамъ панъ Канёвськый ружжё заряжае.
Ой выстрелывъ въ Бондаривну пидъ правую руку,
Збиглысь люде дывытыся на велыку муку.
Ой понеслы Бондаривну у нову свитлыцю,—
Крычыть, крычыть панъ Канёвськый: «Несить у темныцю!»

Дальше слѣдуютъ общеизвѣстные стихи о кровавомъ слѣдѣ несомой Бондаривны.

Якъ вгледила Бондарыха—рукамы сплеснула:
«Дочко моя едыная! Навикы заснула!»
Ой почалы говорыты вси добрыи люде:
«Не плачъ, тикай, Бондарыхо, бо й тоби те буде!

Варіантъ, сообщенный Д. И. Эварницкимъ и записанный имъ въ с. Куликовомъ-полѣ, ананьевскаго у. херс. губ., имѣетъ такое начало:

Ой на гори коршомочка, де лёнъ, де лёнъ брала,
А у тои коршомочкы Бондаривна грала.
Ой гуляла Бондаривна темненькои ночи,
И сподобавъ панъ Канёвськый, що каріи очи.
Звеливъ, звеливъ панъ Канёвськый музыкы наняты,
А самъ узявъ Бондаривну та й пишовъ гуляты.
Молодая Бондаривна жарту не прыйняла,—
Якъ одвела билу ручку, та й по морди дала.
Найихалы чумаченькы, все чужіи люде:
«Тикай, тикай, Бондаривно, горе тоби буде!»
Ой тикала Бондаривна мостомъ по-за мистомъ,
А за нею панъ Канёвськый зо всимъ своимъ військомъ.

Далѣе говорится о томъ, какъ ее поймали «на камьянимъ мости» и привели «на новое подвирья»; вопросъ Канёвскаго, желаетъ ли она «въ билимъ свити жыты», или «въ сырій земли гныты», и отвѣтъ Бондаривны, что она предпочитаетъ послѣднее. Сцены убійства нѣтъ, а прямо слѣдуетъ распоряженіе Канёвскаго объ изготовленіи «труны» и стихи о кровавомъ слѣдѣ «куды везлы Бондаривну».

Варіантъ изъ г. Кременца, волынской губ., сообщенный В. Храневичемъ, начинается какъ большая часть волынскихъ варіантовъ, съ измѣненіемъ лишь имени города:

У Варшави, на рыночку, капелія грае;
Молодая Бондаривна въ ратуши гуляе.
Прыйшовъ до ней панъ Канѣвськый,—на бикъ шапку носыть,—
Молодую Бондаривну на медъ-выно просыть.

Слѣдуетъ рядъ его вопросовъ: «Ой чы волышъ... медъ-выно пыты,—кытайку носыты,—въ салопи ходыты», или въ сырій земли гныты? Послѣ отвѣта Бондаривны, что она предпочитаетъ послѣднее,—

Ой сказалы Бондаривни та добріи люде:
«Тикай, тикай, Бондаривно, бида тоби буде!»

Бондаривна «утикала у чысте поле,—помыжы домамы,—помыжы крамныци», за нею гонится Канѣвскій и стрѣляетъ «зъ тонкои рушныци». Раненная—

Ой прибигла до батенька, на порози впала:
«Теперъ же я, мій батеньку, на викы пропала!»
Ударывся старый Бондарь объ полы рукамы:
«Не разъ, не два наказувавъ: не пый зъ дворакамы!»

Дальше—распоряженія Канѣвскаго о наймѣ столяровъ «труну збудуваты», «муляривъ грибъ вымуроваты» и «музыкъ—маршъ до гробу граты».

Мелочи изъ архивовъ Юго-западнаго края. 1) *Свадьба заплечнаго мастера.* Въ 1838 г. кіевскій заплечный мастеръ Иванъ Смеречинскій и содержащаяся подъ стражею дѣвка Ѳекла Гурская возымѣли желаніе сочетаться бракомъ, при чемъ, дабы между супругами не было въ религіи различія, С., римско-католическаго обряда, рѣшился принять православное грекороссійское исповѣданіе.

Изъ молодыхъ: С.—незаконнорожденный сынъ жительки заштатнаго города Смотрича (Под. губ.), Розаліи Смеречинской, сосланной въ Сибирь на поселеніе. Гурская же, уроженка мѣстечка Черче, дочь шляхтича, содержалась въ тюрьмѣ по несостоятельности къ уплатѣ пени за контрабанду въ 365 р. (5-лѣтнее заключеніе).

Бракъ разрѣшенъ консисторіею, «не вѣдавшею о воспрещеніи кому-бы то ни было изъ неслужащихъ показывать заплечныхъ мастеровъ, содержащихся въ тюрьмѣ, наравнѣ съ арестантами».

Когда дѣло было сдѣлано, генералъ-губернаторъ приказалъ не препятствовать сожительству новобрачныхъ, съ тѣмъ, однако, чтобы Гурская отсидѣла въ заключеніи срокъ, указанный ей судебнымъ приговоромъ.

—

2) *Рожки въ хлѣбныхъ колосьяхъ.* Въ 1838 году таращанскій земскій судъ доносилъ кіевскому военному губернатору: «По случаю происходящихъ въ настоящее лѣто частыхъ дожей, въ ржаныхъ ко-

лосьяхъ уродилось много спорыньи, или черныхъ рожковъ, признаваемыхъ простолюдинами добрымъ признакомъ; но эти черные рожки, по заключенію г-на таращанскаго уѣзднаго лѣкаря, суть весьма вредны, такъ что при употребленіи въ пищу, даже въ маломъ количествѣ, производятъ жестокіе припадки; но человѣка, принявшаго ихъ во множествѣ, они поражаютъ антоновымъ огнемъ...»

Генералъ-губернаторъ, не довѣряя «огню», тѣмъ не менѣе призналъ употребленіе рожковъ въ пищу вреднымъ, и въ циркулярѣ на имя гг. губернаторовъ предложилъ предупреждать населеніе о вредѣ рожковъ и побуждать поселянъ заняться отдѣленіемъ рожковъ отъ зерна усерднымъ вѣяніемъ, или промывкою, при коей рожки всплываютъ на поверхность воды...

Сообщ. *А. Мёрдеръ.*

Текущія извѣстія.

Памяти И. И. Манжуры. «Вѣстникъ Юга» посвящаетъ нѣсколько прочувствованныхъ строкъ памяти И. И. Манжуры, по случаю истекающаго въ будущемъ году десятилѣтія со дня его смерти. «Манжура,—говоритъ екатеринославская газета,—покоящійся на нашемъ Севастопольскомъ кладбищѣ, принадлежалъ къ тѣмъ огонькамъ-самородкамъ, которые не мирились съ обступавшими жизнь сумерками. Личность И. И. Манжуры немного загадочна, а скитальческая часть ея мало извѣстна. Но, несомнѣнно, онъ былъ натурой, выходящей изъ ряда вонъ по своимъ дарованіямъ.

Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній онъ говоритъ объ исходномъ пунктѣ, опредѣлившемъ всю его дѣятельность:

Любовъ къ людыни, недолею стритій,
Мени проказала, сумуючы, ихъ.

Она же, любовь къ «униженнымъ и оскорбленнымъ», обойденнымъ судьбою, наложила грустный оттѣнокъ на всю его жизнь:

Любовы жъ безъ суму немае на свити,
А може и есть де... у царстви святыхъ...

Эта же любовь къ «людыни недолею стритій» бросила его въ народную среду, гдѣ

Лыхе горе та бидонька.
Мовъ гирка та лобидонька,

заѣли жизнь человѣка, «питающагося лебедой». Онъ съ любовью старой матери-козачки прислушивался къ его стону, вникалъ въ его нужды, записывалъ его пѣсни,—его глубоко поэтическія пѣсни, отражающія всѣ думы и чувства малоросса, и непрестанно твердилъ про него обществу въ своихъ пѣсняхъ и этнографическихъ очеркахъ. Только у Манжуры могло вылиться столько стихотвореній, проникнутыхъ народнымъ горемъ и съ поражающей реальностью отражающихъ народную скорбь о «нивѣ, стомленній, спеченній, пыломъ прибытій и дощемъ не полытій», «о малыхъ незмысленныхъ диткахъ», о лежащей безъ корму «худобѣ» и «безверхой хатынѣ». Только Манжура, весь проникнутый заботами и радостями малоросса земледѣльца, могъ воскликнуть, глядя на «добру ныву», такимъ наивнымъ, нѣжнымъ языкомъ:

Гарнее житце, помножъ ёго, Боже!
Всяку даешъ Ты годыну!
Дай, да мынае торишня недоля
Бидну трудящу людыну...

Но если и мольба его не разгоняла тоски, навѣянной «торишней недолей бидной трудящей людыни», онъ размыкивалъ свою горечь обычнымъ способомъ...

Тылькы инколы въ куточку
Пожурышся стыха
Та гиркою (не слезою)
Зальешъ свое лыхо.

У Манжуры мало стихотвореній и очерковъ, гдѣ-бы народъ не являлся центральной фигурой всѣхъ его думъ и чувствъ. Юношеская любовь не пробуждаетъ въ немъ воспоминаній о «шопотѣ, робкомъ дыханьѣ» и лунныхъ ночахъ. Вспоминаетъ онъ бѣдную комнатку, «келью святую, дѣвственныхъ думъ и завѣтовъ полную», гдѣ *онъ* съ *нею* читаетъ о томъ же удрученномъ нуждою народѣ. Покинутый любимой дѣвушкой, онъ не упрекаетъ ее за обманутую любовь и разбитое сердце, но онъ не можетъ ей простить перехода въ иной лагерь, гдѣ проклинаютъ то, чему они молились и о чемъ мечтали всю свою жизнь.

Судьба Манжуры была очень печальна. Онъ велъ скитальческую горемычную жизнь; къ концу ея онъ чуть-ли не утратилъ литературную рѣчь и предавался извѣстному пороку. Онъ самъ писалъ про свою горькую жизнь:

Не хрещатымъ барвиночкомъ,
Не запашнымъ васылечкомъ
Життя наше процвило;
Лыхо гирке та бидонька,
Мовъ гирка та лобидонька,
Его змалку проросло...

Эту жизнь нѣсколько красила литературная работа.

Умеръ Манжура въ земской больницѣ, и сопровождалъ его гробъ больничный сторожъ»... («Вѣстникъ Юга», № 33).

Къ этому необходимо прибавить, что до сихъ поръ даже литературное наслѣдіе этого даровитаго поэта не приведено въ извѣстность. Небольшая книжка стихотвореній, изданная въ 1889 г. въ Петербургѣ покойнымъ профессоромъ Потебней, подъ заглавіемъ «Степови спивы та думы» составляетъ лишь незначительную часть этого наслѣдія. Остальное находится неизвѣстно гдѣ, если только не утрачено уже окончательно и безвозвратно. Неужели лица, у которыхъ находятся бумаги покойнаго писателя, не откликнутся и теперь и допустятъ, чтобы выстраданныя поэтомъ произведенія затерялись окончательно? Это было бы преступленіемъ и предъ памятью поэта, и предъ родной литературой, однимъ изъ талантливыхъ дѣятелей которой былъ Манжура...

Мѣсто для памятника И. П. Котляревскому. Въ засѣданіи Полтавской городской думы 21 марта, окончательно разсмотрѣнъ вопросъ о мѣстѣ для постановки памятника Котляревскому. Городской голова прочелъ заявленіе 15 гласныхъ объ отмѣнѣ состоявшагося послѣдняго постановленія, коимъ рѣшено памятникъ поставить на площадкѣ противъ гостинницы Воробьева, и затѣмъ обратился къ собранію съ предложеніемъ: не открывая дебатовъ, чтобы не повторять того, что уже много разъ было говорено, приступить прямо къ рѣшенію вопроса путемъ подачи мнѣній на запискахъ. Соглашаясь пересмотрѣть вопросъ, нѣкоторые изъ гласныхъ все-таки настаивали на томъ, чтобы

въ собраніи были открыты пренія, но большинство высказывалось противъ этого, и какъ только кто-нибудь изъ гласныхъ начиналъ говорить, со всѣхъ сторонъ раздавались голоса: «довольно! знаемъ! мы это уже слышали» и проч.

Гласные Старицкій и Пилипенко болѣе другихъ стояли за возстановленія нѣкоторыхъ доводовъ за и противъ того или другого мѣста, но ихъ заявленія не увѣнчались успѣхомъ, такъ какъ дума большинствомъ рѣшила не открывать преній и приняла предложеніе городского головы. По запискамъ 11 гласныхъ высказалось за Ивановскую, 14 за Протопоповскую, 9 за площадку противъ Воробьева, 4 за мѣсто противъ дома Радунскаго, 2 за уголъ противъ сгорѣвшихъ лавокъ и 1 за Петровскую площадь. Затѣмъ по очереди подверглись баллотировкѣ первыя пять изъ перечисленныхъ шести мѣстъ, при чемъ получились такіе результаты: Протопоповская получила 15 бѣл и 15 черныхъ шаровъ, Ивановская 12 б. и 18 ч., Воробьевская площадка 13 б. и 17 ч., мѣсто противъ дома Радунскаго 8 б. и 21 ч. и уголъ М.-Петровской и Протопоповской противъ Еврейскихъ лавокъ 5 б. и 24 ч. Такимъ образомъ дума окончательно рѣшила памятникъ поставить на Протопоповской ул., что и было подтверждено единогласно открытой подачей голосовъ, произведенной гор. головой предъ закрытіемъ засѣданія.

Г. Певный, которому заказанъ постаментъ для памятника Котляревскому, заявилъ полтавскому городскому головѣ, что какъ самый постаментъ, такъ и ступени къ нему уже совершенно закончены и въ непродолжительномъ времени все это будетъ въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ частяхъ перевезено въ Полтаву. Постаментъ вѣситъ около 1,000 пудовъ («Полт. губ. Вѣд.» № 67 и 68).

Козацкая старина. Извѣстный историкъ Запорожья, профессоръ Московскаго университета Д. И. Эварницкій, по словамъ «Прид. Кр.», принесъ въ даръ открывающемуся въ маѣ въ городѣ Екатеринославѣ музею древностей имени А. Н. Поля свою обширную коллекцію, которую онъ собиралъ въ теченіе многихъ лѣтъ въ мѣстахъ бывшаго Запорожья. Коллекція эта состоитъ изъ вещей временъ доисторическихъ, временъ историческихъ, а главнымъ образомъ—козацкаго періода: рѣдкія картины съ изображеніемъ запорожцевъ, вооруженіе, церковныя вещи, рукописи, ножи, ложки, чашки, посуда,

орнаментированныя кафли изъ куреней, бокуны, или церковныя мѣста для сидѣнія старшинъ въ церкви во время чтенія псалмовъ и пр. Нѣкоторыя изъ этихъ предметовъ старины составляютъ уники, доставшіеся собирателю послѣ долгихъ трудовъ, стоившихъ денегъ и времени. Въ числѣ отправленныхъ рѣдкостей имѣются громадныя кости мамонта, добытыя въ Екатеринославскомъ уѣздѣ, черепа и рога древнихъ туровъ и нѣсколько запорожскихъ череповъ, изъ которыхъ одинъ служилъ моделью для художника Е. Е. Рѣпина къ картинѣ его «Запорожцы». Это не послѣдній вкладъ со стороны Д. И. Эварницкаго: у него намѣчено еще много интересныхъ археологическихъ находокъ, которыя будутъ отправлены въ тотъ-же екатеринославскій музей.

Предметы церковной старины въ Полтавской губерніи. Учрежденная въ Полтавѣ особая коммиссія по подготовительнымъ работамъ для предстоящаго въ августѣ XII Археологич. Съѣзда и выставки при немъ разослала настоятелямъ церквей въ губерніи вопросные пункты относительно сохранившихся предметовъ старины и получила отъ нихъ свѣдѣнія, ясно указывающія на то, что Полт. губернія далеко не такъ бѣдна древностями, какъ принято думать. Несомнѣнно, что далеко не всѣ настоятели отозвались на призывъ коммиссіи, но и полученные отвѣты дали возможность составить довольно большой списокъ старинныхъ предметовъ, недавно опубликованный въ № 74 Полт. Губ. Вѣдомостей. Однихъ рукописныхъ книгъ (не считая документовъ и копій указовъ) въ немъ названо 12. Между ними поименовано рукописное евангеліе будто-бы XII в. (въ с. Рымаровкѣ, Гад. у.), такое же евангеліе 1657 в. (въ соборной церкви г. Кобелякъ) и нѣсколько богослужебныхъ книгъ безъ хронологическихъ датъ. Старопечатныхъ богослужебныхъ и учительныхъ книгъ указано: Львовской печати XVII в.—17; Кіевской—19; Виленской XVI—XVII в.—3; Почаевской XVIII в.—1; Черниговской и Новгородъ-Сѣверской XVII—XVIII в.—4. Предметовъ церковной утвари (чашъ, дарохранительницъ, крестовъ, облаченій, иконъ и т. под.) сохранилось очень много, но не древнѣе XVIII в. Впрочемъ, хронологическія даты, указанныя настоятелями, нуждаются въ повѣркѣ.

Въ томъ же спискѣ есть указанія и на коллекціи старинныхъ предметовъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ.

Попытка обзора украинской литературы. Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 102) помѣщена статья г. С. Р. «Очерки новѣйшей малорусской литературы»—обзоръ украинской беллетристики, помѣщенной на страницахъ «Кіевской Старины» и «Л.-Н. Вѣстника». Дольше другихъ авторъ останавливается на произведеніяхъ г.г. Гринченка, Эварницкаго, Левенка, Яновской, Днипровой Чайки и Коцюбинскаго, дѣлая попытку дать литературную характеристику каждаго изъ названныхъ писателей. Къ сожалѣнію, авторъ иногда судитъ слишкомъ субъективно и потому его характеристики не всегда удачны, а иногда и прямо несправедливы (таковъ, напр., отзывъ объ «искусственномъ» и «тяжеломъ» языкѣ произведеній г. Гринченка, съ трудомъ понимаемомъ, будто бы, даже читателями малороссами). Но, несмотря на указанный недостатокъ, статью г. С. Р. нужно признать очень интересной, какъ одну изъ немногихъ въ русской печати попытокъ обзора современной украинской литературы. Благодаря нѣкоторымъ обстоятельствамъ, такіе обзоры почти не встрѣчаются на столбцахъ общей русской печати, о чемъ нельзя не пожалѣть въ виду того, что лучшія произведенія украинской литературы могли бы заинтересовать и русскую публику. Тѣмъ болѣе это было бы полезно для украинской литературы, не имѣющей пока въ Россіи собственныхъ органовъ для обсужденія вопросовъ литературы и жизни и находящейся вообще въ особыхъ условіяхъ существованія. «Нашимъ малорусскимъ писателямъ,—справедливо замѣчаетъ авторъ «Очерковъ»—не легко дождаться, чтобы ихъ произведенія были собраны и изданы. Въ Малороссіи совершенно нѣтъ обезпеченныхъ съ денежной стороны издательскихъ фирмъ; для покровительства малорусской изящной словесности нѣтъ ни литературныхъ обществъ, ни періодическихъ изданій. Всѣ малорусскіе писатели пишутъ gratis, всѣ они не могутъ посвятить себя литературному поприщу и развивать свой талантъ: каждый пишетъ урывками, между дѣломъ, отрывая свободную минутку отъ платной обязательной работы, не тогда, когда хочется писать, когда вдохновеніе свободно льется, а когда случайно явится праздный часъ внѣ изсушающей, подчасъ совершенно не соотвѣтствующей поэту работы». Конечно, указанными обстоятельствами не исчерпываются всѣ препятствія, стоящія на пути нормальнаго развитія украинской литературы, но и они играютъ очень важную роль, а потому необходимо какъ можно чаще указывать на нихъ и стараться парализовать ихъ вредное вліяніе.

О сепаратизмѣ и партикуляризмѣ. «Кавказскій Вѣстникъ» (кн. за мартъ) въ статьѣ «Сепаратизмъ и партикуляризмъ» останавливается на вопросѣ «о допустимости національныхъ особенностей и о правѣ существованія внутри русскаго государства самостоятельныхъ инородческихъ культуръ». «Допустимо-ли, съ точки зрѣнія правильно понимаемыхъ государственныхъ пользъ и нуждъ, рядомъ съ все болѣе и болѣе распространяющимся знаніемъ русскаго языка—знаніе туземцами своихъ національныхъ языковъ и употребленіе ихъ при сношеніяхъ съ земляками? При полученіи назначенія на Кавказѣ—caeteris paribus, знаніе чиновникомъ своего родного языка есть-ли плюсъ или минусъ? (вопросъ этотъ, повидимому странный, у насъ ставился на практикѣ). Является-ли лицо, говорящее у себя дома на родномъ языкѣ, политически столь же благонадежнымъ, какъ и лицо, говорящее только по-русски? На всѣ эти вопросы, безъ всякихъ колебаній и сомнѣній, даемъ мы,—говоритъ журналъ,—положительный отвѣтъ. Иной отвѣтъ даютъ такъ называемые «руссификаторы». Такъ же рѣшительно высказываемся мы и по поводу другихъ проявленій партикуляризма. Туземная школа, театръ, книга, газета, журналъ, поскольку они преслѣдуютъ государственно-полезныя цѣли и не проповѣдуютъ ничего субверсивнаго, имѣютъ такое же право на существованіе, какъ и русская школа, книга etc; на государственное единство они никоимъ образомъ не посягаютъ. То же самое нужно сказать про всякія иныя туземныя культурныя начинанія. «Мѣстныя культуры» не только не вредны съ государственной точки зрѣнія, но даже полезны въ видахъ пріобщенія къ культурѣ народныхъ массъ... Партикуляризмъ—явленіе культурное. Уничтожить его, если это необходимо, можно лишь средствами культурными. Всякое въ этомъ отношеніи принужденіе, касаясь того, что въ каждомъ человѣкѣ самаго святого, ожесточаетъ его и безцѣльно отчуждаетъ; приводитъ оно всегда къ результатамъ діаметрально противоположнымъ тѣмъ, къ которымъ стремится. Когда, наконецъ, станетъ у насъ аксіомой, что органическая связь окраины съ центромъ создается и поддерживается не только общностью экономическихъ интересовъ, но и сознаніемъ у туземцевъ окраины своей равноправности съ природными русскими и обезпеченности интересовъ высшаго порядка»?... Соображенія эти справедливы не для одного только Кавказа; они имѣютъ жгучій интересъ и для многихъ другихъ мѣстностей Россіи...

Вопросъ о языкѣ на Кустарномъ Съѣздѣ. На состоявшемся въ мартѣ всероссійскомъ Кустарномъ Съѣздѣ (въ Петербургѣ) произошелъ слѣдующій довольно характерный инцидентъ. По обсужденіи § 19, о желательности составленія руководствъ для кустарей въ возможно болѣе популярной формѣ, Н. В. Левитскій просилъ включить въ резолюцію пожеланіе, чтобы такія руководства издавались не только на русскомъ языкѣ, но и на инородческихъ языкахъ и діалектахъ, гдѣ это окажется нужнымъ. Предсѣдатель г. Тимирязевъ находитъ это требованіе совершенно излишнимъ; г. Левитскій, при поддержкѣ многихъ участниковъ съѣзда, настаиваетъ на своемъ предложеніи. Предводитель дворянства Суджанскаго уѣзда г. Евреиновъ восклицаетъ, что русскій народъ долженъ учиться читать по-русски и если онъ выучится читать по-русски, то онъ пойметъ и русскую книгу. *Г. Левитскій* громко протестуетъ противъ подобной постановки вопроса. *Предсѣдатель* заявляетъ, что онъ снимаетъ предложеніе г. Левитскаго съ очереди. Многіе члены просятъ баллотировать поправку г. Левитскаго. Предс. *Д. А. Тимирязевъ* (очень громко): «А я прошу прекратить эти разговоры (*Обращаясь къ секретарю*)—читайте дальше»!.. Секретарь принимается за чтеніе. *Г. Левитскій*, еле сдерживая волненіе, выходитъ изъ зала. За нимъ тотчасъ поднимается нѣсколько человѣкъ, ихъ примѣру слѣдуютъ ближайшіе ряды, и затѣмъ со всѣхъ концовъ залы движется толпа къ выходу. Объявляется перерывъ на десять минутъ. Послѣ перерыва мѣсто среди членовъ Съѣзда занимаетъ г. министръ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, д. с. с. А. С. Ермоловъ. *Предс. Д. А. Тимирязевъ*: При обсужденіи § 19, у насъ произошло очевидное недоразумѣніе. Я, собственно говоря, ничего не имѣю, по существу, противъ включенія въ него желательности изданія популярныхъ руководствъ на мѣстныхъ языкахъ и діалектахъ; я только считалъ эту поправку излишнею, такъ какъ вообще у насъ не запрещено печатать книги на мѣстныхъ нарѣчіяхъ. Въ виду-же желанія многихъ членовъ собранія, я ничего не имѣю противъ этой поправки. Угодно собранію ее принять? Поправка принимается единогласно, послѣ чего § 19 включается въ резолюцію съѣзда въ слѣдующей редакціи: Съѣздъ высказывается за необходимость составленія руководствъ на русскомъ языкѣ, а также на инородческихъ и мѣстныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ по отдѣльнымъ отраслямъ кустарныхъ производствъ, при чемъ руководства эти должны по возможности въ популярной формѣ обнимать собою технику даннаго производства и быть снабженными

рисунками, чертежами и даже образчиками, а кромѣ того быть по цѣнѣ доступными кустарямъ. Въ той-же популярной формѣ должны быть составлены уставы различныхъ товариществъ—кредитныхъ, кооперативныхъ и др. («Югъ», № 1168).

На томъ же всероссійскомъ Кустарномъ Съѣздѣ украинская писательница г-жа Косачъ возбудила *вопросъ о поощреніи кустарей, выдѣлывающихъ всякіе предметы въ малороссійскомъ стилѣ.* Съѣздъ отнесся къ этой мысли съ большимъ сочувствіемъ и постановилъ просить земства малороссійскихъ губерній о назначеніи премій за лучшія работы мѣстныхъ кустарей въ національномъ стилѣ («Приднѣпровскій край», № 1495).

Украинская народная музыка на Кустарномъ Съѣздѣ. Полтавская губернская земская управа, по просьбѣ пѣсенной комиссіи Императорскаго Русскаго Географическаго общества, отправила на кустарную выставку въ С.-Петербургъ слѣпого лирныка изъ с. Диканьки въ сопровожденіи его дочери, ученицы Диканской школы. Затѣмъ туда же отправлена «тройиста музыка», т. е. обычный народный оркестръ, играющій на свадьбахъ и въ другихъ случаяхъ (на ярмаркахъ и т. п.), состоящій изъ двухъ скрипокъ, баса (віолончели) и бубна. Эти музыканты пріѣхали изъ Константиноградскаго уѣзда. Есть предположеніе на выставку послать еще сопильщика, играющаго на сопилкѣ съ 12-го дырочками (изъ Чутова), и бандуриста (изъ Сорочинецъ или Лохвицкаго уѣзда, смотря по тому, гдѣ найдутся охотники на поѣздку въ столицу). Полт. Губ. Вѣд., № 74

Этнографическая выставка при Харьковскомъ университетѣ. Въ № 7322 Южн. Края помѣщена «Этнографическая замѣтка» проф. Сумцова по поводу этнографической выставки, устраиваемой въ Харьковѣ для XII археологическаго Съѣзда. Въ настоящее время въ библіотечной залѣ университета идетъ разборка, группировка и разстановка этнографическихъ матеріаловъ, собранныхъ прошлымъ лѣтомъ. Собрано довольно много образцовъ крестьянской одежды, головныхъ уборовъ, обуви, вышивокъ, тканей, писанокъ, кустарныхъ издѣлій, фотографій съ построекъ и пр. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя интересныя стороны народоизученія совсѣмъ не затрогиваются въ собранномъ матеріалѣ. Такъ, до сихъ поръ не собрано предметовъ относи-

тельно народной медицины. Отдѣльными, кратковременными экскурсіями здѣсь ничего нельзя достигнуть. Болѣе всего въ этомъ отношеніи могли бы сдѣлать близко стоящіе къ селу приходскіе священники и земскіе врачи. Весной и лѣтомъ бываетъ главный сборъ народныхъ врачебныхъ травъ. Было бы весьма желательно собрать мѣстныя цѣлебныя растенія, разные корешки, настойки, такъ называемые декохты и ладонки, употребляемыя крестьянами съ лѣчебными цѣлями. Можно было бы увеличить число головныхъ уборовъ, вышивокъ, тѣмъ болѣе, что въ этой области обнаруживается большое разнообразіе. Можно было бы собрать простонародныя хлѣбныя печенія (по заказамъ) и выходящія нынѣ совсѣмъ изъ употребленія писанки. Какъ было уже отмѣчено, можно въ настоящую весну собрать, по указанію мѣстныхъ свѣдущихъ людей, тѣ травы, которыя употребляются крестьянами отъ чародѣйства и болѣзней. Этнографическая выставка должна все ей предоставленное разгруппировать и сохранить. Всякаго рода этнографическія коллекціи и предметы, какъ бы ни были они незначительны, будутъ приняты съ благодарностью и войдутъ въ каталогъ выставки или въ послѣдующія къ нему добавленія. При соотвѣтствующихъ сопоставленіяхъ и надлежащихъ объясненіяхъ, въ связи съ другими предметами, маленькія собранія и отдѣльные предметы, при всей ихъ незначительности въ отдѣльности, могутъ принести пользу въ дѣлѣ разносторонняго изученія современнаго народнаго быта, по крайней мѣрѣ, сохраненія его, какъ переходной стадіи, для будущихъ изученій. Современность неустойчива, и многое изъ того, что сегодня современно, завтра можетъ обратиться въ старину, вродѣ тѣхъ обрывковъ отъ быта прошлыхъ столѣтій, которые нынѣ еще мелькаютъ кое-гдѣ въ народной обстановкѣ. Этнографія—это сама жизнь, пестрая, измѣнчивая. Когда сходятъ съ нея краски молодости, она обращается въ сухую и ветхую археологію. Всякаго рода этнографическія сообщенія и посылки адресуются въ Харьковскій Университетъ, на имя предварительнаго Комитета XII Археологическаго съѣзда.

Изъ Львовскаго университета. Въ русской и польской печати появлялись въ послѣднее время самыя разнорѣчивыя извѣстія о настроеніи студентовъ-галичанъ, оставившихъ въ прошломъ году Львовскій университетъ. Сообщалось, между прочимъ, что молодежь воспользуется первымъ удобнымъ предлогомъ, чтобы возвратиться обратно во

Львовъ. Въ № 83 «Волыни» помѣщена обширная корреспонденція изъ Львова, рисующая истинное положеніе дѣлъ въ Львовскомъ университетѣ и отношеніе молодежи къ прекращенію такъ называемой сецессіи. Въ виду крупнаго интереса, какой представляетъ и для насъ вопросъ о Львовскомъ университетѣ, мы приводимъ цѣликомъ эту корреспонцію, вышедшую, очевидно, изъ-подъ пера лица, хорошо ознакомленнаго съ дѣломъ.

«Съ перваго по восьмое апрѣля украинское населеніе восточной Галиціи, а во Львовѣ и поляки, были въ напряженномъ ожиданіи того, какъ начнется лѣтній семестръ во Львовскомъ университетѣ; вернутся ли въ него украинскіе студенты, или ихъ сецессія будетъ продолжаться. Съ перваго по восьмое были короткія фееріи между зимнимъ и весеннимъ семестрами, когда за границей студенты могутъ переводиться изъ одного университета въ другой.

Въ публикѣ во Львовѣ носились слухи, что къ лѣтнему семестру будетъ опубликовано распоряженіе министра народнаго просвѣщенія, которымъ будетъ дано удовлетвореніе украинскому народу и въ первой линіи украинскимъ студентамъ. Нашлись украинцы, преимущественно такъ называемые «старшіе», которые охотно повѣрили этимъ слухамъ и сильно были заняты вопросомъ о прекращеніи сецессіи; они исходили изъ совершенно правильной мысли, что отсутствіе интеллигентной молодежи приноситъ большой вредъ краю. «Молодежь» же, какъ оказалось, достаточно умудрена австрійскимъ правительствомъ, достаточно хорошо знаетъ силу всесильнаго въ Австріи «Koła Polskie-го», чтобы быть легковѣрной;—и украинскіе студенты рѣшили протянуть сецессію до конца академическаго года. Помимо яснаго пониманія силы Koła Polskie'го въ вѣнскихъ правящихъ сферахъ и вытекающаго отсюда безсилія министра народн. просв. даже при его доброй волѣ, которая, впрочемъ, находится подъ большимъ сомнѣніемъ,—на это рѣшеніе повліяло и то обстоятельство, что прекратить сецессію съ началомъ лѣтняго семестра для украинскихъ студентовъ значило бы перемѣнить тактику борьбы, сдѣлать борьбу болѣе активной и то съ первыхъ же дней пребыванія своего во львовскомъ университетѣ. Это обстоятельство сопряжено съ нѣкоторыми неудобствами: изъ нихъ самое важное то, что украинскіе студенты въ теченіе 4 мѣсяцевъ были разбросаны по разнымъ университетскимъ городамъ Австріи. Съ началомъ же новаго академическаго года дѣло будетъ въ лучшемъ положеніи: во время каникулъ студенты могутъ устроить

одинъ—два съѣзда и обсудить новый планъ борьбы, къ тому же и силы ихъ увеличатся абитуріентами нынѣшняго года. Конечно, молодежи, какъ и старшимъ, были извѣстны всѣ тѣ мотивы, которые говорили за окончаніе сецессіи; однако мотивы, говорившіе противъ ея окончанія, для молодежи были убѣдительнѣе первыхъ.

Наконецъ въ намѣстничествѣ появился ожидаемый министерскій рескриптъ и 4-го апрѣля офиціально сталъ извѣстенъ галиційскому митрополиту гр. Андрею Шептыцкому, лицу, имѣющему въ вопросѣ сецессіи важный голосъ, такъ какъ среди студентовъ-сецессіонистовъ около половины богослововъ, для которыхъ митрополитъ въ вопросахъ ихъ университетской жизни почти единственное начальство. На другой день рескриптъ этотъ появился въ газетахъ (неофиціально) и возмутилъ весь Львовъ; русины возмущались искренно, а польскіе шовинисты—дѣланно. Рескриптъ явился подверженіемъ того заявленія, какое изготовилъ польскій шовинистически-бюрократическій сенатъ львовскаго университета. Ясно, какое заявленіе могъ дать сенатъ, члены котораго публично заявляютъ, что «хотя Львовскій университетъ и на украинской землѣ, что хотя онъ и содержится на средства, собираемыя съ русинъ, тѣмъ не менѣе... (выводъ совершенно неожиданный) они, профессора, не дадутъ русинамъ ни одного кирпича съ него, а объ украинскомъ языкѣ преподаванія и дѣловодства въ немъ и слышать не хотятъ, даже если бы имъ пришлось остаться безъ хлѣба».

И дѣйствительно, министерскій рескриптъ не только не расширилъ правъ украинскихъ студентовъ во Львовскомъ ун., а, наоборотъ, ограничилъ ихъ.

Такое поведеніе министра возмутило даже самыхъ лойяльныхъ русинъ и они рѣшили выразить ему письменно, за подписями, «свое возмущеніе и протестъ». Послѣ такого рескрипта «старшіе» потеряли надежду на то, чтобы молодежь нашла возможнымъ окончить сецессію теперь, и они признали, что окончаніе сецессіи возможно лишь какъ начало борьбы по новому плану. Поэтому они, «совѣтуя молодежи окончаніе сецессіи, какъ безполезной, призываютъ ее, во всякомъ случаѣ, къ солидарности». Этотъ призывъ къ солидарности былъ необходимъ, такъ какъ нашлись элементы, которые хотѣли выставить рескриптъ министра какъ побѣду молодежи; особенно усердствовала шовинистская польская пресса съ профессоромъ Гломбинскимъ во главѣ, выпускающая въ свѣтъ цѣлый рядъ статей, которыя озаглавила: «Покушеніе

русинъ на *польскій* львовскій университетъ». Она хотѣла убѣдить украинцевъ, въ томъ числѣ студентовъ, что рескриптъ—это цѣлая побѣда; словомъ, хотѣла «вмовыты, якъ нимця въ хоробу», что русины могли бы уже почить на лаврахъ побѣдителей, чтобы тѣмъ пошатнуть незрѣлые политически умы и вызвать расколъ въ украинской студенческой средѣ, чтобы сломить солидарность. Но студенты вторично обнаружили свою политическую зрѣлость и вторично не дали себя спровокировать: они не сдѣлали шаговъ, слишкомъ желательныхъ для враговъ.

На сходкѣ въ Краковѣ 7-го апрѣля и въ Вѣнѣ 8, украинская молодежь рѣшила: 1) *что министерскій рескриптъ ограничиваетъ права во Львовскомъ университетѣ, какіе она раньше имѣла; 2) констатируетъ, что всѣ слухи объ окончаніи секессіи невѣрны, и 3) что украинская молодежь не видитъ на основаніи рескрипта ни малѣйшей возможности вернуться во Львовскій университетъ.*

Украинскіе студенты въ Прагѣ приняли тѣ же резолюціи.

Такимъ образомъ Львовскій университетъ и въ лѣтнемъ семестрѣ будетъ безъ украинскихъ студентовъ.

Министерскій рескриптъ, послѣ столькихъ лишеній молодежи, послѣ многихъ огорченій старшихъ, послѣ кровныхъ, послѣднихъ грошей, даваемыхъ бѣднымъ народомъ на усиленіе матеріальныхъ и моральныхъ средствъ борющихся студентовъ, является издѣвательствомъ, вызовомъ, брошеннымъ бюрюкратомъ этому народу. Впрочемъ, конецъ этого рескрипта звучитъ нѣсколько странно: министръ полагаетъ, что университетскія власти будутъ расширять границы употребленія украинскаго языка наравнѣ съ польскимъ. Что хочетъ этими словами сказать министръ, хорошо знающій и эти власти, и ихъ связи съ Коломъ? Похоже, что онъ намекаетъ на свою зависимость отъ Коł'а Polskiё-го, что онъ сознается въ своемъ безсиліи. Тогда почему бы ему прямо не повторить классической фразы: ваше право на остріяхъ вашихъ мечей; почему открыто не объявить украинское населеніе восточной Галиціи внѣ конституціонныхъ гарантій?

Какъ всѣ народы, такъ и Украина имѣетъ своихъ Іудъ: здѣсь они носятъ названіе «твердыхъ» русинъ. Какъ истинные предатели своего народа, они съ радостью становятся въ ряды палачей его. Они не пропускаютъ ни одной минуты, ни одной возможности, чтобы не распинать своего народа; теперь же ихъ дѣятельность приметъ еще большіе размѣры, т. к. они сплотились съ Коł'омъ, врагомъ не только всего украинскаго, но и всего польскаго народнаго, а не шляхетскаго.

Въ борьбѣ же за университетскія права они по ошибкѣ и по недомыслію своему,—потому что еще не всѣ изъ нихъ успѣли вытравить въ себѣ молоко матери,—присоединились къ сецессіи, за что получили выговоръ со стороны своихъ вожаковъ. Теперь, исправляя свою ошибку, они съ радостью вернулись во Львовскій университетъ, гдѣ рабски отказываются отъ украинскихъ правъ, ясно опредѣленныхъ закономъ.

Въ началѣ я подчеркнулъ то обстоятельство, что министерскій рескриптъ, кромѣ намѣстництва, офиціально былъ объявленъ митрополиту. Это былъ политическій ходъ, хотя и плохо разсчитанный. Коло, намѣстникъ и Гартель были увѣрены что, митрополитъ, получивъ рескриптъ, заставитъ богослововъ вернуться во Львовскій университетъ, и тѣ, не смѣя его ослушаться, вернутся и тѣмъ подорвутъ сецессію и солидарность. Но они ошиблись въ разсчетѣ. Митрополитъ открылъ общежитіе; пускай, молъ, желающіе возвращаются, а заставлять я никого не буду. Желающихъ нашлось до 60 человѣкъ, именно «твердыхъ». Польскіе шовинисты возмущены поведеніемъ митрополита и теперь накинулись на него въ газетахъ съ весьма опредѣленной руганью, называя его «вчерашнимъ полякомъ—сегодняшнимъ русиномъ».

Въ дополненіе къ этому приводимъ по «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ» (№ 93) постановленія польскихъ студентовъ по поводу того же циркуляра министра просвѣщенія. «Въ то время, какъ одна часть молодежи, выразителемъ которой явился студентъ Кахникевичъ, предлагала, въ развитіе циркуляра, созданіе всѣхъ параллельныхъ каѳедръ съ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ и даже особой русинской канцеляріи, другая часть, и притомъ значительно большая,—постановила обратиться къ сенату съ просьбой протестовать противъ циркуляра, ограничивающаго (!) права польскаго языка въ Львовскомъ университетѣ, и послать въ Вѣну депутацію молодежи для представленія пожеланій польскихъ студентовъ. Въ случаѣ неудовлетворенія этихъ требованій, молодежь принуждена будетъ прибѣгнуть къ тѣмъ же средствамъ протеста, какими пользовались русины.

Какая трогательная близость,—замѣчаютъ С.-Петерб. Вѣдом.,—не только въ образѣ мышленія, но и въ пріемахъ для достиженія своей цѣли у сыновей и у отцовъ, у этихъ студентовъ, и у парламентскихъ дѣятелей!»

Университетъ по подпискѣ. Львовское «Товариство імени Шевченка» въ принципѣ приняло рѣшеніе основать самостоятельный украинскій университетъ на средства, собранныя всенародной подпиской и самымъ широкимъ привлеченіемъ жертвователей (Дѣло, № 67). Толчекъ къ такому рѣшенію данъ недавно появившеюся въ Черновцахъ брошюрой подъ заглавіемъ «Університет через підписку». Авторъ этой брошюры доказываетъ, что русины могутъ создать нужное имъ высшее учебное заведеніе собственными силами. Необходимость же такого учрежденія видна изъ слѣдующихъ положеній: 1) если молодежь будетъ учиться за границей, то много силъ будетъ для страны потеряно; 2) русинская наука будетъ лишена прочнаго основанія, если молодежи русинской не будетъ во Львовѣ; 3) русинская молодежь должна учиться именно во Львовѣ, чтобы противодѣйствовать чуждому элементу, наконецъ, 4) необходимо помнить, что средства, собранныя для вспомоществованія выселившимся изъ Львова студентамъ (въ количествѣ 60 тыс. кронъ), уже изсякаютъ, и студентамъ предстоитъ или умирать съ голоду на чужбинѣ, или же возвратиться во Львовскій университетъ, что возможно лишь въ случаѣ полной амнистіи для виновныхъ. Кромѣ того, русинскій университетъ необходимъ для сохраненія національности. Поэтому авторъ брошюры приглашаетъ какъ можно скорѣе приступить къ осуществленію этой задачи и совѣтуетъ избрать сейчасъ же комитетъ изъ выдающихся гражданъ, который началъ бы собирать пожертвованія отъ всѣхъ русиновъ и украинцевъ для созданія національнаго университета. («С.-Петерб. Вѣдомости», № 82).

Движеніе въ пользу увеличенія числа русинскихъ школъ въ Галиціи безпрестанно растетъ и развивается.

Въ г. Бережанахъ (восточн. Галиція) состоялся митингъ, въ которомъ участвовала не только мѣстная русинская интеллигенція и духовенство, но и крестьяне окрестныхъ мѣстностей, явившіеся на митингъ въ значительномъ количествѣ. Докладчикъ д-ръ Чайковскій, указавъ на то, что число учениковъ-русиновъ бережанской гимназіи изъ года въ годъ возрастаетъ, что въ настоящее время число это въ каждомъ изъ пяти младшихъ классовъ уже достаточно для заполненія нормальнаго класса, что школьное обученіе на польскомъ языкѣ представляетъ ничѣмъ неоправдываемыя затрудненія для дѣтей-русиновъ (особенно для крестьянскихъ дѣтей, число коихъ тоже возросло за

послѣднее время),—предложилъ собранію выразить въ резолюціи требованіе, обращенное къ сейму и центральному правительству, основанія въ Бережанахъ самостоятельной русинской гимназіи или на первыхъ порахъ открытія параллельныхъ русинскихъ классовъ въ существующей польской гимназіи съ тѣмъ, чтобы съ каждымъ годомъ при переходѣ учениковъ-русиновъ въ старшій классъ открывалось соотвѣтственное параллельное отдѣленіе. Резолюція была принята единогласно. («Волынь», № 72).

—

Въ вѣнскомъ рейхсратѣ русинскими депутатами Романчукомъ и Барвинскимъ произнесены рѣчи, имѣющія злободневный интересъ для Галичины. Ораторы требовали увеличенія числа украинскихъ гимназій въ Галичинѣ и открытія во Львовѣ отдѣльнаго украинскаго университета.

—

Съ 1 сентября текущаго года въ Станиславовѣ (Галиція) открывается украинская гимназія. Это будетъ по счету пятая гимназія съ малорусскимъ преподавательскимъ языкомъ. («Приднѣпровскій Край», № 1493).

—

Въ Тарнополѣ въ непродолжительномъ времени будетъ открыто украинское ремесленное училище. («Nowa Reforma»).

Черновецкій университетъ. Особенный типъ учебнаго заведенія въ этнографическомъ отношеніи представляетъ университетъ въ Черновцахъ, въ Буковинѣ. Изъ общаго числа 543 студентовъ, нѣмцевъ—62, евреевъ, считающихъ себя нѣмцами—235, румынъ—125, русиновъ,—коренного населенія—45, поляковъ—56 и 20 человѣкъ другихъ народностей. Преподаваніе, за исключеніемъ нѣсколькихъ каѳедръ румынскихъ и русинско-украинскихъ, ведется на нѣмецкомъ языкѣ. Духъ же царитъ здѣсь настолько нѣмецкій, что русины, пожелавшіе перевестись сюда изъ Львова, не были приняты университетскимъ сенатомъ (С.-Петерб. Вѣд. № 74).

Очевидно, въ данномъ случаѣ причиной послужила, выражаясь вульгарно, боязнь за собственную шкуру, потому что Черновецкій университетъ не могъ бы оставаться нѣмецкимъ, если бы число «гражданъ» его сразу пополнилось нѣсколькими сотнями русиновъ.

Новое Общество во Львовѣ. «Товариство імени Котляревського», основанное во Львовѣ въ 1898 г. въ память 100 лѣтія появленія «Энеиды», въ цѣляхъ поддержки и развитія украинскаго драматическаго искусства, предполагаетъ издать цѣлый рядъ лучшихъ украинскихъ драматическихъ произведеній по цѣнѣ, доступной и простому народу. Этимъ общество намѣрено способствовать устройству любительскихъ спектаклей и, вообще, ознакомленію народа съ украинской драматической литературой (Дѣло, № 59).

Первый выпускъ «Русскои драматичнои бібліотеки» составитъ «Наталка-Полтавка» Котляревскаго, второй — «Ворожбит», комедія Гр. Цеглинскаго; въ слѣдующіе выпуски войдутъ пьесы, премированныя въ настоящемъ году на драматическомъ конкурсѣ: «В народі» Ив. Стешенка, «Кара совісти» Цеглинскаго и «Лісова квітка» г-жи Яновской («Дѣло», № 79).

Конкурсъ „Товарыства Просвита“. Львовское общество «Просвита» опубликовало въ галицкихъ періодическихъ изданіяхъ о конкурсѣ на соисканіе преміи за лучшее научно-популярное сочиненіе для народнаго чтенія на украинскомъ языкѣ. Премія, въ размѣрѣ двухсотъ коронъ, имѣетъ быть выдана изъ процентовъ съ «Капитала имени Ивана Череватенка». Фондъ этотъ учрежденъ лишь въ прошломъ году и конкурсъ объявляется, на основаніи «Статута фонду», въ первый разъ. Требованія, которымъ должна удовлетворять представленная на конкурсъ работа, изложены въ нижеслѣдующихъ параграфахъ помянутаго устава:

«§ 7. Преміи выдаються за оригинальни наукови творы, ниде ще не друковани, написани для шырокыхъ массъ народу, и мають популяризуваты здобуткы свитовои наукы.

§ 8. Завбилшкы такый твиръ мусытъ буты не менше якъ два аркуши друку, рахуючы въ аркуши сорокъ тысячивъ литеръ.

§ 9. Премія не може буты выдана за твиръ, якый тымъ чы иншымъ способомъ захвалюе неволю, панування одного народу або громадського стану надъ другымъ, або за твиръ конфесійный.

§ 10. Украинська мова твору мусыть буты проста, зрозумила кожному пысьменному вкраинцеви на всёму простори, де жывуть наши люде».

Порядокъ представленія рукописей и присужденія премій таковъ:

«§ 11. Задля суду надъ прысланымы на конкурсъ працямы и задля прысуду преміи выдилъ Товарыства «Просвита» що-разу склыкае раду зъ пъятёхъ душъ: головы Товарыства, профессора зъ украинськои университетськои катедры, народнёго вчителя и двохъ украинськыхъ пысьменныкивъ—такыхъ, що хочъ одынъ зъ ихъ уже пысавъ для народнихъ массъ.

§ 12. Творы подаються на конкурсъ безъ авторового пидпысу; папиръ зъ власноручнымъ авторовымъ пидпысомъ мусыть податы авторъ въ окремій запечатаній коверти, а на ій мае стояты заголовокъ твору.

§ 13. Преміёваный твиръ лышаеться авторовою власностю, але друкуючы ёго, авторъ не мае права робыты видмины, ворожи принципамъ, высловленымъ у §§ 7—10 сёго статуту".

Рукописи слѣдуетъ посылать на имя „Головного Выдилу Товарыства Просвита" (Австрія, Галиція, Львовъ, Рынокъ, № 10) въ теченіе двухъ лѣтъ, считая съ 3-го марта новаго стиля 1902 г.

---

7 апрѣля въ засѣданіи Московскаго Общества любителей россійской словесности, посвященномъ памяти Гоголя и Жуковскаго, проф. Сумцовъ произнесъ рѣчь „Добрыя дѣла Жуковскаго" въ которой отмѣчаетъ, между прочимъ, благожелательное отношеніе Жуковскаго къ украинскимъ писателямъ—Шевченку, Максимовичу и Квиткѣ („Русскія Вѣдомости", № 97).

Между почитателями таланта пѣвца Украины Т. Г. Шевченка явилась мысль увѣковѣчить память пребыванія поэта въ 1859 году въ Черкассахъ, гдѣ имъ написана не одна страница безсмертнаго „Кобзаря". Въ виду этого они рѣшили возбудить ходатайство предъ городскою думою о переименованіи въ Шевченковскую улицу нынѣшней Верхъ-Горовой, на мѣстѣ коей, какъ помнятъ старожилы, поэтъ нерѣдко любовался видами на Днѣпръ. („Кіевская Газета", № 99).

Въ срединѣ марта въ черниговскомъ городскомъ театрѣ предполагался любительскій спектакль въ пользу городскихъ попечительствъ о бѣдныхъ. Къ постановкѣ предполагалась драма Старицкаго „Не су-

дылось"; участіе въ спектаклѣ принимали извѣстные общественные дѣятели. На дняхъ всѣхъ поразило извѣстіе, что предполагавшійся спектакль не разрѣшенъ администраціей, объяснившей, что отнынѣ малорусскія пьесы вовсе не будутъ разрѣшаться къ постановкѣ любителямъ. („С.-Петербургск. Вѣдомости", № 73).

Снята со сцены, по распоряженію г. министра внутреннихъ дѣлъ, новая пьеса Захаренка „Заклёвана голубка" вслѣдствіе допущеннаго исполнителями въ сценѣ казни чрезмѣрнаго реализма, вызывавшаго чуть-ли не массовые обмороки и истерики среди зрителей („Югъ", № 1179).

Комитетъ полтавской общественной библіотеки, желая устроить при библіотекѣ особый Гоголевскій отдѣлъ, куда должно войти все, что связано съ именемъ писателя, и не обладая достаточными матеріальными рессурсами, обращается къ разнымъ лицамъ, учрежденіямъ, редакціямъ газетъ и журналовъ съ просьбой прислать въ полтавскую общественную библіотеку оттиски статей о Гоголѣ, уже появившихся въ печати или имѣющихся появиться въ настоящемъ году.

Библіографія.

Полтавская епархія въ ея прошломъ (до открытія епархіи въ 1803 г.) и настоящемъ. *Историко-статистическій опытъ). Выпускъ I. Составилъ А. Грановскій. Полтава, 1901, in 8, 10+418 стр.*

Въ будущемъ году исполнится столѣтіе со времени учрежденія Полтавской епархіи. Въ виду этого г. Грановскій предпринялъ издать историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ, предпославъ ему довольно обширный (на 113 страницахъ) историческій очеркъ епархіи отъ временъ св. Владимира до начала XIX в. Нашъ журналъ всегда охотно привѣтствуетъ появленіе подобныхъ трудовъ и не предъявляетъ къ нимъ строгихъ требованій, принимая во вниманіе, что авторами ихъ обыкновенно бываютъ мѣстные изслѣдователи, лишенные необходимыхъ пособій и не обладающіе профессорскою эрудиціею, и что такіе по истинѣ академическія изданія, какъ недавно вышедшая подъ редакціею о. Евфимія Сѣцинскаго книга «Приходы и церкви Подольской епархіи», всегда будутъ счастливыми исключеніями. Но все-же есть извѣстный minimum требованій, которому должна удовлетворять самая скромная работа, если только она претендуетъ на характеръ научнаго изслѣдованія. Къ сожалѣнію, книга г. Грановскаго не удовлетворяетъ самымъ снисходительнымъ требованіямъ научной критики. Задумавъ написать исторію Полт. епархіи, онъ не позаботился предварительно запастись хотя бы элементарными свѣдѣніями по исторіи края, для чего ему слѣдовало проштудировать, по крайней мѣрѣ, монографіи Костомарова, относящіяся къ исторіи Малороссіи. Вмѣсто этого онъ предпочелъ взять себѣ въ руководители

Маркевича и Бантышъ-Каменскаго (изд. 1842 г.), въ простотѣ души и не подозрѣвая, что эти историки давнымъ-давно потеряли всякій ученый кредитъ, да къ нимъ присоединилъ столь же малонадежные въ научномъ отношеніи историко-статистическіе очерки, въ разное время печатавшіеся въ «Полт. Епарх. Вѣдомостяхъ». Понятно, что примѣшанная къ этой бочкѣ дегтю ложка меду въ видѣ «Описанія старой Малороссіи» А. М. Лазаревскаго и немногихъ другихъ серьезныхъ пособій не только не скрасила этого мѣсива, а внесла еще большій сумбуръ въ историческія представленія автора, вслѣдствіе чего онъ на каждой страницѣ впадаетъ въ непримиримыя противорѣчія. Сюда еще присоединилось какое-то странное, чисто схоластическое трактованіе темы. Поставивъ въ заголовкѣ своей книги: «Полтавская епархія въ ея прошломъ», г. Грановскій въ-серьезъ задумалъ составить связную исторію «Полтавской» епархіи съ X до XIX вв.; по его мнѣнію, эта епархія насчитываетъ «почти тысячелѣтнюю исторію, со времени учрежденія въ Переяславѣ первой въ Россіи епископской каѳедры, перенесенной затѣмъ уже въ Кіевъ» (стр. 1). Въ составъ этой епархіи въ X—XI вв. входило, будто бы, болѣе 50-ти городовъ и селеній, въ числѣ коихъ съ удивленіемъ находимъ и Полтаву, и Лохвицу, и Миргородъ, и цѣлый рядъ другихъ поселеній, несомнѣнно возникшихъ лишь въ XVII ст. [1]). Съ XIII ст. территорія нынѣшней Полтавщины, какъ извѣстно, пустѣетъ и въ теченіе трехъ вѣковъ остается въ состояніи этого запустѣнія; но нашъ авторъ какъ-будто игнорируетъ это обстоятельство и силится продолжать и далѣе непрерывное изложеніе исторіи «Полтавской епархіи». Онъ лишь досадуетъ на то, что нѣтъ у него «данныхъ для точнаго топографическаго обозначенія границъ епархіи, ни тѣмъ болѣе свѣдѣній по исторіи приходовъ и церквей», за то онъ располагаетъ данными, дающими, будто бы, возможность «возстановить преемственный рядъ епископовъ, управлявшихъ епархіей, и дѣлать нѣкоторыя заключенія о формахъ церковнаго управленія». И точно, онъ приводитъ безконечный перечень—сначала переяславскихъ епископовъ, затѣмъ черниговскихъ (на томъ основаніи, что часть Переясл. княжества впослѣдствіи отошла къ Черниговскому

[1]) Отвѣтственность за этотъ невѣрный перечень слѣдуетъ, впрочемъ, снять съ г. Грановскаго и частью переложить на В. Г. Ляскоронскаго, книгой котораго „Исторія Переяславльской земли“ г. Грановскій слишкомъ довѣрчиво пользовался

княжеству, «а слѣдовательно и епархіи»), потомъ сарайскихъ, будто бы управлявшихъ прекратившеюся въ XIII в. Переяславскою епархіею, затѣмъ снова черниговскихъ и, наконецъ, кіевскихъ митрополитовъ (съ 1240 по 1461 гг.). Изъ этого сухого перечня, разумѣется, нельзя почерпнуть ни малѣйшаго свѣдѣнія о судьбѣ «Полтавской епархіи»; при томъ же, о большинствѣ сарайскихъ и черниговскихъ епископовъ у автора отмѣчено: «ничѣмъ неизвѣстный», или: «кромѣ имени, о немъ ничего не извѣстно». А объ «епархіальномъ управленіи того времени и бытѣ духовенства» сообщаются не извѣстно откуда заимствованныя свѣдѣнія, будто «на приходы были назначаемы не только бѣлые священники, но и монашествующіе; супружество не было обязательно для священника: священники могли быть и холостые; въ управленіи преобладалъ изустный (sic!) способъ».

Съ половины XV ст. авторъ на время прерываетъ епархіальную исторію и переходитъ къ подробному изложенію «гражданской» исторіи края. Онъ начинаетъ съ извѣстной сказки о лит. князѣ Гедиминѣ, якобы разбившемъ въ 1320 г. татаръ при р. Ирпени и присоединившемъ южнорусскія земли къ Литвѣ. «Племянникъ Гедимина, Голшанскій князь Миндовгъ сталъ первымъ намѣстникомъ Малороссіи, а съ 1324 г., начиная съ князя Георгія Андреевича Галицкаго и Владимірскаго, Малороссіей стали управлять князья (какіе?) и правили до 1500 года». Скоро послѣ того Малороссія становится автономнымъ государствомъ, вступающимъ въ федеративный союзъ съ Польшею и Литвою. «При Ягайлѣ произошло соединеніе Польши, Литвы и Малороссіи на условіяхъ «pacta conventa» (?) какъ равныхъ съ равными. При немъ же были учреждены три равныхъ гетмана: польскій, литовскій и русскій (малороссійскій), которые, впрочемъ, вначалѣ были только военачальниками, а гражданскими правителями оставались все тѣ же князья-намѣстники». Счастливая была тогда Малороссія: и князей своихъ имѣла, и гетмановъ! Но «въ 1476 г. Казимиръ уничтожилъ отдѣльное Кіевское княжество и ввелъ устройство чисто польское. Частной собственности въ это время еще не существовало: земли принадлежали королю и раздавались имъ на ленномъ правѣ. Позже въ такое же отношеніе (?) стали и гетманы». Слава Богу, гетманы все-таки остались! «Первымъ русскимъ гетманомъ уже съ правами намѣстника былъ избранъ зять князя Острожскаго Предславъ Лянцкоронскій, изъ сенаторской польской фамиліи, своякъ польскаго короля Александра. Онъ гетманствовалъ съ 1500 по 1512 г. Малороссійскому

гетману было назначено пребываніе въ Черкасахъ». Должно быть, малороссіяне дали маху, избравши себѣ въ гетманы польскаго сенатора, потому что съ тѣхъ поръ «поляки, по праву сильнаго, вѣроломно стали попирать «pacta conventa». Земли раздаются польскимъ сановникамъ и колонизируются ими; но въ колонизаціи края сыграли замѣтную роль и Запорожцы», съ начала XV в. поселившіеся за Днѣпровскими порогами. «При Сигизмундѣ (какомъ?) Сѣчь была отдана во власть малороссійскаго гетмана, а первый же гетманъ, Лянцкоронскій, позволилъ запорожцамъ селиться по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, выше пороговъ; оставшіеся въ Запорожьи козаки получили названіе низовыхъ, а поселившіеся въ Украинѣ—украинскихъ или городовыхъ. Эти-то украинскіе козаки и заселили постепенно Полт. губернію» такъ что «при гетманѣ Евстафіи Рожинскомъ (1514—1534 г.) въ предѣлахъ теперешней Полт. губерніи были образованы слѣдующіе полки: Краливянскій, Переяславскій, Миргородскій, Полтавскій, Лубенскій и Прилуцкій». А когда «при слѣдующемъ гетманѣ Вѣнцеславѣ Хмѣльницкомъ (1334—1569 г.) король Сигизмундъ-Августъ отдѣлилъ южно-русскія земли (а слѣдовательно и пространство Полт. губ.) окончательно къ Польшѣ, край подвергся еще худшей участи: 48 городовъ и селъ составили владѣніе одного Іереміи Вишневецкаго». При Стефанѣ Баторіѣ «Малороссія переживала лучшее время»: онъ позволилъ малороссіянамъ судиться «по русскимъ статутамъ», отдалъ гетману г. Батуринъ, въ составѣ гетманскаго генералитета прибавилъ двухъ есауловъ и бунчужнаго», учредилъ «Малороссійскій трибуналъ изъ 7-ми департаментовъ»... Щадя читателей, хоть азбучно знакомыхъ съ исторіей Малороссіи, не будемъ продолжать эти «безумные глаголы», которые снились когда-то автору Исторіи Руссовъ и легковѣрно повторены были Маркевичемъ и Бантышемъ (во 2-мъ изданіи его «Исторіи Малороссіи»). Но вѣдь съ тѣхъ поръ не даромъ же работали М. А. Максимовичъ, Н. И. Костомаровъ и десятки другихъ ученыхъ, отвергшихъ всѣ эти басни и создавшихъ истинную исторію Малороссіи. Какъ же не стыдно и не грѣхъ историку Полт. епархіи и въ 1901 г. повторять полвѣка назадъ опровергнутыя сказки, будто Косинскаго замуровали въ каменномъ столбѣ, Наливайка сожгли въ мѣдномъ быкѣ, съ Павлюги (Павлюка) заживо содрали кожу, а Остряницу колесовали? Вся разсказанная имъ якобы-исторія Малороссіи отъ Гедимина до Скоропадскаго есть сплошная небылица, въ чемъ онъ самъ убѣдится, ознакомившись съ сочиненіями Максимовича, Косто-

марова, проф. Антоновича, или даже прочтя подлинныя малороссійскія лѣтописи Величка и Самовидца.

Такова у нашего автора «гражданская исторія»; не лучше ея и церковная. Унія, по его словамъ, «была принята на Кіевскомъ соборѣ 1595 г., а утверждена на Брестскомъ сеймѣ 1596 г.» (стр. 25). Мы увѣрены, что и полтавскимъ семинаристамъ за подобные отвѣты ставятъ единицы. «Князь Литовскій Александръ сталъ усердно пропагандировать унію: католическіе монахи съ виленскимъ епископомъ Альбертомъ Таборомъ и православнымъ епископомъ смоленскимъ Іосифомъ Солтаномъ ѣздили изъ города въ городъ склонять населеніе къ уніи» (стр. 50). Эту басню опровергъ еще митроп. Евгеній въ своемъ «Описаніи Кіево-Софійскаго собора и кіевской іерархіи», изд. въ 1825 г. (стр. 113—115). О кіевскомъ митрополитѣ Исаіѣ Копинскомъ, столь памятномъ именно для Полтавщины, гдѣ онъ устроилъ нѣсколько монастырей, историкъ Полт. епархіи ничего не знаетъ и даже его извѣстное посланіе къ князю Іереміи Вишневецкому съ укоромъ за вѣроотступничество приписываетъ какому-то «архимандриту Мгарскаго монастыря» (стр. 36). Но верхомъ невѣжества должно быть сочтено то, что говорится (на стр. 56—57) о епархіальномъ управленіи и бытѣ духовенства въ Малороссіи XVI—XVII ст.: «Епархіи были подѣлены на округа намѣстническіе и десятиннические, или просто десятины. Въ послѣднихъ находились десятинники (которые со времени Стоглаваго собора 1551 г. стали назначаться изъ духовныхъ лицъ, а не изъ свѣтскихъ), поповскіе старосты и закащики... Всѣ вмѣстѣ они составляли десятиннический дворъ—судебно-административное учрежденіе. Въ качествѣ приказныхъ въ составъ его входили: повытчикъ, писцы, земскіе старосты и цѣловальники. Послѣ собора 1675 г. десятинники были замѣнены духовными управителями»... Спохватившись, что эта выписка изъ семинарскихъ записокъ относится къ великорусскому церковному управленію, нашъ авторъ хочетъ поправить себя: «Впрочемъ, такая форма церковнаго устройства въ малоросійскихъ епархіяхъ прививалась постепенно». Напрасно такъ думаете—ея здѣсь никогда не было. Сами же вы говорите, что органами церковнаго управленія здѣсь были клиросы и «протопопіи». Но автору хочется до конца использовать свои записки и онъ продолжаетъ: «Кромѣ «освященнаго собора», были еще учрежденія подъ именемъ святительскихъ дворовъ. Въ началѣ XVII в. они были преобразованы въ приказы и разряды: архіерейскій, казенный и дворцовый... Монашествующіе постепенно

были отклоняемы отъ участія въ приходской жизни. Бѣлаго духовенства было слишкомъ достаточно. Оно образовало контингентъ безприходныхъ «крестныхъ» поповъ, собиравшихся на перекресткахъ въ ожиданіи спроса на свои услуги». Да, все это точно было, но въ другомъ мѣстѣ, и историку Полт. епархіи не слѣдовало бы вводить въ заблужденіе своихъ читателей: помилуйте, когда же и какіе были въ Малороссіи «приказы и разряды» и «крестные попы?

Разсказавъ (по Маркевичу) исторію Малороссіи до начала XVIII в., авторъ возвращается къ своему любимому занятію—перечню іерарховъ, якобы управлявшихъ Полт. епархіей съ конца XV до нач. XVIII в. И вотъ на семи страницахъ (50—56) тянется скучный перечень—сначала кіевскихъ митрополитовъ, потомъ смоленскихъ архіереевъ (на томъ, видите-ли, основаніи, что въ 1465 г. черниговская епархія была причислена къ смоленской), затѣмъ черниговскихъ—послѣ возстановленія этой епархіи въ 1653 г., бѣлогородскихъ и обоянскихъ. За что послѣдніе удостоились поминанія—это извѣстно одному автору: онъ, видите ли, прочелъ гдѣ-то въ Полт. Еп. Вѣдомостяхъ, будто часть территоріи нынѣшней Полтавщины, именно уѣзды Константиногр. и Кобеляцкій отошли въ 1667 г. къ вновь открытой Бѣлогородской (курской) епархіи. Не ручаемся за Константиноградскій—онъ тогда только еще заселялся и частью входилъ въ составъ Слободской Украины, но относительно Кобел. уѣзда беремся документально доказать, что онъ до 1776 г. въ полномъ составѣ принадлежалъ къ Кіевской епархіи. Да и какой прокъ въ этихъ именныхъ перечняхъ? Вѣдь ни объ одномъ—не только бѣлогородскомъ или смоленскомъ, но и черниговскомъ архіереѣ авторъ не приводитъ ни одного факта, указывающаго на то, чтобы они принимали хоть какое-нибудь участіе въ судьбахъ будущей Полт. епархіи.

Перейдя въ XVIII вѣкъ, авторъ «бросаетъ ретроспективный взглядъ на прошлое» и въ нѣсколькихъ словахъ рисуетъ «картину, какую представляла къ этому времени территорія нашей епархіи». Вотъ эта картина: «Полтава только что начала возражаться (sic!) изъ пепла послѣ междоусобій Виговскаго съ Пушкаремъ» (долго же она «возражалась»—болѣе 40 лѣтъ!); «Лубны, Пирятинъ, Зеньковъ, Миргородъ также едва стали оправляться отъ развалинъ, произведенныхъ тою же братоубійственною рукою; Переяславъ подвергся той же участи отъ руки Дорошенка; Ирклѣевъ, Кременчугъ, Лохвица подверглись той же участи»—не сказано, отъ кого: вѣроятно отъ Турокъ,

о вторженіи которыхъ «къ м. Снѣтину, Луб. у.» разсказывается на стр. 46. Послѣ «бѣгства Мазепы былъ избранъ въ гетманы Скоропадскій. «Его утвердилъ уже не государь, а графъ Головкинъ»... «Наконецъ, при императрицѣ Екатеринѣ II (sic!) еще разъ былъ назначенъ, и на этотъ разъ уже послѣдній, гетманъ Малороссіи К. Г. Разумовскій (1750—1764)». «Въ 1764 г. состоялось именное повелѣніе: Новосербію и всѣ при крѣпости св. Елисаветы селенія называть Новороссійской губерніей, куда, между прочимъ, были отчислены Кременчугская и Власовская сотни и часть Полтавскаго полка съ г. Бѣлевымъ (Константиноградомъ), назначеннымъ губернскимъ городомъ... Въ томъ же году Славяносербія переименована въ Екатеринославскую провинцію, съ главнымъ городомъ Кременчугомъ» (стр. 60—62).

Сдѣлавъ на трехъ страницахъ столько историческихъ и хронологическихъ промаховъ, нашъ историкъ паки и паки перечисляетъ имена архіереевъ: переяславскихъ (съ 1701 г.), кіевскихъ митрополитовъ (съ 1708 г.), черниговскихъ епископовъ (съ 1713 г.), бѣлгородскихъ (съ 1705 г.), словенскихъ, полтавскихъ, (съ 1803 г. до нашихъ дней) и тѣмъ оканчиваетъ историческую часть своей книги.

Далѣе слѣдуетъ часть историко-статистическая, т. е. описаніе церквей и приходовъ. Въ нынѣшній выпускъ вошли пока уѣзды: полтавскій, зѣньковскій, гадячскій и лубенскій. Матеріалы у автора—самые скудные: клировыя вѣдомости за 1899 г., описи церковнаго имущества 1816—1827 гг., ревизскія сказки, генеральныя слѣдствія о маетностяхъ, какія доселѣ изданы, и затѣмъ кое-какія журнальныя статьи, преимущественно мѣстныхъ Епарх. Вѣдомостей. Видимо г. Грановскій не воспользовался даже церковными лѣтописями, какія давно уже обязательно ведутся въ каждомъ приходѣ епархіи. Личнаго осмотра старинныхъ церквей авторъ также не предпринималъ; онъ не догадался даже сдѣлать того, что недавно было сдѣлано полтавской комиссіей по подготовительнымъ работамъ для предстоящаго XII Археол. Съѣзда, разославшей настоятелямъ церквей вопросные листки и получившей въ отвѣтъ многочисленныя указанія о старинныхъ рукописяхъ, старопеч. книгахъ и прочихъ разнообразныхъ предметахъ церковной старины. Эти указанія, недавно опубликованныя въ Полт. Губ. Вѣдомостяхъ (№ 74), куда богаче тѣхъ, какія имѣются въ книгѣ нашего автора.

Описанію церквей полтавскаго уѣзда предпосланъ историческій очеркъ г. Полтавы, гдѣ, между прочимъ, встрѣчается такой перлъ:

«Въ 1243 году Батый съ своими полчищами достигъ Полтавы и расположилъ часть своихъ войскъ въ Полтавѣ на зимнія квартиры» (стр. 116). Въ описаніи Полт. монастыря авторъ подробно описываетъ, якобы и нынѣ существующую въ настоятельскомъ домѣ такъ называемую Екатерининскую залу, между тѣмъ въ прошломъ году намъ лично пришлось убѣдиться въ томъ, что этой залы давно уже нѣтъ и въ поминѣ. М. Старымъ-Сенжарамъ авторъ, почему-то, усвояетъ и другое имя—*Козельщина*, тогда какъ село съ этимъ именемъ находится въ кобел. у. Въ покровской старо-сенжаровской церкви, будто-бы, хранится неслыханная достопримѣчательность: «евангеліе на малорусскомъ языкѣ Петерб. печати 1819 года», а въ церкви с. Ивашекъ «евангеліе Краковской печати 1575 г. безъ раздѣленія на главы и стихи». Въ м. Опошнемъ имѣется Требникъ Петра Могилы, поступившій въ церковь еще въ 1600 году, т. е. когда Могилѣ было всего 3 года отъ роду. И много, много подобныхъ диковинокъ хранится, будто-бы, въ церквяхъ Полт. епархіи. Понятно, что все это подрываетъ всякое довѣріе къ показаніямъ автора относительно церковной старины, и нѣтъ ему оправданія въ томъ, что такъ-де написано въ церковныхъ описяхъ. Простецъ-священникъ какого-нибудь села Ивашекъ могъ написать, что въ его церкви хранится рукописное евангеліе XVI в. съ надписью: «сію книгу братство всѣ купили року 1543, за панованья короля Владислава IV», но редактору нельзя не знать, когда именно царствовалъ Владиславъ IV. Точно также нельзя было давать вѣру голословнымъ утвержденіямъ приходскихъ историковъ, будто многія села и мѣстечки основаны въ XV и даже въ XIV ст. (стр. 248, 316 и др.), когда самъ авторъ, на 30 стр. историческаго очерка, утверждаетъ, что «монгольское нашествіе обратило весь край въ пустыню, каковой онъ и оставался до XVI в.» (точнѣе—до конца XVI в.)

Если бы мы захотѣли отмѣтить всѣ историческіе и хронологическіе промахи и невѣрности, въ изобиліи наполняющіе разбираемую книгу, то наша рецензія разрослась бы до размѣровъ, мало уступающихъ объему самой книги. Поэтому ограничиваемся сказаннымъ и заключаемъ свой отзывъ суровымъ, но, къ прискорбію, совершенно заслуженнымъ приговоромъ: книга г. Грановскаго можетъ принести вредъ, распространяя среди сельскаго духовенства (для котораго она главнымъ образомъ предназначена) невѣрныя свѣдѣнія по исторіи епархіи и края, и не принесетъ никакой пользы людямъ, научно ин-

тересующимся церковной стариной, ибо сообщаемыя въ ней свѣдѣнія изъ этой области очень скудны, часто невѣрны и, въ лучшемъ случаѣ, неточны или недостаточно провѣрены.

О. Л

Отчетъ Императорской Археологической Комиссіи за 1898 годъ. *Съ 7-ю таблицами и 288 рисунками въ текстѣ. С.-Петербургъ. 1901 г. 4°. 191 стр.*

Согласно принятому обычаю, отчеты Имп. Археологической Комиссіи являются не отчетами въ обыкновенномъ смыслѣ, а солидными работами, дающими массу матеріала какъ въ сыромъ видѣ, такъ, отчасти, и въ обработанномъ. Этимъ характеромъ изданій объясняется и то, что для составленія ихъ требуется значительное время, вслѣдствіе чего запаздываетъ и выходъ въ свѣтъ.

Данный отчетъ распадается на слѣдующіе отдѣлы: 1) производство археологическихъ изслѣдованій, 2) пріобрѣтеніе коллекцій и случайныя находки и 3) разрѣшеніе частнымъ лицамъ производства раскопокъ на казенныхъ и общественныхъ земляхъ и разсмотрѣніе ходатайствъ о реставраціи, ремонтѣ, сохраненіи и упраздненіи древнихъ памятниковъ зодчества. Кромѣ того, почти половину отчета занимаютъ приложенія, заключающія въ себѣ извлеченія изъ отчетовъ о раскопкахъ.

Передавая вкратцѣ содержаніе выше перечисленныхъ отдѣловъ, мы будемъ отмѣчать лишь то, что имѣетъ отношеніе къ южно-русскимъ древностямъ.

Въ первомъ отдѣлѣ древности юга занимаютъ первенствующее положеніе. Особенно интересными оказались въ отчетномъ году результаты продолженій раскопокъ Херсонскаго городища, производимыхъ К. К. Косцюшко-Валюжиничемъ. Здѣсь открыты замѣчательныя фортификаціонныя сооруженія, а въ насыпи, покрывавшей ихъ, и отчасти въ обнаруженныхъ гробницахъ найдено нѣсколько греческихъ и латинскихъ надписей и множество другихъ остатковъ древности.

Другимъ изслѣдователемъ—К. Е. Думбергомъ открыты также очень интересныя сооруженія на мѣстѣ древней Пантикапеи. Обнаружены они на восточныхъ скалахъ Митридатовой горы въ Керчи и

составляютъ остатки термъ, какъ можно думать, I-го вѣка по Р. Х. Кромѣ сооруженій, и здѣсь встрѣчены другіе памятники старины—части античныхъ мраморныхъ статуй, терракотовыя издѣлія и т. д.

Въ Крыму же, на берегахъ р. Карасу, производилъ раскопки проф. Кулаковскій. Раскопанныя могилы заключали въ себѣ окрашенные скелеты, каменныя орудія и первобытную глиняную посуду.

Въ Мелитопольскомъ у. Таврической губ. членъ Комиссіи Ѳ. А. Браунъ, близъ с. Большой Бѣлозерки, раскопалъ большой курганъ съ богатымъ конскимъ погребеніемъ IV в. до Р. Х. При костяхъ лошадей найдено множество бронзовыхъ, серебряныхъ и золотыхъ бляшекъ, иногда украшенныхъ прекрасно исполненными рельефными изображеніями головъ Геракла, Медузы и Пана.

Въ виду развившагося кладоискательства въ Кубанской области, на нее въ послѣднее время было обращено Комиссіей особое вниманіе и тамъ, въ Майкопскомъ отдѣлѣ, въ отчетномъ году производилъ изслѣдованія проф Н. И. Веселовскій. Близъ станицы Царской имъ открытъ новый видъ древнихъ погребеній, въ видѣ двухъ скрытыхъ въ курганѣ дольменовъ съ разновременнымъ погребальнымъ инвентаремъ, начиная отъ каменныхъ орудій и кончая металлическими, въ томъ числѣ и золотыми вещами.

Въ Баталпашинскомъ и Екатеринодарскомъ отдѣлахъ той-же Кубанской обл., небольшія раскопки производились преподавателемъ Екатеринодарской гимназіи В. М. Сысоевымъ. Здѣсь обнаружено нѣсколько земляныхъ гробницъ, большей частью разграбленныхъ; сохранившіяся-же цѣлыми заключали человѣческіе костяки съ очень бѣдной обстановкой: при нѣкоторыхъ не было никакихъ предметовъ, при другихъ-же находились глиняные сосуды, костяныя издѣлія и желѣзные наконечники копій и стрѣлъ.

Второй отдѣлъ (пріобрѣтеніе коллекцій и случайныя находки) заключаетъ свѣдѣнія, уже приведенныя въ систематическій порядокъ и расположенныя по губерніямъ и областямъ. Отмѣтимъ изъ нихъ болѣе интересныя.

Въ Кіевской губ. кромѣ нѣсколькихъ кладовъ русскихъ, польскихъ и западно-европейскихъ монетъ XVI—XVII в. и клада пражскихъ грошей Болеслава III и серебр. джучидскихъ монетъ (с. Чайки, Каневск. у.), найдены: въ с. Хотинѣ, Каневск. у.,—копья, сабли и стре-
ри человѣческомъ и лошадиномъ остовахъ; въ м. Княжа-
, Липовецк. у.,—65 бронз. стрѣлъ и 4 обломка глинян. ам-

форы; въ самомъ Кіевѣ—бронз. браслеты, 8 серебр. серегъ и мѣдный крестикъ.

Въ Волынской губ. отмѣчены исключительно находки монетъ, причемъ изъ 11-ти кладовъ десять заключали польскія и зап.-европ. монеты XVII—XVIII ст., а одинъ состоялъ изъ 52 серебр. римскихъ монетъ I и II. вв. по Р. Х. (Заславскій у., безъ болѣе точнаго обозначенія мѣста находки).

Въ Подольской губ.: въ д. Старой-Синявѣ, Летичевск. у.,—2 серебр. римскія монеты имп. Александра Севера и Коммода; въ Межирѣчкѣ, Балтск. у.—20 бронз. стрѣлъ и 5 желѣзн. гвоздей; въ с. Крыжополѣ, Ямпольск. у.,—польск. и зап.-европ. монеты XVII в.

Изъ Черниговской губ. поступившія въ Комиссію находки ограничиваются кладами русскихъ монетъ XVIII и XIX ст.

Въ Полтавской губ. изъ нѣсколькихъ кладовъ монетъ заслуживаютъ вниманія 82 серебр. аббасидскихъ и другихъ куфическихъ монетъ VIII и IX в., найденныхъ въ м. Мачехахъ, Полтавск. у. Изъ находокъ предметовъ интересенъ цѣлый кладъ великокняжеской эпохи, найденный въ с. Войтовцахъ, Переяславск. у. [1]).

Изъ очень многочисленныхъ находокъ, отмѣченныхъ для *Херсонской губ.*, можно упомянуть о двухъ подвѣскахъ отъ серегъ изъ с. Парутина (древней Ольвіи).

Такъ же немногочисленны находки и въ *Екатеринославской губ.*,—ихъ всего двѣ: человѣческій черепъ, 2 мамонтовыхъ зуба, позвонокъ носорога и глиняный сосудъ, найд. близъ г. Екатеринослава, въ дачѣ Александровскаго Южнороссійскаго завода, и 2 мѣдныя старинныя пушки, найденныя въ м. Никополѣ, Екатеринославск. у.

Харьковская губ. дала очень интересный матеріалъ. Во-первыхъ, здѣсь найденъ бронзовый ножъ съ ножнами (с. Сеньково, Купянск. у.), а затѣмъ въ даръ Комиссіи принесена свящ. Спѣсивцевымъ цѣлая коллекція древностей, собранная имъ близъ г. Славянска, въ окрестностяхъ с. Райгородка. Коллекція состоитъ изъ нѣсколькихъ кремневыхъ орудій, бронзовыхъ и желѣзныхъ стрѣлъ, серебряныхъ и мѣдныхъ золотоордынскихъ монетъ XIV в. и замѣчательнаго меча съ серебрянымъ ефесомъ и обвитою серебряными нитями рукояткой,

---

[1]) Подробное описаніе этого клада помѣщено въ „Кіевск. Стар.“, февраль 1901 г., „Археологическая лѣтопись“.

на которую насажена серебряная, украшенная чернью головка. На одной сторонѣ ея, посреди диска, окруженнаго плетенкой, изображенъ бѣгущій заяцъ и птица, а на другой, въ круговомъ орнаментѣ изъ листьевъ аканфа—т. н. «печать Соломона». Ножны меча сгнили, но отъ нихъ сохранились три серебряныя обоймища; на двухъ изъ нихъ помѣщены исполненныя чернью арабскія надписи; одна содержитъ имя «Эмира Гарсъ-эд-дина», въ другой выражены владѣльцу меча пожеланія славы, счастья и господства. Вмѣстѣ съ вещами свящ. Спѣсивцевымъ сообщена Комиссіи записка (помѣщенная въ отчетѣ) съ описаніемъ мѣстности, гдѣ найдены вещи, и обстоятельствъ находокъ.

Въ Таврической губ. находки оказались, какъ и слѣдовало ожидать, довольно изобильными; относятся онѣ главнымъ образомъ ко времени черноморскихъ колоній.

Наконецъ, въ *Кубанской обл.* найдены двѣ золотыя серьги (ст. Сѣверская, Темрюкск. отд.) и мѣдная монета города Агриппіи (въ томъ же отдѣлѣ).

Въ спискѣ частныхъ лицъ, получившихъ разрѣшенія производить раскопки въ интересующемъ насъ районѣ, помѣщены: В. В. Хвойка (Кіевскій у.), И. А. Линниченко и С. А. Мазараки (Роменскій и Лубенскій уу. Полтавской губ.), І. Я Стемпковскій (с. Парханы, Тираспольск. у. Херсонской губ.), Н. Ф. Романченко (Евпаторійскій у. Таврическ. г.) и В. М. Сысоевъ (Псебайская станица, Майкопск. отд. Кубанской обл.).

Въ «Приложеніяхъ», среди извлеченій изъ отчетовъ о другихъ раскопкахъ, помѣщено сравнительно обширное «Извлеченіе изъ отчета о раскопкахъ, произведенныхъ въ Херсонѣ въ 1898 г. К. К. Косцюшко-Валюжиничемъ»—о немъ мы уже упомянули выше. Въ заключеніе, считаемъ нужнымъ отмѣтить, что всѣ болѣе или менѣе интересные предметы, о которыхъ упоминается въ Отчетѣ, воспроизведены въ рисункахъ какъ въ текстѣ, такъ и на особыхъ таблицахъ—это еще болѣе увеличиваетъ цѣнность помѣщенныхъ въ Отчетѣ свѣдѣній и значительно облегчаетъ справки.

Б.

„Кіевское Общество сельскаго хозяйства и сельско-хозяйственной промышленности за двадцатипятилѣтіе съ 1876 по 1901 годъ. Краткій очеркъ, составленный секретаремъ Общества Т. Осадчимъ“. *Печатано по распоряженію г. предсѣдателя Кіевскаго Общества сельскаго хозяйства». Кіевъ, 1901 г.*

Въ 1901 г. истекло 25 лѣтъ существованія Кіевскаго Общества сельскаго хозяйства, и Общество, выражаясь языкомъ брошюры (стр. 37), «отпраздновало» свой двадцатипятилѣтній юбилей устройствомъ сельско-хозяйственныхъ курсовъ,—симпатичнымъ начинаніемъ, привлекающимъ нынѣ общее вниманіе. Вопросъ объ устройствѣ сельско-хозяйственной школы (стр. 27), какъ оказывается, возбужденъ былъ въ Обществѣ еще въ восьмидесятыхъ годахъ, когда для этой цѣли Кіевскій земельный банкъ пожертвовалъ Обществу нѣсколько тысячъ рублей. Затѣмъ въ 1894 г. на то же дѣло Я. В. Тарновскій «изъявилъ было согласіе пожертвовать подъ школу 34 дес. земли близъ с. Мотовиловки», но проектъ этотъ все-таки не могъ осуществиться за недостаткомъ средствъ. Наконецъ, къ концу 25-лѣтія существованія Общества капиталъ его возросъ до 20000 р., и это дало ему возможность достойнымъ образомъ отпраздновать свой юбилей путемъ организаціи полезнаго и вполнѣ необходимаго дѣла, которое, будемъ надѣяться, пуститъ прочные корни и изъ учрежденія, пріуроченнаго къ празднеству, обратится въ постоянное. Потребность въ его существованіи несомнѣнна, активное сочувствіе къ нему спеціалистовъ-лекторовъ опредѣлилось на столько ясно, что не можетъ быть сомнѣнія въ ихъ согласіи на продолженіе данной работы въ будущемъ, средства имѣются, а въ случаѣ ихъ сокращенія недостающія суммы можно исходатайствовать изъ министерства земледѣлія, въ содѣйствіи котораго этому полезному дѣлу нельзя, конечно, сомнѣваться.

Къ этому же юбилейному году пріурочено и изданіе вышеназванной брошюры, въ которой Общество сельскаго хозяйства знакомитъ читающую публику съ своей 25-лѣтней дѣятельностью и подводитъ итоги своей работѣ. Итоги эти очень интересны, и мы постараемся въ краткомъ извлеченіи познакомить съ ними читателя. Не можемъ, однако, не высказать сожалѣнія, что, при краткости изданной брошюры, итоги эти нельзя считать достаточно полными. Дѣло въ томъ, что, оглядываясь на пройденный путь, всегда полезно выяснить себѣ не только положительныя, но и отрицательныя стороны своей дѣятель-

ности—ея недостатки и слабыя стороны. Не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ, и признать ошибки, допущенныя въ честной работѣ, отнюдь не позорно; напротивъ, выясненіе недочетовъ прежней дѣятельности и главнѣйшихъ причинъ ихъ появленія можетъ быть только полезно для будущаго. Между тѣмъ названная брошюра содержитъ лишь данныя о томъ, что уже сдѣлано и что предпринято Обществомъ и какіе вопросы въ немъ возбуждались; но въ ней нѣтъ никакихъ свѣдѣній о томъ, насколько цѣлесообразна и практична была постановка тѣхъ или иныхъ начинаній Общества, насколько эти начинанія достигли цѣли, въ чемъ заключались (всегда возможные) недочеты тѣхъ или другихъ предпріятій, были ли они и какимъ образомъ исправляемы и пр. и пр. А между тѣмъ начинаній и предпріятій этихъ было за 25 лѣтъ довольно много. Обществомъ устроено было 6 выставокъ (1880, 1883, 1884, 1888 (двѣ) и 1897 г.) [1]), четыре спеціальныхъ (1890, 1892, 1895, и 1897 г.) областныхъ съѣзда, [2]) независимо отъ съѣздовъ сельскихъ хозяевъ по случаю выставокъ и спеціальныхъ засѣданій Общества съ участіемъ пріѣзжихъ сельскихъ хозяевъ ежегодно въ періодъ контрактовъ. Общество завело собственный печатный органъ (издающійся съ 1884 г. подъ именемъ «Земледѣліе»), мысль объ изданіи котораго возникла у него еще въ 1877 г. Оно же устроило въ разное время рядъ конкурсовъ сельскохозяйственныхъ орудій, произвело рядъ систематическихъ опытовъ надъ культурой различныхъ сортовъ сельско-хозяйственныхъ растеній ради выясненія полезности и пригодности разныхъ сортовъ ихъ для различныхъ мѣстностей, добилось, съ цѣлью защиты интересовъ мѣстныхъ хозяевъ, права имѣть своихъ представителей при Одесскомъ элеваторѣ, образовало особое (Деребчинское) опытное поле и т. п. Въ 1898 г., благодаря пожертвованію гр. Тышкевича, Общество обзавелось химико-агрономическою лабораторіею съ контрольною станціею сѣмянъ. Въ 1899 г. (стр. 59) добилось организаціи въ краѣ Общества взаимнаго страхованія землевладѣльцевъ, учредило у себя сельско-хозяйственную сберегательно—пенсіонную кассу для обезпеченія лицъ, занимающихся сельскимъ хозяйствомъ и сельско-хозяйственной службой

---

[1]) Въ томъ числѣ 3 общихъ сельско-хозяйственныхъ, двѣ сѣмянныхъ и одна—спеціальныхъ культуръ.

[2]) Въ томъ числѣ, въ 1888 г., съѣздъ хмѣлеводовъ и пивоваровъ

(36) [1]) и устроило бюро по рекомендаціи сельско-хозяйственныхъ служащихъ, получившее въ теченіе первыхъ 7 мѣсяцевъ существованія 467 заявленій и пристроившее къ мѣстамъ 73 лица. Къ сожалѣнію, въ краткой брошюрѣ о дѣятельности Общества нѣтъ данныхъ о томъ, какъ пошла дѣятельность этого бюро въ послѣдующее время и какихъ, вообще, размѣровъ достигла работа каждаго изъ остальныхъ, возникшихъ при Обществѣ или благодаря Обществу учрежденій. Благодаря этому, характеристика дѣятельности Общества получается не полная, не выясняющая, какъ велика и результатна работа каждаго учрежденія, числятся ли, можетъ быть, нѣкоторыя изъ нихъ только, такъ сказать, на бумагѣ, или напротивъ работаютъ, что называется, во всю. Изъ отчета видно, что съѣзды сельскихъ хозяевъ—спеціальные и по случаю выставокъ—имѣли, вообще, довольно важное значеніе въ дѣлѣ возбужденія многихъ существенныхъ вопросовъ мѣстнаго хозяйства, которые безъ этихъ съѣздовъ, можетъ быть, долго еще не были бы поставлены на очередь. Польза съѣздовъ въ отношеніи совмѣстнаго обсужденія назрѣвшихъ вопросовъ и нуждъ хозяйства скоро стала на столько очевидной для самихъ сельскихъ хозяевъ, что на одномъ изъ областныхъ съѣздовъ возбужденъ былъ даже вопросъ о необходимости поуѣздныхъ съѣздовъ (48). Конечно, дѣятельность съѣздовъ можетъ выразиться главнымъ образомъ въ возбужденіи и обсужденіи вопросовъ, проведеніе же ихъ въ жизнь должно принадлежать постоянно дѣйствующимъ учрежденіямъ, къ которымъ, именно, и принадлежитъ сельско-хозяйственное Общество. Но это отнюдь не умаляетъ значенія съѣздовъ въ дѣлѣ иниціативы совмѣстнаго обсужденія вопросовъ и привлеченія къ этому обсужденію по возможности всѣхъ мѣстныхъ силъ, которыя безъ нихъ не могли бы принять участія въ ихъ разработкѣ. Съ этой точки зрѣнія вполнѣ понятно, почему предисловіе къ очерку двадцатипятилѣтія Общества такъ налегаетъ на пользу совмѣстнаго «обсужденія и выясненія» вопросовъ. Намъ непонятно только, зачѣмъ въ предисловіи терминъ «совмѣстное обсужденіе» замѣняется терминомъ «свободное обсужденіе». Конечно, «свободное» обсужденіе—понятіе весьма относительное: свобода свободѣ розь и чѣмъ свободнѣе всякое обсужденіе, тѣмъ разумѣется, лучше. Но обсуждать и выяснять каждый сельско-хозяйственный вопросъ

[1]) На стр. 58 говорится, впрочемъ, почему то только о сельскохозяйственныхъ *служащихъ* и самая касса названа только пенсіонной.

можно вѣдь и въ одиночку (тогда уже, разумѣется, вполнѣ свободно), и вдвоемъ, и втроемъ, въ частныхъ бесѣдахъ съ сосѣдями и другими хозяевами. Но это далеко не то, что обсуждать его въ сообществѣ хозяевъ изъ разныхъ мѣстъ, пользуясь умомъ, опытомъ и знаніями нѣсколькихъ десятковъ, а иногда и сотенъ лицъ, занимающихся однимъ и тѣмъ же дѣломъ. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ суть дѣла не въ «свободномъ», а именно въ совмѣстномъ (при данныхъ условіяхъ) обсужденіи и выясненіи вопросовъ.

Изъ очерка дѣятельности Общества видно, что многіе изъ возбуждавшихся и обсуждавшихся въ немъ и на съѣздахъ вопросовъ, опытовъ и начинаній получали свое осуществленіе не сразу и требовали иногда для этого довольно продолжительнаго времени. Помѣхою являлся иногда недостатокъ средствъ, иногда необходимость болѣе обстоятельной и детальной разработки выдвинутыхъ на очередь проектовъ, иногда какія-то (невыясненныя въ очеркѣ) независящія обстоятельства (помѣшавшія осуществленію конкурса машинъ въ Браиловѣ, (стр. 16), иногда тѣ или иныя внѣшнія обстоятельства, (напр. неурожай, политическія осложненія съ другими государствами—стр. 9) и т. п. Въ частности вопросъ о заведеніи непосредственныхъ сношеній съ Зап. Европой по сбыту селько-хоз. произведеній, затянувшійся вслѣдствіе неурожая и запрещенія въ 1891 г. вывоза хлѣба за границу, и совсѣмъ, напр., не осуществился вслѣдствіе того, что этими обстоятельствами «отнята» была «почва для существованія подобной организаціи». Къ удивленію, это однако нисколько не помѣшало г. члену общества Б. И. Ханенку, изслѣдовавшему этотъ вопросъ по порученію же Общества, какъ это видно изъ очерка, вскорѣ же приняться за устройство для этой цѣли независимаго отъ Общества земледѣльческаго синдиката, т. е. такого чисто коммерческаго предпріятія, которое, насколько мы понимаемъ, является до нѣкоторой степени даже конкурентомъ Обществу въ дѣлѣ, напр., посредничества, снабженія хозяевъ сѣменами, орудіями и т. п. операцій, отъ которыхъ Общество могло бы получать лишнія средства къ существованію.

Стремясь разсмотрѣть вопросъ о роли и значеніи сельско-хозяйственнаго Общества «съ болѣе широкой точки зрѣнія» (стр. 39), авторъ очерка, «невольно вдумывавшійся при составленіи очерка въ суть этой дѣятельности», приходитъ къ заключенію, что оно сдѣлало за истекшіе 25 л. въ сферѣ сельско-хозяйственныхъ вопросовъ «весьма много»,—но только не «въ области улучшенія вообще общественныхъ

условій земледѣльческаго быта». Это, собственно говоря, единственное мѣсто очерка, гдѣ дѣлается попытка критической оцѣнки дѣятельности Общества и то только потому, что авторъ его, какъ бы выходя изъ оффиціальной роли секретаря Общества, пробуетъ говорить въ качествѣ «составителя очерка» (39). Въ данномъ случаѣ, разсматривая дѣло «съ болѣе широкой точки зрѣнія», составитель очерка, какъ видно, имѣетъ въ виду помощь Общества крестьянскому земледѣльческому населенію края. Справедливо ставя Обществу въ заслугу, что оно не участвовало въ опозорившихъ нѣкоторыя провинціальныя Общества попыткахъ «законодательнаго ограниченія и безъ того узкихъ правъ неимущаго земледѣльческаго населенія, вынужденнаго существовать наемнымъ трудомъ», составитель очерка какъ бы успокаивается на томъ, что Общество, напротивъ, первое въ Россіи возбудило вопросъ о пенсіонномъ обезпеченіи лицъ, служащихъ въ сельскомъ хозяйствѣ, такъ какъ этимъ онъ и заканчиваетъ свое отступленіе въ область болѣе широкихъ точекъ зрѣнія. Намъ кажется, что такая «широкая» точка зрѣнія на вопросъ объ «улучшеніи вообще общественныхъ условій земледѣльческаго быта» въ дѣйствительности не отличается особенной широтою, и что предъявленныя, въ этомъ отношеніи, къ Обществу требованія слишкомъ скромны... если только составитель не былъ стѣсненъ въ данномъ случаѣ своимъ оффиціальнымъ положеніемъ секретаря, составлявшаго очеркъ по порученію. Нельзя не согласиться, что въ указанныхъ отношеніяхъ Общество дѣйствительно сдѣлало за 25 лѣтъ очень не много. Но въ то же время можно было бы, повидимому, указать изъ его дѣятельности и кое-что большее пенсіонной кассы для однихъ только сельско-хозяйственныхъ служащихъ,—напр., на мѣропріятія Общества, направленныя къ поднятію крестьянскаго земледѣлія устройствомъ показательныхъ участковъ (стр. 55) по культурѣ травъ и корнеплодовъ, и на заботы Общества (въ которыхъ, какъ извѣстно дѣятельно участвовалъ и самъ авторъ) о крестьянскомъ травосѣяніи (55). Эти мѣропріятія, направленныя къ улучшенію быта низшей братіи, выступили на сцену главнымъ образомъ въ послѣдніе годы дѣятельности Общества. Будемъ поэтому надѣяться, что факты такого рода знаменуютъ симпатичный поворотъ дѣятельности Общества въ указанномъ направленіи, объясняемый, можетъ быть, отчасти тѣми сравнительно благопріятными нынѣ условіями сельскаго хозяйства, при наличности которыхъ гг. хозяева, управившись съ своими насущными нуждами, могутъ, наконецъ, подумать и о другихъ.

Думаемъ, однако, что главнымъ условіемъ удержанія этого направленія должно быть измѣненіе личнаго состава Общества въ смыслѣ возможнаго допущенія въ его среду представителей изъ той самой среды, для которой устраиваются пенсіонныя кассы, травосѣяніе и т. п.; безъ этого же всѣ подобныя мѣропріятія всегда будутъ явленіемъ случайнымъ, зависящимъ не отъ назрѣвшей потребности, а отъ альтруистическихъ наклонностей отдѣльныхъ членовъ Общества. Крупный (10 р.) членскій взносъ Общества совершенно устраняетъ отъ участія въ немъ значительный кругъ лицъ, занимающихся такъ или иначе сельскимъ хозяйствомъ, но не обладающихъ средствами для такого единовременнаго расхода,—возьмемъ хотя бы иностранныхъ колонистовъ или тѣхъ самыхъ сельско-хозяйственныхъ служащихъ, для которыхъ устроена пенсіонная касса, или отдѣльныхъ мелкихъ собственниковъ изъ крестьянъ и мѣщанъ, обладающихъ иногда достаточнымъ интеллектомъ для участія въ обсужденіи сельско-хозяйственныхъ вопросовъ, и для сознательнаго и связнаго изложенія нуждъ и потребностей своей среды. Обширная сфера лицъ, такъ или иначе прикосновенныхъ къ сельскому хозяйству, настолько у насъ обширна и разнообразна, что сельско-хозяйственныя Общества, искренне желающія отвѣчать всѣмъ запросамъ этой среды, неизбѣжно должны принимать и извѣстныя мѣры къ привлеченію въ число своихъ членовъ представителей отъ всѣхъ входящихъ въ нее разнообразныхъ группъ и классовъ населенія. А это несомнѣнно въ извѣстной мѣрѣ достигается и пониженіемъ членскаго взноса. Повидимому, наша мысль о желательности возможнаго расширенія круга лицъ, изъ котораго комплектируется составъ Общества, до извѣстной степени раздѣляется и самимъ Обществомъ, если судить по нижеслѣдующей выдержкѣ (стр. 4—5) изъ предисловія къ очерку [1]): «Общество сельскаго хозяйства состоитъ изъ большого числа *сельскихъ хозяевъ*, [2]) разбросанныхъ на обширной территоріи, *жизнедѣятельность ему могутъ придать лишь эти люди*—съ большимъ интересомъ они относятся къ общественнымъ дѣламъ земледѣлія—это отражается на дѣятельности Общества, пульсъ его жизни подымается, на оборотъ въ періодѣ преобладанія индивидуалистическихъ стремленій—даже въ эти періоды Общество

---

[1]) Къ сожалѣнію, выдержка эта, вѣроятно, вслѣдствіе выпаденія набора, мѣстами страдаетъ недостаточною ясностью изложенія.

[2]) Курсивъ вездѣ нашъ.

не утрачиваетъ своего значенія, являясь учрежденіемъ, сосредоточивающимъ матеріалы—пособія, *касающіяся обширнѣйшей отрасли народнаго хозяйства.* Всѣ другія отрасли имѣютъ своихъ представителей,—сельское хозяйство въ такомъ огромномъ центрѣ также должно имѣть своего представителя и Общество служитъ единственнымъ такимъ представителемъ интересовъ мѣстнаго сельскаго хозяйства, *не обнимая, впрочемъ, всѣхъ группъ земледѣльцевъ, что собственно говоря, и ограничиваетъ его значеніе,—размѣры его дѣятельности».* [1])

Брошюра изложена довольно интересно; но авторъ иногда нарушаетъ стилистическія правила, начиная нерѣдко фразы послѣ точки со словъ: «послѣ *чего*» (12), «въ виду *чего*» (28), «при *чемъ*» (29, 80), тогда какъ такого рода выраженія могутъ имѣть мѣсто только въ срединѣ фразы.

Л. С. Л.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера пересмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русская Мысль № 1, 2) Историческій Вѣстникъ № 4, 3) Вѣстникъ Европы, № 4, 4) Русское Богатство, № 3 и 4, 5) Научное Обозрѣніе, № 3, 6) Русская Школа № 2, 7) Міръ Божій № 4, 8) Русская Старина, № 4, 9) Русскій Архивъ, № 4, 10) Ученыя записки Имп. Казанскаго университета, № 2, 11) Варшавскія университетскія извѣстія № 2, 12) Земскій сборникъ Черниговской губерніи № 1 и 2, 13) Журналъ для всѣхъ, № 4, 14) Русскій Филологическій Вѣстникъ. № 1 и 2, 15) Книжки Восхода, № 3.

Русская Мысль, № 1, январь.

Гиляровскій В. А.— Въ Гоголевщинѣ (изъ послѣдней поѣздки). Стр. 65—86.

Авторъ, побывавшій на родинѣ Гоголя, передаетъ нѣкоторыя мелочи изъ біографіи Гоголя, записанныя отъ лицъ, знавшихъ писателя.

Баженовъ Н. Н.—Болѣзнь и смерть Гоголя. Стр. 132—149.

Авторъ разсматриваетъ болѣзнь Гоголя съ психіатрической точки зрѣнія и объясняетъ ее наслѣдственностью: мать Гоголя, помимо

---

[1]) Курсивъ нашъ.

своего «психопатическаго темперамента», родила его, будучи слишкомъ молодой (около 15 лѣтъ).

Историческій Вѣстникъ, № 4, апрѣль.

Кучинскій—Исторія шести мѣсяцевъ (окончаніе) Стр. 179—205. Обзоръ событій послѣдняго польскаго возстанія 1862 года.

П. Щеголевъ—Къ біографіи П. А Кулиша. Стр. 24—247.

Приводится письмо Кулиша къ М. И. Гоголь, не имѣющее большого общественнаго интереса. Краткая характеристика Кулиша, служащая предисловіемъ къ письму, написана съ знаніемъ дѣла.

П. К.—ій—Чествованіе памяти Гоголя. Стр. 248—284.

Въ статьѣ г. К-аго собраны корреспонденціи, статьи и замѣтки изъ разныхъ газетъ, касающіяся чествованія Гоголя. Авторъ расположилъ матеріалъ на четыре отдѣла: 1) чествованіе Гоголя въ Петербургѣ, 2) въ Москвѣ, 3) въ провинціи и 4) за границей.

Иславинъ—Имѣніе «Ляличи». Стр. 285—289.

Въ замѣткѣ г. Иславина приведены нѣкоторыя подробности относительно имѣнія Ляличи(Черниговской губерніи), принадлежавшаго графу П. В. Завадовскому.

Въ библіографическомъ отдѣлѣ помѣщены рецензіи на «Гоголевскій сборникъ» (изд. библіологическаго Общества) и «Описаніе старой Малороссіи» (т. III) покойнаго А. М. Лазаревскаго.

Русское Богатство, № 2 и 3, февраль и мартъ.

Венгеровъ С. А.—Писатель-гражданинъ. Стр.: II, 122—145, III. 222—248.

Мастерская характеристика личности и дѣятельности Гоголя, преимущественно на основаніи его переписки съ разными лицами.

Въ отдѣлѣ библіографіи (февраль) помѣщенъ отзывъ о русскомъ переводѣ разсказовъ Ив. Франка—«Въ потѣ лица».

Научное Обозрѣніе, № 3.

Андреевичъ Е.—О Гоголѣ. Стр. 104—113.

Небольшая юбилейная замѣтка, опредѣляющая Гоголя, какъ «нашего перваго художника-соціолога».

Соколовъ Н. Н.—Н. В. Гоголь и современное ему русское Общество. Стр. 114—180.

Авторъ въ обстоятельной статьѣ даетъ портретъ друзей Гоголя и общую характеристику современнаго ему общества.

Русская Школа, № 2, февраль.

Бѣлоконскій И.—На родинѣ Гоголя. Стр. 59—68.

Впечатлѣнія автора отъ поѣздки въ Миргородъ.

Погодинъ А.—Трагедія Гоголя. Стр. 69—113.

Психологическій очеркъ, составленный на основаніи переписки Гоголя.

Анненскій И.—Художественный идеализмъ Гоголя. Стр. 114—125.

Статья представляетъ собою, говоря словами автора, «попытку выяснить одну изъ главныхъ причинъ непрестаннаго и вѣчно живого обаянія гоголевскаго творчества—его идеализма».

Налимовъ А.—Педагогическія идеи Гоголя. Стр. 126—134.

В. Ч. «Ревизоръ» на сценѣ С—го городского училища. Стр. 135—148.

Міръ Божій, № 4, апрѣль.

Котляревскій Н.—Н. В. Гоголь (продолженіе). Стр. 165—194.

Въ VI главѣ своего труда г. Котляревскій касается первыхъ литературныхъ произведеній Гоголя, отзывовъ о нихъ критики и ихъ значенія для біографіи писателя. Въ VII главѣ разсказывается эпизодъ о научныхъ замыслахъ Гоголя—его желаніи занять каѳедру въ Кіевскомъ университетѣ и написать исторію Украины,—замыслахъ, окончившихся, какъ извѣстно, полной неудачей.

Русская Старина, № 4, апрѣль.

Письма и записки В. А. Жуковскаго къ гр. Ю. Ѳ. Барановой Стр. 121—133.

Для насъ представляетъ значительный интересъ только одно письмо Жуковскаго къ воспитательницѣ дочерей императора Николая I, гр. Барановой, писанное въ апрѣлѣ 1838 г. Оно имѣетъ заглавіе: «Историческое обозрѣніе благодѣтельныхъ поступковъ Юліи Ѳеодоровны и разныхъ другихъ обстоятельствъ, курьезныхъ происшествій

и особенныхъ всякихъ штучекъ. Сочиненіе Матвѣя», и въ шутливомъ тонѣ передаетъ обстоятельства выкупа Шевченка изъ крѣпостной зависимости. Письмо иллюстрировано каррикатурными рисунками, изображающими Шевченка, самого Жуковскаго, Брюлова и гр. Баранову. Въ качествѣ матеріала для исторіи освобожденія Шевченка письмо Жуковскаго имѣетъ несомнѣнный интересъ.

Русскій Архивъ, № 4, апрѣль.

Аѳанасьевъ Д. М.—Къ исторіи Черноморскаго флота (продолженіе). Стр. 637—702.

Исторія Черноморскаго флота съ 1853 по 1857 годъ.

Н. Ч. «Родословная книга Черниговскаго дворянства». Стр. 703.

Краткая библіографическая замѣтка по поводу недавно вышедшей книги гр. Милорадовича о черниговскомъ дворянствѣ.

О происхожденіи Гоголя. Стр. 705. Свѣдѣнія изъ родословной Гоголя. Автобіографическая записка М. И. Гоголь, матери Н. В. Гоголя. Стр. 706—724.

Письма Гоголя къ Д. Е. Бенардаки, къ кн. Репниной, гр. Вьельгорской, къ гр. Сологубу и его супругѣ. Стр. 725—737.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ

Въ № 91 «Кіевской Газеты» г. Степановичъ помѣстилъ обстоятельную рецензію на повѣсть Свидницкаго «Люборацьки».

—

Въ № 91 той же газеты помѣщена замѣтка о новыхъ украинскихъ изданіяхъ, какъ вышедшихъ, такъ и готовящихся къ печати въ Кіевѣ, а въ № 109—этнографическая замѣтка: «Праздникъ въ деревнѣ» (письмо изъ Подольской губ.).

—

Въ «Кіевлянинѣ», № 92, напечатанъ некрологъ А. М. Лазаревскаго съ краткой оцѣнкой его научныхъ и общественныхъ заслугъ. Такіе же некрологи помѣщены въ «Полт. Губ. Вѣдомостяхъ», въ № 86, въ „Крымскомъ курьерѣ“, № 91, „Одесскомъ Листкѣ“ № 87 и др. изд.

—

Въ № 60 «Волыни» помѣщена замѣтка «Великій постъ и первая его недѣля у крестьянъ», сообщающая украинскія народныя повѣрья, относящіяся къ Великому посту.

Въ томъ же номерѣ находимъ замѣтки относительно празднованія украинскимъ крестьяниномъ «Теплого Олексы» и «Сорока святыхъ.

—

Въ № 83 той же газеты г. Ив. Б—скій помѣстилъ обстоятельную замѣтку «Страстной четвергъ у крестьянъ на Волыни».

—

Въ № 84 той же газеты помѣщена замѣтка «Пасха у крестьянъ», содержащая описаніе празднованія украинскими крестьянами «Великодня»,

—

Въ газетѣ «Югъ» г. Ков.-Кол. помѣстилъ рецензіи на книги Б. Гринченка «Оповидання про Ивана Котляревського» (№ 1157) и «Народные спектакли» (№ 1165), на разсказъ г. Коцюбинскаго «Дорогою циною» (№ 1173) и повѣсть Гринченка «Середъ темнои ночи» (№ 1178).

—

Въ № 1182 той же газеты помѣщенъ святочный разсказъ г. Енохина на украинскомъ языкѣ «Видьма».

—

Въ № 69 газеты «Асхабадъ» напечатано въ русскомъ переводѣ извѣстное стихотвореніе Т. Шевченка «На городи коло броду». Переводъ, довольно прозаическій, принадлежитъ Ал. Виддинову.

—

Въ № 1158 газеты «Югъ» напечатанъ русскій переводъ разсказа «Сельскій верховодъ», помѣщеннаго первоначально въ «Л.-Н. Вістнику».

—

Въ книжкѣ за апрѣль «Дѣтскаго Чтенія» помѣщенъ въ русскомъ переводѣ дѣтскій разсказъ г. Хоткевича «Удивительныя приключенія муравья Сангвина, имъ самимъ разсказанныя». Въ оригиналѣ на украинскомъ языкѣ этотъ разсказъ появился во Львовѣ въ прошломъ году.

—

Въ № 9-10 журнала «Народное Благо», подъ заглавіемъ «Артельный батька», крестьяниномъ Красновымъ данъ очеркъ дѣятельности Н. В. Левитскаго по устройству артелей. Къ статьѣ приложенъ портретъ г. Левитскаго.

—

Замѣтка г. Случайнаго объ украинскихъ переселенцахъ въ Сѣверной Америкѣ перепечатана газетами «Приднѣпровскій Край» (№ 1491) и «Харьковскія губернскія Вѣдомости» (№ 70).

—

«Дѣло» въ № 84 помѣстило украинскій переводъ извѣстной сказки Максима Горькаго «Про чыжа брехуна и про дятла правдолюба»; переводъ принадлежитъ В. Щурату.

—

Въ № 11 журнала «Kraj» (стр. 132) даны отзывы о книгахъ: «Dr. Wacław Sobieski, Nienawiść wyznaniowa tłumów za rządów Żygmunta III. Warszawa, 1902, стр. 199, и «Alexander Jabłonowski. Polska XVI w. Ziemie ruskie. Ruś Czerwona. Warszawa 1902, стр. 467».

—

Въ № 13 того же журнала (стр. 11) въ корреспонденціи изъ Кіева по поводу реформы ремесленнаго самоуправленія, сообщается вкратцѣ исторія цехового устройства въ правобережной Малороссіи.

—

Въ Черновцахъ вышло въ свѣтъ новое изданіе украинскаго перевода извѣстнаго разсказа Гаршина «Художники» («Буковина»).

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Антоновичъ В.—Волынская тревога 1789 года. Изданіе Кіевской Комиссіи для разбора древнихъ актовъ. Кіевъ, 1902. Цѣна 50 коп.

Архивъ Юго-зап. Россіи. Часть III, т. 5. Акты о мнимомъ крестьянскомъ возстаніи въ Юго-зап. краѣ въ 1789 г.; стр. 1—99+1—828+I—XLVI. Кіевъ, 1902. Ц. 2 р.

Василенко В. И.—Очерки кустарныхъ промысловъ полтавской губерніи. Вып. I. Полтава, 1900.

Воротниковъ А. П.—Анна Ярославна, королева Франціи (1051—1060). Москва, 1901, ц. 1 р.

Гиляровскій В. А.—На родинѣ Гоголя. Изъ поѣздки по Украйнѣ. Москва, 1902. Цѣна 25 коп.

Гоголевскій сборникъ, изданный состоящей при Историко-филологическомъ институтѣ кн. Безбородко Гоголевской комиссіей. Подъ ред. проф. М. Сперанскаго. Кіевъ, 1902. Ц. 2 руб.

Гоголевскій сборникъ. Изданіе русскаго библіографическаго Общества. СПБ. 1902.

Гоголевскій сборникъ. Изд. ред. «Дѣтскаго Чтенія». Москва, 1902. Цѣна 60 коп.

Ефремовъ С.—Въ борьбѣ за просвѣщеніе. Оттискъ изъ «Кіевской Старины». Стр. 34. Кіевъ, 1902. Цѣна 10 коп.

Ефремов Сергій.—Національне питання в Норвегіі. Літ.-Наук. Бібліотека, ч. 25. Стр. 66. У Львові, 1902. Ціна 30 сот.

Заикинъ.—Бесѣды о травосѣяніи въ крестьянскихъ хозяйствахъ Южной полосы Россіи. Москва, 1901. Цѣна 2 коп.

Земскій Сборникъ Черниговской губерніи, 1901, декабрь. Черниговъ, 1902.

Извѣстія о состояніи сельскаго хозяйства въ Полтавской губерніи за 1901 г., № 3-5. Кременчугъ, 1901—1902.

Истоминъ М. П.—Обученіе живописи въ Кіево-Печерской Лаврѣ въ XVIII в. Цѣна 1 руб.

Короленко П. П.—Кошевые отаманы Черноморскаго козачьяго войска XVIII ст. Изданіе «Вѣстника козачьихъ войскъ». СПБ. 1901 Цѣна 20 коп.

Коцюбинскій М.—Дорогою ціною. Оповидання. Оттискъ изъ «Кіевской Старины». Стр. 65. Кыивъ, 1902. Цина 40 коп.

Кустари и ремесленники Полтавской губерніи. Стр. 213+133. Полтава 1901.

Лазаревскій Ал.—Описаніе старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія. Т. III. Полкъ Прилуцкій. Кіевъ, 1902. Цѣна 3 руб.

Лисакъ Тамаренко. Невесели сельски малюнкы. Оттискъ изъ «Кіевской Старины». Кыивъ, 1902.

Лисенко С. И.—Очерки домашнихъ промысловъ и ремеслъ Полтавской губерніи. Вып. 2. Стр. 540. Одесса, 1900.

Лисовскій А. М.—Хома Коваль. Драматычна оперетта у 3 діяхъ и 5 одминахъ. Стр. 59. Сумы. 1901. Цина 25 коп.

Лисовскій А. М.—Дви сестры. Драма у 4 д. и 5 одм. Стр. 63. Сумы, 1901. Цина 30 коп.

Лисовскій А. М.—Безталанный. Драма у 4 д. и 5 одм. Стр. 54. Сумы, 1901. Цина 25 коп.

Лисовскій А. М.—Хто батька покыдае, того Богъ карае. Драмат. картыны у 5 д. и 6 одм. Стр. 62. Сумы. 1901. Ц. 30 коп.

Лисовскій А. М.—Зла мачуха. Драма у 4 д. Стор. 44. Сумы, 1901. Цина 20 коп.

Лисовскій А. М.—Сбирнык'ъ творивъ (вси помянути драмы). Стр. 284. Сумы, 1901. Цина 1 руб.

Лозинський М.—Тарас Шевченко, ёго життя і значіня. Львів, 1902.

Льдовъ К.—Къ юбилею Гоголя. Литературныя замѣтки. Библіотека «Звѣзды», вып. II. СПБ. 1902. Ц. 75 коп.

Михайловъ К. Н.—Вновь найденныя рукописи Гоголя. СПБ. 1902. Цѣна 1 р. 50 коп.

Наумовичъ І. Г.—Повѣсти и разсказы изъ галицко-русской жизни. Кіевъ, 1901. Цѣна 50 коп.

Наша дума. Українсько-руські народні пісні, зібрав і для хору уложив Ф. Колесса. Львів, 1902. Ціна 2. 50 кор.

Небесні співці, драматична алегорія. Написав С. Яричевскій, Музика р. Зарицького. Перемишль, 1902.

Нейманъ Ц. Г.—Малорусская баллада о Бондаривнѣ и панѣ Каневскомъ. Оттискъ изъ «Кіевской Старины». Стр. 46. Кіевъ, 1902.

Орда Л. Крестовоздвиженская братская церковь въ г. Луцкѣ. Опытъ историческаго очерка. Луцкъ, 1902. Стр. 41.

Павловъ-Сильванскій Н. П.—Иммунитетъ въ удѣльной Руси. Цѣна 40 коп.

Павловъ-Сильванскій Н. П.—Феодальныя отношенія въ удѣльной Руси. Цѣна 60 коп.

Папковъ А. А.—Нѣсколько замѣчаній по исторіи древне-русской общины. Цѣна 25 коп.

Переселенія изъ Полтавской губерніи съ 1881 г. по 1 іюля 1900 г. Стр. 401+119. Полтава, 1900.

Перетцъ В.—Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы. Т. III. Изъ исторіи развитія русской поэзіи XVIII в. СПБ, 1901. Цѣна 3 руб.

Письма Н. В. Гоголя. Подъ ред. В. И. Шенрока. Четыре тома. СПБ, 1901. Цѣна 6 руб.

Площанскій В. М.—Прошлое Холмской Руси по архивнымъ документамъ XV—XVIII в. и другимъ источникамъ. Вып. II. Цѣна 1 р. 25 коп.

Пыпухов'ъ Е.—Проповѣди Гавріила Бужинскаго (1717—1727). Историко-литературный матеріалъ изъ эпохи преобразованій.

Родные поэты. Т. Шевченко. Изд. Общества распространенія полезныхъ книгъ. Москва, 1901. Ц 10 коп.

Рудовичъ Ів.—Исторія галицко-львовскои Епархіи. Жовква, 1902.

Стешенко И.—И. П. Котляревскій, авторъ украинской «Энеиды» (критическая біографія). Стр. 48. Кіевъ. 1902. Цѣна 30 коп.

Турцевичъ А.—Русская исторія (въ связи съ исторіей Вел. Кн. Литовскаго). Курсъ 3-го кл. гимн. Изд. 6-е, съ пятью картами и 22 рисунками. Вильна, 1901, ц. 50 коп.

Українка Леся.—Відгуки поезиі. Виданне товариства «Молода Україна». Стор. 100. В Чернівцях, 1902. Ціна 1 корона.

Харламповичъ К. В.—Къ вопросу о просвѣщеніи на Руси въ домонгольскій періодъ. Львовъ, 1902. Цѣна 25 коп.

Эварницкій Д. И.—Какъ побѣждали Запорожцы мусульманъ. Изд. „Вѣстника Казачьихъ Войскъ". Стр. 32. СПБ. 1902.

Археологическая лѣтопись.

Къ вопросу объ охранѣ памятниковъ старины.

Среди безчисленныхъ фактовъ уничтоженія или искаженія памятниковъ старины, извѣстная доля ихъ падаетъ на архитектурные памятники. Въ виду того, что главный процентъ этихъ памятниковъ, сохранившихся еще волею судебъ до нашихъ дней, составляютъ церкви,—эти послѣднія служатъ главнымъ объектомъ для современнаго вандализма. Свѣтскихъ старинныхъ построекъ дошло до насъ сравнительно очень немного, особенно это относится къ Юго-западному краю,—тѣмъ печальнѣе, тѣмъ досаднѣе видѣть, что онѣ постепенно исчезаютъ съ лица земли, исчезаютъ на глазахъ у всѣхъ, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ вызывая протесты.

Вопросъ о мѣрахъ сохраненія и поддержанія памятниковъ старины поднимался и обсуждался уже не разъ какъ частными лицами, такъ и учеными обществами и правительственными учрежденіями. Въ большинствѣ случаевъ дѣло разсужденіями и предложеніями и заканчивалось, а по разнымъ угламъ нашего отечества разрушительная работа въ этомъ направленіи шла своимъ чередомъ.

Что это такъ,—объ этомъ можетъ свидѣтельствовать, между прочимъ, и недавно изданный по этому предмету циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ (отъ 6-го сентября 1901 г.). Циркуляръ разосланъ губернаторомъ и градоначальникамъ и оберъ-

полиціймейстерамъ и гласитъ слѣдующее: «По дѣйствующему законодательству воспрещается разрушать остатки древнихъ замковъ, крѣпостей, памятниковъ и другихъ зданій древности, а надзоръ за охраненіемъ ихъ возлагается на мѣстныя полицейскія власти и начальниковъ губерній, которые обязываются доносить о всѣхъ древностяхъ министерству внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ сосредоточиваются свѣдѣнія о памятникахъ древности и дѣла объ охраненіи оныхъ (т. XIII св. зак. изд. 1900 г., Уст. строит, ст. 76-я, т. II Общ. Учр. губ. ст. 328-я, т. I Св. зак. изд. 1892 г., Учрежд. минист. ст. 372-я)».

Но оказывается, гласитъ далѣе циркуляръ, что о многихъ древностяхъ и памятникахъ въ министерствѣ не имѣется достаточно полныхъ свѣдѣній, причемъ имѣются указанія, что нѣкоторыя древности, по отсутствію надлежащаго надзора и охраненія ихъ, совершенно разрушаются. Вслѣдствіе этого циркуляромъ предписывается собрать такія свѣдѣнія съ приложеніемъ подробныхъ описаній памятниковъ и указаній о томъ, когда и кѣмъ памятники сооружены, въ чьемъ вѣдѣніи находятся, на какія средства поддерживаются, отпускаются-ли на содержаніе ихъ въ исправности средства изъ казны и въ какомъ размѣрѣ, находятся-ли они въ надлежащемъ видѣ и если нѣтъ, то, приблизительно, какая сумма требуется на ихъ исправленіе. Для достиженія полности этихъ свѣдѣній циркуляръ предлагаетъ пользоваться не только указаніями, доставленными мѣстными полицейскими властями, но и тѣми, которыя могли-бы быть получены оть другихъ учрежденій, а также и частныхъ лицъ. Срокомъ для доставленія списковъ назначено 1-ое апрѣля наст. года.

Можно съ увѣренностью сказать, что если требуемыя вышеприведеннымъ циркуляромъ свѣдѣнія и получены, то въ виду царствующей еще повсюду у насъ разрушительной тенденціи по отношенію къ памятникамъ старины, большинство ихъ должно быть самаго неутѣшительнаго характера.

Для подтвержденія нашихъ словъ, приведемъ одну справку, причемъ оговариваемся, что фактовъ, подобныхъ ниже изложенному, фактовъ, съ болѣе печальнымъ концомъ, можно привесть десятки.

Дѣло, о которомъ рѣчь,—уже прошлое, сданное въ архивъ, но дѣло любопытное.

Весной 1885 г. въ Императорскую Археологическую комиссію было препровождено на заключеніе отношеніе управляющаго Деп-томъ Удѣловъ «О разрѣшеніи сноса развалинъ замка князей Острожскихъ въ г. Острогѣ».

Отношеніе это, въ общемъ, слѣдующаго содержанія. Съ покупкою въ 1879 г. въ удѣлъ Острожскаго имѣнія, вмѣстѣ съ другими постройками приняты были въ удѣльное вѣдомство памятники старины, находящіеся въ г. Острогѣ и состоящіе изъ трехъ крѣпостныхъ башенъ на Красной, Татарской и Судовой горахъ, съ замкомъ князей Острожскихъ на этой послѣдней горѣ. Башни эти въ 1882 году были исправлены удѣльнымъ вѣдомствомъ, но Волынское Губернское Правленіе произведенный удѣломъ ремонтъ признало недостаточнымъ. Для осмотра башенъ и составленія смѣты на исправленіе ихъ, былъ командированъ управляющимъ Кіевскою Удѣльною Конторою на мѣсто помощникъ архитектора Толстой, который нашелъ, что башни требуютъ нѣкотораго ремонта, замокъ-же князей Острожскихъ, по своей архитектурѣ не представляющій памятника старины (всей штукатурки и украшеній не имѣется, а крыша, рамы и входная галлерея придѣланы въ позднѣйшее время), угрожаетъ ежеминутнымъ разрушеніемъ, а потому руину эту нельзя не признать весьма опасной для идущихъ и ѣдущихъ мимо ея и живущихъ подъ горою и требующей, за невозможностью ремонта, немедленнаго сноса. Почему управляющій Кіевскою Удѣльною Конторой просилъ разрѣшенія Деп-та удѣловъ распорядиться немедленной продажей замка на снось, съ употребленіемъ части матеріала на ремонтъ башенъ. Въ виду 181 и 182 ст. Уст. Строит., управляющій удѣлами обратился къ кіевскому генералъ-губернатору по сему-же предмету и въ отвѣтъ ему были сообщены слѣдующія заключенія Строительнаго отдѣленія Волынскаго губернскаго правленія, которое нашло: 1) что остатки замка князей Острожскихъ не представляютъ, по своей безобразной архитектурѣ, памятника древняго зодчества, 2) что стѣны остатковъ этого замка, находящіяся на самомъ скатѣ горы, потрескались и контрфорсы наклонились до того, что грозятъ ежеминутнымъ паденіемъ и опасностію для пролегающей у этой горы улицы, по которой совершается постоянное движеніе, равно какъ и расположеннымъ по ней домикамъ и 3) что поэтому

упомянутые остатки замка, въ устраненіе грозящей отъ нихъ опасности, неминуемо должны быть снесены.

Такимъ образомъ, въ виду всѣхъ этихъ заключеній, останкамъ замка предстояла неизбѣжная гибель.

На выше изложенное отношеніе Археологическая Комиссія отвѣтила, что вопросъ о срытіи развалинъ замка можетъ быть разрѣшенъ только тогда, когда ей будутъ доставлены рисунки или фотографіи внѣшняго вида замка, планы расположенія его и подробное описаніе теперешняго состоянія уцѣлѣвшихъ остатковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Комиссія обратилась къ волынскому губернатору съ просьбой выслать изданные въ 1868 г. строительнымъ отдѣленіемъ Волынскаго Губернскаго Правленія рисунки уцѣлѣвшихъ на Волыни памятниковъ русской старины, сре́ди которыхъ былъ и снимокъ Судовой горы.

Комиссіей были получены четыре фотографіи, планъ и описаніе замка, а отъ волынскаго губернатора—«Сборникъ памятниковъ русской народности и православія на Волыни» съ 5-ью рисунками, причемъ волынскій губернаторъ Фонъ-Валь просилъ Комиссію пріостановиться разрѣшеніемъ вопроса о сломкѣ остатковъ замка впредь до представленія имъ подробныхъ свѣдѣній о нихъ послѣ личнаго осмотра при предстоящемъ объѣздѣ губерніи.

Съ этого момента почти уже рѣшенное дѣло получаетъ другой оборотъ.

Во время посѣщенія волынскимъ губернаторомъ Острога въ сентябрѣ 1885 г. были сняты и затѣмъ отправлены въ Археологическую Комиссію планъ Судовой (или Замковой) горы и три фасада замка. Вмѣстѣ съ симъ губернаторъ сообщаетъ Комиссіи, что при личномъ осмотрѣ замка обнаружено слѣдующее. Вслѣдствіе образовавшихся въ кирпичныхъ стѣнахъ замка трещинъ, еще въ незапамятныя времена къ нему были пристроены контрфорсы изъ грубо отесаннаго булыжника. Одинъ изъ этихъ контрфорсовъ также весьма давно осѣлъ и въ нижней своей части отдѣлился отъ зданія, наклонившись въ то-же время верхнимъ концомъ въ сторону замка, отъ этого образовалась щель. Но щель эта не представляетъ никакой опасности, такъ какъ, во первыхъ, осѣданіе контрфорса произошло давно, и во вторыхъ, наклонъ его въ сторону замка служитъ гарантіей того, что онъ

не можетъ опрокинуться въ противоположную сторону. Щель въ контрфорсѣ и трещина, имѣющаяся въ красной стѣнѣ и не представляющая таже ничего опаснаго, для предотвращенія дальнѣйшаго разрушенія, могутъ быть задѣланы кирпичемъ. На эти задѣлки, а равно на очистку, укрѣпленіе верхней части красной стѣны, съ возобновленіемъ ея покрытія, и на незначительную подмуровку основаній остальныхъ контрфорсовъ потребуется не слишкомъ значительный расходъ. Далѣе, волынскій губернаторъ замѣчаетъ, что хотя зданіе это по наружнымъ верхнимъ фасадамъ, имѣя болѣе современный видъ, и не напоминаетъ замѣчательнаго памятника древности, но по внутреннему устройству сводчатыхъ, вполнѣ сохранившихся покоевъ, расположенныхъ въ различныхъ горизонтахъ, представляется не безынтереснымъ въ архитектурномъ отношеніи. Помимо этого, зданіе имѣетъ еще и историческое значеніе, какъ бывшее жилище одного изъ древнихъ русскихъ княжескихъ родовъ, долгое время отстаивавшаго свою народность и вѣру предковъ. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ и принимая во вниманіе, что поддержаніе этого памятника не потребуетъ слишкомъ большихъ расходовъ, губернаторъ высказывается за его сохраненіе.

Археологическая Комиссія вполнѣ согласилась съ этимъ заключеніемъ волынскаго губернатора и соотвѣтственно этому отвѣтила на запросъ заинтересованнаго вѣдомства. Зданіе, «угрожавшее ежеминутнымъ разрушеніемъ», осталось стоять по прежнему и, если мы не ошибаемся, благополучно стоитъ и до сихъ поръ, никого не задавивъ и никому не причинивъ вреда.

Острожскій памятникъ обязанъ своимъ спасеніемъ только счастливому случаю—не будь его, такъ энергично поднятый и проводимый вопросъ о сносѣ этого зданія получилъ-бы желаемое разрѣшеніе. И несомнѣнно, къ такому концу, т. е., къ полному уничтоженію, пришелъ не одинъ памятникъ нашей свѣтской старинной архитектуры.

Какъ уже было упомянуто выше, сравнительно большее число сохранившихся у насъ памятниковъ зодчества падаетъ на церковныя постройки, такъ что центръ трактуемаго вопроса лежитъ именно въ этихъ послѣднихъ.

Объ уничтоженіи памятниковъ церковной старины говорилось уже много разъ. Говорилось объ уничтоженіи и искаженіи

какъ самыхъ зданій, такъ и церковной живописи, утвари и т. д., и, собственно говоря, снова повторять одно и то же—не стоитъ. Но мы здѣсь пользуемся случаемъ, чтобы помянуть добрымъ словомъ человѣка, задачей всей жизни котораго было стремленіе помочь этому горю. Говоримъ о не такъ давно скончавшемся начальникѣ Синодскаго архива А. Н. Львовѣ. [1]) Въ 1899 А. Н. Львовъ напечаталъ обширную записку (не поступившую въ продажу) «О мѣрахъ къ сохраненію вещественныхъ и письменныхъ памятниковъ, находящихся въ духовномъ вѣдомствѣ». Въ запискѣ этой онъ, между прочимъ, говоритъ: «Вещественные и письменные памятники, относящіеся до исторіи Россіи, вообще, и исторіи русской церкви, въ особенности, сосредоточены у насъ главнымъ образомъ въ монастыряхъ, церквахъ и другихъ учрежденіяхъ духовнаго вѣдомства... нельзя сказать, чтобы они охранялись и разрабатывались согласно ихъ историческому значенію. Всѣмъ, болѣе или менѣе интересующимся русскою стариною, извѣстны многіе печальные случаи уничтоженія и расхищенія разныхъ церковныхъ вещественныхъ и письменныхъ памятниковъ. Всѣ многочисленные общественные и частные музеи и коллекціи, переполненные иконами, иконостасами, церковною утварью, облаченіями, богослужебными книгами и прочими церковными принадлежностями, наглядно свидѣтельствуютъ, что церкви не сохранили своего исконнаго достоянія. Но и тѣ древніе вещественные и письменные памятники, которые остались теперь въ монастыряхъ, церквахъ и другихъ учрежденіяхъ духовнаго вѣдомства, охраняются настолько случайно, что не представляется достаточной увѣренности въ непремѣнной ихъ сохранности въ будущемъ».

Таково безпристрастное мнѣніе человѣка, близко стоявшаго къ дѣлу.

Для упорядоченія этого дѣла А. Н. Львовымъ былъ выработанъ проектъ, въ которомъ онъ предлагаетъ устроить въ каждой епархіи, по образцу губернскихъ архивныхъ комиссій,—епархіальные церковно-археологическіе комитеты для наблюденія, изученія,

---

[1]) Некрологъ его напечатанъ А. Соболевскимъ въ одной изъ книжекъ «Журнала Мин. Народн. Просв.» за прошлый годъ. Изъ него мы беремъ нѣкоторыя, помѣщаемыя ниже, данныя.

регистрированія и научнаго изслѣдованія вещественныхъ и письменныхъ памятниковъ своей епархіи. При комитетахъ должны быть устроены церковно-археологическіе музеи и епархіальные историческіе архивы. Для объединенія и направленія дѣйствій комитетовъ, при Синодѣ образуется центральное учрежденіе—особая церковно-археологическая комиссія.

«Хлопоты по приведенію въ исполненіе изложеннаго въ запискѣ проекта, говоритъ авторъ некролога, хотя отчасти и увѣнчались успѣхомъ, но доставили А. Н. Львову много непріятностей и, кажется, въ значительной степени повліяли на ходъ его болѣзни. Теперь, безъ А. Н. Львова, этотъ проектъ будетъ, вѣроятно, преданъ забвенію»

Если негромоздкіе церковные предметы находятъ себѣ мѣсто въ музеяхъ, то гораздо хуже обстоитъ дѣло съ болѣе крупными, каковыми, напр., являются старые иконостасы—они обыкновенно гибнутъ безслѣдно. Принимая во вниманіе, что большинство церквей у насъ строилось и строится изъ дерева,—и онѣ, прійдя въ ветхость, подвергаются той-же участи, при чемъ ни рисунковъ, ни фотографій, ни плановъ, ни обмѣровъ—ничего этого обыкновенно не дѣлается при сломкѣ старой церкви, представляющей изъ себя зачастую оригинальную и интересную въ архитектурномъ отношеніи постройку. Намъ кажется, что нѣтъ нужды указывать здѣсь еще на «реставраціи» какъ церквей, такъ и частей ихъ: до какихъ иногда грандіозныхъ размѣровъ безвкусія и невѣжества доходятъ эти т. н. «реставраціи»—давно и всѣмъ извѣстно.

Но обратимся къ сути вопроса. Чѣмъ и какъ обезопасить отъ порчи и уничтоженія наши памятники (главн. обр. архитектурные), какъ свѣтской, такъ и церковной старины?

Вопросъ—уже старый, но вмѣстѣ съ тѣмъ требующій же наконецъ рѣшенія. Осложняется онъ еще тѣмъ обстоятельствомъ, что при рѣшеніи его, какъ это можно видѣть хотя-бы изъ вышеприведенной исторіи съ Острожскимъ замкомъ, приходится всегда имѣть въ виду какъ объяснимыя, такъ часто и необъяснимыя противоположныя теченія,—не даромъ покойному А. Н. Львову причинилъ столько безпокойствъ его проектъ, имѣвшій лишь самыя благія цѣли.

Но, съ другой стороны, данный вопросъ облегчается тѣмъ, что для одной части Россіи онъ уже рѣшенъ.

Недавно отпраздновала свой десятилѣтній юбилей *Комиссія по сохраненію древнихъ памятниковъ*, состоящая при Московскомъ Археологическомъ Обществѣ. Программа дѣятельности Комиссіи—это именно то, о чемъ здѣсь рѣчь. Благодаря Комиссіи, масса памятниковъ старины спасена отъ гибели или отъ искаженія. Особенно широко развилась дѣятельность ея въ 1900—1901 г., когда комиссія имѣла 40 засѣданій, на которыхъ разсмотрѣно 240 дѣлъ. Въ виду все развивающейся дѣятельности, Комиссія въ вышеозначенный періодъ озаботилась выработкой новыхъ правилъ. Правила были выработаны и утверждены Обществомъ.

Остановимся нѣсколько на основныхъ положеніяхъ этихъ правилъ.

Главная цѣль Комиссіи—постоянное наблюденіе за сохраненіемъ древнихъ памятниковъ отъ искаженія и уничтоженія и заботы объ ихъ возстановленіи согласно требованіямъ исторіи и археологіи. Комиссія разсматриваетъ и даетъ заключенія касательно представляемыхъ проектовъ пристроекъ, возобновленій и сломки зданій или частей ихъ; возбуждаетъ вопросы, относящіеся до сохраненія древнихъ памятниковъ и наблюдаетъ за реставраціями ихъ. Въ составъ Комиссіи входятъ лица, занимающіяся исторіей искусствъ, зодчествомъ, иконописью и живописью. Свои рѣшенія Комиссія полагаетъ: 1) на основаніи данныхъ, получаемыхъ изъ консисторій и другихъ вѣдомствъ, 2) на основаніи свѣдѣній, имѣющихся или собираемыхъ членами Комиссіи и 3) на основаніи осмотровъ памятниковъ, поручаемыхъ Комиссіей одному или нѣсколькимъ изъ своихъ членовъ. Постановленія Комиссіи по археологическимъ вопросамъ реставрацій *обязательны* для того архитектора или техника, которому поручено дѣло мѣстнымъ начальствомъ, равно какъ и представленіе рисунковъ и чертежей, необходимыхъ для рѣшенія вопросовъ по реставраціи.

Такова въ основныхъ чертахъ программа дѣятельности Комиссіи; болѣе частныхъ параграфовъ мы не приводимъ, упомянемъ лишь объ одномъ интересномъ пунктѣ: памятники древностей Москвы раздѣляются между членами Комиссіи на группы, съ цѣлью возможно полнаго ихъ изученія и наблюденія за производимыми работами. Этотъ пунктъ вполнѣ характеризуетъ то

серьезное отношеніе къ дѣлу, какимъ уже давно зарекомендовала себя Комиссія.

Районъ распространенія дѣятельности Комиссіи—Московскій учебный округъ, хотя благодаря энергіи предсѣдателя Комиссіи гр. П. С. Уваровой, Комиссія интересуется и возбуждаетъ дѣла и внѣ этого района.

Слѣдя за дѣятельностью Комиссіи, видя достигнутые ею результаты, самъ собой напрашивается вопросъ: почему-бы не устроить подобныя же комиссіи и въ другихъ центральныхъ пунктахъ?

По отношенію къ памятникамъ старины Южной Россіи, такимъ пунктомъ по праву долженъ быть Кіевъ, и здѣсь, на нашъ взглядъ, есть уже и то общество, при которомъ удобнѣе всего было-бы учредить комиссію по сохраненію памятниковъ старины,— Общество Древностей и Искусствъ, среди членовъ котораго есть и историки, и археологи, и архитекторы, и художники.

Учрежденіе комиссіи, обладающей извѣстными полномочіями для района хотя-бы Кіевскаго учебнаго округа, является единственнымъ исходомъ изъ того невозможнаго положенія, въ какомъ находятся памятники нашего прошлаго, уничтожаемые, даже въ самомъ Кіевѣ, съ энергіей, достойной лучшаго примѣненія.

Н. Бѣляшевскій.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

КНИГА 4-я.—АПРѢЛЬ, 1902.

I.—НАШИ «ГОРОДСКІЯ УЧИЛИЩА» И ИХЪ СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ.—По поводу 30-лѣтія „Положенія о городскихъ училищахъ 31-го мая 1872 года".—*Валер. Гебель.*—II.—ИСПОВѢДНИКИ.—Повѣсть.—XXVIII-XXXV.—Окончаніе.—*П. Д. Боборыкина.*—III.—НАКАНУНѢ РЕФОРМЪ ВЪ КИТАѢ.—*П. С. Попова.*—IV.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I-IV.—*В. П. Маркова.*—V.—РОССІЯ И ВСЕЛЕНСКАЯ ПАТРІАРХІЯ, послѣ крымской войны.—1856—1860 гг.—По неизданнымъ матеріаламъ.—I-III.—*Кн. Г. Т.* VI—БАБУШКИНА ВНУЧКА.—Повѣсть.—I-IV.—*Н. Анненковой-Бернаръ.*—VII.—ФРАНЦУЗСКОЕ ОБЩЕСТВО КОНЦА XIX-го ВѢКА—въ литературныхъ типахъ того времени.—III-IV.—Окончаніе.—*Юр. Веселовскаго.*—VIII.—ЖИЗНЬ ТОМАСА ТРУКА.—Романъ Ф. Голендера.—Часть третья: I-XV.—Съ нѣм. *П—ны С—вой*—IX.—Н. М. МАРТЬЯНОВЪ и МИНУСИНСКІЙ МУЗЕЙ.—*И. Бѣлоконскаго.*—X. ХРОНИКА.—Положеніе мелкаго кредита въ Петербургѣ.—*А. Н. Никитина.*—XI.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Нѣсколько земскихъ ходатайствъ. Предѣлы права ходатайства, и практическое его значеніе.—Два противоположныхъ мнѣнія о фиксаціи земскихъ сборовъ.—Замѣчательное изслѣдованіе «вымирающей деревни».—Предложенія А. А. Стаховича и гр. Доррера.—Слухъ объ изъятіи статистическихъ работъ изъ вѣдѣнія земства.—Исторія вятскаго земства.—Значеніе личностей въ общемъ дѣлѣ.—Съѣздъ кустарныхъ дѣятелей въ С.-Петербургѣ.—XII.—По вопросу о мелкой земской единицѣ.—Письмо въ Редакцію. — *В. Д. Кузьмина-Караваева.*—XIII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Франко-русская декларація.—Отношенія державъ на Дальнемъ востокѣ.—Рѣчь Делькассé въ сенатѣ.—Новыя проявленія жизненности франко-русскаго союза.—Французскія парламентскія пренія.—Г. Делькассé и «Новое Время» о багдадской желѣзной дорогѣ.—Южно-африканская война.—Сесиль Родсъ.—XIV. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Н. К. (Н. Е. Кудринъ). Очерки современной Франціи.—*Н. Карѣева.*—А. А. Кауфманъ. Сибирское переселеніе на исходѣ XIX вѣка.—Харьковскій Ка-

лендарь на 1902 годъ.—*В. В.* Ѳ. Д. Батюшковъ. Критическіе очерки и замѣтки о современникахъ.—*С—ій.*—А. М. Бобрищевъ-Пушкинъ. Судъ и раскольники-сектанты.—*К. А.*—«Крестьянинъ», ром. ф.-Поленца, съ предисловіемъ гр. Л. Н. Толстого.—*А. П.*—Новыя книги и брошюры.—XV.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. Brunetière, Victor Hugo.—II. Leo Berg, Henrik Ibsen.—*З. В.*—XVI.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Предисловіе гр. Л. Н. Толстого къ переводу романа: „Крестьянинъ“.—Ступеньки литературной лѣстницы въ Англіи и въ Россіи.—Задачи и формы литературной критики.—Различные способы борьбы съ расколомъ.—Двадцатипятилѣтіе С.-Петербургскаго юридическаго общества.—Ф. Д. Нефедовъ†.—XVII.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—I. Изъ Устава С.-Петербургскаго Общества Взаимнаго Вспоможенія.—II. Отъ Общества попеченія о начальномъ образованіи въ г. Томскѣ.—XVIII—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. П. Барсукова, кн. 16-ая.—Стихотворенія П. И. Вейнберга, съ добавленіемъ юмористическихъ стихотвореній „Гейне изъ Тамбова“.—Сабанинъ, В. В., Систематическая Роспись книгамъ, вышедшимъ въ Россіи—за 1899-й годъ, т. I, вып. 1.—П. Сергѣенко, Сократъ, драмат. хроника.—Д. Мережковскій, „Любовь сильнѣе смерти“, „Наука любви“, „Микель-Анджело“.—Малый Энциклопедическій Словарь, вып. VII, послѣдній.—XIX.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; I-XII стр.

ПОДПИСКА НА 1902-Й ГОДЪ

(ТРИДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ).

Контора журнала—С.-Петербургъ, В. О., 5 лин., 28,

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки: на годъ—15 р. 50 к., на полгода 7 р. 75 к., на четверть года—3 р. 90 к.; съ доставкой въ Спб.: на годъ—16 р.; на полгода—8 р., на четверть года—4 р. Съ пересылкою: на годъ—17 р., на полгода—9 р.—8 р., на четверть года—5, 4, 4, 4 р. За границей: на годъ—19 р., на полгода—10 р.—9 р.; на четверть года—5, 5, 5, 4 р.

Нумеръ журнала отдѣльно—1 руб. 50 коп.

Издатель и отвѣтственный редакторъ *М. Стасюлевичъ.*

„Кіевская Старина“ выходитъ въ 1902 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 14 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности, прилагаются портреты и рисунки.

Продолжается подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1902 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками, **10 р.** съ доставкою и пересылкою; на мѣстѣ **8 р. 50 к.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала **„Кіевская Старина“**. Мар.-Благовѣщенская, № 60.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только предъ лицами, подписавшимися въ редакціи и въ книжномъ магазинѣ „Кіевской Старины“ (Безаковская, 14).

Въ случаѣ неполученія какой-либо книжки журнала, гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки прислать заявленіе о неполученіи въ редакцію, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры «Кіевской Старины» за годы 1883, 1884, 1885, 1887, 1888, 1889, 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898, 1899, 1900, и 1901 по **8 р.** за 12 книжекъ, съ пересылкою **10 р.** При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги журнала по **1 р.**

Редакторъ-издатель **В. П. Науменко.**

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.